

Annotation

Вверх по реке, на север, в сопровождении живого корабля и серебристо-синего дракона пробирается Клубок Моолкина – последние из племени, кого удалось собрать пророку с золотыми глазами. Это чрезвычайно тяжелый и опасный путь, но змеиному народу не выжить, если он не доберется до гнездовья, где можно перезимовать в спасительных коконах и дать потомство. Но даже если цель будет достигнута и из коконов вылупятся новые драконы, кто возьмется защищать и опекать их, беспомощных и неразумных, в истерзанном войной мире?

* * *

Робин Хобб

Пролог

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

notes1

2

3

* * *

Робин Хобб

Хранитель драконов

Памяти Крапа и Дымка, Бурохвостки и Радуги, Лоскутника и Синдбада –
прекрасных голубей и голубок

Robin Hobb

DRAGON KEEPER

Copyright © 2010 by Robin Hobb

All rights reserved

Перевод с английского Екатерины Дрибинской

© Е. Я. Дрибинская, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019 Издательство АЗБУКА®

Второй день месяца Пахоты,

шестой год от воцарения его славнейшего

и могущественнейшего величества сатрапа Касто

От Эрека, зрителя голубятни в Удачном, —

Детози, зрительнице голубятни в Трехоге

Нынче ночью отправил к тебе четырех птиц, они несут наше соглашение с драконицей Тинталей, дабы Совет Дождевых чащоб утвердил его. Соглашение разделено надвое, и каждая часть, в соответствии с пожеланием торговца Дивушета, главы Совета торговцев Удачного, переписана дважды и послана отдельно. Это соглашение подводит черту уговору между торговцами и драконицей. Мы оказываем ей содействие, помогая переправить змей вверх по Дождевой реке, а она взамен защищает города торговцев и наши водные пути от набегов калсидийцев.

Пожалуйста, как только сможешь, отправь мне с птицей подтверждение, что послание это дошло до тебя благополучно.

Детози, далее припишу в спешке от себя, сколько хватит места на этом клочке бумаги. У нас царит хаос. Мой птичник подожгли, многие птицы задохнулись. Один из моих гонцов — Кингсли. Ты знаешь, что его родители умерли и я сам вырастил его. Пожалуйста, приюти его и не отсылай обратно, пока все не наладится. Если же Удачный падет, береги Кингсли, как своего питомца. Молись за нас. Не уверен, что Удачный устоит против захватчиков, пусть даже ему и поможет драконица.

Эрек

Пролог

Последний день змеев

Долгий путь остался позади. Теперь она была у цели, и годы странствий уже начали тускнеть в памяти. Все заслонила новая насущная забота.

Морская змея Сисарква открыла пасть и изогнула шею, мысли ее путались. Вот уже много лет не покидала она морскую стихию. Чувствовать под собой сушу ей не приходилось с тех самых пор, как Сисарква вылупилась на острове Иных. Теперь тот остров, с его горячим сухим песком и ласковыми водами, остался далеко. А здесь, в лесах у обжигающе холодной реки, наступала зима. Мерзлая земля колола тело. От ледяного воздуха жабры очень быстро высыхали. С этим ничего нельзя было поделать, оставалось только работать побыстрее. Она подхватила пастью из глубокой канавы серебристой глины вперемешку с речной водой, запрокинула голову и проглотила эту холодную, скрипучую от песка массу. Как ни странно, оказалось вкусно. Змея сделала еще глоток. И еще.

Сисарква потеряла счет глоткам зернистой смеси, когда наконец ощутила пробуждение древнего инстинкта. Напрягая мышцы глотки, она чувствовала, как набухают ее ядовитые железы. Грива – мясистая бахрома на шее – встопорщилась, превратившись в дрожащий смертоносный воротник. Содрогнувшись всем телом, змея широко раскрыла пасть, поднатужилась – и все получилось. Сведя челюсти, она тонкой струей выплюнула рвущуюся наружу смесь глины, желчи, слюны и яда. Струя была подобна серебристой нити, тугой и тяжелой. Сисарква с трудом повернула голову, скрутилась поплотнее, прижав хвост к телу, и принялась оплетать себя глинистой смесью, словно влажным кружевом.

Послышалась тяжелая поступь. Тинталья. Драконица остановилась и заговорила с ней:

– Хорошо. Да, правильно. Прекрасное плетение, без прорех. Для начала очень хорошо.

Сисарква не могла даже взглянуть на серебряно-синюю королеву, удостоившую ее похвалы. Змея полностью отдалась делу, создавая оболочку, которая укроет ее на оставшиеся месяцы зимы. Сисарква трудилась с отчаянием, из последних сил. Она хотела спать, мечтала уснуть, но знала, что если заснет сейчас, то не проснется никогда ни в каком облике.

«Закончить кокон, – думала она. – Закончить. Потом смогу отдохнуть».

Рядом на речном берегу тем же самым, более или менее успешно, занимались ее сородичи. Среди них копошились люди. Одни ведрами носили с реки воду. Другие копали серебристую глину у ближнего берега и грузили ее в тачки. Подростки катили эти тачки к наспех сооруженной бревенчатой ограде. В яму лили воду, туда же сбрасывали глину, лопатами разбивали комья и размешивали до жидкой каши. Эта смесь была строительным материалом для оболочек. Змеи глотали ее, в утробе она насыщалась их ядом. В глиняном коконе под действием яда дыхание змеи замедлится, и она погрузится в глубокий, похожий на смерть сон. Вместе со слюной Сисарква вплетала в кокон воспоминания – не только свои собственные, но и память предков, жившую в ней.

И лишь драконы-стражи, опекуны змей, не внесли туда положенную лепту. Память шептала ей: в такой час рядом должно было бы кружить не меньше дюжины драконов – заботиться о змеях, пока те плетут убежища, ободряют их, жевать серебристый песок памяти и глину, добавляя в дело свою слюну и

свою историю. Но стражей не было, а Сисарква слишком устала, чтобы гадать, как это скажется на ее судьбе.

К тому времени, когда кокон наконец был готов, Сисарква совершенно обессилела. Оставалось втянуть голову в горловину и закрыть отверстие. И тут до нее дошло, что змеям прежних поколений запечатать оболочку помогали драконы. А сейчас помочь некому.

На этот раз в устье Змеиной реки их собралось всего сто двадцать девять. Сто двадцать девять змей, готовых начать рискованный переход вверх по течению к месту сотворения коконов. Моолкин, их предводитель, очень тревожился, что среди них оказалось мало самок – меньше трети. В былые годы сюда приплывали сотни змей, причем самцов и самок было поровну. А Сисаркве и ее сверстникам выпало сначала затянувшееся ожидание в море, потом долгий путь, который они проделали в надежде вернуть себе подлинный облик. И теперь было невыносимо думать о том, что их слишком мало и что драгоценное время уже упущено.

Трудности речного пути оказались под силу не всем. Сисарква точно не знала, сколько ее сородичей добралось до места. Их осталось примерно девяносто, а самок всего десятка два. И змеи продолжали умирать. Вот только что она услышала, как Тинталья сказала человеку:

– Он мертв. Возьмите молоты, разбейте его оболочку и бросьте в яму с глиной памяти. Пусть другие сохраняют воспоминания его предков.

Сисаркве не было видно, но по звукам она поняла, что Тинталья вытаскивает мертвеца из его незавершенного кокона. Змея чуяла его плоть и кровь, пока драконица пожирала тело. Как трудно сопротивляться голоду и страшной усталости! Сисаркве хотелось разделить трапезу Тинтальи, но она знала, что есть уже слишком поздно. Ее утроба полна глины, и надо продолжать.

А Тинталье нужно поесть. Удивительно, как она еще держится. Единственный дракон, оставшийся в живых, чтобы оберегать змей. Всю дорогу Тинталья не сводила с них глаз, без усталости летая над рекой, изменившейся до неузнаваемости за прошедшие десятилетия. В основном она лишь подбадривала змей. А что еще ей оставалось? Она одна, а их множество...

Легко, как паутинка, коснулось разума древнее воспоминание.

«Неправильно, – подумала Сисарква. – Все неправильно, все не так, как должно быть».

Вот река – но где дубравы и пышные луга, некогда окаймлявшие ее? Сейчас вдоль реки тянется заболоченный лес с редкими островками твердой почвы. Если бы люди не потрудились и не укрепили тут берег камнем, его растоптали бы в грязь. Древняя память змеев шептала ей о богатых глиной отмелях вблизи города Старших. Драконам полагалось носить глину, смешивать ее с водой в яме и запечатывать оболочки змей. И все это должно было происходить под ярким летним солнцем.

Сисарква содрогнулась от изнеможения, и воспоминание исчезло. Попытки вернуть его оказались безуспешны. Осталось лишь понимание, что она – одинокая змея, пытающаяся сделать себе кокон, который защитил бы ее от

зимних холодов, пока тело преобразуется. Просто змея, замерзшая и обессиленная после долгого плавания.

Потом вспомнились последние несколько месяцев. Конечный отрезок пути был непрерывной битвой с речным течением и каменистыми порогами. В Клубок Моолкина Сисарква попала недавно, и ее многое удивляло. Обычно в Клубок входило от двадцати до сорока змеев. А Моолкин собрал всех, кого смог найти, и повел на север. Им двигала глубокая убежденность в необходимости этого, пусть такому многочисленному Клубку и было куда труднее прокормиться в пути. Сисарква никогда не видела, чтобы столько змей странствовало вместе. Сказать по правде, некоторые из них опустились до того, что уже мало отличались от животных, другие от смятения и страха оказались на грани безумия. Рассудок очень многих был затуманен забвением. Но когда они все следовали за змеем-пророком со сверкающими золотом ложными глазами, Сисарква почти вспомнила древний путь. И другие змеи, плывшие рядом, тоже постепенно обретали дух и разум. Их тяжкое путешествие было правильным, правильнее всего, что случилось за долгие годы.

И все же ее посещали сомнения. Унаследованная память подсказывала, что та река, которую они искали, была глубока и полноводна и рыба в ней водилась в изобилии. В грезах Сисаркве являлись холмы и прибрежные луга, окаймленные чистым лесом, где голодные драконы могли найти пропитание. А эта река была узкой, и ее русло петляло среди лесов, заросших кустарником и ползучими лианами. Вряд ли она вела к их древним местам окукливания. Но Моолкин яростно настаивал, что дорога верная.

Сомнения чуть не заставили Сисаркву повернуть обратно. Хотелось сбежать из этой ледяной реки и вернуться в теплые океанские воды, на юг... Но стоило замедлить ход или повернуть в сторону, другие змеи возвращали ее в Клубок, и приходилось плыть с ними дальше.

Однако если в истинности видений Моолкина она могла усомниться, то авторитет Тинтальи был для нее неоспорим. А синяя с серебром драконица признавала Моолкина вождем и помогала тому странному кораблю, что указывал путь его Клубку. Тинталья плыла над ними, подбадривала, направляла Клубок сначала на север, потом вверх по реке. До Трехога, города двуногих, плавание было хоть и утомительным, но без особых трудностей: змеи просто следовали за кораблем. А вот когда этот город остался позади, река изменилась: обмелела, разлилась вширь и разделилась на извилистые притоки.

Корабль-проводник остался в городе, он не мог плыть по мелководью. То и дело на пути встречались широкие отмели из гальки и песка, длинные лианы и корни растений душили протоки. Река текла то меж острых камней, то – на следующем повороте – через тростниковые заросли. Сисарква снова захотела повернуть назад, но вслед за другими змеями поддалась уговорам драконицы. Они поднимались все выше. Вместе с сотней сородичей Сисарква переползала через запруды из бревен – их построили люди, чтобы помочь змеям одолеть последние, самые трудные отмели.

Выжить удалось далеко не всем. Небольшие раны, которые быстро затянулись бы в соленой морской воде, река превращала в гниющие язвы. Из-за долгих скитаний даже лучшие из змеиного племени пали духом и повредились

рассудком. Многое, очень многое шло не так. Это путешествие следовало предпринять десятки лет назад, пока змеи были сильны и молоды, и подниматься по реке надо было летом, когда тела лоснятся от жира. А они плыли в дожди и зимние холода – отошавшие, изможденные. К тому же были намного старше своих предшественников.

За ними присматривала одна-единственная драконица, которая сама вышла из кокона меньше года назад. Тинталья летела, сверкая серебром в бледных лучах солнца, прорывавшихся сквозь тучи. «Уже недалеко! – кричала она змеям. – За этими порогами снова глубина, там поплывете. Давайте шевелитесь!»

А их покидали последние силы. Один крупный оранжевый змей так и умер, не сумев перекинуть свое тело через бревна запруды и повиснув на них. Сисарква была рядом с ним и видела, как его крупная клинообразная голова вдруг упала в воду. Она с нетерпением ждала, когда же он двинется дальше. Но тут завитки его гривы вдруг содрогнулись и выпустили посмертное облачко яда – слабенькое, быстро рассеявшееся. Последняя защитная реакция тела. Облачко сообщило змеям, что их сородич мертв. Запах и вкус его яда, попавшего в воду, звали на пиршество.

Сисарква немедленно вырвала из мертвого тела кусок, проглотила и оторвала еще, пока другие змеи не успели понять, что случилось. Неожиданная возможность подкрепиться ошеломила ее не меньше, чем хлынувший поток воспоминаний мертвого змея. Драконы никогда не бросали тела умерших: живые питались мертвыми, забирая себе их знания. Каждый дракон хранил память всех своих предков, и точно так же каждый змей берег то, что помнили его предшественники. Так должно было быть. Однако Сисарква и барахтавшиеся рядом с ней сородичи слишком задержались в змеином облике. Воспоминания выцветали, а с ними угасал и разум. Эти змеи стремились стать драконами. Но какие драконы из существ, которые уже превратились в грубое подобие тех, кем должны были быть?

Сисарква вскинула голову, мотнув гривой, и отхватила еще один кусок от тела оранжевого змея. Нахлынули воспоминания о рыбе и о ночных песнях Клубка под звездным небом. Очень древние воспоминания. Уже несколько десятилетий ни один Клубок не поднимался из Доброловища на Пустоплès и не возвышал голосов во славу звездного неба.

Ее окружили сородичи, они шипели и топорщили гривы, отпугивая друг друга и соперничая из-за каждой доли пиршества. Сисарква рванула последний кусок мяса и переползла через бревно, которое не смог одолеть оранжевый. Заглотив еще теплый кусок целиком, она вдруг подумала о небе, и в ней встрепенулось смутное драконье воспоминание оранжевого змея. Небо, раскинувшееся широко, как море... Скоро она вновь поплывет в нем. Осталось совсем немного – так обещала Тинталья.

Но если дракон преодолел бы это расстояние одним взмахом крыла, то измученным змеям предстояло долгое сражение с быстрой рекой. До заката они так и не увидели глинистого берега. Короткий день кончился, едва начавшись. Ночь пала внезапно, как удар. Еще одна ночь, когда от холода некуда было деться. Воды в обмелевшей реке едва хватало, чтобы смачивать жабры. Кожа на спине чуть не трескалась от обжигающего ледяного воздуха. Когда утром солнце осветило берега реки, Сисарква увидела: тех, кто уже

не завершит этот путь, стало еще больше. И вновь ей удалось урвать свою долю еды, прежде чем толпа сородичей оттеснила ее от мертвых тел. Тинталья снова кружила над ними, уверяя, что до Кассарика уже недалеко, что скоро их ждет долгий мирный отдых преображения.

День тоже был холодным, а спина за ночь пересохла. Сисарква чувствовала, как лопается кожа под чешуей, и когда река снова стала глубже и удалось нырнуть, мутная вода обожгла трещины. Сисаркве казалось, что ее тело разъедает кислота. Будь место окукливания чуть дальше, она могла бы и не добраться до него.

После полудня возникло ощущение, что они опаздывают, но время при этом тянется мучительно долго. В глубоких протоках змеи могли плыть, и хотя вода жгла потрескавшуюся шкуру, это было лучше, чем ползти на животе, словно гадюка, по заиленным камням речного дна.

Сисарква не заметила, когда они прибыли на место. Солнце уже клонилось к западу и постепенно скрылось за стеной деревьев, подступавших к реке. На илистом берегу реки какие-то создания – не Старшие – зажгли факелы, расставленные большим кругом. Змея присмотрелась к этим существам. Люди. Обычные двуногие, немногим больше, чем еда, которой змеи привыкли питаться. Люди мельтешили кругом и явно подчинялись Тинталье, служили ей, как некогда Старшие. Это было унижительно. Неужели драконы пали так низко, что связались с людьми?

Сисарква задрала голову, прихихиваясь к ночному воздуху. Неправильно. Все неправильно. Вряд ли их место окукливания находится именно здесь. Но на берегу она увидела змей, опередивших ее. Некоторые уже замкнулись в коконы из серебрящейся глины и собственной слюны. Другие, изнемогая от усталости, пытались завершить работу.

Завершить работу. Да. Она вернулась в настоящее. Некогда предаваться воспоминаниям. В последний раз зачерпнув глиняной смеси, она слепила горловину кокона. Но не рассчитала. Запечатать оболочку было уже нечем. Если попытаться дотянуться до глины, кокон может сломаться, и это будет ужасно, потому что сил сделать новый уже нет. Работа почти завершена, осталась самая малость, но, если ею пренебречь, смерти не избежать.

Сисаркву накрыло волной паники и ярости. Сначала она хотела вырваться из кокона, но потом успокоилась, поддавшись воспоминаниям. Вот в чем ценность родовой памяти – иногда мудрость прошлого одолевает страх в настоящем. Разум прояснился. Змея вспомнила сородичей – и тех, кто пережил такую ошибку, и тех, кто из-за нее погиб. Тела мертвых пожрали выжившие. Память о фатальных ошибках осталась, служа живым.

Она ясно представила пути, что ей оставались. Остаться в оболочке и позвать драконицу на помощь. Бесплезно. Тинталья слишком занята. Выбраться из оболочки и попросить, чтобы драконица принесла ей еды, – тогда появятся силы заново выстроить кокон. Невозможно. Опять подступил страх. Теперь она отбросила его усилием воли.

Сисарква не собиралась умирать. Она проделала долгий путь, полный опасностей. Неужели чтобы теперь сдаться смерти? Нет. Она выживет, она

восстанет весной драконом и вернет себе небо. Она снова будет летать. Как-нибудь.

Как?

Она жила, чтобы возродиться королевой драконов. Значит, надо потребовать то, что принадлежит королеве. Право спасения.

Собравшись с силами, Сисарква выкрикнула:

– Тинталья!

Жабры пересохли, горло было ободрано грубой глиной. Отчаянная просьба о помощи прозвучала почти шепотом. И теперь не осталось сил даже на то, чтобы выбраться из оболочки. Это верная смерть!

– Что случилось, красавица? Я чую твое смятение. Чем тебе помочь?

Сисарква не могла повернуть голову, она лишь скосила глаза и увидела, кто к ней обращается. Старший. Он был слишком мал и юн, но интуиция ей подсказала: ошибки нет. Это не какой-то там человек, хотя и похож обликом.

Жабры были совсем сухими. Змеи могут подниматься из воды, могут даже при этом петь, но сейчас холодный сухой воздух убивал ее. Она с трудом вдохнула и ощутила запах. Без сомнения, Тинталья оставила отпечаток на этом Старшем. Он был весь во власти ее чар. Сисарква медленно закрыла и снова открыла глаза, но так и не смогла разглядеть его яснее. Она сохла слишком быстро.

– Я не могу... – только и сумела сказать она.

И почувствовала, как встревожился о ней Старший.

– Тинталья! – крикнул он. – Беда! Эта змея не может закрыть кокон. Что нам делать?

Голос драконицы долетел с другого края площадки:

– Возьми глины, да пожиже! Быстрее! Покрой ей голову и заделай отверстие. Запечатай ее, но только постарайся, чтобы первый слой был повлажнее.

Тинталья торопливо приблизилась к Сисаркве:

– Мужайся, сестричка! Не многие выходят из коконов королевами. Ты должна быть среди них.

Тут подбежали рабочие – одни тащили глину на носилках, другие – в ведрах. Сисарква вытянула шею и прикрыла глаза. Возле ее кокона юный Старший выкрикивал приказы:

– Быстрее! Не ждите Тинталью! У этой змеи пересыхают кожа и глаза. Лейте воду. Так! Еще! Еще ведро. Грузите носилки. Живо!

Обрушилась жидкая смесь, запечатывая кокон. Теперь начал действовать яд. Сисарква погружалась в состояние, которое пусть и не было сном, но дарило отдых. Благословенный, долгожданный отдых.

Она чувствовала, что Тинталья где-то рядом. На кокон легла теплая тяжелая заплатка, и Сисарква с благодарностью поняла, что драконица запечатала ее кокон. Насыщенные памятью испарения заполнили кокон и впились ей в кожу. Здесь были и воспоминания Тинтальи, и часть опыта только что пожранного змея. Сисарква слышала, как Тинталья дает указания рабочим.

- Вот тут ее оболочка слишком тонкая. И вон там. Принесите глины и положите ее сюда в несколько слоев. Завалите кокон ветками и листвой. Укройте от света и холода. Они слишком поздно окуклились. До вершины следующего лета на них не должен упасть солнечный свет, ибо я опасаюсь, что к весне они еще не будут готовы. Когда закончите здесь, ступайте на восточный край, там еще один страждущий.

Сознание Сисарквы уже угасало, когда до ее слуха донесся звонкий голос Старшего:

- Мы вовремя ее запечатали? Она выживет? Вылупится?

- Не знаю, - мрачно ответила Тинталья. - Год на исходе, змеи стары и измождены, половина из них голодала. Кое-кто из первой волны уже умер в коконах. Прочие еще сражаются с рекой и порогами. Многие из них погибнут, так и не добравшись до берега. И это к лучшему - их тела послужат пищей оставшимся, дадут им шанс на выживание. А вот от умирающих в коконах мало пользы, только напрасные хлопоты и разочарование.

Тьма окутала Сисаркву. Возникло непонятное ощущение: то ли она промерзла до костей, то ли ей уютно и тепло. Все глубже проваливаясь в подобие сна, она чувствовала тяжелое молчание юного Старшего. Наконец тот заговорил, и до нее долетели не столько его слова, сколько мысли:

- Люди Дождевых чащоб будут рады заполучить останки. Они называют их диводревом и очень ценят...

- Нет!

Крик драконицы чуть не пробудил Сисаркву. Но истощенное тело не могло сопротивляться дремоте, и она снова стала погружаться в темноту. И в мир, что находится за границей снов, ее сопроводили слова Тинтальи:

- Нет, братец! Все драконье принадлежит только драконам. Весной те, кто выйдет из коконов, пожрут коконы и тела невывшедших. Таков наш обычай, так мы сохраняем свои знания. Умершие укрепят силы живых.

Сисарква не знала, что суждено ей. Тьма объяла ее.

Семнадцатый день месяца Надежды,

седьмой год от воцарения его славнейшего

и могущественнейшего величества сатрапа Касго,

первый год Вольного союза торговцев

От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, —

Эреку, смотрителю голубятни в Удачном

Посылаю официальное прошение Совета торговцев Дождевых чащоб о справедливом и достойном возмещении дополнительных и неожиданных расходов, которые мы понесли, ухаживая за коконами змеев для драконицы Тинтальи. Совет требует немедленного ответа.

Эрек, мы очень пострадали от весеннего половодья. Драконьи коконы были сильно повреждены, а некоторые и вовсе смыло. Река перевернула небольшую баржу, и, боюсь, это была та самая, на которой я посылала тебе молодняк для пополнения стаи Удачного. Все они погибли. Я подожду, пока мои птицы не отложат побольше яиц, и пришлю тебе птенцов, как только они оперятся. Трехог уже не тот, что прежде, в нем столько татуированных лиц! Мой господин сказал, что мне не следует ставить даты от дня нашей Независимости, но я пренебрегла его указанием. Слухи подтвердятся, я уверена!

Детози

Глава 1

Речник

Весне уже полагалось вступить в свои права, однако все еще было чертовски холодно. Слишком холодно, чтобы спать на палубе, а не в каюте. Вчера вечером, когда он поддался чарам рома и мерцающих над лесом звезд, эта идея казалась ничего себе. И вроде было тепло, и насекомые стрекотали на деревьях, и ночные птицы перекликались, и летучие мыши металась над рекой. Ему нравилось лежать на палубе баркаса, смотреть по сторонам, на реку, на Дождевые чащобы и думать о своем месте в этом мире. Смоляной мерно покачивал его, и все было хорошо.

А вот наутро, когда одежда вымокла от росы и тело совершенно заоченело, мысль заночевать под открытым небом уже казалась приличествующей скорее двенадцатилетнему мальчишке, чем капитану тридцати лет от роду. Он медленно сел. В холодном утреннем воздухе от дыхания пошел пар. Дохнув перегаром вчерашнего рома, он проследил за облачком. Потом, ворча под нос, поднялся на ноги и огляделся. Ага, светает. В кронах прибрежных

деревьев просыпались, перекликаясь, дневные птицы. Но до воды солнечные лучи едва доходили, с трудом пробиваясь через молодую листву и теряя по пути тепло. Когда солнце поднимется повыше, оно осветит открытую воду и заберется под деревья. Однако это случится не скоро.

Лефтрин потянулся, расправляя плечи. Рубашка неприятно холодила кожу. Ну, он это заслужил. Если бы на палубе заснул кто-то из его команды, капитан так бы ему и сказал. Однако все одиннадцать человек спали на узких койках, тянувшихся в несколько ярусов вдоль кормовой стены палубной надстройки. И только его койка в эту ночь осталась пуста. Неразумно.

В такую рань обычно никто не вставал. Огонь в печке на камбузе еще не разводили, так что не было ни кипятка для чая, ни горячих лепешек. А он уже проснулся, и ему захотелось прогуляться под деревьями. Странное желание так и свербело в нем. Вероятнее всего, его истоки – в забытых снах прошедшей ночи. Лефтрин попытался было выудить их из памяти, но оборванные концы в его мысленной хватке обратились нитями паутины и ускользнули. И все же нужно последовать навеянному снами желанию. Он никогда не оставался в проигрыше, повинувшись подобным побуждениям, а если, напротив, не обращал на них внимания, потом неизбежно об этом сожалел.

Лефтрин прошел через рубку мимо спящей команды и пробрался в свою какту. Сменил палубные башмаки на береговые сапоги высотой по колено, из промасленной бычьей кожи. Они почти сносились – едкие воды реки Дождевых чащоб не щадили ни обуви, ни одежды, ни дерева, ни кожи. Но еще пару походов по берегу сапоги выдержат, да и его собственная шкура тоже. Он снял с крючка непромоканец, накинул на плечи и пошел обратно через кубрик. Остановившись у койки рулевого, пнул ее. Сварг дернулся, приоткрыл затуманенные глаза.

– Я пошел на берег размяться. Вернусь к завтраку.

– Понял, – буркнул Сварг.

Этим коротким словом – единственным, кстати говоря, возможным ответом на уведомление капитана – красноречие Сварга обычно и исчерпывалось.

Лефтрин хмыкнул и вышел из рубки.

Накануне вечером они вытащили баркас на топкий берег и привязали к большому склоненному дереву. Лефтрин спрыгнул с тупого носа баркаса в грязь и камыши. Нарисованные на носу судна глаза смотрели в сумрак под деревьями. Десять дней назад из-за ливней и ветра река вышла из берегов. За последние двое суток вода спала, но прибрежная растительность еще не оправилась от наводнения. Камыши покрывал ил, трава полегла под тяжестью грязи. Низкий берег был весь в лужах. Лефтрин шел вдоль него, и вода тут же заполняла оставленные им глубокие отпечатки.

Он не знал точно, куда и зачем идет. Просто следовал своему капризу, удаляясь от берега в чашу. Там следы наводнения были еще явственней. Среди стволов виднелись принесенные водой коряги. С ветвей свисали пряди водорослей и разорванные лианы. Слой ила лежал на траве и мхе. Гигантские деревья, составлявшие основу Дождевых чащоб, не пострадали от наводнений, чего нельзя было сказать о подлеске. Кое-где течение проложило себе

дорогу, и листва молодых деревьев так отяжелела под грузом ила и грязи, что ветви согнулись до земли.

Лефтрин старался идти по этим тропам в подлеске. Самые топкие места обходил, проламываясь сквозь кусты. Он взмок и перемазался. Ветка, которую он попытался отвести в сторону, сорвалась и ударила по лицу, обрызгав грязью. Лефтрин сразу стер жгучую дрянь с кожи. Как у большинства речников, его лицо и руки были закалены водой реки Дождевых чашоб. От этого лицо загрубело, и задубевшая кожа странно контрастировала с серыми глазами. Лефтрин в глубине души был уверен, что именно поэтому у него на лице так мало всяких наростов и еще меньше чешуи, столь досаждавших его собратям из Дождевых чашоб. Впрочем, это все равно не делало его ни красавцем, ни даже просто привлекательным мужчиной – эта мысль заставила капитана печально усмехнуться. Он отогнал ее, отвел ветку от лица и пошел дальше.

Внезапно Лефтрин остановился. Смутное, неуловимое ощущение. Нечто витающее в воздухе или на краю видимости и не поддающееся осмыслению подсказало, что он уже близко. Капитан стоял неподвижно, постепенно осматривая все вокруг. Взгляд зацепился за что-то, и черные волоски у него на шее встали дыбом, когда он разглядел находку. Вот оно! Всё в зелени пополам с грязью, занесенное илом, только местами проглядывает что-то серое. «Бревно» диводрева.

Не огромное, нет, даже не такое уж большое вопреки слухам. Всего в две трети его роста, а он человек невысокий. Но этого хватит. Вполне достаточно, чтобы разбогатеть.

Лефтрин оглянулся. Подлесок, из-за которого не было видно реку и баркас, укрывал и его от чужих глаз. Вряд ли кому-то из корабельной команды хватит любопытства, чтобы устроить слежку. Когда он ушел, все спали и наверняка спят до сих пор. Сокровище принадлежит только ему.

Капитан продрался через растительность и наконец дотронулся до «бревна». Мертвое. Он понял это еще до прикосновения. В детстве ему приходилось спускаться в чертог Коронованного Петуха. Он видел кокон Тинтальи до того, как та вылупилась, и помнил ощущения от него. А в этом коконе дракон умер и уже не прокльнется. Не важно, погиб ли он, когда кокон еще был на полях окукливания, или его убило наводнение. Главное, что дракон мертв, диводрево можно забрать, а, кроме Лефтрина, никто не знает, где оно находится. И как удачно, что он из тех немногих, кому известно, как распорядиться находкой наилучшим образом.

Семья Хупрус сделала на диводреве свое немалое состояние. Братья его матери обрабатывали этот материал еще до того, как люди поняли, что он собой представляет. Юный Лефтрин бродил по низкому строению, где дядья пилили диводрево, которое было крепче железа. Едва Лефтрину исполнилось девять лет, отец решил, что он достаточно взрослый, чтобы ходить с ним на баркасе. И Лефтрин занялся честным ремеслом, постигая его с азов. Когда ему было двадцать два, отец умер, и Лефтрин унаследовал баркас. Почти всю жизнь он был речником. Но от родни со стороны матери ему достались инструменты для обработки диводрева и знания о том, как их использовать.

Лефтрин обошел кокон. Это было тяжело. Поток воды его забило между двумя деревьями. Один конец глубоко погрузился в грязь, другой выступал наружу и был весь в мусоре. Лефтрин поначалу хотел очистить и рассмотреть находку как следует, но потом решил оставить все как есть. Он добежал до баркаса, украдкой вытащил бухту троса [1] из рундука и быстро вернулся к своей находке, чтобы обезопасить ее от случайностей. Работа была грязной, но он остался доволен тем, как справился с ней: даже если река снова поднимется, его сокровище останется на месте.

Возвращаясь на баркас, он почувствовал, что в сапоге хлюпает. Ногу засадило. Лефтрин ускорил шаг, мысленно ругаясь. На следующей стоянке придется купить сапоги. Парротон – новое и одно из самых маленьких поселений на реке Дождевых чашоб. Там все дорого и найти калсидийские сапоги из бычьей кожи непросто. Остается уповать на милость купца. Мгновение спустя капитан кисло усмехнулся. Вот он отыскал клад, который принесет ему больше, чем десяток лет работы на барже, и тут же мелочится, подсчитывая, сколько сможет выложить за новую пару сапог. А ведь как только он распилит свою находку и распродаст частями, о деньгах можно будет больше не беспокоиться.

Лефтрин задумался. Следовало решить, кому доверить свой секрет. Ему нужен был помощник – чтобы держать вторую ручку пилы и донести тяжелые части кокона до баркаса. Привлечь кузенов? Пожалуй. Кровь – не водица, даже если это густая мутная вода реки Дождевых чашоб.

Но сохранят ли они тайну? Должны. Им придется соблюдать осторожность. Свежеобработанное диводрево не спутаешь ни с чем, у него особенный запах и серебристый блеск. Поначалу торговцы Дождевых чашоб ценили этот материал только за устойчивость к едкой речной воде. Баркас Лефтрин, «Смоляной», был одним из первых кораблей, обшивку которого сделали из диводрева. В те времена корабельщики Дождевых чашоб и не подозревали, что у материала проявятся магические свойства. Находя «бревна» в обнаруженном ими древнем подземном городе, они просто использовали их как хорошо выдержанную древесину.

Подлинная сила диводрева открылась только тогда, когда из него стали строить большие корабли, которые могли плавать не только по реке, но и по соленым прибрежным водам. Их носовые изваяния поразили всех: спустя века после постройки кораблей они начали оживать. Это было чудо – деревянные скульптуры говорили и двигались. Сейчас живых кораблей не так уж и много, и их ревностно охраняют. Ни один из них никогда не продавали за пределы Союза торговцев. Только торговец из Удачного мог купить живой корабль, и только на живом корабле можно было без опаски плавать по реке Дождевых чашоб. Корпуса обычных судов быстро сдавались ее разъедающим что угодно водам. И никто лучше живых кораблей не мог защитить тайные города Дождевых чашоб и их обитателей.

Затем последовали другие открытия. Огромные бревна в чертоге Коронованного Петуха оказались на самом деле отнюдь не бревнами, а драконьими коконами. Люди Старшей расы, или, как их еще звали, Элдерлинги, спрятали их там, чтобы защитить от извержения вулкана. Об истинном значении этого открытия говорить не любили. Драконца Тинталья

вышла из кокона. А сколько коконов, хранивших в себе живых драконов, было распилено на доски для кораблей? Об этом никто не заикался. Даже живые корабли неохотно говорили о драконах, которыми они могли бы стать. И даже Тинталья предпочитала молчать. И все же Лефтрин подозревал, что, если известие о коконе, который он обнаружил, распространится, находку у него немедленно отберут. Рисковать нельзя – о его диводреве не должны узнать ни в Удачном, ни в Трехоге, и Са упаси, если слух дойдет до драконицы. Тайну нужно сохранить во что бы то ни стало.

Лефтрина раздражало, что сокровище, которое раньше можно было выставить на торги и продать подороже, теперь придется сбывать тайно. Впрочем, рынки сбыта все же остались, и неплохие. В Удачном всегда были те, кто тихо и без лишнего любопытства скупит товар, не спрашивая о его происхождении. Так что торговец, готовый на незаконную сделку ради того, чтобы войти в милость к сатрапу Джамелии, обязательно найдется.

Но настоящие деньги могли дать только калсидийские купцы. Ненадежный мир между Удачным и Калсидой был заключен совсем недавно. Стороны подписали мелкие соглашения, а вот главные решения – о границах, торговле, пошлинах и праве на проход по реке все еще обсуждались. Ходили слухи, что здоровье правителя Калсиды пошатнулось. Калсидийские посланцы уже пытались купить проезд вверх по реке Дождевых чащоб. Их завернули, зная, какова их цель: они хотели купить части драконьих тел – кровь для эликсиров, плоть для омоложения, зубы для кинжалов, чешую для легкой и гибкой брони, детородные органы для мужской силы. Похоже, калсидийская знать прислушалась к легендам о целебной и магической силе драконьей плоти и теперь соревновалась в попытках добиться благосклонности своего герцога. Все они стремились достать ему лекарство от пожирающей его болезни. Откуда им было знать, что из последнего бревна диводрева Дождевых чащоб проклянулась Тинталья. И что драконьих коконов, которые можно было бы распилить и переправить в Калсиду, больше не осталось. И замечательно. Сам Лефтрин разделял мнение большинства торговцев: чем скорее калсидийский герцог ляжет в могилу, тем лучше для торговли и вообще для всех людей на белом свете. При этом, мысля здраво, он полагал, что, пока это счастье не нагрянуло, из болезни старого забияки можно извлечь выгоду.

Итак, размышлял Лефтрин, если он выберет этот путь, нужно будет всего лишь найти способ доставить тяжеленное «бревно» в Калсиду в целостности и сохранности. Если внутри обнаружатся останки полупреображенного дракона, цена фантастически взлетит. Значит, нужно привезти этот кокон в Калсиду. И дело сделано. Легко сказать! Ведь только чтобы дотащить кокон до баркаса и погрузить, понадобятся шкивы и блоки. А дальше предстоит тайная доставка сокровища от устья реки на север, в калсидийские земли. Речной баркас для такого дела не годится. Но если Лефтрин сумеет все устроить и если его не ограбят и не убьют по дороге туда или обратно, то из этого путешествия он вернется богачом.

Лефтрин заковылял быстрее. Покалывание в сапоге перешло в жжение. Пара волдырей – это ерунда, а вот открытая рана быстро превратится в язву, и придется хромать несколько недель.

Выйдя из подлеска на более открытое место возле реки, он учуял запах дыма с камбуза и услышал голоса своей команды. Пахло лепешками и свежим кофе.

Пора подняться на борт, не то начнут удивляться, чего ради капитану понадобилось гулять с утра пораньше. Кто-то заботливый спустил с носа веревочный трап. Сварг, наверное. Рулевой всегда думал на два хода дальше, чем остальная команда. На носу торчал Большой Эйдер – опершись на борт, курил свою утреннюю трубочку. Он кивнул капитану и выпустил колечко дыма в качестве приветствия. Если ему и было любопытно, куда и зачем ходил Лефтрин, он ничем этого не выдал.

Поднимаясь по трапу, Лефтрин все еще размышлял, как обратить диводрево в богатство. Но, встретившись взглядом с нарисованными глазами Смоляного, черными и блестящими, замер. У него родилась совершенно иная мысль. Оставить себе. Сохранить и использовать для себя и своего корабля. За несколько долгих мгновений, пока капитан стоял на трапе, перед его мысленным взором одна за другой, подобно разворачивающимся поутру лепесткам цветка, предстали удивительные возможности.

Лефтрин погладил борт своего баркаса:

- А я могу, старина. Могу так сделать.

Он поднялся на палубу, стянул протекающие сапоги и бросил их в реку – пусть дожирает.

Пятнадцатый день месяца Рыбы,

седьмой год правления его славнейшего

и могущественнейшего величества сатрапа Касто,

первый год Вольного союза торговцев

От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, –

Эреку, смотрителю голубятни в Удачном

В запечатанном свитке – очень важное послание от трехогского Совета торговцев Дождевых чащоб Совету торговцев Удачного. Вам предлагают прислать избранного представителя по случаю выхода драконов Дождевых чащоб из коконов. По указанию высочайшей царственной драконицы Тинталы коконы будут вынесены на солнечный свет в пятнадцатый день месяца Возрождения, через сорок пять дней. Совет торговцев Дождевых чащоб ожидает вашего присутствия при появлении на свет драконов.

Эрек! Почисти свой птичник и заново побели известью стены клеток. Последние две птицы, прибывшие ко мне от тебя, были вшивыми и занесли мне паразитов в одну клетку.

Детози

Глава 2

Драконы выходят из коконов

Тимаре посчастливилось оказаться в нужное время в нужном месте.

«Вот уж удача подвалила!» – думала она, забираясь на нижнюю ветку дерева на краю змеиногo берега.

Обычно она не ходила с отцом на нижние ярусы Трехога и уж тем более ни разу не бывала в Кассарике. А вот теперь она здесь, да еще в тот самый день, который Тинталья назначила, чтобы открыть драконьи коконы. Тимара посмотрела на отца, тот ей улыбнулся. Нет, вдруг поняла она, это не просто удача. Отец знал, как ей здесь понравится, и нарочно придумал взять ее сюда. Она улыбнулась ему в ответ со всей уверенностью одиннадцатилетней девчонки и снова стала смотреть на берег. Отец почти что примостился на ветке потолще, у самого ствола того же гигантского дерева.

– Осторожнее, Тимара, – предупредил он. – Они вот-вот вылупятся. И будут голодны. Если упадешь, могут принять тебя за очередной кусок мяса.

Девочка, тоненькая и жилистая, поглубже вонзила черные когти в кору. Она понимала: отец лишь отчасти поддразнивает ее, на самом же деле он серьезен.

– Не бойся, пап, – сказала она. – Я ведь рождена, чтобы жить на деревьях. Не упаду.

Она лежала ничком на хрупкой ветке, которой ни один другой древолаз не рискнул бы довериться. Но Тимара знала: ветка выдержит. Девочка прижималась к коре животом, словно одна из тощих древесных ящериц, устроившихся поблизости. И подобно им, Тимара перемещалась по ветке, вытянувшись во весь рост, цепляясь пальцами рук и ног за широкие трещины в коре и крепко обнимая конечность дерева, служившую ей опорой.

Дерево, на котором она примостилась, было одним из тысяч и тысяч деревьев Дождевых чашоб. На многие дни пути простирались чашобы по обе стороны широкой серой Дождевой реки. В окрестностях Кассарика, как и на землях, протянувшихся на несколько дней пути вверх по течению реки, господствовали крепость-деревья. Ветви у них были широкие и росли горизонтально – как нельзя удобно для того, чтобы строить на них дома. Когда крепость-дерево вырастало достаточно большим, оно отпускало висячие корни, которые тянулись с нижних веток к земле, зарывались в нее и со временем грубели, так что каждый ствол оказывался окружен надежным крепостным частоколом, придававшим ему устойчивости. Вокруг Кассарика лес рос куда гуще, чем в Трехоге, а ветви крепость-деревьев тут были гораздо шире, чем привыкла Тимара, так что лазить по ним оказалось до смешного

легко. Сегодня девочка забралась на самый дальний, лишенный опор-корней отросток ветки, откуда ничто не заслоняло ей вид и она могла без помех любоваться представлением.

Впереди, за грязевой равниной, открывался вид на молочно-белую реку. В туманной дымке на другом берегу раскинулся густой лес. Лето окрасило его во множество оттенков зелени. Шум этой реки, перекатывающей гальку, сопровождал Тимару всю жизнь. Ближе к берегу было мелко, и между потоками воды виднелись полосы гальки и глины, переходящие в вязкую отмель прямо под деревом, на котором сидела девочка. Прошлой зимой эту часть берега спешно укрепили бревенчатыми перемычками. Они пострадали от наводнения, но бо́льшая часть бревен осталась на месте.

Берег был усеян похожими на плавник змеиными коконами. Некогда здесь росли жесткая трава и колючий кустарник, но их уничтожили морские змеи, приплывшие зимой. Тимара не видела, как они появились, но много слышала об этом. В городах Дождевых чащоб не было ни одного человека, который не знал бы этой истории. Целая стая – клубок из сотни гигантских змей – поднялась по реке в сопровождении живого корабля и великолепного серебристо-синего дракона. Юный Старший Сельден Вестрит встретил змей на этом самом месте и поздравил с возвращением на родину. Он руководил теми жителями Дождевых чащоб, которые вызвались помочь змеям окуклиться. Почти всю зиму он провел в Кассарике, приглядывая за коконами со спящими в них змеями. Коконны укрыли листвой и илом, чтобы уберечь от холода, дождей и даже солнечного света. Тимара слышала, что сегодня Старший снова здесь – вернулся, чтобы не пропустить пробуждение.

До сих пор девочке, к ее досаде, не удалось увидеть Сельдена. Скорее всего, он был где-то в центре площадки, на помосте, устроенном для членов Совета Дождевых чащоб и прочих важных персон. Толпа вокруг помоста пестрела плащами торговцев, а люд попроче расселся на деревьях, словно стая перелетных птиц. Тимара была довольна, что отец привел ее именно сюда, на дальний край: пускай здесь куда меньше коконов, но и людей, которые бы заслоняли обзор, намного меньше. Впрочем, и поближе к помосту сидеть было бы неплохо – слушать музыку, разговоры и смотреть на настоящего Старшего.

От одной мысли о нем Тимара преисполнилась гордости. Сельден Вестрит был родом из Удачного и, как и она сама, из семьи торговца. Но драконица Тинталья коснулась его, и он стал превращаться в Старшего – первого на памяти нынешнего поколения людей. А сейчас, кроме него, есть еще двое Старших – сестра Сельдена Малта и Рэйн Хупрус, уроженец Дождевых чащоб. Тимара вздохнула.словно сказка становится явью. Морские змеи, драконы и Старшие вернулись на Проклятые Берега. И она своими глазами увидит, как вылупятся молодые драконы. Сегодня после полудня они покинут коконы и взлетят в небо.

Весь речной берег, куда ни глянь, был усеян серыми коконами, и каждый из них заключал в себе змея. Коконны очистили от листвы, веток и ила, под покровом которых они пролежали всю зиму и весну. Некоторые коконы были огромны, как речные баржи, другие – поменьше, размером с бревно. Одни блестели масляно и серебристо, другие съезжились или просели и были просто серыми, и Тимара, с ее тонким нюхом, ощущала исходящий от них смрад мертвых рептилий. Змеи из этих коконов уже никогда не станут драконами.

Торговцы Дождевых чашоб под началом Сельдена, выполняя обещания, которые они дали Тинталье, сделали все возможное для окуклившихся змеев. Если кокон казался им слишком тонким, его обмазывали дополнительными слоями глины. Все коконы тщательно укрыли листвой и ветками – как требовала Тинталья: не только от зимних бурь, но и от весеннего солнца. Змеи окуклились слишком поздно, а свет и тепло заставили бы их проклюнуться раньше срока, поэтому Тинталья хотела, чтобы коконы лежали под покровом до середины лета: драконам следовало дать больше времени. Стражи из Дождевых чашоб и татуированные – бывшие джамелийские рабы – старались изо всех сил. Таковы были условия сделки торговцев Дождевых чашоб с драконицей Тинтальей. Она согласилась оберегать устье реки от вторжений калсидийцев, взамен торговцы пообещали помочь змеям добраться до их древнего места окукливания и заботиться о коконах, пока змеи преобразуются в них. Обе стороны сдержали обещание. Сегодня все увидят результаты этой сделки – новое поколение драконов, союзников Удачного и Дождевых чашоб, впервые расправит крылья и взлетит к небесам.

Зима безжалостно обошлась с коконами. Ураганные ветры и ливни оставили на них свои отметины. Хуже всего было то, что вздувшаяся от дождей и затопившая площадку река разбросала коконы, смыла с них глину и многие повредила. Когда вода схлынула, люди недосчитались двадцати коконов. Из семидесяти девяти осталось только пятьдесят девять, и некоторые были так повреждены, что вряд ли их обитатели выжили. Наводнения в Дождевых чашобах были обычным делом, но сейчас Тимара горевала. Что стало с теми пропавшими коконами и драконами в них? Поглотила ли их река? Унесла ли в соленое море?

В этом лесу царила река – широкая, прихотливо менявшая глубину и течение, не имевшая настоящих берегов. В мире, известном Тимаре, не было суши – даже слова такого не существовало. То, что сегодня можно было счесть лесной почвой, завтра становилось топью или заводью. Одни лишь гигантские деревья казались неподвластными переменчивой реке, но и им нельзя было доверять безоглядно. Жители Дождевых чашоб строили жилища только на самых больших и устойчивых деревьях, их дома и дороги, подобно прочным гирляндам, украшали средний ярус ветвей и стволов. Подвесные мосты тянулись от дерева к дереву, и ближе к земле, на развилках ветвей потолще, находились самые крупные рынки и дома самых богатых семейств. Чем выше, тем легче становились строения, соседние дома соединяли мосты из лиан и веревок, гигантские стволы обвивали лестницы. Чем дальше в крону, тем эфемерней выглядели мосты и лестницы. Все жители Дождевых чашоб должны были быть немного древолазами, чтобы передвигаться по своим селениям. Но не многие могли сравниться в этом умении с Тимарой.

Тимара ничуть не боялась упасть со своего ненадежного насеста. Она целиком обратилась в зрение, не отрывая серебристо-серых глаз от чуда, творящегося внизу.

Солнце поднялось выше, его лучи осветили верхние ветки деревьев и коконы на берегу. День был не слишком жаркий для летней поры, но некоторые коконы, согрившись, уже начали испускать пар. Тимара сосредоточила внимание на большом коконе прямо под ней. Над ним тоже появился пар, запахло рептилией. Тимара сузила ноздри и с восторгом уставилась на кокон. Это бревно диводрева теряло твердость.

Тимара знала, что такое диводрево и что раньше его было принято использовать как особо прочную древесину. Оно было куда крепче самого крепкого из деревьев – об него всего лишь за утро можно было затупить топор или пилу. Но сейчас серебряно-серое «дерево» драконьего кокона внизу размягчилось, задымилось и пошло пузырями, оседая на нечто неподвижное внутри.

Тот, кто был в коконе, изогнулся и затрепыхался. Диводрево разорвалось, как пленка. Скелетообразное создание поглощало растекающийся кокон. Тимара видела, как тощая плоть дракона наливается и сквозь нее проступает цвет. Дракон был куда меньше, чем можно было бы ожидать, судя по размерам кокона и слухам о Тинталье. Облачко пахучего пара рассеялось, и из оседающего кокона показалась тупоносая драконья голова.

Свободен!

У Тимары закружилась голова, когда ее разума коснулась драконья речь. Сердце забило, как у птицы, взмывшей в небеса. Она способна понимать драконов! Когда появилась Тинталья, стало ясно, что одним людям доступна драконья речь, а другие слышат лишь рычание, свист и угрожающее шипение. Когда Тинталья впервые показалась в Трехоге и заговорила с толпой, лишь некоторые поняли ее, остальные же ничего не разобрали.

Тимаре было приятно осознавать, что, если дракон снизойдет до разговора с ней, она его поймет. Девочка свесилась с ветки еще ниже.

– Тимара! – предостерегающе крикнул отец.

– Я осторожно! – ответила она, даже не взглянув на него.

Внизу молодой дракон разевал красную пасть и рвал в клочья удерживающий его кокон. Это была самка. Тимара не смогла бы объяснить, откуда ей это стало известно. У новорожденного создания были внушительного размера зубы. Оно оторвало кусок обмякшего диводрева, запрокинуло голову и сглотнуло.

– Она ест диводрево! – крикнула Тимара отцу.

– Да, я слышал об этом, – ответил он. – Сельден Старший сказал, что он видел рождение Тинтальи. Ее кокон тоже растекался по шкуре. Я думаю, это придает им сил.

Тимара не ответила. Отец, очевидно, был прав. Казалось невероятным, что оболочка, заключавшая в себе дракона, уместится теперь в его брюхе, но существо внизу, похоже, было намерено сожрать ее всю. Драконница высвобождалась из кокона, проедавая себе путь наружу, отгрызая волокнистые куски и глотая их целиком. Тимара сочувственно морщилась. Ужасно, наверное, чувствовать такой голод, едва появившись на свет. Благодарение Са, что у драконницы есть чем его утолить.

Над толпой зрителей пронесся общий вздох, и ветка Тимары закачалась на ветру так, что девочка едва успела вцепиться в нее. И тут же послышался

звук тяжелого удара, отдавшийся по всему дереву, – это приземлилась Тинталья.

Драконья королева под лучами солнца переливалась лазурью и серебром. Она была втрое крупнее проклевывающихся драконов. Тинталья сложила крылья, как корабль убирает паруса: аккуратно прижала их к телу и скрестила по-птичьи на спине. Затем разжала пасть и бросила на землю оленя. «Ешьте», – велела она молодым драконам. Не останавливаясь и не глядя на них, Тинталья двинулась к реке и стала пить молочно-белую воду. Напившись, драконица подняла огромную голову и расправила крылья. Мощные задние лапы напряглись, она подпрыгнула. Крылья тяжело забили по воздуху, Тинталья медленно оторвалась от земли и полетела вверх по реке, охотиться дальше.

– Ох ты, бедолага! – В низком голосе отца слышалось сочувствие.

Драконица под Тимарой еще отрывала куски от своей оболочки и пожирала их. Серый обрывок пелены прилип к морде. Рептилия смахнула его когтями корявой передней лапы. Тимара подумала, что дракончик похож на ребенка, перемазавшегося овсянкой. Детеныш оказался меньше, чем она ожидала, но ведь он еще вырастет. Тимара посмотрела на отца и проследила за его взглядом.

Пока она наблюдала за ближайшим драконом, другие уже повыбирались из своих коконов. Теперь их манил запах крови убитого оленя. Два дракона, один тускло-желтый, другой болотно-зеленый, топтались возле туши. Они не дрались, они были слишком заняты едой. Драка, наверное, начнется из-за последнего куска, решила Тимара. Пока же оба вгрызались в оленя – передними лапами прижимали тушу, зубами рвали шкуру, выдирали куски мяса и глотали, запрокидывая голову. Один рвал мягкое брюхо, из желтой пасти свисали внутренности. Сцена дикая, но не страшнее, чем трапеза любого другого хищника.

Тимара снова поглядела на отца и на этот раз поняла, куда он смотрит. Насыщающиеся драконы над полуобъеденной тушей загораживали ей обзор. Отец смотрел на молодого дракона, который не мог встать. Он барахтался на земле и полз на брюхе. Его задние лапы напоминали какие-то обрубки. Голова моталась на тонкой шее. Внезапно он содрогнулся, вскинулся и закачался. Даже цвет у него был неправильный – серый, как глина, а шкура такая тонкая, что под ней виднелись белые внутренности.

Этот недоразвитый дракон был обречен – он вылупился слишком рано. Но все равно полз к еде. Тимара увидела, как он с силой оттолкнулся уродливой задней лапой и рухнул на бок. По глупости – или, скорее, в тщетной попытке подняться – существо расправило нелепые крылья и тут же завалилось на одно из них. Крыло согнулось не в ту сторону, послышался треск. В голове Тимары ярко и сильно плеснуло болью – крик, который издало это создание, был куда слабее. Тимара дернулась и чуть не отпустила ветку. Вцепившись покрепче, она закрыла глаза, борясь с накотившей тошнотой.

Постепенно до Тимары дошло, что именно этого и боялась Тинталья. Драконица требовала укрыть коконы от света, надеясь обеспечить окуклившимся нормальную спячку. И хотя со сроком выхода из коконов тянули до самого лета, времени драконам все равно не хватило – или сказались их

чрезмерная усталость и истощение во время окукливания. Они все были недоразвитыми. Они едва могли двигаться. Тимара ощущала смятение пополам с болью, которые испытывал юный дракон. С трудом ей удалось отгородиться от этого чувства.

Открыв глаза, она опять замерла от ужаса. Ее отец спустился с дерева и начал пробираться между оживающими коконами прямо к упавшему детеншу. А тот был уже мертв – Тимара вдруг поняла, что не видит этого, а ощущает. Но отец-то этого не понимал. На его лице читалась тревога за дракона. Тимара знала своего отца. Он всегда готов прийти на помощь. Такой он человек.

То, что существо мертво, ощутила не одна Тимара. Два новорожденных дракона оставили от оленя лишь кровавые ошметки, втоптаные в глинистую землю, подняли головы и повернулись к упавшему. Только что вылупившийся красный дракон со слишком коротким хвостом тоже направился к нему. Желтый зашипел и двинулся быстрее. Зеленый широко раскрыл пасть и издал звук – не рев и не шипение. Вместе со звуком из пасти ему под лапы полетели капли слюны. Он нацелился на отца! Благодарение Са, это создание было слишком юным и не могло испустить облако обжигающего яда. А взрослые драконы могли. Тимара слышала, что Тинталья, сражаясь за Удачный, брызгала ядом на калсидийцев. Он прожигал и плоть, и кости.

Хоть зеленый дракон и не смог навредить отцу своим дыханием, его нападение привлекло к человеку внимание короткохвостого красного. Желтый и зеленый драконы подступили к мертвому и угрожающе рычали друг на друга над его телом, а красный стал подкрадываться к отцу.

Ну когда же отец поймет: этот новорожденный дракон мертв и помочь ему нельзя? Ведь он сто, нет, тысячу раз советовал Тимаре быть поосторожнее там, где водятся хищники. «Если у тебя есть мясо, а на него нацелился древесный кот, брось мясо и беги. Мяса можно добыть еще, а другой жизни взять неоткуда», – поучал ее отец. Поэтому он должен вернуться, увидев, как к нему подкрадывается красный.

Но он не смотрел на красного. Его взгляд был прикован к упавшему, и когда желтый и зеленый драконы прикоснулись к неподвижному телу, отец закричал:

– Нет! Оставьте его, дайте ему шанс!

Он замахал руками, будто отгоняя стервятников от добычи, и побежал к упавшему.

«Зачем?» – хотела крикнуть Тимара.

Эти только что вылупившиеся драконы были крупнее отца. Они, может, и не умели изрыгать пламя, но уже знали, зачем им зубы и когти.

– Папа! Нет! Он мертвый, он уже умер! Папа, беги оттуда!

Он услышал. Остановился и оглянулся.

– Пап, он мертвый, ему уже не помочь! Уходи оттуда! Налево, налево! Папа, там красный!

Желтый и зеленый занялись своим мертвым собратом. Они рвали его на части точно так же, как до этого оленью тушу. Сил у них прибавилось, так что они были не прочь подраться за лучшие куски. На человека драконы уже не обращали внимания. Теперь Тимару больше всего волновал красный, который неровно, но быстро приближался к ее отцу. Тот наконец заметил опасность. И сделал то, чего Тимара опасалась, – с древесными котами этот трюк часто срабатывал. Отец расстегнул рубашку и распахнул полы пошире. «Когда тебе кто-то угрожает, старайся казаться больше, – часто говорил он ей. – Притворись чем-нибудь необычным, и животное станет осторожнее. Прикинься больше размером, и оно может отступить. Но никогда не беги. Смотри внимательно, кажись больше и медленно отступай. Коты любят догонялки. Не играй с ними в эту игру».

Но перед ним был не кот, а дракон. С широко раскрытой алой пастью и острыми белыми зубами. Голодный. И хотя отец теперь казался крупнее, дракон не испугался. Тимара почувствовала его радостный интерес.

Мясо. Большой кусок. Еда!

Голод гнал дракона, заставляя ковылять за отступающим человеком.

– Это не мясо! – закричала Тимара. – Не еда! Папа, беги! Беги!

Два чуда случились одновременно. Молодой дракон услышал ее. Озадаченно повернул к ней свою тупоносую голову, потерял равновесие и по-дурацки затоптался по кругу. Тимара поняла, что так смущало ее в его облике. Дракон был уродом – одна задняя лапа оказалась намного короче другой.

Не еда? – донеслось до Тимары. – Не еда? Не мясо?

Ей стало жаль красного. Не мясо. Только голод. На мгновение девочка и дракон стали одним целым, и Тимара ощутила и пустоту в его желудке, и его разочарование.

Второе чудо разорвало эту связь. Ее услышал и отец. Он опустил руки, развернулся и бросился бежать обратно к деревьям. Тимара видела, как отец uklonился от маленького синего дракона, который клацнул зубами ему вслед, добежал до дерева и взобрался на него с ловкостью, отшлифованной годами. Теперь он был в безопасности, драконы не могли добраться досюда – хотя синий с надеждой потопал следом и теперь стоял под деревом, сопел и нюхал ствол. Потом даже попробовал укусить дерево и отпрянул, мотая головой.

Это не еда! – решил он и поковылял прочь.

Из бревен диводрева выходило все больше драконов. Тимара не следила, куда пошел этот синий. Она встала на своей ветке и побежала к стволу. Встретив отца, девочка схватила его за руку и уткнулась ему в плечо. От него пахло страхом.

– Пап, ты о чем думал? – спросила она и сама испугалась гнева, прозвучавшего в голосе. И тут же поняла, что имеет на это право. – Если бы я так сделала, ты бы разозлился! Зачем ты туда спустился, чем ты мог ему помочь?

- Лезем выше, - выдохнул отец.

И Тимара полезла за ним вверх. Там была хорошая ветвь, толстая и почти горизонтальная. Они сели на ней бок о бок. Отец все еще не мог отдышаться - то ли от пережитого страха, то ли от бега, то ли от того и другого. Тимара вытащила из своего ранца фляжку с водой и протянула ему. Он с благодарностью взял и стал пить.

- Они могли убить тебя.

Отец оторвался от горлышка, закрыл фляжку и вернул ей.

- Они же еще детки. Неуклюжие детки. Я ведь убежал.

- Они не дети! Они не были детьми, когда закрывались в свои коконы, а теперь и вовсе драконы. Тинталья могла летать уже через несколько часов после того, как вылупилась. Летать и убивать!

В листве блеснуло серебро с голубым. Дракон нырнул вниз, и зелень разметало в стороны. Ветер, поднятый крыльями, достиг дерева и сидевших на нем жителей чащоб. Из драконьих когтей выпала еще одна оленья туша, глухо шлепнулась о глину - и тут же крылья снова взметнулись. Тинталья продолжала охоту. Поскуливающие птенцы сразу же направились к добыче. Они набросились на еду, отрывая куски мяса и глотая их.

- Они бы и с тобой обошлись как с этим оленем, - сказала Тимара. - Может, они и кажутся неуклюжими детенышами, но они хищники. Такие же умные, как мы. Только больше и убивают лучше.

Все очарование вылупившихся драконов исчезло. Восхищение сменилось смесью страха и отвращения. Один из них чуть не убил ее отца.

- Не все, - грустно заметил отец. - Посмотри вниз, Тимара, и скажи, что видишь.

С нового места ей лучше было видно площадку. Тимара подсчитала, что примерно из четверти коконов драконы никогда не вылупятся. Те, которые вылупились, уже вынюхивали бедолаг. И вот один красный зашипел на мертвый кокон. Мгновение спустя кокон задымился, испуская тонкие туманные струйки. Красный вонзил зубы в диводрево и оторвал длинную полосу. Тимара удивилась. Диводрево было очень твердым. Из него строили корабли. Но сейчас оно словно бы разлагалось на длинные волокнистые полосы, которые юные драконы отрывали и жадно поедали.

- Они убивают своих сородичей, - ответила Тимара, думая, что отец имел в виду именно это.

- Сомневаюсь. По-моему, драконы в этих коконах уже умерли. И другие драконы это знают. Наверное, нюхом чувствуют. А что-то в их слюне, видно, размягчает кокон, и он становится съедобным. От этого же кокон лопаются, когда они проклеваются. А может, дело в солнечном свете. Нет, что-то я заговариваюсь...

Тимара снова посмотрела вниз. Драконы, спотыкаясь, бродили по глинистому берегу. Некоторые рискнули спуститься к воде. Другие собирались вокруг осевших коконов с невылупившимися драконами, рвали их и ели. От оленя, принесенного Тинталъей, и мертвого дракона остались лишь кровавые ошметки. Дракон с толстыми передними лапами обнюхивал песок в том месте, где лежали туши.

- Он урод. Почему среди них так много уродцев?

- Наверное... - начал отец.

Но тут сверху прыгнул Рогон, с которым отец иногда охотился. Он хмурился.

- Джеруп! Так ты цел! Где была твоя голова? Я увидел тебя внизу, а эта тварь приближалась к тебе. А потом было не разглядеть, успел ты добежать до ствола или нет! Что ты пытался там сделать?

Отец посмотрел на приятеля с полуулыбкой, за которой угадывалось, что он рассержен:

- Я подумал, что могу защитить того, на которого напали. Я не понял, что он уже мертв.

Рогон покачал головой:

- А даже если он был еще жив, дело бессмысленное. Каждому дураку понятно, что этот дракон не жилец. Посмотри на них! Наверняка половина умрет сегодня же. Я слышал, так говорил этот парень, Старший. Я сидел прямо над помостом, они там не знают, что делать. Сельден Вестрит явно раздосадован. Смотрит и не говорит ни слова. И музыка не играет, готов поспорить. Половина этих важных гостей мнут свитки с речами, которые они не будут произносить. Никогда не видел столько шишек, не знающих, что сказать. Ведь сегодня должен был быть праздник: драконы взлетают в небеса, соглашение с Тинталъей исполнено. А вместо этого - полный провал.

- Кто-нибудь знает, в чем причина? - словно нехотя спросил отец.

Приятель пожал широкими плечами:

- Вроде как они провели в коконах слишком мало времени и им не хватает слюны, чтобы выбраться. Увечные лапы, кривые спины. Смотри, вон тот даже не может голову поднять. Чем скорее другие прикончат его и съедят, тем лучше для него же.

- Они его не убьют, - уверенно ответил отец.

«Откуда он знает?» - удивилась Тимара.

- Драконы не убивают друг друга, разве что в брачных битвах. Сородици съедают дракона только тогда, когда тот умирает. Но они не убивают друг друга себе в пищу.

Рогон сел на ветку рядом с отцом и лениво болтал голыми мозолистыми ногами.

– Ну, из любой неприятности хоть кому-то да бывает выгода. Вот о чем я хотел с тобой поговорить. Видел, как быстро они сожрали того оленя? – Рогон фыркнул. – Сами они охотиться явно не способны. И даже Тинталья не прокормит их. Так что, дружище, я вижу возможность заработать. Еще до вечера Совет сообразит, что кто-то должен кормить этих зверей. Нельзя же оставить стаю голодных дракончиков резвиться у самого города, особенно когда команды с раскопок все время ходят туда-сюда. И тут появляемся мы. Если уговорим Совет Дождевых чашоб нанять нас, чтобы добывать пищу драконам, у нас будет много работы. Всех их, конечно, не прокормить даже с помощью драконицы, но уж за то, что сумеем, нам должны неплохо заплатить. Какое-то время дела будут идти хорошо. – Рогон покачал головой и усмехнулся. – Не хочу и думать о том, что случится, когда еда для них кончится. Если они не едят друг друга, то, боюсь, их жертвой станем мы. Эти драконы – дурная сделка.

– Но мы же заключили договор с Тинталей, – заговорила Тимара. – А слово торговца крепко. Мы сказали, что поможем Тинталее заботиться о них, если она отгонит корабли калсидийцев от наших берегов. И она это сделала.

Рогон не ответил. Как всегда. Он не обращался с ней плохо, как другие, но и никогда не смотрел на нее и не отвечал ей. Тимара к этому привыкла. Дело было не в ней лично. Она отвернулась от мужчин и вдруг заметила, что точит когти о дерево. У ее отца на руках и ногах черные когти. У Рогона тоже. А у нее когти как у ящерицы. Разница часто казалась ей совсем небольшой. Такое крохотное отличие – но от него зависят жизнь и смерть.

– Моя дочь права, – сказал отец. – Совет согласился на эту сделку, теперь у них нет выбора, они должны выполнять ее условия.

– Они думали, что помощь драконам закончится, когда те вылупятся. А вышло совсем не так.

Тимара едва удержалась, чтобы не поежиться. Она ненавидела, когда отец заставлял своих товарищей замечать ее. Было бы лучше, если бы он позволял им не обращать на нее внимания. Потому что тогда она могла бы отвечать тем же. Девочка отвернулась и постаралась не прислушиваться к разговору – он пошел о том, как трудно будет добыть достаточно мяса, чтобы прокормить столько драконов, и что никак нельзя оставлять хищников без присмотра у самого города. Если жители Дождевых чашоб хотят раскопать сокровища Старших в болотах под Кассариком, им придется найти способ прокормить этих драконов.

Тимара зевнула. Политика ее не занимала. Отец говорил ей, что она должна быть в курсе дел торговцев, но заставлять себя интересоваться тем, что тебя не касается, трудно. Ее жизнь текла отдельно от всего этого. Что до будущего, то Тимара знала: она может полагаться только на себя.

Девочка посмотрела вниз на драконов. Ее сразу затошнило. Отец был прав. И Рогон тоже. Там, внизу, умирали только что вылупившиеся. Другие не убивали их, хотя и не медлили, окружая умирающих и дожидаясь их

последнего вздоха. Так много драконов оказались нежизнеспособными. Почему? Из-за того, о чем говорил Рогон?

Снова вернулась Тинталья. Вниз полетела еще одна туша, едва не задев молодых драконов. Тимара не поняла, что это за животное. Оно было крупнее оленя, с округлым телом, покрытым жесткой шерстью. Мелькнула толстая нога с раздвоенным копытом, и тут же драконы заслонили добычу. Это точно не олень, подумала Тимара, хотя оленей ей приходилось видеть не так уж часто. Топкие кочки не очень-то подходят для оленей. Чтобы добраться до подножия холмов, окаймляющих речную долину, нужно идти много дней. Так далеко от дома заходят только дураки. Эти горе-охотники съедают все припасы по дороге туда, а на обратном пути им приходится питаться своей добычей. Так что в конце концов либо добыча наполовину протухает, либо ее остается столько, что уж лучше добыть всего лишь дюжину птиц или жирную земляную ящерицу, но поближе к дому. У той твари, которую принесла Тинталья, была блестящая черная шкура, мясистый загривок и широко расставленные рога. Интересно, что это за животное, подумала Тимара и ощутила мимолетное касание драконьих мыслей: «Еда!»

Гневный голос Рогона заставил ее снова прислушаться к разговору мужчин.

- Послушай, Джеруп: если за год эти твари не встанут на ноги и не научатся летать и самостоятельно охотиться, они или сдохнут, или станут угрозой для людей. Сделка не сделка, а мы за них не отвечаем. Всякий, кто не может себя прокормить, жизни не заслуживает.

- Нет, Рогон, не такую сделку мы заключили с Тинтальей. Мы не приобрели права решать, жить этим созданиям или умереть. Мы обещали охранять их, если Тинталья будет защищать устье реки от калсидийских кораблей. И я считаю, что с нашей стороны будет умнее сдержать свое слово и дать этим детишкам шанс вырасти и выжить.

Рогон поджал губы.

- Шанс... Ты чересчур заботишься о том, чтобы дать кому-нибудь шанс, Джеруп. Однажды это тебя угробит. Да вот хотя бы сегодня! Что, та тварь думала о том, чтобы дать тебе шанс на жизнь? Нет. Я уж молчу о том, что ты получил одиннадцать лет назад! Когда тоже дал шанс выжить!

- Вот и молчи, - отрывисто сказал отец.

По тону было понятно, что он вовсе не собирается признавать правоту Рогона.

Тимара ссутулилась. Ей хотелось сжаться или стать одного цвета с корой дерева, как это умеют некоторые древесные ящерицы. Рогон говорил о ней. И говорил громко, потому что хотел, чтобы она слышала. Ей не стоило с ним заговаривать, а отцу не надо было заставлять Рогона признать ее присутствие. Маскироваться всегда лучше, чем драться.

Она знала, что Рогон - друг ее отца, хотя и говорит о ней резко. Они выросли вместе, вместе учились охотиться и лазить по деревьям, были друзьями и компаньонами большую часть жизни. Она видела их на охоте, видела, как согласованно, словно пальцы одной руки, они двигаются,

подкрадываясь к дичи. Как курят и смеются. Когда Рогон повредил руку и не мог ни охотиться, ни убрать урожай, ее отец кормил обе семьи. Тимара помогала ему, хотя никогда не ходила отдавать долю добычи. Какой смысл было тыкать Рогона носом в то, что он принимает помощь от существа, которому, по его мнению, не следовало даже родиться?

Вот и сейчас, движимый дружескими чувствами, Рогон примчался, чтобы убедиться в добром здравии ее отца, и разозлился из-за того, что отец рисковал жизнью. И по той же самой дружбе Рогон хотел, чтобы Тимары не было на свете. Он не мог спокойно смотреть, во что превратилась жизнь товарища из-за нее. Тимара была обузой, лишним ртом, и никакой пользы от нее не предвиделось.

- Я не жалею о своем решении, Рогон. Я его принял, а не Тимара. Так что, если хочешь кого-то винить, вини меня, а не ее. Смотри мимо меня, не мимо нее! Это я пошел за повитухой, спустился, подобрал своего ребенка и принес домой. Потому что с того мгновения, как я посмотрел на нее, только что родившуюся, я знал, что она имеет право на свой шанс. И меня не заботит, что у нее когти и полоса чешуи вдоль хребта. Мне все равно, какой длины ее ступни. Я знал, что она заслужила шанс. И я был прав, разве нет? Посмотри на нее. С тех пор как она подросла и смогла ходить со мной по ветвям, она доказала свою полезность. Тимара приносит домой больше, чем ест, Рогон. Не в этом ли польза от охотника и собирателя? И что с того, что тебе неловко на нее смотреть? Или тебе неловко, что я нарушил дурацкие правила и не дал выбросить своего ребенка на съедение зверям? Или ты смотришь на нее и убеждаешься, что правила плохи? И подсчитываешь, сколько детей могло бы у нас вырасти?

- Я не хочу это обсуждать, - сказал Рогон.

Он встал так резко, что чуть не потерял равновесие. Что-то в словах отца задело его за живое. Рогон, кстати, был одним из лучших древолазов. Никто в этом еще не превзошел его. По спине Тимары вдруг пробежал холодок. У Рогона есть дети. Двое. Мальчики. Одному семнадцать, другому двенадцать. Неужели его жена ни разу не беременела за те пять лет, что прошли между рождением одного и другого? Или у нее были выкидыши? Или повитуха унесла сверток-другой у него из дома в темную чашу?

Тимара отвернулась и стала смотреть на берег. А вдруг отец неосторожными словами разрушит дружбу? Не надо об этом думать, решила она и уставилась на драконов. Их уже было меньше, а от коконов, из которых никто не проклюнулся, почти ничего не осталось. Многие зрители выглядели расстроенными. Диводрево - ценный материал, и кое-кто думал, что, когда драконы вылупятся, оболочки можно будет продать. Посмотреть на драконов пришли и такие, которых само зрелище не так уж и интересовало; прежде всего они рассчитывали на выгоду. Тимара пробовала сосчитать оставшихся драконов. Вначале было семьдесят девять бревен диводрева. Из скольких же вылупились жизнеспособные драконы? Но новорожденные все время беспорядочно сновали туда и сюда, а когда Тинталья принесла еще одного оленя, наступивший хаос свел все усилия Тимары на нет. Отец подсел к ней поближе. Девочка заговорила первой, как будто не слышала его разговора с Рогоном:

- Я насчитала тридцать пять.

- Тридцать два. Их легче считать по цвету - каждый отдельно, потом сложить.

- А-а...

Повисло молчание, затем отец заговорил снова, проникновенно и серьезно:

- Я сказал ему правду, Тимара. Таково было мое решение. И я ни разу о нем не пожалел.

Тимара промолчала. Что она могла сказать? «Спасибо»? Но это прозвучало бы неискренне. Приходилось ли когда-нибудь детям благодарить родителей за то, что те не убили их? Должна ли она говорить спасибо отцу за то, что он не позволил ее выбросить? Она почесала затылок, задев когтями чешую, и неловко сменила тему:

- Как ты думаешь, сколько из них выживет?

- Не знаю. Думаю, что очень многое будет зависеть от того, сколько еды принесет им Тинталья и выполним ли мы условия сделки с ней. Посмотри туда.

Самые сильные из юных драконов уже струдились у туши. Они не отталкивали своих более слабых собратьев, просто вокруг добычи уже не было места, и своего никто не уступал. Но отец показывал не туда. На краю площадки появились люди с корзинами. У многих на лицах виднелась татуировка. Раньше они были рабами, а с недавних пор поселились в Дождевых чащобах в надежде начать новую жизнь. Шедший первым выскочил вперед, опрокинул свою корзину и торопливо отбежал обратно. Серебристая куча еще бьющейся рыбы расплзлась по серой земле. Второй добавил свою ношу туда же. Затем третий.

Драконы, которым не хватило места около туши, это заметили. Все они постепенно развернулись, присмотрелись, а затем словно по команде оставили своих насыщающихся собратьев и побежали к пище, мотая клинообразными головами. Четвертый человек вскрикнул и бросил свою ношу. Корзина упала, рыба вывалилась. Человек не стал попусту геройствовать, а развернулся и во все лопатки побежал прочь. Еще трое бросили свои корзины там, где стояли, и тоже помчались наутек. Не успели они добежать до деревьев, как драконы уже набросились на рыбу. Тимаре они сейчас напоминали птиц - хватали по рыбине и запрокидывали голову, чтобы проглотить. Следом за первой группой подоспели прочие. Они едва ковыляли и шатались. Это были увечные: хромые, слепые и просто недоумки. Они брели, издавая пронзительные вопли. Вдруг один синий упал на бок и остался лежать, перебирая лапами, словно продолжал идти. Прочие не обратили на него внимания. Однако скоро он станет для них пищей, подумала Тимара.

- Кажется, им нравится рыба, - сказала она, чтобы не заговорить о другом.

- Скорее всего, им нравится любая плоть. Смотри, рыба уже кончилась. Это был весь утренний улов, и его хватило на несколько мгновений. Как нам их прокормить? Когда мы договаривались с Тинтальей, думали, что новые

драконы будут вроде нее, смогут сами охотиться через несколько дней. А если я не ошибаюсь, из этих еще никто не способен даже летать.

Драконы лизали и нюхали прибрежную глину. Один зеленый задрал морду и испустил долгий крик – непонятно, что в нем было: то ли жалоба, то ли угроза. Потом он опустил голову, увидел, что синий дракон перестал сучить лапами, и поковылял к нему. Заметив это, остальные поспешили туда же. Зеленый перешел на трусцу. Тимара отвернулась. Она не хотела смотреть, как будут есть синего.

– Если мы не сможем их прокормить, то, думаю, слабые будут умирать от голода. Со временем останется столько драконов, сколько нам прокормить по силам.

Она старалась говорить спокойно и по-взрослому, с фатализмом, который вполне соответствовал жизненной философии большинства торговцев Дождевых чашоб.

– Ты уверена? – спросил отец с холодком в голосе.

Он осуждает ее?

– А не думаешь, что они смогут найти себе другое мясо?

Кровь. Теплая, с медным привкусом. Она хотела этой крови. Длинным языком облизала морду – не только чтобы очистить, но и чтобы собрать мельчайшие остатки пищи. Олень был превосходен – еще теплый, незакоченевший. Когда она вонзила зубы ему в брюхо, там оказались упоительно пахнущие внутренности. Такие вкусные, такие нежные... но так мало! Она съела почти четверть оленя. И все, что осталось от ее кокона. Не насытилась, но голод приглушила. Она знала многое о том, как быть драконом, – память многих поколений предков оказалась к ее услугам. Достаточно было только обратиться к ней, чтобы узнать, что надо делать.

И надо взять имя, вдруг вспомнила она. Имя. Что-нибудь подходящее, подобающее одной из Повелителей трех стихий. Она постаралась отвлечься от голода. Сначала имя, потом поухаживать за собой, почистить крылья – и на охоту. И ни с кем не делиться своей добычей! Она расправила сложенные крылья и плавно повела ими. Кровь быстрее заструилась в плотных перепонках. Поднятый крыльями ветер чуть не сбил ее с ног. Она издала вызывающий вопль – просто чтобы все, кто готов посмеяться над ней, знали, что она нарочно это сделала. Восстановила равновесие. Какого она цвета в этой жизни? Изогнула шею и посмотрела. Синяя. Синяя? Да это же самый распространенный цвет драконов! Она подавила разочарование. Значит, синяя. Синяя, как небо, чтобы легче скрываться в полете. Синяя, как Тинталья. И нечего стесняться. Синий был... был... Нет, он есть! «Синтара!» – выдохнула она свое имя. Синтара. Синтара, летящая в ясных голубых небесах лета. Она подняла голову и протрубила: «Синтара!», гордая тем, что первой из вышедших назвала себя.

Но вышло как-то не так. Наверное, не получилось набрать достаточно воздуха. Она снова подняла голову, глубоко вдохнула и протрубила:

«Синтара!», присев на задние лапы. А затем прыгнула вверх, расправляя крылья.

В крови каждого дракона хранится память всех его предков. Знания не всегда лежат на поверхности, но всплывают, когда дракон ищет ответ на какой-то вопрос, а иногда приходят незваными, если ситуация к этому располагает. Возможно, в этой особенности драконьего разума крылась причина того, что дальше все пошло просто ужасно.

Синтара оторвалась от земли, но неудачно – одна ее задняя лапа оказалась сильнее другой. И уже это было очень плохо. Но когда она попыталась помочь себе крыльями, раскрылось только одно. Другое так и не развернулось, оно было хилым и увечным. Синтара не смогла удержаться в воздухе, рухнула в грязь и повалилась на бок. Удар оглушил ее. Она была совершенно сбита с толку: ни с одним драконом ее рода никогда не случалось ничего подобного! Синтара не могла понять, что ей теперь делать, чего ждать. Она забила здоровым крылом, но только перекадилась на спину, в самую неудобную для дракона позу. Даже дышать стало трудно. Она знала, что, лежа вот так, когда открыты длинная шея и брюхо в тонкой чешуе, она крайне уязвима. Надо было срочно встать.

Для пробы она подрыгала задними лапами, но до опоры не дотянулась. Передние лапы беспомощно били по воздуху. Крылья она придавила. Синтара попробовала подвигать ими, но мышцы ей не повиновались. Наконец при помощи хвоста она перевернулась на брюхо. В ней кипел гнев пополам со стыдом. Ужасно, что сородичи видели ее в таком унижительном положении. Она подергала шкурой, пытаясь стряхнуть грязь, и огляделась.

В ее сторону смотрели только два дракона. Поднявшись, она с ненавистью уперлась в них взглядом, и они утратили к ней интерес, развернувшись к другому сородичу, распростертому на земле и уже не двигавшемуся. Эти двое понаблюдали и, убедившись, что он мертв, приступили к пиршеству. Синтара шагнула к ним и остановилась в смятении. Инстинкт гнал ее к пище. Там плоть, которая сделает ее сильнее, а в этой плоти – воспоминания. Если она пожрет его, то обретет силу и бесценный опыт другой линии предков. Ей никто не запретит. И пускай она сама чуть не стала такой плотью – это просто еще одна причина поесть и стать сильнее.

Сильный поедает слабого, и это правильно.

Но кто она – слабая или сильная?

Синтара сделала шаг – неровный из-за слабой лапы, и остановилась. Попробовала расправить крылья. Это удалось только с одним. Другое по-прежнему висело неподвижно. Она повернула голову, чтобы поправить крыло. И замерла. Это убожество – ее крыло? Оно выглядело как лысая оленья шкура, натянутая на замороженные кости. Нет, это не драконье крыло. Оно не сможет выдержать ее вес, никогда не поднимет ее в воздух. Она ткнула в него носом, едва веря, что это часть ее тела. Теплое дыхание коснулось бесполезной, увечной конечности. Она отдернула голову, ужаснувшись такой неправильности. Попыталась собраться с мыслями. Она – Синтара, дракон, королева драконов, рожденная царить в небесах. Это уродство не может быть частью ее тела. Она рылась в памяти, забираясь все глубже и глубже,

пытаясь найти, вызвать какого-нибудь предка, который сталкивался с таким несчастьем. Нет, никто и никогда.

Она еще раз посмотрела на тех двоих, поедающих мертвого дракона. От этого слабака осталось совсем немного – красные ребра, груди внутренностей и кусок хвоста. Слабый сделался пищей сильных. Один из драконов заметил ее. Он поднял окровавленную морду, оскалился и выгнул дугой темно-красную шею.

– Ранкулос! – назвал он свое имя, пытаясь ее утратить.

Серебряные глаза, казалось, метали в нее молнии.

Она должна была отступить. Она же слабая, она урод. Но зрелище оскаленных зубов тронуло что-то внутри. Он не имел права бросать ей вызов! Никто не имел права.

– Синтара! – прошипела она в ответ. – Синтара!

Она шагнула вперед, к останкам, и тут ей в спину ударил поток воздуха. Синтара развернулась, пригибая голову, но оказалось, что это всего лишь вернулась Тинталья с новой добычей. Лань упала Синтаре чуть ли не под ноги. Туша была совсем свежей, карие глаза животного еще оставались ясными, и кровь текла из глубоких ран на спине. Синтара забыла о Ранкулосе и жалких останках, которые он защищал. Она прыгнула к упавшей лани.

О своих неодинаковых лапах драконица опять забыла, но на этот раз успела собраться и не упала. Протянула передние лапы к добыче и прошипела:

– Синтара!

Склонившись над тушей, она прорычала предупреждение тем, кто вздумает напасть. Вышло сдавленно и пискляво. Еще одно унижение. Но не важно. Эта еда принадлежит только ей – ей одной. Она наклонила голову и разорвала мягкое брюхо лани. Кровь, мясо и внутренности успокоили ее. Синтара схватила тушу и разодрала ее, словно убивая еще раз. Оторвав кусок мяса, запрокинула голову и проглотила. Плоть и кровь. Она снова рванула кусок. Она ест. Она выживет.

Первый день месяца Возрождения,

седьмой год правления его славнейшего

и могущественнейшего величества сатрапа Касто,

первый год Вольного союза торговцев

От Эрека, смотрителя голубятни в Удачном, –

Детози, смотрительнице голубятни в Трехоге

Детози, пожалуйста, выпусти стаю моих птиц числом не менее двадцати пяти, если у тебя нет сейчас для них срочных посланий. Все торговцы горят желанием сообщить о своем намерении увидеть выход драконов из коконов, и у меня уже некому переносить письма.

Эрек

Глава 3

Выгодное предложение

- Элис, к тебе гость.

Элис медленно подняла голову. Угольный карандаш замер над плотным листом бумаги.

- Сейчас?

Ее мать вздохнула:

- Да. Сейчас. И об этом «сейчас» я предупреждала тебя весь день. Ты знала, что придет Гест Финбок. Ты знала об этом и в прошлый раз, на той неделе, когда он приходил в это же самое время. Элис, его ухаживания делают честь тебе и нашей семье. Ты должна всегда учтиво принимать его. Но каждый раз, когда он хочет видеть тебя, мне приходится выкуривать тебя из норы. Я хочу, чтобы ты помнила: если молодой человек приходит увидиться с тобой, нужно обходиться с ним уважительно.

Элис отложила карандаш. Мать поморщилась, глядя, как она вытирает испачканные пальцы изящным платочком, обшитым севианскими кружевами. Это была маленькая месть - платок подарил Гест.

- Тем более мы все должны помнить: он единственный мой поклонник и потому единственный шанс на замужество. - Она сказала это так тихо, что мать едва расслышала. И добавила со вздохом: - Иду, мама. И буду с ним учтива.

Мать, немного помолчав, ответила:

- Мудрое решение. - И заметила холодно, но по-прежнему спокойно: - Я рада видеть, что ты наконец перестала дуться.

Элис не поняла, то ли мать сочла ее слова искренними, то ли потребовала, чтобы она согласилась вести себя как следует. Элис на мгновение прикрыла глаза. Сегодня на севере, в глубинах Дождевых чашоб, драконы выходят из коконов. Точнее, Тинталья велела в этот день убрать с коконов листву и

прочее, чтобы их коснулся солнечный свет и драконы пробудились. Может быть, именно сейчас, когда она сидит за своим столиком в скромной комнатке, среди потрепанных свитков и жалких набросков, драконы разрывают оболочки коконов.

Она представила себе эту сцену: поросший зеленью берег в жарких солнечных лучах, драконы ярких расцветок радостно трубят, выходя на свет. Наверняка торговцы Дождевых чашоб отметили их рождение празднествами. Девушка вообразила помост, украшенный гирляндами экзотических цветов. С него торжественно приветствуют появляющихся драконов. Люди поют и веселятся. Несомненно, драконы пройдут перед помостом, их представят, а потом они раскроют сверкающие крылья и поднимутся в небо. Первые драконы, проклянувшиеся за Са ведомо сколько лет. Драконы вернулись... а она здесь, заперта в Удачном, влачит скучное существование и терпит ухаживания, которые ее раздражают.

Внезапно накатила досада. Она мечтала увидеть, как вылупятся драконы, с того дня, когда услышала об окуклившихся змеях. Элис просила отца разрешить ей поехать туда, но получила ответ, что ей не пристало путешествовать одной. Тогда она подарками улестила жену младшего брата, чтобы та уговорила его разрешить ей взять Элис с собой. А еще Элис тайно продала кое-что из своего сундучка с приданым – ведь на поездку нужны были деньги – и соврала родителям, будто скопила это из тех грошей, что они выдавали ей каждый месяц на мелкие расходы. Драгоценный билет так и торчал на углу ее зеркала. Она каждый день рассматривала его – прямоугольник жесткой кремовой бумаги, на котором паучьим почерком удостоверилось, что Элис полностью оплатила путешествие на двоих. Этот кусочек бумаги был обещанием. Он означал, что она увидит то, о чем читала, станет свидетельницей события, которое может – нет, которое должно изменить ход истории. Элис зарисует все и опишет – со знанием дела, связав увиденное с тем, что она изучала много лет. И кто-нибудь по достоинству оценит ее знания и способности и поймет, что она хоть и самоучка, но не просто старая дева, одержимая драконами и их спутниками-Старшими, – она ученый.

И тогда у нее появилось бы нечто, принадлежащее только ей. И спасло бы ее от того жалкого существования, в которое превратилась жизнь в Удачном. Еще до войны ее семья обеднела. Жили просто, в скромном доме на окраине Удачного. Вместо большого парка у дома был всего лишь скромный сад с розами, окруженный заботами ее сестер. Отец зарабатывал на жизнь тем, что возил товары от одних богатых семей другим. Когда началась война и торговля замерла, прибыль от таких сделок упала. Элис понимала, что она обычная девушка из простой семьи, прочно обосновавшейся в низшем слое удачных торговцев. Она никогда ни для кого не считалась хорошей партией. И перспективы не улучшились от того, что ее выход в свет отложили до восемнадцати лет. Элис понимала, почему мать так поступила: нужно было устроить браки сестер и для еще одной дочери просто ничего не оставалось. А когда три года назад она наконец была представлена обществу торговцев, ни один мужчина не поспешил выделить ее из стайки девушек. С тех пор ряды городских девиц на выданье пополнялись трижды, и с каждым годом перспективы Элис на появление жениха и замужество становились все призрачнее.

Во время войны с Калсидой они едва выжили. Лучше было бы забыть как страшный сон те ночи огня, дыма и плача. Калсидийские корабли вошли в гавань, подожгли склады, вместе с которыми сторела и половина рынка. Удачный, славный торговый город, где было все, что только можно вообразить, превратился в чадящие руины и кучи пепла. Если бы на помощь не пришла драконица Тинталья, родные Элис сейчас были бы татуированными рабами где-нибудь в Калсиде. Врагов изгнали, а торговцы заключили союз с Пиратскими островами. Джамелия, их родина, пришла в себя, и джамелийцы поняли, что калсидийцы вовсе не союзники, а племя грабителей. Гавань Удачного расчистили, город начали отстраивать, и жизнь стала возвращаться в привычную колею. Элис понимала: она должна быть благодарна за то, что их дом не сторел и что их несколько ферм по-прежнему выращивают корнеплоды, идущие на рынке нарасхват.

Но никакой благодарности она не испытывала. О нет, ей совсем не хотелось жить в полусторевшей халупе и спать в канаве. Нет. Но в те несколько восхитительных и страшных недель она думала, что сможет избавиться от роли третьей дочери небогатой удачливой семьи. В ночь, когда Тинталья приземлилась у выгоревшего Зала Торговцев и заключила сделку с жителями – защита города в обмен на помощь змеям и вылупившимся из коконов драконам, – Элис воспрянула духом. Она была там. Стояла, завернувшись в шаль, дрожа в темноте, и слушала речи драконицы. Видела ее мерцающую шкуру, ее глаза и – да, она была очарована голосом Тинталья, покорена ее обаянием. Она с радостью поддалась чарам, полюбив эту драконицу и все, что было с ней связано. Ей представлялось, будто нет призвания выше, чем посвятить жизнь составлению летописи драконов и Старших. Она решила, что соберет воедино все известное из их истории и дополнит эти знания свидетельствами об их нынешнем славном возвращении. В ту ночь, в тот час Элис вдруг поняла, что у нее есть свое место и свое дело в этом мире. Среди пожаров и раздора казалось возможным все, даже то, что однажды Тинталья посмотрит на нее и обратится к ней и, может быть, поблагодарит за преданность этой работе.

И даже потом, когда Удачный поднимался из руин и его жители старались построить новую жизнь, Элис продолжала верить, что ее горизонты расширились. Освобожденные рабы объединились с народом Трех Кораблей и торговцами, и у всех была единая цель – возродить Удачный. Все горожане, даже женщины, оставили свои убежища и привычные занятия и взялись за дело. Элис понимала, что война ужасна, что она разрушительна и что ее следует ненавидеть, но в ее жизни война была единственным действительно волнующим событием.

Ей следовало знать, что эти мечты ни к чему не приведут.

Дома были восстановлены, люди вернулись к прежним делам, вновь начали торговать, несмотря на войну и пиратство. Все стремились наладить такую жизнь, какой она была до войны. Все, кроме Элис. Открыв для себя возможность иного будущего, она отчаянно стремилась избежать настигающей ее судьбы.

И даже когда в ее жизни появился Гест Финбок, она не отказалась от своей мечты. Ни восторг матери, ни тихая гордость отца – ведь его оставшаяся было без кавалеров дочь не просто привлекла соискателя, но вытянула счастливый билет! – не заставили Элис забыть свой план. Пусть мать себе хлопочет, а отец сияет. Элис знала, что интерес Геста ни к чему не

приведет, и почти не обращала на ухажера внимания. Она сосредоточила свои мысли на таких смешных, детских мечтах...

До традиционного летнего бала оставалось всего два дня. Это будет первый праздник в заново отстроенном Зале Торговцев. Весь Удачный пребывал в волнении. Представители от татуированных и народа Трех Кораблей должны будут присоединиться к удачнинским торговцам в честь возрождения их города. Несмотря на продолжающуюся войну, празднество ожидалось небывалое, впервые в нем пригласили поучаствовать всех жителей Удачного. Но Элис это мало занимало – она не собиралась туда идти. У нее был билет в Дождевые чашобы. Пока другие женщины, обмахиваясь веерами, станут кружиться в танце, она в Кассарике будет смотреть, как из коконов появляется новое поколение драконов.

Но две недели назад Гест Финбок попросил у отца разрешения сопровождать ее на балу. И отец разрешил.

– А дав обещание, девочка моя, я не в силах его отменить! Разве мог я вообразить, что ты предпочтешь отправиться по реке Дождевых чашоб смотреть на каких-то ящериц, вместо того чтобы появиться на летнем балу под руку с лучшим удачнинским женихом?

Отец гордо улыбался, топчась по осколкам ее мечты. Он был так уверен в том, что знает ее сокровенные желания. А мать сказала, что это вообще немисливо – думать, будто отец станет спрашивать у дочери совета в таком деле. Разве Элис не доверяет своим родителям? Ведь они желают ей добра!

В смятении Элис даже не нашла что ответить. Просто повернулась и убежала из комнаты. Потом потянулись дни, когда она оплакивала утраченные возможности. Дулась, как мать это называла. Что не помешало матери пригласить швей и скупить в Удачном весь розовый шелк и ленты. На свадебное платье для дочери денег не жалели. Какое значение имели умершие в зародыше мечты Элис, если ее родители наконец-то могли выдать замуж свою бесполезную и чудаковатую среднюю дочь? В нынешнее время войны и затянутых поясов они лихорадочно тратили деньги в надежде не только избавиться от нее, но и заключить выгодный торговый союз. Элис умирала от отчаяния. А ее мать говорила «дуюсь».

С этим покончено?

Да.

На мгновение Элис удивилась. Затем вздохнула и сумела отпустить то, за что цеплялась. Она прямо-таки видела, как нисходит на уровень обычных ожиданий, к тихой, скромной жизни, достойной дочери торговцев, которой предстоит стать женой торговца.

Все прошло, миновало, закончилось. И пусть. Ничего и не должно было произойти. Элис посмотрела в окно. Ее взгляд блуждал по розам в крохотном садике. Все как всегда. Ничего не меняется.

Она заставила себя выдать ответ:

– Я не дююсь, мама.

- Я рада. За нас обеих. - Мать откашлялась. - Он хороший человек, Элис. Даже будь он не столь выгодной партией, я бы все равно так говорила.

- Куда лучше, чем вы могли надеяться. Лучше, чем я заслуживаю.

Пауза на три удара сердца. Затем мать резко сказала:

- Не заставляй его ждать, Элис.

Элис отметила, что мать не возразила ей. Девушка знала это, и ее родители знали, и сестры, и брат. И до сих пор никто не произносил этого вслух. Гест Финбок слишком хорош для нее. Удивительно, что богатый наследник одной из самых знатных семей Удачного хочет жениться на простушке, дочери Кинкарронов. Элис почувствовала странную свободу, когда мать оставила ее слова без ответа. И гордость из-за того, что произнесла их без сожаления. Немного обидно, подумала она, укладывая угольные карандаши в серебряную коробочку и снова пачкая пальцы. Обидно, что мать даже не попыталась сказать, что ее дочь достойна такого жениха. Даже если это ложь. Элис казалось, что, заботясь мать о ее чувствах, она солгала бы, просто чтобы поддержать свою самую непривлекательную из дочерей.

Элис задумалась: как объяснить матери, что ей неинтересен Гест? Если сказать что-то вроде: «Слишком поздно. Мои девичьи мечты умерли, и теперь мне нравится совсем другое», мать ужаснется. А ведь это правда. Как все девицы, она мечтала о розах, поцелуях украдкой и романтическом сватовстве, о женихе, которого не будет волновать ее приданое. Эти мечты постепенно угасли, утонули в слезах и унижении. Элис не желала воскрешать их.

За год выходов в свет у Элис не появилось ни одного поклонника, и она решила готовиться к роли незамужней тетушки. Она играла на арфе, плела отличные кружева, у нее получались вкуснейшие пудинги. Она даже выбрала себе подходящее экстравагантное хобби: задолго до того, как в ее грезы ворвалась Тинталья, Элис стала изучать все, что было известно о драконах и Старших. Если в Удачном обнаруживался свиток о тех или других, она находила способ прочесть, купить или одолжить и переписать его. Она была уверена, что сейчас у нее собрана самая большая в городе библиотека текстов об этих двух древних расах, причем многие свитки было переписаны ею собственноручно.

Вместе с доставшимися тяжелым трудом знаниями Элис приобрела репутацию чудачки. Эту незавидную славу не могло бы перевесить даже большое приданое, а уж для средней дочери небогатых торговцев это был непростительный изъян. Но Элис это не волновало. Изыскания, начатые забавы ради, полностью завладели ею. Увлечение-причуда переросло в нечто большее. Она стала ученым, историком-самоучкой, она собирала, упорядочивала и сравнивала любые обрывки сведений о драконах, равно как и о древних Старших, Элдерлингах, живших вместе с этими гигантскими созданиями. Вообще, о них знали очень мало. Их история была связана с древними подземными городами Дождевых чащоб и, следовательно, с историей Удачного. Происходившие из этих городов древнейшие свитки содержали письма на никому не известных языках. Многие более новые тексты представляли собой разрозненные попытки перевода, и хуже всего были те,

что состояли из фантазий и домыслов. Иллюстрированные свитки часто оказывались попорчены, в пятнах, а то и поедены крысами. Приходилось только догадываться, что там было изначально. Но, углубляясь в изучение, Элис обрела способность не просто угадывать; бережно сопоставляя сохранившиеся тексты, она узнала довольно много слов. Девушка была уверена, что со временем сможет раскрыть все до единого секреты, которые таили в себе древние письмена. А время, как ей было известно, – это как раз то, чего у старых дев в избытке. Время, чтобы учиться и размышлять, время, чтобы раскрыть все эти манящие тайны.

Если бы только Гест Финбок не влез в ее жизнь! Пятью годами старше, наследник очень состоятельной даже по меркам Удачного семьи торговцев, он был настоящим героем женских грез. Увы, это были грезы матери, а не самой Элис. Мать чуть в обморок не упала от радости, когда Гест в первый раз пригласил Элис на танец. В тот же вечер он станцевал с ней еще четыре раза, и мать едва могла сдержать восторг.

По дороге домой, пока они ехали в карете, она ни о чем другом и говорить не могла:

– Он такой красавец и всегда так хорошо одет. Ты видела лицо Мельдара, когда Гест пригласил тебя? Его жена уж сколько лет пытается пристроить за Геста какую-нибудь из своих дочек – я слышала, она приглашает его к обеду по семь раз в месяц! Бедняжка. Все знают, что Мельдаровы девчонки суетливы, точно блохи. Можешь себе представить, каково это – сидеть за столом со всеми четверья разом? Вертлявые, как кошки, и мамаша такая же. Я уверена, он ходит к ним только ради младшего сына. Мне говорили, что Мельдар оскорбился, когда Гест предложил Седрику должность в своем доме. Можно подумать, парню светило что-то получше! Ведь их семья обеднела из-за войны. Что осталось – унаследует старший брат Седрика, а они еще должны дать хорошее приданое за дочерьми или уж сами содержать их! Сомневаюсь, что Седрику достанется что-то существенное.

– Хватит, мама! Ты же знаешь, что Седрик Мельдар – мой друг. Он всегда был добр ко мне. Он очень милый юноша, и у него свои планы.

Мать не обратила внимания на ее слова:

– Ах, Элис, вы так хорошо смотрите вместе. Гест Финбок подходит тебе по росту, а когда я увидела рядом твое голубое платье и его синий жакет – о! вы как будто сошли с картины. Он говорил с тобой?

– Так, немного. Он очень любезен, – призналась Элис. – Совершенно очарователен.

Да, именно так. Очарователен. Умен. Необыкновенно хорош собой. И богат. В тот вечер Элис никак не могла понять, что Гесту от нее нужно. Танцуя с ним, она ни о чем не могла думать. Он спросил, чем она занимается в свободное время, она ответила, что любит читать.

– Не вполне обычное занятие для девушки! И что же ты читаешь?

Элис мгновенно возненавидела его за этот вопрос, но ответила честно:

- О драконах и Старших. Они меня восхищают. Раз Тинталья стала нашей союзницей, а в небо скоро поднимется новое поколение драконов, кто-то должен их изучать. Я уверена, что в этом мое предназначение.

Вот так. Он должен был понять, что она совершенно неподходящая партнерша для танцев.

- Ты в самом деле так думаешь? - серьезно спросил он.

Его рука легла ей на спину, увлекая в разворот, который вышел почти изящным.

- Да, - ответила она, ставя точку в разговоре.

А он снова пригласил ее на танец и молча улыбался ей, ведя среди других пар. Когда музыка смолкла, Гест задержал ее руку в своей чуть дольше, чем следовало. Элис пришлось первой отвернуться и отойти к столу, где ее ждала мать, покрасневшая и задыхавшаяся от волнения.

Всю дорогу домой она молча слушала, как мать торжествует. На следующий день Гест прислал цветы с запиской, в которой благодарил Элис за танцы, - девушка решила, что он издевается. И вот спустя три месяца, после девяноста дней ухаживания, на протяжении которых Гест вел себя с ней взвешенно и учтиво, Элис по-прежнему не понимала, что нашел в ней этот самый завидный жених Удачного.

Элис с трудом заставила себя признать, что нарочно медлит. Она отложила свои заметки и наброски. Сегодня она сравнивала сведения из трех свитков, пытаясь выяснить, как же на самом деле выглядели Старшие. Жаль, что уже не получится до вечера вернуться к работе. Со вздохом она подошла к зеркалу, чтобы проверить, не осталось ли на лице или руках следов угольного карандаша. Нет. Все в порядке. Она посмотрела себе в глаза. Серые. Не пронзительно-черные, не ярко-синие и не изумрудно-зеленые. Серые, как гранит, обрамленные короткими ресничками. Нос короткий и прямой, рот широкий и полный. Самое обычное лицо, если бы не веснушки. И не просто безобидная россыпь на носу - нет, она вся была в этих пятнышках, даже руки. Лимонный сок на них совершенно не действовал. А от солнца они темнели. Элис подумала о пудре, но отвергла эту мысль. Она такая, какая есть, и не собирается обманывать мужчину или саму себя краской и пудрой. Девушка пригладила свои рыжие волосы, убрала с лица выбившиеся прядки, поправила кружевной воротник и вышла из комнаты.

Гест ждал ее в гостиной. Мать болтала с ним о розах, которые так чудесны в этом году. На столике между ними стоял серебряный поднос с бледно-голубыми фарфоровыми чашечками и чайником. От чайника шел запах мяты. Элис слегка поморщилась - ей несколько не хотелось этого чая. Она нацепила на лицо любезную улыбку, вздернула подбородок и вошла в комнату.

- Доброе утро, Гест! Рада тебя видеть.

Он встал, двигаясь с текучей грацией крупного кота. У него были зеленые глаза - разительный контраст с черными волосами, которые он, вопреки моде, зачесывал назад и связывал в хвост на затылке простым кожаным ремешком. Блеск его волос напоминал Элис о крыльях ворона. Сегодня Гест

был в темно-синем жакете, но шейный платок повязал зеленый. В цвет глаз. Он улыбнулся – белые зубы блеснули на загорелом лице – и поклонился ей. На секунду ее сердце дрогнуло. Этот мужчина просто красавец! В следующий миг Элис вернулась к правде жизни. Он слишком хорош собой, чтобы интересоваться ею.

Элис села в кресло, а Гест – на прежнее место. Мать пробормотала какие-то извинения, на которые они оба не обратили внимания. Мать вообще старалась оставлять их наедине, насколько это позволяли правила приличия. Элис мысленно усмехнулась. Она была уверена: то, что происходит между ними в воображении матери, куда интересней их простых и скучных разговоров.

– Не желаешь ли еще чая? – вежливо спросила она гостя.

Пока Гест колебался, Элис налила себе. Мята. Почему мать выбрала именно мяту, ведь она же знает, что Элис ее терпеть не может? Ах да, конечно. Чтобы дыхание было свежим, если вдруг Гест решит ее поцеловать.

Элис подавила нечаянный смехок. Этот человек даже за руку ее никогда не пытался взять. В его ухаживаниях не было ничего романтического.

Гест вдруг со звоном поставил чашку на блюде. Элис удивилась, увидев в его глазах вызов.

– Тебя что-то насмешило. Быть может, я?

– Нет! Нет, конечно нет. Ну, то есть ты бываешь забавным, когда сам того хочешь, но я не смеюсь над тобой. Нет.

Элис отпила глоток чая.

– Конечно нет, – повторил он, но с сомнением в голосе.

А голос у него глубокий и низкий. Такой низкий, что, когда он говорит тихо, его бывает трудно понять. Но сейчас-то он голоса не понижал.

– Ты никогда не смеешься, никогда мне не улыбаешься. О, ты кривишь губы, когда знаешь, что положено улыбнуться, но это не настоящая улыбка. Или я не прав, Элис?

Такого поворота событий она не предвидела. Это что, ссора? Так они едва ли хоть раз разговаривали по-настоящему, какая может быть ссора? Этот человек ей совершенно неинтересен, так почему его недовольство задело ее за живое? Элис вспыхнула. Как это глупо. Что подобает шестнадцатилетней девице, едва ли простительно женщине в двадцать один. Она постаралась заговорить откровенно – хотя бы для того, чтобы успокоиться. Слова пришлось подбирать с трудом:

– Я всегда старалась быть с тобой вежливой – то есть я всегда вежлива, со всеми. И я не какая-нибудь глупая девчонка, чтобы притворно хихикать над каждым словом. – Чтобы преодолеть внезапную скованность, она заставила себя заговорить более официальным тоном: – Господин мой Финбок, я не думаю, что у тебя есть основания жаловаться на мое с тобой обращение.

– Но и оснований радоваться нет. – Он со вздохом откинулся на спинку стула. – Элис, я должен тебе кое в чем признаться. Я услышал сплетню. Точнее было бы сказать так: у моего помощника, Седрика, талант узнавать обо всех слухах и скандалах Удачного. От него я узнал, что говорят, будто ты не в восторге от моих ухаживаний и недовольна перспективой появиться со мной на летнем балу. Судя по тому, что услышал Седрик, ты предпочла бы в этот день смотреть, как в Дождевых чашобах из яиц морских змей выходят драконы.

– Это змеи выходят из драконьих яиц, – поправила она, не сдержав себя. – Змеи свивают себе оболочки, которые люди называют коконами, а весной из них появляются молодые драконы.

Мысли неистово скакали. Что и кому она говорит? Как он разузнал о ее планах? Ах да. Жена брата. Оплакивала пропавшие деньги за билеты, а Элис неосторожно заметила, что предпочла бы путешествие балу. Зачем только эта дура раззвонила обо всем и почему Элис была так неосторожна, что высказала вслух свои сожаления?

Гест подался вперед:

– И ты предпочла бы смотреть на драконов, вместо того чтобы пойти со мной на летний бал?

Это был прямой вопрос. И он требовал самого прямого ответа. Элис полагала, что смирилась со своей судьбой, но сейчас в ней вспыхнула последняя искра сожаления.

– Да. Да, именно так. Для этого я и купила билеты на живой корабль, идущий вверх по реке. А летний бал... Я бы куда лучше провела время в Дождевых чашобах. Там я могла бы рисовать с натуры, делать заметки, слушать первые слова драконов и смотреть на Тинталью – как она выводит их в небо. Я бы увидела, как драконы возвращаются в мир.

Некоторое время он молчал, внимательно разглядывая ее. Элис почувствовала, что краснеет еще сильнее. Ну что ж, он сам спросил. Если ему не нравится ответ, не нужно было и спрашивать. Гест сцепил пальцы и посмотрел на них. Элис ждала, что он встанет и в гневе уйдет. Она говорила себе, что конец этого ухаживания-насмешки будет большим облегчением. Почему же тогда у нее горло перехватывает и к глазам подступают слезы?

– Могу ли я надеяться, что причина твоего недовольства последних недель кроется в отмененном путешествии, а не в разочаровании во мне как женихе? – спросил он, продолжая разглядывать свои руки.

Это было так неожиданно, что она не могла придумать ответ. Гест не отрывал от нее испытующего взгляда. У него были длинные ресницы и красивые брови.

– Итак?

Элис отвела взгляд:

– Я очень расстроилась, что поездка не состоялась. И мне обидно, что я не там. Такие события случаются раз в жизни, больше этого никогда не будет! Нет, конечно, я очень надеюсь, это не последний выход драконов из коконов. Но сейчас такое произошло впервые спустя несколько поколений! – Она резко поставила на блюдце чашку с гадким мятным чаем. Встала, подошла к окну и стала смотреть на любимые розы матери. Но роз Элис не видела. – Там будут свидетели. Они зарисуют и запишут все, что увидят. А это другое знание. Не то, что добывается из выцветших непонятных писем неизвестного языка на обрывках телячьей кожи. Те люди изучат произошедшее на их глазах и прославятся своими изысканиями. Весь почет, вся слава достанутся им. А мои знания окажутся никому не нужны. Получается, я напрасно потратила на разгадку головоломок все эти годы. Никто и не подумает, что я серьезно изучаю драконов. В лучшем случае сочтут меня престарелой чудачкой, которая бормочет всякую чушь над старыми свитками. Вроде маминой тети Джоринды – она собирала целые коробки устричных раковин, одинаковых по цвету и размеру.

Тут Элис умолкла, ужаснувшись, что рассказывает такое о своей семье, и плотно сжала губы. Впрочем, какое ей дело до того, что он подумает. Она была уверена: рано или поздно Гест поймет, что она не подходит ему в невесты, и прекратит ухаживание. А пока он болтался рядом с ней, она упустила последнюю возможность изменить свою судьбу. Придется превратиться в старую деву и жить на подачки брата. За окном мир наслаждался летом, обещавшим множество возможностей – но не для нее. Для нее это было время утраты.

За спиной Элис услышала тяжелый вздох. Гест набрал воздуха и заговорил:

– Я... ну, я прошу прощения. Я знал, что ты интересуешься драконами. Ты сама рассказала мне в тот первый вечер, когда я тебя пригласил. И я воспринял это всерьез, Элис. Честное слово. Я просто не понял, насколько это важно для тебя. Не понял, что ты действительно хочешь изучать этих существ. Боюсь, я принял это за причуду, за увлечение, призванное всего лишь скоротать время. И рассчитывал помочь тебе скоротать его сам.

Элис слушала, то удивляясь, то ужасаясь. Она хотела, чтобы хоть кто-нибудь признал ее изыскания не развлечением, а серьезным делом, но теперь, когда это сделал Гест, ей казалось унижительным, что он знает, насколько важно для нее ее занятие. Изучение драконов показалось вдруг глупостью, нездоровым пунктиком, а не разумным делом. Чем оно лучше одержимости устричными раковинами? Что ей эти драконы, зачем они ей сдались, в самом-то деле? Чтобы просто оправдать нежелание жить так, как положено? Но гнев Элис быстро улетучился. Как она могла вообразить, что ее сочтут специалистом по драконам? Она выглядит глупо в его глазах.

Элис не ответила. Гест снова вздохнул:

– Я должен был понять, что ты не праздный дилетант, что ты не ждешь, чтобы кто-то другой дал тебе цель и смысл жизни. Элис, я прошу у тебя прощения. Я нехорошо обошелся с тобой. Я исходил из благих намерений – по крайней мере, считал их благими. Теперь я понимаю, что всего лишь искал выгоды и пытался втиснуть тебя в то место своей жизни, которое считал наилучшим для тебя. Видишь ли, я на собственном опыте знаю, каково это, потому что моя семья именно так обращается со мной.

В его голосе было столько чувства, что Элис смутилась.

– Не стоит тревожиться обо мне, – тихо проговорила она. – Это было праздное увлечение, мечта, с которой я связывала слишком много надежд. Со мной все будет в порядке.

Он, казалось, не услышал ее.

– Сегодня я пришел с подарком, я думал, что могу побудить тебя думать обо мне лучше. Но теперь я опасаюсь, что ты увидишь в этом подарке только насмешку над своей мечтой. И все же я прошу принять его – как скромное возмещение твоей утраты.

Подарок. Вот уж чего ей от него совершенно не нужно. Он и раньше делал ей подарки: дорогие кружевные платки, стеклянные флакончики с духами, изысканные конфеты с рынка и браслет из мелкого жемчуга. Подарки эти были тем дороже, что добывались в военное время. Они бы подошли юной особе, но ей, стоявшей на пороге превращения в старую деву, такие подношения действительно казались насмешкой.

К Элис вернулась способность говорить, и она сказала то, что следовало сказать:

– Ты очень добр ко мне.

Если бы только он мог понять, что на самом деле творится у нее в душе.

– Пожалуйста, сядь. Позволь мне вручить его. Хотя, боюсь, он вызовет у тебя скорее горькие чувства, чем радость.

Элис отвернулась от окна. После яркого света комната показалась темной и неприветливой. Глаза еще не привыкли к полусвету, и Гест в этой мрачной комнате выглядел как темный силуэт. Она не хотела садиться рядом с ним, не хотела давать ему возможность прочесть по лицу ее истинные чувства. Она могла совладать с голосом, но со взглядом это было труднее. Элис тяжело вздохнула. Но не заплакала, не уронила ни единой слезы. И была горда, что смогла сдержаться. Этот человек в кресле воплощал собой другой (и единственный) путь, который предлагала ей судьба. Она не верила, не могла поверить ему.

Но теперь правила приличия требовали, чтобы она притворилась и не выдавала того, что творилось у нее на душе. Нельзя выставлять себя перед ним еще глупее, чем уже вышло. Элис сосредоточилась. Надо обратить все, что она наговорила и сделала, в шутку, в анекдот, который он сможет рассказывать за обедом много лет спустя, а его настоящая жена будет весело смеяться над историей о глупом ухаживании, случившемся до их знакомства. Элис придала лицу спокойное выражение – она знала, что приятно улыбаться ей пока не хватит сил. Затем вернулась, села на свой стул и взяла чашку с остывшим чаем.

– Ты уверен, что не хочешь еще чая?

– Совершенно уверен! – отрывисто бросил он.

Чудовище. Он не собирался давать ей возможность укрыться за вежливой светской болтовней. Элис отпила глоток, чтобы скрыть вспышку гнева.

Гест развернулся на стуле и достал кожаный футляр.

– У меня есть знакомый в Дождевых чащобах. Он капитан живого корабля и часто бывает в Удачном. Ты, конечно, знаешь о раскопках в Кассарике. Когда жители чащоб обнаружили там погребенный город, то очень обрадовались. Они думали, там будет как в Трехоге – мили и мили туннелей, которые надо раскопать и проверить помещение за помещением, чтобы найти сокровища. Но в Кассарике дело пошло хуже, чем в других городах Старших. Помещения не просто оказались занесены песком или затоплены илом. Они обрушились. И все же порой там находят неповрежденные вещи.

Гест открыл футляр, от которого, пока он говорил, Элис не отрывала взгляда. Трехог был главным городом Дождевых чащоб, построенным на деревьях среди болот. Под ним торговцы нашли и разграбили ушедший под землю древний город Старших. Подобный курган был обнаружен и в Кассарике, совсем рядом с площадкой для драконьих коконов, и он наверняка скрывает под собой такой же город сокровищ. С тех пор о находке почти ничего не говорили, но это, впрочем, было в порядке вещей. Торговцы Дождевых чащоб не отличались болтливостью и не доверяли свои секреты даже родне в Удачном. Сердце у Элис замерло от слов Геста. Она мечтала о том, чтобы в Кассарике раскопали библиотеку или хотя бы хранилище свитков и предметов искусства. Мечтала побывать там в эту поездку, задержавшись после выхода драконов из коконов. И еще она представляла, как говорит: «Что ж, я изучила все, что смогла найти в Трехоге. Перевести тексты полностью не могу, но отдельные слова знаю. Дайте мне полгода, и, возможно, я сумею обнаружить в этих свитках некий смысл». Все были бы поражены ее знаниями и исполнились бы благодарности к ней. Она бы добилась признания от торговцев Дождевых чащоб: переведенный свиток в сотню раз ценнее неперевоенного, и не только по части сведений, но и по стоимости. Элис осталась бы в Дождевых чащобах, ее бы там ценили. В ночной темноте у себя в комнате она много раз представляла себе все это. Но в летний полдень, в гостиную, ее мечты выцвели до детских фантазий. Все они были сотканы из тщеславия и заблуждений, подумала она.

– Как печально! – сумела произнести Элис светским тоном. – Судя по слухам о втором погребенном городе, на раскопки возлагали большие надежды.

Гест кивнул, его темная голова склонилась над футляром. Элис смотрела, как он расстегивает защелки.

– Там нашли комнату со свитками. Нижняя часть была занесена илом. Как я понял, они пытаются спасти все свитки, но речная вода там все равно что кислота. И вот обнаружился один шкаф, и на верхних полках за стеклом – шесть свитков в плотно закрытых футлярах из рога. Они сохранились не очень хорошо, но сохранились. На двух что-то вроде чертежей корабля. Еще на одном – множество рисунков растений. Два – планы какого-то здания. А шестой – вот он. И он твой.

Элис потеряла дар речи. Гест достал из футляра толстый роговой цилиндр, и она поймала себя на мысли, что хотела бы знать, у какого животного мог

быть такой огромный и блестящий черный рог. Гест с усилием вывернул деревянную пробку и вытянул содержимое цилиндра. Свиток превосходного, чуть потемневшего пергамента был обернут вокруг сердцевины из полированного черного дерева. Края, похоже, слегка обгорели, но никаких признаков повреждения водой, следов насекомых или плесени она не заметила. Гест протянул свиток ей. Элис вскинулась было – и уронила руки обратно на колени.

Когда она заговорила, голос у нее дрожал:

– О чем... о чем он?

– Никто точно не знает. Но там есть иллюстрации – женщина Старшей расы, черноволосая и золотоглазая. И дракон тех же цветов.

– Она была королевой, – быстро заговорила Элис. – Я не знаю, как перевести ее имя. Но изображения коронованной женщины с черными волосами и золотыми глазами встречались мне в четырех свитках. А в одном нарисован летящий черный дракон, который несет ее в чем-то вроде корзины.

– Невероятно, – проговорил Гест.

Он сидел прямо, протягивая ей свиток. Элис обнаружила, что крепко сжимает руки.

– Не хочешь взглянуть?

Элис перевела дыхание:

– Я знаю, сколько стоит такой свиток, я знаю, как дорого ты заплатил за него. Я не могу принять такой дорогой подарок. Это не... это...

– Это неприлично, если мы не помолвлены.

Он говорил очень тихо. Была ли то просьба или насмешка?

– Я не понимаю, почему ты ухаживаешь за мной! – внезапно выпалила она. – Я некрасива. Моя семья не богата и не влиятельна. У меня маленькое приданое. Я даже не молода, мне больше двадцати! А ты... У тебя есть все, ты хорош собой, богат, умен, обаятелен... Зачем тебе это? Зачем ты за мной ухаживаешь?

Он слегка отстранился от нее, но не выглядел обескураженным. Напротив, его губы тронула улыбка.

– Ты находишь это забавным? – продолжала Элис. – Это что, такая шутка или пари?

Улыбка исчезла с его лица. Он резко встал, по-прежнему сжимая в руке свиток.

– Элис, это... это хуже любого оскорбления! Как ты могла обвинить меня в таком поступке? Так вот кем ты меня считаешь на самом деле!

- Я не знаю, кем тебя считать, - ответила она. Сердце колотилось где-то под горлом. - Я не знаю, почему ты пригласил меня на танец тогда, в первый раз. Я не знаю, почему ты ухаживаешь за мной. Я боюсь, что все кончится разочарованием и унижением, когда ты наконец поймешь, что я тебе не пара, и откажешься от своих намерений. Я привыкла к мысли о том, что никогда не выйду замуж. Нашла для себя новую цель в жизни. А теперь я боюсь, что утрачу и это свое намерение, и возможность стать кем-то кроме увядающей старой девы, прозябающей в задних комнатах в доме своего брата.

Гест медленно осел обратно на стул. Подарок он держал небрежно, словно позабыл о нем - или о том, сколько он стоит. Элис старалась не смотреть на драгоценный свиток. Наконец гость медленно проговорил:

- Элис, ты снова заставила меня понять, насколько я с тобой нечестен. Ты и впрямь необыкновенная женщина. - Он сделал паузу, и Элис показалось, что прошла вечность, прежде чем он заговорил снова: - Я мог бы солгать тебе снова. Я мог бы польстить тебе, наговорить слащавостей, притвориться, что безумно в тебя влюблен. Но теперь я понимаю, что ты вскоре раскрыла бы эту уловку и стала бы презирать меня еще сильнее.

Он помолчал, плотно сжав губы.

- Элис, ты сказала, что уже немолода. Я тоже. Я на пять лет старше тебя. Как ты верно отметила, я богат. Конечно, когда разразилась война, нас не минула участь прочих торговцев из старинных семейств Удачного и наше состояние пошатнулось. И все же торговля развивается, мы понесли урон меньший, чем другие. Я уверен, что мы переживем войну и станем одной из самых влиятельных семей обновленного города. После смерти отца представлять нашу семью и вести торговлю от ее имени буду я. Природа одарила меня приятной внешностью, но иногда я думаю, что это на самом деле не дар, а проклятие. Я усвоил обходительные манеры, потому что, как известно, мед куда лучше сдобрит сделку, чем уксус. Я кажусь общительным и веселым, потому что это хорошо для дела, которое я обязан вести. Однако не думаю, что ты удивишься, если я скажу, что есть и другой Гест, скрытный и сдержанный, и он, как и ты, больше всего ценит, когда его оставляют в покое и он может заниматься тем, что ему интересно. Скажу тебе честно: уже несколько лет родители принуждают меня жениться. В юности я учился и путешествовал, чтобы лучше понимать отцовских торговых партнеров. Балы, праздники и всякие там приглашения на чай, - он указал на поднос с чашками, - мне скучны. И все же по воле родителей я должен жениться и завести наследников. Я должен найти жену, которая бы прилежно исполняла положенные ей обязанности, умела поддержать светскую беседу, когда это нужно, и была принята в удачнинском обществе. Короче говоря, я должен жениться на женщине из старинной семьи торговцев. Признаюсь, я и сам был бы рад иметь свой дом и наслаждаться обществом женщины, уважающей мои слабости. Так что, когда родители вполне серьезно заявили, что я должен или жениться, или начать готовить своего кузена себе в наследники, я выбрал первое. И стал искать женщину - спокойную, разумную, которая могла бы сама занять себя, когда меня нет рядом. Мне нужен кто-то, кто мог бы вести дом без моего постоянного присмотра. Женщина, которая не чувствовала бы себя брошенной, проведя без меня вечер или даже несколько месяцев, если мне придется отлучаться по делам. Один из моих друзей рассказал мне о тебе - о твоём интересе к драконам и Старшим. Я знаю, что ты бывала в доме его семьи и брала свитки из библиотеки его отца. Твоя

прямота и увлеченность научными изысканиями произвели на него впечатление.

Услышав эти слова, Элис обмерла. Она вдруг поняла, кто рекомендовал ее. Седрик Мельдар, брат Софи. Однажды он помогал ей искать свитки в кабинете отца. Элис всегда хорошо относилась к Седрику, а девочкой даже была влюблена в него. И узнать, что он посоветовал своему другу обратить внимание на нее как на невесту, было для нее потрясением. Не заметив ее смятения, Гест продолжал говорить:

- И вот когда я жаловался на жизнь, Седрик сказал мне, что я не найду лучшей невесты, чем женщина, у которой уже есть своя жизнь и свои интересы. Так я услышал о тебе. И в самом деле, у тебя свои интересы в жизни, так что я начинаю сомневаться, сможешь ли ты включить в свои планы мужа.

Он внезапно посмотрел на нее. Уж не мелькнула ли в его темных глазах искра удивления?

- Это не романтическое предложение. Думаю, ты заслуживаешь лучшей доли, чем та, что предлагаю я. Но, говоря прямо, вряд ли тебе предложат что-то более выгодное. Я богат, умен, хорошо воспитан и, как мне самому кажется, добр. Я имею основания надеяться, что мы неплохо поладим - я со своей торговлей и ты со своими учеными занятиями. После свадьбы мы оба с огромным облегчением избавимся от ворчания родителей. Итак, Элис, можешь ли ты дать мне ответ сегодня же? Выйдешь ли ты за меня замуж?

Он умолк. Элис не находила сил ответить на это странное предложение. Гест, наверное, подумал, что она колеблется. И поэтому повторил то, что другой женщине могло бы показаться страшным оскорблением, а для нее прозвучало всего лишь как признание их невысокого положения:

- Не думаю, что тебе сделают предложение лучше этого. Я богат. Всю тяжелую работу будут делать слуги. Ты сможешь нанимать домоправителей и лакеев, сколько душа пожелает. Найми секретаря и повара, чтобы занимались нашими обедами и развлечениями. Ты получишь все, что нужно для приличного содержания дома. У тебя будет не только время для занятий, но и доход, ты сможешь приобретать нужные книги и свитки. А если тебе ради твоих штудий придется путешествовать, я дам тебе подходящих сопровождающих. Я искренне сожалею, что из-за меня ты потеряла возможность увидеть выход драконов из коконов. И обещаю, что если ты примешь мое предложение, то сможешь поехать вверх по реке Дождевых чашоб и провести там столько времени, сколько тебе потребуется для изучения драконов. Решайся. Лучшей сделки тебе не найти.

Элис проговорила:

- Ты покупаешь меня в надежде упростить себе жизнь. Ты покупаешь меня за свитки и время на их изучение.

- Немного грубовато, но...

- Я согласна, - быстро сказала она и протянула ему руку, думая, что он поднесет ее к губам и поцелует. Или даже обнимет ее, Элис.

Вместо этого Гест с улыбкой пожал ей руку, как это делают мужчины, заключая уговор, а потом развернул ладонью вверх и вложил в нее драгоценный свиток. Свиток был тяжелым, – наверное, для сохранности его пропитали маслом. Запах тайн манил. Элис торопливо подхватила обретенную драгоценность другой рукой.

– С твоего позволения, я объявлю о нашем бракосочетании на летнем балу. Разумеется, после того, как испрошу дозволение у твоего отца, – с удовлетворением сказал Гест.

– Тебе вряд ли придется уговаривать его, – пробормотала Элис.

Прижав свиток к груди, как своего первенца, она думала о том, на что только что согласилась.

Когда Гест покидал скромный дом Кинкарронов, его каблуки звонко клацали на каждой каменной ступеньке. Седрик ждал его у коляски, запряженной пони. Юноша откинул каштановые волосы с глаз и улыбнулся другу. Широкая улыбка Геста предвещала хорошие новости. Маленькая лошадка подняла голову и негромко заржала.

– Ну что? – спросил Седрик вместо приветствия.

– Что, заждались меня, вы оба?

– Ну, ты пробыл там несколько дольше, чем должен был, – сказал Седрик, занимая свое место и берясь за вожжи. – Я думал, это означает поворот к худшему. В последнее время дело шло как-то не очень.

Длинноногий Гест легко вскочил на пассажирское сиденье коляски и со вздохом уселся:

– Ненавижу это изобретение. Спинка сиденья упирается в поясницу, а колеса подсакивают на каждой выбоине. Когда отец разрешит мне опять брать карету, благодарность моя будет велика.

Седрик цокнул лошадке и натянул вожжи:

– Это будет не скоро. Пока дороги в таком состоянии, коляска – лучшее средство передвижения. На ней можно проехать там, где улицы перегорожены. Золотой проезд уже неделю наполовину перекрыт штабелями древесины, потому что там ремонт. В Удачном еще столько всего надо разобрать и расчистить, прежде чем построить новое! На Большом рынке половина лавок – одни обгорелые стены.

– А летом запах гари усиливается. Я убедился. Вчера едва нашел чайную с открытой верандой, как тут же удрал из-за вони. Понятно, что ездить на коляске с пони сейчас разумнее. Точно так же разумно жениться на Элис Кинкаррон. Ни то ни другое мне не нравится, но приходится терпеть. Слушай, Седрик, я веду себя разумно всего несколько месяцев, но меня от этого уже тошнит. – Гест со стоном откинулся на низкую спинку, потом

выпрямился и потер поясницу. – Самый неудобный транспорт в мире. И почему дом Кинкарронов так далеко от центра города?

– Вероятно, потому, что именно этот участок им изначально выделил сатрап. Здесь есть одно преимущество – налетчики и разбойники ленятся забираться так далеко.

– Неприкосновенность убогого домишки – слишком скудная плата за жизнь в такой дыре. Они когда-нибудь думали о том, чтобы переехать в район получше?

– Сомневаюсь, что у них есть такая возможность.

– Видимо, плохо планируют. Будь у них меньше дочерей, которым надо обеспечить приданое, у их сыновей положение было бы получше.

Седрик решил не обращать внимания на ворчание приятеля. Он легко управлялся с вожжами, направляя пони в обход ям на мостовой.

– Так что же, я должен тянуть из тебя подробности? Как твое ухаживание? Ты выяснил, почему дама проявляет такое пренебрежение к столь выдающейся добыче, как ты?

– Как ты и подозревал. Должен признать, что твоя способность собирать городские слухи тебя не подвела. Элис предпочла бы поехать вверх по реке Дождевых чащоб и посмотреть, как вылупляются драконы, а не идти со мной на бал. Она сама призналась, что одержима драконами. Явно смирилась с тем, что останется старой девой, и сама выбрала себе это необычное занятие. А тут появился я и не только вдребезги разбил ее мечту об одиночестве, но и лишил возможности увидеть выход драконов, зловредно пригласив на бал. Негодяй, да и только. Так что я расстроен.

Седрик посмотрел на своего друга, которого обычно ничто не задевало. Похоже, Гест не шутил.

– Так я должен все-таки тянуть из тебя, да? Ты чего-нибудь добился? Она пойдет с тобой на бал?

– О, и не только.

Гест потянулся, потом повернулся и одарил Седрика своей сияющей улыбкой. Зеленые глаза заговорщицки сверкали.

– Твое предложение насчет подарка сработало превосходно. Едва она взглянула на него – и тут же приняла мое предложение. Просить ее руки у отца будет чистой формальностью, она и сама так сказала. Так что поздравь меня, дружище. Я женюсь.

На последней фразе его голос угас и тон пришел в разительное противоречие со смыслом слов.

Седрик закусил губу, чтобы справиться с волнением.

– Поздравляю, – спокойно сказал он. – Желаю вам обоим счастья.

Гест ухмыльнулся:

- Ну, не знаю, как она, а я намерен быть счастливым. Потому что не собираюсь менять свою жизнь. И если она не дура, то тоже выберет счастье. Лучшего ей никто не предложит. Ах, да не смотри на меня с таким осуждением, Седрик. Ты сам сказал, что если я найду женщину, которая не будет от меня ожидать слишком многого, это будет прекрасный способ осчастливить мое семейство. Ты даже подсказал, что Элис Кинкаррон подойдет лучше всего. Я встретился с ней, убедился, что ты прав, и вот она моя. Со временем она наградит меня толстеньким карапузом, дабы он унаследовал имя и состояние, и тем гарантирует, что отец не сделает наследником моего кузена. Все мудро и очень практично и потребует от меня лишь самых малых усилий.

- Но тем не менее печально, - тихо отозвался Седрик.

- Почему печально? Мы все получим то, чего хотим.

- Не совсем. И это нечестно. - Он снова вздохнул. - Элис заслуживает лучшего. Она хороший человек. Добрый.

- Ты, дружище, слишком сентиментален. А честность сильно переоценивают. Да если мы тут, в Удачном, вдруг введем всеобщую честность, все торговцы через неделю станут нищими.

Седрик обнаружил, что ему нечего ответить.

- Зачем же ты подал мне эту идею, если не хотел, чтобы я ею воспользовался? - спросил Гест, словно бы защищаясь.

Седрик пожал плечами. На самом деле он не ожидал, что друг примет всерьез его циничное предложение, которое он сделал, чтобы слегка принизить своего кумира в собственных глазах: «Есть старая поговорка: если хочешь быть счастлив, женись на уродине, и жена будет тебе благодарна всю жизнь».

- Я был пьян и зол из-за собственных неурядиц, - чувствуя себя неловко, сказал он. - Элис неплохой человек. И она не уродина. Ну, просто не красавица. По удачинским понятиям. Но она добрая. Она ходила к моим сестрам в гости, когда мы были моложе. И хорошо относилась ко мне, когда другие девушки шарахались как от заразного.

- О да. Я и забыл, что ты был одно время пятнистым, - весело подначил его Гест. - Она, наверное, думала, что ты так и останешься с пятнами, в пару к ее веснушкам.

Седрик подавил улыбку:

- Одно время! Да мне казалось, что это на всю жизнь! Поэтому для меня было важно, что она хорошо обращается со мной, играет в карты или садится рядом за столом, если остается на обед. Тогда мы дружили. Теперь-то я не особенно хорошо ее знаю. Просто мне прекрасно известно, что она добрая и разумная, пусть и не красавица и состояния у нее нет. - Седрик тряхнул

головой и отбросил с глаз непокорные волосы. – Я никогда не пожелал бы ей плохого. Я предположил, что она может стать тебе отличной и нетребовательной женой, но и мысли не допускал, что ты сделаешь ей предложение.

– Ну да, так уж и не допускал! – бессердечно возмущился Гест. – Ты был рядом со мной, пока я за ней ухаживал. И ты все это затеял: нашел ее, подсказал мне насчет подарка, который сделает ее поговорчивей. И должен тебе сказать, ты попал в самую точку! Пока не развернул свиток, я и не надеялся на успех. Но щедрый дар принес мне победу.

– Всегда к твоим услугам, – кисло отозвался Седрик.

Он пытался не думать о своей роли в интриге Геста, поскольку эта роль будто бы замарала его грязью. Элис была ему другом. О чем он думал в ту ночь, когда ее имя слетело с его заплетающегося языка? Ясно о чем. О себе и о том, как приятно жить под крылышком Геста Финбока. О том, как хорошо ничего не менять в жизни и обратить устремления другого к своей выгоде.

Седрик отбросил эти мысли и сосредоточился на том, чтобы провести лошадку вокруг ям. Жители Удачного, стараясь в первую очередь восстановить сожженные и разграбленные здания, совсем запустили дороги. Когда до них дойдут руки, на ремонт уйдет целый сезон. Седрик покачал головой. В последнее время ему казалось, будто весь город разрушается; все, чем гордился он, сын торговца Удачного, сейчас или лежало в руинах, или лишилось былой красоты, или изменилось до неузнаваемости.

После калсидийского набега Удачный погряз во внутренних раздорах, все старались свести старые счеты. Свара закончилась, однако восстановление города первое время продвигалось медленно, люди работали без огонька. Сейчас дела пошли лучше, потому что Совет торговцев взял власть в свои руки и стал следить за соблюдением законов. Народ понял, что отстраиваться стало безопасно, и после возобновления торговли многие нашли на это средства. Но новые здания казались не такими, как прежние, многие возведенные в спешке дома вышли чуть ли не одинаковыми. Седрик был не согласен с решением Совета, по которому большинство из тех, кто не принадлежал к старинным семействам торговцев, получили право участвовать в восстановлении города. Бывшие рабы, рыбаки и новые купчики теперь сливались с исконными семействами. Все менялось слишком быстро. Удачный никогда не будет таким, как раньше. Накануне Седрик жаловался на все это отцу, но тот совершенно ему не сочувствовал.

– Не будь дураком, Седрик. Ты преувеличиваешь. Удачный продолжает жить. Но он уже никогда не станет прежним, потому что Удачный никогда не был таким, как прежде, говоря твоими словами. Удачный стремится к переменам и меняется. И те из нас, кто способен меняться, будут процветать вместе с ним. Немного измениться нам не повредит. Умный человек из любой перемены может извлечь выгоду. И ты должен думать, как обратить перемены на пользу семьи.

Тут отец вынул изо рта свою короткую трубочку, указал ею на сына и требовательно спросил:

– Ты не думал, что, возможно, тебе самому стоит кое-что изменить к лучшему? Положение секретаря и правой руки Геста – это хорошо. Ты будешь встречаться со многими его торговыми партнерами. Тебе нужно подумать, как использовать эти связи. Не можешь ведь ты всю жизнь быть второй скрипкой при своем друге, какой бы крепкой ни была эта дружба и какую бы приятную жизнь ни обещала. Ты должен извлечь наибольшую выгоду из того, что имеешь, раз уж ты отверг все, что я мог тебе дать.

Седрик вздохнул. Отец всегда сводил любой разговор к тому, какой неудачник его сын.

– Это ты по мне вздыхаешь, приятель? – хохотнул Гест. – Седди, ты всегда думаешь обо мне самое плохое? Ты боишься, что я обманул бедную женщину, что сладкие речи и моя очаровательная улыбка вскружили ей голову?

– А разве нет? – настороженно спросил Седрик.

Он уже раскаивался, что предложил другу обратить внимание на Элис. И было больно слушать насмешки Геста.

– Все нет. Ты напрасно себя коришь. Все к лучшему, дружище! – Гест похлопал его по плечу и наклонился поближе. – Она полностью все поняла. Нет, не сразу. Сначала она довела меня до того, что я чуть не растерялся: взяла и напрямик спросила, не является ли мое ухаживание шуткой или попыткой выиграть пари! Это меня повеселило, скажу я тебе. А потом я вспомнил, как ты говорил, что девица не промах и вообще разумна. Умная женщина – страшный, хоть и невеликий зверь. Итак, я быстренько пересмотрел свою стратегию. Все изменилось, когда я открыл ей свои карты. Я признался, что намерен жениться по расчету, даже сказал, что выбрал ее потому, что она, похоже, не заставит меня менять образ жизни. Ох, да не смотри на меня так! Конечно, я сделал все тактичнее, чем сейчас излагаю. Но никакой любви и привязанности. Вместо этого я предложил ей возможность нанимать слуг в дом, чтобы они выполняли всю работу, и средства на ее маленькое необычное увлечение.

– И она это приняла? Твое предложение брака на эдаких условиях?

Гест снова рассмеялся:

– Ах, Седрик, не все же такие романтики и идеалисты! Когда женщине предлагают выгодную сделку, она это понимает. Мы пожали друг другу руки, как порядочные торговцы, и делу конец. То есть начало. Она выйдет за меня замуж, я получу от нее наследника, отец перестанет докучать мне речами о том, как для него важно передать семейную мантию и право голоса достойному наследнику. Он угрожает, что сделает своим наследником моего кузена. А тот только и знает, что детишек строгать! У него уже два сына и дочь, хотя он на год моложе меня. Совсем человек удержу не знает. Я буду неописуемо рад, когда у меня родится сын от Элис и Чет пожалеет, что так усердно пыхтел над своей женой. Подожди, Чет еще поймет, что ему надо найти способ прокормить их всех, да без нашего состояния! – Он ударил себя по колену и откинулся назад, весьма довольный собой. Мгновение спустя он снова выпрямился и толкнул Седрика локтем. – Давай, Седрик, скажи что-нибудь! Ведь мы оба этого хотели! Жить для себя. Мы вольны

путешествовать, развлекаться, гулять с друзьями – ничего не изменится. Жизнь прекрасна!

Седрик помолчал. Гест скрестил руки на груди и довольно посмеивался. Коляску подбросило на изрытом колеями перекрестке, и тут Седрик тихо спросил:

– И как же ты получишь от нее сына?

Гест пожал плечами:

– Задую все свечи и мужественно исполню свой долг. – Он безжалостно расхохотался. – Темнота порой – лучший друг мужчины. В темноте я могу представить вместо нее кого угодно. Даже тебя! – И он снова громко рассмеялся, заметив ужас на лице приятеля.

Оправившись от потрясения, Седрик едва слышно сказал:

– Элис заслуживает лучшего. Любой человек заслуживает.

– Лучше меня? Как тебе прекрасно известно, дружище, это невозможно. Лучше меня никого нет.

Второй день месяца Возрождения,

седьмой год правления его славнейшего

и могущественнейшего величества сатрапа Касто,

первый год Вольного союза торговцев

От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, –

Эреку, смотрителю голубятни в Удачном

Эрек, это четвертая птица с копией запроса. Пожалуйста, как можно скорее пришли обратно птицу с подтверждением, что ты его получил. Боюсь, что моих птиц бьют ястребы по дороге. В запечатанном футляре находится послание для Совета торговцев Удачного. Это четвертая копия запроса. Совет торговцев Дождевых чашоб спрашивает, что делать с юными драконами. Я уверена, что еще они требуют дополнительных средств для найма охотников. Надеюсь, что мои птицы у тебя и что это просто ваш Совет тянет с ответом.

Детози

Глава 4

Клятвы

- Еще только чуточку, - сказала мать.

Элис покачала головой:

- У меня и так на лице муки больше, чем в свадебном пироге. И в этом тяжеленном платье я уже вспотела. Мама, Гест знает, что у меня веснушки. Я уверена, что он предпочтет видеть их, а не показывать гостям толстый слой пудры на моем лице.

- А ведь я пыталась уберечь ее от солнца. Я предупреждала, чтобы она носила шляпу и вуаль, - пробормотала мать, отвернувшись.

Элис знала: мать нарочно сказала это достаточно громко, чтобы ее слова оказались услышаны. И вдруг осознала, что не будет скучать по таким вот чуть слышным замечаниям.

Будет ли она тосковать по родительскому дому?

Элис окинула взглядом свою крохотную спальню. Нет. Не будет. Ни по кровати, некогда принадлежавшей двоюродной бабке, ни по старым покрывалам, ни по лоскутному коврику. Она готова уйти из отцовского дома и начать новую жизнь. С Гестом.

При мысли о нем сердце чуть дрогнуло. Элис покачала головой. Не время думать о брачной ночи. Сейчас надо сосредоточиться на церемонии. Они с отцом как следует продумали ее обязательства по отношению к Гесту. Формулировки отшлифовывали несколько месяцев. Брачный контракт в Удачном составляют так же скрупулезно, как любой другой. И вот сегодня, в Зале Торговцев, перед семьями и гостями, условия этого контракта будут оглашены, прежде чем жених и невеста поставят под ним свои подписи. Все узнают об их с Гестом соглашении. Семья Финбок очень точно сформулировала свои требования, и некоторые заставили отца Элис хмуриться. Но в конце концов он посоветовал дочери принять их. Сегодня ей предстояло утвердить соглашение при свидетелях.

А потом, покончив с делами, новобрачные будут принимать поздравления.

И ночью скрепят свое соглашение.

Ею владели и радостное ожидание, и страх одновременно. Некоторые ее замужние подруги предупреждали, что расставаться с девственностью будет больно. Другие заговорщицки улыбались, шептали, что завидуют - ведь ей достался красивый жених, - дарили духи, лосьоны и кружевные ночные наряды. Было много разговоров о том, что Гест хорош собой, ловко танцует и что прекрасной фигурой он обязан верховой езде. Одна не слишком сдержанная подружка даже сказала: «Раз в одном седле хорош, то и в другом неплох!» - и захихикала. Так что, хотя во время ухаживания недоставало

поцелуев украдкой и ласковых слов шепотом, Элис смела надеяться, что первая ночь разрушит сдержанность Геста и явит его скрытую страсть.

Элис обмахнула лицо небольшим кружевным веером. От веера шел тонкий аромат. Она последний раз глянула в зеркало.

Ее глаза сияли, на щеках играл румянец. Влюблена, как глупенькая девочка, подумала она и улыбнулась своему отражению. Какая женщина устояла бы перед чарами Геста? Он хорош собой, остроумен, приятен в беседе. Умеет выбирать подарки – они всегда оказывались очень уместными. Гест не только принял ее научные устремления – его свадебные подношения показывали, что в будущем он поддержит ее увлечение. Две превосходные ручки с серебряными перьями и тушь пяти цветов. Лупа, чтобы читать выцветшие строки старых рукописей. Шаль, расшитая змеями и драконами. Серьги из дымчатого стекла, по форме напоминавшие драконьи чешуйки. Каждая такая вещь приходилась как нельзя кстати. Элис подозревала, что подарки свидетельствуют о том, что он из-за своей сдержанности не облекает в слова. В ответ она тоже оставалась сдержанной и учтивой, но в душе все теплее относилась к нему. Дневная сдержанность лишь подпитывала ее ночные фантазии.

Даже самая домашняя девушка втайне мечтает, чтобы мужчина полюбил ее душу. Гест прямо сказал ей, что их брак заключается по расчету. Но должен ли он таковым оставаться, думала Элис. Если она отдала себя ему, не способна ли она на большее – ради них обоих? За месяцы, прошедшие после помолвки, Элис обращала на Геста все больше внимания. Когда он говорил, она изучала форму его губ, когда он брал чашку чая – рассматривала его изящные руки, восхищалась широкими плечами, обтянутыми жакетом. Она перестала задумываться о причине этого и задаваться вопросом, придет ли к ней любовь, – напротив, она радостно отдалась своей влюбленности.

Война разорила Удачный, так что, даже если бы ее родители и могли тратить деньги не считая, многого было просто не купить. И все равно этот день показался Элис сказочным. Ее не волновало, что свадебное платье перешито из бабушкиного, – это только придавало значительности событию. Цветы, которыми украсили Зал Торговцев, были не из теплиц и не из Дождевых чащоб, а из их собственного сада и от друзей. Две ее кузины будут петь, а отец – играть на скрипке. Все будет просто, честно и очень по-настоящему.

Брачную ночь Элис воображала на тысячу ладов. Она представляла Геста дерзким, а потом по-мальчишески стеснительным, нежным, восторженным или даже возмутительно непристойным, а то и требовательным. И каждый из этих вариантов подогревал ее желание и прогонял сон от ее постели. Что ж, всего через несколько часов она узнает. Элис поймала в зеркале свое отражение. Она улыбалась. Кто бы мог подумать, что Элис Кинкаррон будет улыбаться на собственной свадьбе?

– Элис? – В дверях стоял отец.

Она повернулась, и при виде мягкой печальной улыбки ее сердце дрогнуло.

– Дорогая, пора спускаться. Карета ждет.

Сварг стоял в крохотном камбузе. По кивку капитана он сел и положил большие грубые руки на край стола. Лефтрин со вздохом уселся напротив. День был длинный... нет, длинными были три последних месяца.

Дело требовало секретности, и от этого работы прибавилось втрое. Лефтрин не рискнул куда-либо перетаскивать диводрево. Сплавить его по реке в более подходящее для распила место тоже было нельзя. На любом проплывающем мимо судне могли догадаться, что это за находка. Так что распилить «бревно» на пригодные для использования части следовало на месте, среди берегового ила и кустов.

Сегодня все было закончено. «Бревна» диводрева больше не существовало, последние куски были уложены в трюмы Смоляного вместо подстилки под груз. На палубе веселилась команда. Лефтрин решил, что самое время всем им обновить свои обязательства перед Смоляным. И все уже подписали корабельные бумаги. Оставался только Сварг. Завтра они спустят Смоляного на воду, вернутся в Трехог и оставят там плотников, которых они, готовясь к делу, тщательно выбирали и которые отлично справились с работой. Потом Смоляной и его команда вернутся на свой обычный маршрут по реке. А пока пускай все празднуют. Большая работа была позади, и Лефтрин понял, что ни о чем не жалеет.

На столе стояли бутылка рома и несколько стеклянных стаканчиков. Два из них прижимали свиток, рядом были чернильница и перо. Еще одна подпись – и Смоляному ничто не грозит. Лефтрин внимательно разглядывал речника, сидевшего напротив. Простая рубаха рулевого была выпачкана илом и смолой. Под ногти набилась серебристая древесная пыль, а по щеке расплзлось грязное пятно – видать, поскреб недавно.

Лефтрин мысленно улыбнулся. Он и сам, скорее всего, такой же грязный. Весь день пришлось заниматься работой, к которой никто из них не был привычен. Сварг проявил себя как нельзя лучше. Он по собственной воле примкнул к стовору и работал без жалоб, за что Лефтрин всегда его ценил. Настало время дать ему это понять.

– Ты не жалуешься. Ты не ноешь и не ищешь виноватого, когда что-то идет не так. Ты просто берешь и делаешь что можешь, чтобы все снова стало как надо. Ты верен и осмотрителен. Поэтому я и держу тебя на борту.

Сварг снова покосился на стаканчики, и Лефтрин уловил намек. Он открыл бутылку и плеснул обоим понемножку.

– Тебе лучше отмыть руки, а уж потом есть и пить, – посоветовал он рулевому. – Эта грязь может быть ядовита.

Сварг кивнул и тщательно вытер руки о рубашку. Они выпили, и Сварг наконец ответил:

– Навсегда. Я слышал, как другие об этом толковали. Ты просишь меня подписаться и навсегда остаться на Смоляном. До самой смерти.

– Верно, – сказал Лефтрин. – И я надеюсь, они упомянули, что твоя доля тоже станет больше. С новым корпусом нам уже не понадобится такая большая

команда, как раньше. Но я не собираюсь урезать жалованье, и каждый матрос на борту будет получать равную долю. Как тебе это?

Сварг кивнул, но смотреть ему в глаза избегал.

- До конца жизни - это очень долго, кэп.

Лефтрин рассмеялся:

- Кровь Са! Сварг, ты десять лет со Смоляным. Для человека из Дождевых чашоб это уже половина вечности. Так почему подпись на пергаменте стала камнем преткновения? Это выгодно нам обоим. Я буду знать, что заполучил хорошего рулевого до тех пор, пока Смоляной на плаву. А ты будешь уверен, что никто не решит однажды, будто ты слишком стар для работы, и не оставит на берегу без гроша. Ставишь подпись здесь, и моего наследника это обязательство касается точно так же, как меня. Ты даешь мне слово, подписываешь вместе со мной бумаги, и я обещаю, что, пока ты жив, мы со Смоляным, о тебе позаботимся. Сварг, на что ты можешь рассчитывать, кроме этого корабля?

- Почему обязательно навсегда, кэп? - гнул свое Сварг. - Почему теперь я либо должен пообещать плавать с тобой до конца жизни, либо уйти?

Лефтрин подавил вздох. Сварг хороший человек и отличный рулевой. Он умеет читать реку, как никто другой. В его руках Смоляной чувствует себя превосходно. В последнее время корабль претерпел множество перемен, поэтому Лефтрин не хотел искать нового рулевого. Он прямо посмотрел в лицо Сваргу.

- Тебе ведь известно: то, что мы сделали с диводревом, запрещено. И наше дельце должно остаться тайной. Думаю, лучший способ сохранить тайну - сделать так, чтобы всем, кто к ней причастен, было выгодно молчание. И держать всех причастных в одном месте. До того как мы приступили к делу, я позволил уйти тем, кого не считал преданными мне и сердцем и душой. Сейчас у меня небольшая и тщательно отобранная команда, и я хочу, чтобы ты в нее входил. Дело в доверии, Сварг. Я держусь за тебя, потому что в юности ты строил корабли. Я знал, что ты поможешь нам сделать то, что нужно для Смоляного, и не разболтаешь лишнего. Но вот дело сделано, и я хочу, чтобы ты оставался его рулевым. Всегда. Если я возьму на борт нового человека, он немедленно догадается, что на этом корабле творится нечто не совсем обычное, даже для живого корабля. И я не буду знать, можно ли доверить этому человеку нашу тайну. Вдруг он окажется болтуном, решит, что у него получится выжимать из меня деньги за молчание. И тогда мне придется сделать кое-что, что мне очень не хотелось бы делать. Поэтому я предпочел бы тебя, причем на срок как можно дольше. На всю жизнь, если ты подпишешь эту бумагу.

- А если не подпишу?

Лефтрин помолчал. До сих пор до такого торга дело не доходило. Ему казалось, он верно отобрал людей. Он и представить себе не мог, что Сварг станет колебаться. И Лефтрин спросил напрямик:

- Почему не подпишешь? Что тебе мешает?

Сварг помялся. Посмотрел на бутылку и отвел глаза. Лефтрин молчал. Его собеседник был неразговорчив. Лефтрин налил себе и ему еще рома и терпеливо ждал.

- Есть одна женщина, - наконец произнес Сварг и снова умолк.

Посмотрел на стол, на капитана и опять на стол.

- И что? - спросил Лефтрин.

- Я хочу попросить ее выйти за меня замуж.

У Лефтрина упало сердце. Он не в первый раз терял хорошего матроса, покидавшего корабль ради жены и дома.

В недавно отремонтированном и обновленном Зале Торговцев еще пахло свежим деревом и лаком. Для церемонии скамьи сдвинули к стенам, освободив всю середину зала. Послеполуденное солнце било в окна, свет квадратами ложился на полированный пол и дробился пятнами на гостях, собравшихся, чтобы засвидетельствовать брачные клятвы. Большинство было облачено в официальные наряды фамильных цветов. Были тут и люди с Трех Кораблей - видимо, торговые партнеры семьи Геста, и даже женщина из татуированных в длинном одеянии из желтого шелка.

Геста еще не было.

Элис сказала себе, что это не важно. Он придет. Он все это устроил и вряд ли отступит. Она от всей души желала, чтобы ее платье было посвободнее, а день - попроще.

- Ты такая бледная, - шепнул ей отец. - С тобой все в порядке?

Элис подумала о толстом слое пудры, которой мать обсыпала ей лицо, и улыбнулась:

- Все хорошо, папа. Я просто слегка нервничаю. Может, нам немного пройтись?

Они под руку неторопливо двинулись через зал. Гости один за другим здоровались с ней и желали всего хорошего. Некоторые уже отведали пунша. Другие открыто изучали условия брачного контракта. Два свитка были разложены на длинном столе в центре зала. В серебряных канделябрах горели белые свечи - чтобы прочитать мелкие строчки, требовалось много света. Одинаковые черные перья и чернильница с красными чернилами ждали их с Гестом.

Это была особая традиция Удачного. Брачный контракт надлежало тщательно рассмотреть, зачитать вслух и подписать обеим семьям, и только потом следовал сам обряд бракосочетания, куда более краткий. Элис видела в этом некоторый смысл. Они здесь все торговцы, - разумеется, их свадьбы должны быть продуманы так же тщательно, как сделки.

Элис не осознавала, как сильно она переживает, пока не услышала шум подъезжающей кареты.

- Это он, - шепнула она отцу.

- Да уж пора бы, - недобрый тоном отозвался тот. - Мы, может, и не так богаты, как Финбоки, но Кинкарроны такие же торговцы, как и они. Не стоит нас принижать. И оскорблять - тоже.

Только тут Элис поняла, как он боялся, что Гест не явится. Бросит ее, и контракт останется неподписанным. Она заглянула в глаза отца и увидела гнев пополам со страхом. Страх перед возможным унижением, страх перед тем, что ему придется забрать никому не нужную дочь домой. Элис отвернулась. Даже ее собственный отец не верит, что Гест в нее влюбился и хочет жениться.

Она вдохнула настолько глубоко, насколько позволяло это туго облегающее платье, выпрямила спину, и решимость вернулась. Она не придет больше в отцовский дом, не станет неудачницей. Никогда. Любой ценой.

И тут дверь зала широко распахнулась, и в нее хлынули люди Геста в официальных одеяниях. Они расположились на ступеньках - вся эта толпа друзей и деловых партнеров. В центре стоял Гест. От одного взгляда на него у Элис забило сердце. Его волосы были небрежно взъерошены, на скулах горел румянец. Жакет из темно-зеленого джамелийского шелка подчеркивал плечи. Белый шейный платок был заколот булавкой с изумрудом - и тот яркостью сияния уступал зеленым глазам Геста.

Когда их взгляды встретились, его лицо вдруг застыло, улыбка угасла. Элис удержала его взгляд, требуя переменить отношение к ней прямо сейчас. Вместо этого он серьезно посмотрел на нее и кивнул, словно подтвердил что-то сам для себя. Дюжина доброжелателей рванула вперед, чтобы немедленно поздравить жениха. Гест двигался между ними, как корабль по волнам, - не грубо, но не давая себя остановить или втянуть в разговор. Подойдя к Элис и ее отцу, он официально поклонился обоим. Удивившись, Элис изобразила торопливый реверанс.

Когда она выпрямилась, Гест подал ей руку, но улыбнулся при этом ее отцу и сказал:

- Полагаю, она теперь моя?

Элис протянула ему руку в ответ.

- Полагаю, сначала надо подписать контракт, - весело сказал отец.

Один жест Геста - и тревоги отца как не бывало, тот сделался добродушным и сиял от гордости при виде того, что такой богатый и красивый мужчина так уверенно забирает у него дочь.

- Вот именно! - воскликнул Гест. - И я предлагаю немедленно приступить к этому. На долгие формальности у меня не хватит терпения. Эта дама уже и так заставила меня ждать!

Элис вздрогнула. В толпе гостей раздались смешки и восхищенный ропот. Гест, по обыкновению очаровательный, быстро провел ее через весь зал к столу.

Как того требовала традиция, они заняли места по разные стороны от стола. Седрик Мельдар поднес Гесту чернильницу. Подружкой Элис вызвалась быть ее старшая сестра Роза. Они шагали в ногу вдоль длинного стола и читали вслух условия брачного контракта. Согласившись с очередным пунктом, они подписывали его. Дойдя до конца стола, новобрачные наконец встанут рядом, и родители их благословят. Свитки с контрактами бережно посыпят песком и высушат, а затем свернут и передадут в архивы Зала. Вопросы о распоряжении приданым или наследстве для детей редко бывали предметом спора, но именно потому, что сохранялись записи.

В этих строчках не было ничего романтического. Элис зачитала вслух, что в случае безвременной смерти Геста до появления у него наследника она откажется от его имущества в пользу его кузена. Гест в ответ зачитал и подписал пункт, по которому его вдове будет выделена личная резиденция на землях, принадлежащих его семье. В случае если Элис умрет, не родив наследника, небольшой виноградник, который составлял все ее приданое, должен вернуться к ее младшим сестрам.

Были там и пункты, типичные для всех удачливых брачных контрактов. После свадьбы супруги имели право голоса в финансовых делах. Также согласовали сумму личных средств, а на случай увеличения или уменьшения состояния предусматривался резерв. Супруги обещали хранить верность друг другу и свидетельствовали, что у них до сих пор не было детей. Один раз Элис потребовала возвращения к старой формуле, согласно которой полноправным наследником становился первый ребенок независимо от его пола. Ей понравилось, что Гест не возражал, и когда она вслух прочитала пункт, на котором настояла – что ей дозволяется совершить путешествие в Дождевые чашобы для изучения драконов и что время путешествия будет назначено позднее, – он поставил свою подпись с завитушкой. Элис смахнула слезы радости, дабы они не оставили следов на ее напудренном лице. Что она сделала, чтобы заслужить такого мужчину? Она поклялась быть достойной его великодушия.

Условия договора были точными, без неясностей, и свидетельствовали о том, что идеальных браков не бывает. Этих условий оказалось бесконечное множество. Учитывалась каждая мелочь, ни одна деталь не считалась настолько личной, чтобы ее нельзя было включить в контракт. Если Гест заведет ребенка на стороне, такой ребенок не унаследует ничего, а Элис при желании сможет немедленно разорвать брачное соглашение и получить половину нынешнего состояния Геста. Если же Элис будет уличена в неверности, Гест имеет право не только выгнать ее из дома, но и оспорить отцовство всех детей, рожденных после измены, а финансовая ответственность за этих детей будет возложена на отца Элис.

Пункт за пунктом. Были условия, по которым супругам дозволялось разорвать договор по взаимному согласию; шли описания проступков, делающих договор недействительным. И каждый пункт надо было прочитать и поставить под ним две подписи. Часто процесс занимал несколько часов. Но Геста это не устраивало. Он читал все быстрее и быстрее, явно горя желанием поскорее

разделаться с этой частью церемонии. Элис втянулась в игру и читала с той же скоростью, что и он. Поначалу некоторые из гостей оскорбились, но потом, разглядев румянец Элис и лукавую улыбку, то и дело скользившую по лицу Геста, тоже заулыбались.

За рекордно короткое время Гест и Элис добрались до конца стола. Элис задыхалась, проговаривая последнее условие своей семьи. И наконец дошла до заключительного, стандартного:

– Я буду хранить себя, свое тело и привязанности, сердце и верность только для тебя.

Гест повторил эти слова, и они показались ей лишними – после всего, что уже было обещано друг другу. Они поставили подписи. Вернули письма сопровождающим. И, наконец избавившись от утомительных формальностей, взялись за руки и шагнули туда, где стол их больше не разделял. Они повернулись к родителям. У Геста руки были теплыми, у Элис – холодными. Он бережно сжимал ее пальцы, как будто боялся повредить, если сожмет покрепче. Она принадлежала ему, ее благополучие было в его руках.

Их благословили – сначала матери, потом отцы. Мать Геста говорила куда дольше, чем мать Элис, призывая Са дать им процветание, счастливый дом, здоровье и долгую жизнь, здоровых почтительных детей – список все рос и рос. Элис чувствовала, что ее улыбка застывает.

Наконец благословения кончились, и жених с невестой повернулись друг к другу. Поцелуй. Это будет ее первый поцелуй, и она вдруг поняла, что Гест откладывает его до этого момента. Она сделала глубокий вдох и подняла к нему лицо. Он посмотрел на нее сверху вниз. Его зеленые глаза были непроницаемы. Элис почувствовала его дыхание, когда их губы соприкоснулись. Гест поцеловал ее – легчайшим прикосновением. Как будто колибри махнула крылышком возле губ.

Дрожь пробежала по телу Элис, и она задержала дыхание, когда жених отступил от нее. Ее сердце громко стучало.

«Он дразнит меня», – подумала она и не смогла не улыбнуться.

Гест отводил глаза, но по его лицу скользнула лукавая улыбка. Жестокий человек. Он заставил ее признаться самой себе. В том, что она желает того же, чего и он.

«Скорее бы ночь», – подумала она и искоса взглянула на красивое лицо своего мужа.

– Понятно. Расскажи о ней, – сказал Лефтрин, когда молчание слишком затянулось.

Сварг вздохнул, посмотрел на него и улыбнулся. Лицо его преобразилось. Тяжесть лет словно исчезла, а голубой блеск в глазах казался почти мягким.

- Ее зовут Беллин. Она... ну, я ей нравлюсь. Она играет на свирели. Мы встретились пару лет назад в одной таверне в Трехоге. Ты знаешь это место - «У Ионы».

- Знаю. Там торгует речной народ.

Лефтрин склонил голову набок и посмотрел на своего рулевого, с трудом удержавшись от вертевшегося на языке вопроса. Женщины, которых он встречал в таверне Ионы, были по большей части шлюхами. Некоторые выглядели вполне ничего, но, преуспевая в своем деле, не собирались расставаться с ним ради одного мужчины. Может, на Сварга нашло затмение, его охмурили? Лефтрин чуть было не спросил, уж не отдал ли Сварг ей деньги - «отложить на дом». Он не раз видел, как доверчивые матросы попадались на этот трюк.

Но рулевой опередил его - должно быть, заметил сомнения капитана.

- Беллин из речных. Она там была со своей командой, заказывала выпить и горячего. Она работает на барке «Сача», которая ходит между Трехогом и Кассариком.

- Чем она занимается?

- Она багорщица. В этом-то и загвоздка. Когда я в порту, ее нет. Когда она - нет меня.

- Если вы поженитесь, это не изменится, - заметил Лефтрин.

Сварг уперся взглядом в стол:

- В прошлый раз, когда мы встречались с Беллин в порту, капитан «Сачи» предложил мне работу. Сказал, что, если я хочу сменить корабль, он возьмет меня рулевым.

Лефтрин разжал кулаки и, стараясь быть сдержанным, спросил:

- И ты согласился? И не предупредил меня, что можешь уйти?

Сварг разглядывал пальцы, вцепившиеся в край стола, потом без приглашения налил себе и Лефтрину еще рома.

- Я ничего не ответил, - сказал он, опрокинув стаканчик. - Твоя правда, кэп, я на Смоляном уже десять лет. А Смоляной - живой корабль. Я знаю, я не член семьи, но мы связаны. Мне нравится чувствовать его на воде. Это как холодком пробирает, будто знаешь прежде, чем увидишь. «Сача» - отличная барка, и все же она всего лишь деревяшка. Уйти со Смоляного будет тяжело. Но..

- Но ради женщины ты это сделаешь, - мрачно произнес Лефтрин.

- Мы хотим пожениться. Родить детей, если получится. Ты только что сам сказал, кэп. Десять лет - это половина вечности для человека Дождевых чащоб. Я не молодею. Беллин - тоже. Нам стоит поспешать.

Лефтрин молчал, взвешивая возможности. Он не мог отпустить Сварга. Не сейчас. И без того полно дел, не время заставлять Смоляного привыкать к новому рулевому. Нужен ли ему еще один член команды? У него есть Хеннеси, чтобы работать на палубе и орудовать багром, тощая маленькая Скелли, Большой Эйдер и он сам. Сварг на руле – Лефтрин на это надеялся. Нет, еще один человек в команде – это неплохо. Это даже может приумножить движущую силу Смоляного. Да, вот и выход. Может сработать. Он подавил улыбку, в уме подсчитал финансы и принял решение.

– Она и вправду хороша? – спросил он у Сварга и, увидев, что тот обиделся, пояснил: – Как багорщица? Отрабатывает свою долю? Может справиться с делом на баркасе размером со Смоляного в случае чего?

Сварг глянул на него. В его глазах мелькнула надежда. Он торопливо отвел взгляд, уставившись в стол, словно пытался скрыть свои мысли от капитана.

– Она хороша. Не какая-нибудь пигалица. Беллин – крепкая женщина, у нее есть мясо на костях. Знает реку и знает свое дело. – Он поскреб в затылке. – Смоляной намного больше, и он живой корабль, это существенная разница.

– Так ты полагаешь, что она справится? – Лефтрин закинул приманку.

– Конечно. – Сварг помедлил, потом выпалил почти яростно: – Ты говоришь, она может войти в команду Смоляного? Что мы сможем быть вместе на Смоляном?

– Ты предпочел бы быть с ней на «Саче»?

– Нет. Нет, конечно.

– Тогда спроси ее. Я не буду настаивать, чтобы ты подписал бумаги, пока их не согласится подписать она. Но условия те же. На всю жизнь.

– Ты еще не видел ее.

– Я знаю тебя, Сварг. Раз ты полагаешь, что останешься с ней на всю жизнь, то я вполне уверен, что и мне она подходит. Так что спроси ее.

Сварг потянулся за пером и бумагой.

– Не надо, – сказал он, макая перо в чернильницу. – Она всегда хотела служить на живом корабле. А какой матрос не хочет?

И поставил четкую, разборчивую подпись, навсегда связав свою жизнь со Смоляным.

Многие из присутствовавших на свадебной церемонии отметили румянец на щеках Элис. А когда гости перешли в их новый дом на свадебный обед, Элис едва отведала медового пирога и не следила за разговорами. Обед тянулся бесконечно долго, и она не запомнила почти ничего из того, что ей говорили. Она смотрела только на Геста, который сидел на другом конце

длинного стола. На его пальцы, сжимающие бокал с вином, на то, как он облизывает пересохшие губы, на упавшую на лицо прядь волос. Неужели этот обед никогда не кончится и все эти люди никогда не уйдут?

Как предписывала традиция, когда Гест и его гости удалились в кабинет выпить бренди, Элис учтиво попрощалась со своими гостями и отправилась в супружескую спальню. Ее сопровождали мать и Софи – чтобы помочь снять тяжелое платье и нижние юбки. Элис и Софи уже давно не связывала такая близкая дружба, как раньше, но раз Седрик был дружкой Геста, следовало пригласить его сестру в подружки невесты. Мать наговорила множество добрых напутствий и вернулась к отцу провожать гостей. Софи задержалась, помогая завязать множество бантиков в кружевах воздушного ночного одеяния. Потом Элис села, а Софи помогла ей распустить волосы, причесать и уложить их по плечам.

– Я смешно выгляжу? – спросила у старой подруги Элис. – Я ведь обыкновенная. Эта ночная сорочка, наверное, смотрится на мне нелепо?

– Ты выглядишь как невеста, – ответила Софи.

В ее глазах была печаль. Элис понимала почему. Сегодня, с ее замужеством, их прежняя девическая жизнь окончательно оставалась в прошлом. Они теперь обе замужние женщины. Несмотря на предвкушение брачной ночи, Элис на краткий миг почувствовала сожаление.

«Я больше никогда не буду девушкой, – подумала она, – никогда не буду ночевать в родительском доме».

И вдруг осознала, что это несет лишь облегчение.

– Волнуешься? – спросила Софи, встретившись с Элис взглядом в роскошно обрамленном зеркале.

– Все в порядке, – ответила Элис и попыталась сдержать улыбку.

– Странно будет делить дом на троих?

– Ты имеешь в виду Седрика? Нет, конечно! Он всегда был мне другом, поэтому замечательно, что у них с Гестом хорошие отношения. Я мало кого знаю из круга Геста и очень рада, что в новой жизни рядом со мной будет старый друг.

Софи пристально посмотрела ей в глаза. Как показалось Элис, с удивлением.

Наклонив голову к подруге, Софи сказала:

– Ну, ты всегда все делала хорошо! Думаю, что мой брат будет счастлив иметь такого товарища, каким ты ему всегда была! А я вряд ли сделаю тебя красивей, чем ты сейчас. Ты выглядишь такой счастливой. Ты и вправду счастлива?

– Да, так и есть, – уверила ее Элис.

– Тогда я ухожу, желаю всего наилучшего. Спокойной ночи, Элис.

- Спокойной ночи, Софи.

Оставшись одна, Элис села перед зеркалом. Взяла щетку и еще раз провела ею по своим темно-рыжим волосам. Эта женщина в кружевном пеньюаре ей едва знакома. Все-таки мать напудрила ее весьма искусно – веснушки почти не видны, и не только на лице, но и на груди и плечах. Элис подумала, что ей остался один шаг до той жизни, которую она даже не могла вообразить с тех пор, как перестала быть мечтательным ребенком. Внизу музыканты играли последнюю песню с пожеланиями спокойной ночи. Окно в спальне было открыто. Элис слышала, как разъезжаются гости. Она пыталась набраться терпения – ведь Гест должен оставаться внизу, пока не проводит всех. Наконец она услышала, как в последний раз хлопнула дверь и ее родители пожелали доброй ночи отцу Геста. Ну вот, все ушли, Элис была в этом уверена. Она вновь sprыснула себя духами. Отъехали две кареты. Элис задула половину ароматических свечей, и комната погрузилась в сумрак. Внизу все затихло. В спальне, освещенной свечами, полной благоухающих цветов в изысканных вазах, новобрачная ждала своего мужа. Ждала с сильно бьющимся сердцем, прислушиваясь, когда же прозвучат на лестнице его шаги.

Она ждала. Ночь становилась все темнее. И холоднее. Элис накинула мягкую шаль и пересела в кресло у очага.

Смолк стрекот вечерних насекомых. Крикнула одинокая ночная птица. Ожидание сменилось беспокойством, беспокойство – тревогой, а потом и недоумением. Пламя в очаге угасало. Элис подбросила еще полено, задула свечи в извилистых серебряных канделябрах и зажгла другие. Она сидела, поджав под себя ноги, в мягком кресле у очага и ждала, когда придет ее жених, чтобы предъявить свои права на нее.

Когда полились слезы, Элис не смогла сдержать их. Когда они иссякли, скрыть их следы на напудренном лице не удалось. Поэтому она смыла всю маскировку, посмотрела на свое настоящее лицо в зеркале и спросила себя: как она могла оказаться такой дурой? Гест с самого начала ясно изложил свои условия. Это она выдумала глупую сказку о любви и укутала его холодную железную решетку их сделки. Его не за что винить. Виновата только она сама.

Ей следовало просто раздеться и лечь в постель.

Вместо этого она снова села у огня и смотрела, как пламя пожирает полено и затухает.

Далеко за полночь, уже при проблесках утра, когда догорала последняя свеча, пришел ее муж. Пьяный. Волосы всклокочены, шаг нетвердый, ворот нараспашку. Он удивился, что она ждет его у догорающего огня. Окинул Элис взглядом, и она вдруг застеснялась того, что он видит ее в девственно-белой ночной рубашке с искусной вышивкой. Его губы дернулись, и она увидела на миг, как блеснули его зубы.

Он отвернулся и невнятно проговорил:

- Что ж, тогда приступим.

Он не подошел к ней. Направился к кровати, раздеваясь на ходу. Жакет и рубашка упали на толстый ковер, а он остановился у четырех еще горевших свечей и разом задул их все. Стало темно. Элис ощутила сильный запах крепкого спиртного.

Она слышала, как скрипнула под его телом кровать. Раздался глухой удар, потом еще один – он скинул ботинки на пол. Шорох ткани подсказал, что следом отправились брюки. Постель просела, когда он навзничь упал на нее. Элис не сдвинулась с места, застыв от потрясения, смешанного со страхом. Все ее радостные предвкушения, все ее глупые романтические мечтания исчезли. Она вслушивалась в его дыхание.

Потом он заговорил, и в голосе его слышалось мрачное веселье:

– Нам обоим будет удобнее, если ты тоже ляжешь в постель.

Кое-как она встала с кресла и подошла к нему, удивляясь про себя, зачем она это делает. Может быть, ее ожидания были неоправданно завышены из-за недостатка опыта в таких делах? Отойти от очага было все равно что броситься в холодную реку. Она подошла к кровати. Он не сказал ей ни слова. В комнате было темно, он не мог ее видеть.

Спустя некоторое время Гест вяло бросил:

– Если мы собираемся с этим закончить, то тебе придется раздеться и лечь в постель.

Ее пеньюар спереди был весь на бантиках. Пока она развязывала их, разочарование становилось все горше. Какая она все-таки была дура – дразнила себя мыслями о том, как его пальцы развяжут каждый бантик по очереди. Что за глупые надежды она питала, надевая это облачение, – а всего-то несколько часов назад оно казалось ей таким женственным и соблазнительным. Она выбрала дурацкую одежду и пыталась играть роль, которой никогда не соответствовала. Конечно, думала Элис, Гест это понял. Такая, как она, не имеет права на все эти шелка и ленты. Для нее нет ни романтических чувств, ни даже похоти. С его стороны это обязанность. Ничего больше. Она вздохнула и уронила пеньюар с плеч на пол, откинула покрывала и легла на своей стороне кровати. Она ощутила, что Гест повернулся к ней лицом.

– Ну... – сказал он, дыша ей в лицо винными парами. – Ну... – Он вздохнул и тут же набрал в грудь воздуха. – Ты готова?

– Кажется, да, – сумела ответить она.

Он подвинулся ближе. Она повернулась к нему и замерла, вдруг испугавшись его прикосновения. Ей было стыдно, что, несмотря на страх, она ощутила и теплоту. Страх и желание. Она с отвращением вспомнила двух своих приятельниц, которые без конца рассуждали, что калсидийские налетчики могут их изнасиловать. Элис было ясно видно: эта опасность их и страшит, и приятно возбуждает. Тупицы, думала она тогда, они фантазируют о разврате и насилии.

И вот теперь, когда рука Геста легла ей на бедро, она невольно вздохнула. Доселе ни один мужчина не касался ее обнаженного тела. Мысль об этом заставила ее вздрогнуть. Его хватка стала крепче, пальцы впились в тело, подтягивая ее ближе, и она тихо вскрикнула от страха. Элис слышала, что в первый раз может быть больно, но не боялась, что ее муж будет груб с ней. До этого момента не боялась.

Гест коротко хмыкнул, как будто вдруг обнаружил что-то приятное.

– Не так уж и трудно, – пробормотал он. (А может быть, «не так уж и дурно».)

Элис не успела подумать, что бы это значило, как он внезапно перевернул ее на спину и взгромоздился сверху. Всунул ей колено между бедер и раздвинул ноги.

– Ну что, готово, – сказал он и вошел в нее.

Она пыталась подстроиться под него. Комкала простыни, будучи не в силах его обнять. Боль, о которой ей рассказывали, была, против ее опасений, не такой сильной, но и удовольствие, о котором ей шептали и которого она легковерно ждала, не пришло. Она даже не была уверена, что самому Гесту приятно. Он быстро добрался до конца, который она с ним не разделила, и сразу же отодвинулся от нее. Его член мазнул по ее бедру, оставив влажный след. Она чувствовала себя испачканной. Когда муж лег на свою половину кровати, Элис подумала: заснет он или отдохнет и сделает еще одну попытку, уже не такую натужную?

Гест не сделал ни того ни другого. Он лежал, переводя дыхание, затем скатился с кровати и нашел теплое одеяние, приготовленное для него. Элис скорее слышала, чем видела, как он его надел, потом увидела проблеск света от свечи под колпаком из прихожей. Затем дверь за ним закрылась, и брачная ночь кончилась.

Она некоторое время лежала не двигаясь. Ее трясло. Она не плакала. Ее тошнило. Она обтерла бедро и промежность простыней с его стороны постели, а затем перекатилась на чистое место. Делала глубокий вдох и медленно выдыхала. Постепенно дыхание становилось все спокойней – она считала до трех, задерживая выдох.

– Я спокойна, – сказала она вслух. – Мне не больно. Все в порядке. Я выполняю условия своего брачного контракта. – Подумала и добавила: – Он тоже.

Потом встала, подбросила в очаг еще полено. Раздула угли и задумалась, глядя, как разгорается огонь. В оставшиеся до рассвета часы она размышляла о том, каким безрассудством было соглашаться на эту сделку. Она поплакала. Подавила разочарование, боль от унижения и сожаление. Пришла мысль убежать отсюда и пойти домой, но Элис тут же отказалась от нее.

Куда – домой? К отцу? К расспросам, скандалам, и чтобы мать требовала пересказать ей мельчайшие подробности того, что ее огорчило? Элис

представила себе, какое лицо будет у отца. И еще – шепоток на рынке, в лавках и разговоры, умолкающие при ее появлении. Нет. Ей некуда идти.

Еще до восхода солнца Элис отбросила прочь свои девичьи мечты и свое негодование. Ни то ни другое не могло помочь ей. Взамен она вернула образ практичной старой девы, которой собиралась стать. Прекраснодушная девица не сможет вынести то, что свалилось на нее. Лучше задвинуть ее куда подальше. Но увлеченная делом старая дева способна смиренно принять судьбу и оценить предлагаемые ей преимущества.

Когда солнце поцеловало небеса, Элис поднялась и вызвала горничную. Свою собственную горничную, да, – хорошенькую девушку с маленькой татуировкой в виде кошки у носа. Татуировка указывала, что девушка когда-то была рабыней. Горничная принесла чай и травяной настой для глаз. Элис потребовала горячий завтрак по своему вкусу – и его доставили на прелестном эмалированном подносе. Пока Элис ела, горничная разложила на выбор несколько красивых новых платьев.

Во второй половине дня Элис явилась на первый из предстоящих приемов в честь новобрачных. На ней было скромное бледно-зеленое платье с белыми кружевами, обманчиво простое и очень дорогое. Она весело улыбалась и мило краснела, когда подруги матери шептались, что семейная жизнь ей идет. Вершиной стало появление Геста – аккуратно одетого, но бледного и с блуждающим взглядом.

Он опоздал. Встал в дверях гостиной и явно искал ее. Элис улыбнулась и помахала ему. Похоже, он удивился окружающему ее благополучию и тому, что она почти не обратила внимания на его торопливые извинения шепотом – насчет «состояния» ночью. Она просто кивнула и занялась гостями. Она приложила все усилия, чтобы быть очаровательной, и даже блистала остроумием.

Как ни странно, это оказалось не так уж трудно. Когда Элис принимала решение, мир внезапно становился проще. А она решила, что будет тщательно выполнять свои обязательства по сделке. И присмотрит, чтобы Гест исполнял свои.

На следующий день Элис вызвала плотников, которые превратили изящную комнату для рукоделия рядом со спальней в библиотеку. Крохотный белый с позолотой столик она заменила на большой и тяжелый, из темного дерева, со множеством ящиков и отделений для бумаг. Через несколько недель книготорговцы и антиквары усвоили, что, прежде чем выставлять новые приобретения на публику, их следует сначала показать ей. Через полгода полки и подставки для свитков в ее библиотеке были заполнены. Элис решила, что раз уж она продала себя, то, по крайней мере, не продешевила.

Семнадцатый день месяца Дождей,

восьмой год царствования его славнейшего

и могущественнейшего величества сатрапа Касто,

второй год Вольного союза торговцев

От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, –

Эреку, смотрителю голубятни в Удачном

В футляре два запроса. Первый адресуется всем, с просьбой указать, не видел ли кто из моряков или крестьян драконицу Тинталю, ибо она не появлялась в Дождевых чащобах уже несколько месяцев. Второй – Совету торговцев Удачного, напоминание, что тем, кто ухаживает за драконами и охотится для них, нужны средства. Ответ ожидают как можно скорее.

Эрек, мои глубочайшие соболезнования по поводу твоей утраты. Я знаю, с какой радостью ты ждал свадьбы Фари. Весть о ее безвременной кончине безмерно печалит меня. Это тяжелые времена для всех нас.

Детози

Десятый день месяца Возрождения,

восьмой год царствования его славнейшего

и могущественнейшего величества сатрапа Касго,

второй год Вольного союза торговцев

От Эрека, смотрителя голубятни в Удачном, –

Детози, смотрительнице голубятни в Трехоге

Запечатанный свиток – послание Совету торговцев Дождевых чащоб в Трехоге и Кассарике от Совета торговцев Удачного с требованием полного отчета о средствах, израсходованных на содержание молодых драконов. Без отчета больше никаких денег для кассарикского Совета выделено не будет.

Детози, почти половина птенцов, вылупившихся за последний месяц, – с кривыми лапами. Тебе когда-нибудь доводилось с таким сталкиваться? Слышала ли ты о лечении? Боюсь, что причина – в плохом питании, однако проклятый Совет жалеет денег на покупку зерна и сушеного гороха, которые так необходимы для здоровья птиц. Они душат нас налогами, чтобы отстроить дороги и гавань, но совершенно глухи к просьбам о пропитании птиц!

Эрек

Двадцать третий день месяца Рыбы,
девятый год царствования его славнейшего
и могущественнейшего величества сатрапа Касго,
третий год Вольного союза торговцев

От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, –
Эреку, смотрителю голубятни в Удачном

В запечатанном свитке – месячный отчет о средствах, потраченных Советом Дождевых чашоб в Трехоге и Кассарике, и запрос к Совету торговцев Удачного насчет их доли расходов. С другой птицей ты получишь послание, которое по нашему требованию несут все корабли, – о назначении вознаграждения за сведения о драконице Тинталъе.

Эрек, моя кузина Сетин ищет место ученика для своего сына Рейала. Рейал – ответственный парень, ему четырнадцать лет, и у него уже есть опыт ухода за почтовыми птицами. Рекомендую его тебе. Знаю, ты не из тех, кто придает значение таким вещам, но все же спешу уверить тебя, что он парень весьма подходящий и может заниматься делом, не создавая неприятностей и не проявляя излишнего любопытства по поводу посетителей твоей голубятни. Если у тебя есть место для ученика, мы бы с радостью послали его к тебе за наш счет вместе с молодыми птицами для обновления удачинской стаи. Он ждал места в Кассарике – они там завели свой птичник и свою стаю, – но туда взяли двух татуированных. Дождевые чашобы уже не те, что были раньше! Пожалуйста, пришли мне ответ с отдельной птицей, только для меня.

Детози

Семнадцатый день месяца Перемен,
четвертый год Вольного союза торговцев

От Эрека, смотрителя голубятни в Удачном, –
Детози, смотрительнице голубятни в Трехоге

В запечатанном футляре – предупреждение об опасности от Совета торговцев Удачного Совету торговцев Дождевых чашоб в Кассарике и Трехоге. В Удачном обнаружили мастерскую фальшивомонетчиков, они подделывали торговые грамоты и разрешения на путешествия по реке Дождевых чашоб. Рекомендовано

быть осторожнее в торговле, особенно с чужеземцами, тщательно проверять лицензии.

Детози, пишу это в тревоге за моего ученика и твоего племянника Рейала. В последний год он был на редкость предан птицам, надежен и добросовестен. Однако недавно в ущерб работе сдружился с юнцами – торговцем, трехкорабельщиком и татуированным, проводящими время за игрой и кутежами. Если он и дальше будет водить компанию с ними, то едва ли станет честным тружеником. Я сделал ему суровое предупреждение, но полагаю, что нарекание от его собственной семьи может подействовать сильнее. Если он не будет добросовестно исполнять свою работу, боюсь, мне придется отправить его домой без рекомендаций.

С сожалением,

Эрек.

Четырнадцатый день месяца Надежды,
пятый год Вольного союза торговцев

От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, –
Эреку, смотрителю голубятни в Удачном

Запечатанное послание – от торговца Гошена Деррену Савтеру, в поселение Трех Кораблей, касательно груза твердой древесины, не пришедшего вовремя.

Эрек, прошу прощения у тебя и Рейала за опоздание денег на его содержание. Сердечно благодарю, что ты помог ему. Были ужасные штормы, всюду по реке грузы задерживались, пострадало много людей и птиц. Дай моей Китте отдохнуть перед возвращением. Деньги за Рейала придут, как только Харди зайдет в удачный порт.

С благодарностью,

Детози.

Глава 5

Ложь и вымогательство

Лефтрин стоял на палубе и смотрел, как приближается лодка с калсидийского корабля. Ялик низко сидел в воде, отягощенный людьми – дородным купцом и гребцами – и мешками с зерном. На фоне трехмачтового корабля, от которого шел ялик, баркас «Смоляной» выглядел маленьким. Поэтому-то Лефтрин и отказался к ним приблизиться. Если калсидийцы хотят с ним торговать, пусть являются к нему так, чтобы можно было посмотреть на них, прежде чем они взойдут на борт. Похоже, ни у кого из сидящих в ялике не было оружия.

– Ты не собираешься взглянуть на их груз, пока они не передали его нам? – спросил Сварг.

Лефтрин облокотился о перила и покачал головой:

– Если им нужно мое золото, пусть сами доставляют товар.

Лефтрин не любил калсидийцев и не доверял им. Он не рискнул бы подняться на палубу их корабля, где с честным человеком могут обойтись вероломно. Сварг неторопливо шевелил рулевым веслом, без труда удерживая баркас на месте и не давая течению сносить его. Светлые воды Дождевой реки растворялись в черноте глубокой бухты. Лефтрин никогда не заводил Смоляного так далеко. В основном он, как его отец и дед, вел торговлю между поселениями, разбросанными в верхнем и нижнем течении реки. Открытое море и чужие берега – не для него. Он и в устье реки-то бывал всего несколько раз, обычно когда на связь с ним выходил надежный посредник. Да и на это Лефтрин шел только ради съестных припасов, без которых людям чащоб было не прожить. Он не имел возможности привередничать и выбирать, с кем вести дела в устье реки, но всегда был настороже. Мудрый торговец знает, в чем разница между сделкой и дружбой. С калсидийцами – всегда только дело, никакой дружбы, а торговцу, который с ними меняется товарами, хорошо бы иметь глаза на затылке. Формально между двумя странами теперь мир, но с Калсидой он никогда не длится долго.

Лефтрин с подозрением смотрел на приближающийся ялик. На веслах, кажется, сидели обыкновенные моряки, да и мешки с зерном ни на что другое не походили. И все равно, когда лодка подошла к баркасу и с нее перебросили конец, Лефтрин велел ловить его Скелли, самой младшей в команде. Сам он остался у ограждения, оглядывая людей в ялике. Большой Эйдер маячил рядом, почесывая черную бороду, и тоже глядел на лодку.

– Не спускай глаз с матросов, – тихо сказал ему Лефтрин. – Я присмотрю за купцом.

Эйдер кивнул.

Ступеньки были вделаны прямо в борта «Смоляного». Калсидиец легко взобрался по ним, и Лефтрину пришлось признать: тучная фигура не мешала купцу двигаться быстро и ловко. На нем был плащ из тюленьей шкуры, подбитый алым. Широкий кожаный пояс с серебряной отделкой стягивал шерстяную рубаху. Морской ветер развеивал плащ, но мужчина не обращал на это внимания.

«Он не только купец, но и моряк», – понял Лефтрин. Оказавшись на борту, гость сурово кивнул Лефтрину и получил в ответ учтивый поклон. Он перегнулся через борт и по-калсидийски выкрикнул несколько команд своим гребцам, потом развернулся обратно к Лефтрину:

– Приветствую, капитан. Мои матросы поднимут на борт образцы пшеницы и ячменя. Я уверен, ты убедишься в высоком качестве моих товаров.

– Поглядим, купец, – приветливо, но твердо сказал Лефтрин, улыбаясь.

Калсидиец оглядел пустую палубу:

– А твой товар? Я ожидал, что мне предоставят его для проверки.

– Монеты проверить недолго. У меня в каюте есть весы. Предпочитаю платить по весу, а не по номиналу.

– Не возражаю. Короли и их чеканка появляются и исчезают, но золото остается золотом, а серебро – серебром. Однако, – тут он понизил голос, – в устье этой реки ищут не золото и не серебро. Меня интересуют товары из Дождевых чащоб.

– Тогда езжай в Удачный. Все знают, что это единственное место, где можно их приобрести.

Лефтрин смотрел через плечо калсидийца, как один из его людей взбирается на палубу. Эйдер встретил его, но мешок не принял. Рядом стояла Беллин с тяжелым багром наготове. Она выглядела куда внушительнее Эйдера, не прилагая к тому никаких усилий.

Чужеземный гребец тащил тяжелый мешок с зерном на плече. Сделав два шага от борта, он свалил ношу на палубу, затем вернулся за другим мешком. Мешки с виду были добротными, из хорошей пеньки, без отметин соли и сырости. Но это еще не означало, что во всех них хорошее зерно. Лефтрин сделал непроницаемое лицо.

Калсидиец придвинулся к нему на полшага:

– О да, так говорят. Но некоторые слышали и о другом товаре и других сделках. О тайных сделках с большой выгодой для обеих сторон. Наш посредник упомянул, что ты слышишь опытным капитаном и толковым торговцем, что ты владеешь самого доходного баркаса на свете. По его словам, если кто и может предложить те особые товары, которые я ищу, так это ты. Или, по крайней мере, подскажешь, с кем мне об этом поговорить.

– Прямо так и сказал? – поинтересовался Лефтрин учтивым тоном.

Теперь гребец вытащил на палубу еще один мешок – такой же прочный и без изъянов, как и первый. Лефтрин кивнул Хеннесси, и помощник капитана открыл дверь рубки. На палубу вышел Григсби, рыжий корабельный кот.

– Да, именно так, – ответил купец твердо, но тихо.

Лефтрин смотрел на кота через плечо купца. Чертова скотина вцепилась когтями в палубу «Смоляного», потянулась и поскребла доски, оставляя отметины. Потом кот двинулся к капитану, словно прогуливаясь перед работой. Подойдя к незнакомым мешкам, он мимоходом обнюхал их, потерся об угол одного, заявив о своем праве собственности, и отправился на камбуз. Лефтрин криво усмехнулся и одобрительно кивнул. Если бы от мешков хоть самую малость пахло грызунами, кот проявил бы к ним куда больше интереса. Так что это зерно с чистого корабля. Отлично.

– Особые товары, – тихо повторил купец. – Он сказал, что у тебя что-то имеется.

Лефтрин резко повернул голову и, встретив испытующий взгляд купца, нахмурился. Но калсидиец неверно истолковал это.

– Любые, даже самые мелкие чешуйки. Клочок шкуры, – он еще понизил голос, – кусок кокона.

– Если ты хочешь это купить, то выбрал не того человека, – прямо заявил Лефтрин.

Капитан повернулся к гостю спиной, подошел к мешкам с зерном, опустился на одно колено и снял с пояса нож. Врезав двойной шов горловины, он запустил руку внутрь, перекатывая зернышки в ладони. Это было хорошее зерно, чистое, без мякины и соломы. Лефтрин высыпал его обратно в мешок и достал еще горсть из самой глубины – зерно оттуда оказалось не хуже. Он положил несколько зерен в рот и разжевал.

– Высушено на солнце для пушей сохранности, но не пересушено и не потеряло запаха и вкуса, – сообщил купец.

Лефтрин коротко кивнул. Он ссыпал зерно обратно, отряхнул ладони и перешел к следующему мешку. Разрезал узел, раскрыл мешок, достал горстку. Наконец сел на корточки, проглотил разжеванный ячмень и сказал:

– Хорошее зерно. Если и остальной груз такой же, мне повезло. Как только сторгуемся, можете начинать грузить. Я оставляю за собой право отказаться от любого мешка и буду проверять каждый, как только его поднимут на палубу.

Купец неторопливо кивнул в ответ – и соглашение было формально заключено.

– Твои условия легко принять. А теперь не пройти ли нам в твою каюту – договориться о цене за мешок зерна и, возможно, обсудить другие сделки?

– Можем и здесь поторговаться, – заметил Лефтрин.

– С твоего позволения, в каюте удобнее, – ответил купец.

– Как угодно.

Пару раз Лефтрин возил запрещенные товары. Сейчас у него ничего не было, но он позволил этому человеку сделать противозаконное предложение. Возможно, если отказать и намекнуть, что об интересе гостя станет

известно тем, кто принимает решения в Дождевых чашобах, купец станет стоворчивее и снизит цену. Лефтрин не видел в подобной тактике ничего зазорного, – в конце концов, перед ним был калсидиец. У них нет чести. Лефтрин жестом пригласил гостя в крохотную каюту – он был уверен, что хорошо одетый купец ужаснется обстановке.

– А пока мы беседуем, я прикажу моим людям перегрузить зерно на твой баркас.

– До того, как мы договоримся о цене? – удивился Лефтрин.

Это предложение давало ему слишком много преимуществ. Если он затынет торг до тех пор, пока на борту его судна не окажется бо`льшая часть груза, а потом откажется от условий купца, калсидийцу придется заставлять свою команду перегружать все обратно.

– Уверен, мы сойдемся на справедливой цене, – спокойно ответил тот.

«Ну ладно, – подумал Лефтрин. – Коли видишь выгоду, упускать ее не след».

– Хеннеси! – крикнул он через плечо. – Осмотри с Григсби все мешки. Сосчитай их. Не стесняйся проверять, если заметишь недовес, пятна и мышьиные следы. Как только всё погрузят, постучись ко мне.

Когда они вошли в каюту и сели – Лефтрин на свою койку, купец в единственное кресло у небольшого стола, – гость не утратил уверенности.

Он оглядел скромное помещение, снова слегка поклонился и сказал:

– Я хочу, чтобы ты знал мое имя. Я – Синад из дома Арих. Мои предки занялись торговлей задолго до основания Удачного. Нам не по нраву войны, они сталкивают наши страны и мешают торговать. И вот теперь, когда вражда утихла, мы торопимся установить связи с торговцами реки Дождевых чашоб напрямую. Мы намерены основать предприятие, которое впоследствии, как мы надеемся, будет выгодно обеим странам. А именно – немногочисленное сообщество избранных, куда входили бы только солидные торговцы.

Хотя Лефтрин относился к калсидийцам с предубеждением, прямота этого человека его приятно поразила. Он достал бутылку рома и два стаканчика, которые держал в каюте на случай переговоров. Стаканы были старинными, тяжелыми, темно-синего цвета. Когда он наливал ром, на полоске у края стаканов вспыхнули серебряные звездочки. На купца это произвело сильное впечатление. С кратким возгласом изумления он стремительно подался вперед, не дожидаясь приглашения, схватил свой стакан и поднес его к свету. Пока он разглядывал бесценную вещь, Лефтрин сказал:

– Я Лефтрин, капитан и владелец речного баркаса «Смоляной». Я не знаю, чем занималась моя семья, когда мы покинули Джамелию, и по мне, так это не особо-то и важно. Сейчас я хожу на этом баркасе. Торгую. Если ты честный человек с хорошим товаром, мы заключим сделку и в следующий раз я еще охотнее буду вести с тобой дело. Но я в своей торговле не выделяю никого. Мои деньги получает тот, кто предложит лучшие условия. Ладно, перейдем к нашему делу. Сколько ты хочешь за мешок пшеницы, а сколько – за ячмень?

Калсидиец поставил стакан на стол, так и не пригубив.

- А что ты предлагаешь? За вещи вроде этих... - он постучал ногтем по стакану, - я готов отдать тебе превосходный товар.

- В этот раз я торгую только за монету. Серебро и золото, по весу, а не по чеканке. И ничего другого.

Стаканы были работы Старших. У Лефтрина имелось несколько подобных сокровищ: женская шаль, источающая тепло, нестораемая шкатулка, издающая звон и испускающая свет, стоит только откинуть крышку, и другие вещицы. Большинство из них много лет назад купил дед для своей жены. Лефтрин хранил их в тайнике под койкой. Ему нравилось, сидя в скромной каюте, наливать ром в эти стаканчики, каждый из которых стоил целое состояние.

Синад Арих откинулся на спинку кресла. Оно скрипнуло под его весом. Купец пожал широкими плечами:

- Монета вполне годится для зерна. Я пользуюсь монетами любой чеканки. За деньги можно купить что угодно. Вот, например, зерно. А в прошлый раз я посетил Удачный со своими монетами и купил на них сведения.

Лефтрин невольно вздрогнул. Этот человек не сделал ни одного угрожающего движения, но его прежние слова о «самом доходном баркасе» приобрели зловещий смысл. Лефтрин сидел откинувшись в своем кресле. Он улыбался, однако его светлые глаза оставались серьезными.

- Сговоримся о цене за зерно, и дело с концом. Я бы хотел направиться вверх по реке с приливом.

- Я тоже, - отозвался Синад.

Лефтрин отпил из своего стаканчика. Ром согрел, но стекло непривычно холодило пальцы.

- Хочешь сказать, что к приливу надеешься снова выйти в море?

Синад вежливо пригубил из своего стаканчика.

- О нет. Я весьма точен в том, что хочу сказать, особенно когда говорю на чужом для меня языке. Я надеюсь, что мы договоримся о цене на мое зерно и твои услуги и что ты проводишь меня вверх по реке.

- Я не могу. Тебе должны быть известны наши правила и законы. Ты ведь не просто чужой здесь, ты калсидиец. Чтобы посетить Дождевые чащобы, тебе следует получить разрешение от Совета торговцев Удачного. А чтобы торговать с нами, нужна лицензия от Совета Дождевых чащоб. Без подорожных у тебя нет права подниматься по реке.

- Они у меня есть - я ведь не дурак. С оттиском и печатями, подписанные пурпурными чернилами. У меня есть и рекомендательные письма от нескольких удачных торговцев, которые свидетельствуют, что я честный, уважаемый торговец. Хоть и из Калсиды.

По спине Лефтрина побежала струйка пота. Если этот человек и в самом деле имеет все бумаги, как утверждает, то он или чудотворец, или великий мастер шантажа. За всю жизнь Лефтрин не помнил случая, чтобы калсидиец законно посетил Дождевые чащобы. Он сомневался, что калсидийцы вообще знают, что такое законная торговля. Нет. Этот человек неприятен и опасен. И он выбрал Лефтрина и «Смоляной». Плохо.

Синад бережно поставил ополовиненный стаканчик на стол, улыбнулся и очень обыденно сказал:

– Твой корабль восхищает меня. Странно: казалось бы, здесь нужна дюжина гребцов. Однако, я слышал, в твоей команде всего шесть человек, считая тебя самого. Удивительно для баркаса такого размера! Не менее странно, что твой рулевой может без видимых усилий удерживать его на месте в устье реки.

Он снова взял стаканчик и поднес к окошку, словно любясь звездочками.

– Я переделал корпус, и баркас стал лучше.

Вторая струйка пота поползла по спине. Кто проболтался? Конечно, Генрод. Лефтрин слышал несколько лет назад, что тот перебрался из Трехога в Удачный. Как подозревал Лефтрин, Генрод потратил на этот переезд то, что ему заплатили за работу над Смоляным. Этот человек был удивительным мастером и умел работать с диводревом. Четыре года назад Лефтрин щедро, очень щедро заплатил ему и за мастерство, и за молчание. Результат трудов превзошел все ожидания Лефтрина, и теперь он с замиранием сердца вспомнил, как Генрод не раз плакался, что его «величайшая работа останется тайной и будет погребена навеки». Генрод предал Лефтрина не за звонкую монету, а из тщеславия.

«Ну, тщедушный гад, только попадись он мне теперь, – подумал Лефтрин, – я его узлом завяжу».

Калсидиец пристально изучал собеседника:

– Уверен, я не единственный, кто это заметил. Могу представить, как твои товарищи-торговцы завидуют новообретенным качествам корабля. Несомненно, они уже плешь тебе проели, пытаюсь узнать секрет переделки корпуса. Ибо если ты настолько улучшил такой старый корабль – а мне говорили, что это одно из первых торговых судов, построенных из чудесного драконьего дерева, – то и они, я уверен, желают сделать то же самое со своими кораблями.

Лефтрин надеялся, что не выдал себя внезапной бледностью. Он вдруг засомневался, что источником сведений был Генрод. Резчик мог похвастаться работой над Смоляным, но он был торговцем до мозга костей и не стал бы болтать кому попало о происхождении и выдающемся возрасте Смоляного. Калсидийца снабдил сведениями кто-то еще. Лефтрин попытался было выведать у него имя этого человека.

– Торговцы уважают секреты друг друга, – только и сказал калсидиец.

– Неужели? Тогда они не похожи на тех, кого я знаю. Все торговцы, что мне попадались, всегда стремились вынудить преимущества своих конкурентов. Иногда и золото предлагали. А когда золото не действовало, я слышал, прибегали и к насилию.

– Ни деньги, ни сила не помогут заполучить то, что мне нужно, – покачал головой Синад. – Ты неверно меня понял. Я не собираюсь прибегать ни к тому, ни к другому, но скажу, что сделка уже совершилась и я знаю о тебе и твоём корабле все, что мне нужно знать. Будем говорить прямо. Великий герцог Калсиды уже немолод. И с каждым годом – нет, с каждой неделей – его одолевают все новые болезни. Самые опытные и прославленные целители со всех концов страны пытались его лечить. Немало лекарей поплатилось жизнью за неудачу. Так что теперь рассудительность побуждает многих из них говорить о лекарствах из частей драконьих тел как о последней надежде для герцога. Лекари просят герцога простить их за отсутствие нужных ингредиентов и обещают, что, как только те будут добыты, они сразу же приготовят эликсиры, которые вернут правителю молодость, красоту и силу. – Купец вздохнул. Он смотрел в окошко, блуждая взглядом где-то в пространстве. – Так что ярость герцога перекинулись с целителей на торговые дома Калсиды. Почему, спрашивает он, они не могут доставить то, что ему нужно? Они все предатели? Они желают ему смерти? Сначала он предлагал нам золото. Когда это не помогло, взялся за монету куда действеннее – за кровь. Теперь ты видишь, что я имею в виду? Вы можете презирать нас, калсидийцев, сколько угодно, однако мы тоже любим свои семьи.. Заботимся о старых родителях и растим детей.. Пойми, друг мой: чтобы защитить свою семью, я на все пойду.

Во взгляде калсидийца отчаяние сражалось с холодной безжалостностью. Он был опасен. Он явился на корабль один, без оружия, но теперь Лефтрин понял, что оружие у него все-таки было.

Капитан откашлялся и сказал:

– Давай определим разумную цену за зерно, и на этом, я полагаю, наша сделка закончится.

Синад улыбнулся:

– Ты заплатишь тем, что проведешь меня по реке и дашь хорошие отзывы обо мне своим друзьям. Если тебе не под силу достать то, что мне нужно, представь меня тому, кто сможет это сделать. Взамен получишь зерно и молчание о твоих тайнах. Бывают ли сделки лучше этой?

Изысканный завтрак был сервирован великолепно. Обильные остатки трапезы, рассчитанной на троих, красовались на столе, застланном белой скатертью. Блюда накрыли в тщетной попытке сохранить их теплыми. Элис сидела за столом в одиночестве. Ее тарелки уже унесли. Она налила себе еще чая и стала ждать.

Элис напоминала себе паука, который притаился на краю паутины и ждет, когда ему в ловушку попадет муха. У нее не было привычки засиживаться за едой. И Гест это знал. Как подозревала Элис, именно поэтому ее муж

зачастую так поздно выходил к столу. Но сейчас она рассчитывала дожидаться Геста – и возможности поговорить с ним с глазу на глаз.

В последнее время Гест явно избегал ее – не только за столом, но везде, где они могли остаться наедине. Элис не страдала от этого. Напротив, она была рада, что может спокойно поесть и в особенности что он не тревожит ее ночью в постели.

Но сегодня, к несчастью, все оказалось иначе. Гест пришел в ее спальню на рассвете, разбудив ее громким хлопком двери. От него пахло крепким табаком и дорогим вином. Он снял халат, бросил его в изножье и улегся рядом с Элис. В темноте она видела только смутный силуэт.

– Иди сюда, – приказал он ей, как собаке.

Элис не сдвинулась с места, по-прежнему лежа на краю кровати.

– Я спала, – возразила она.

– Ты уже не спишь, мы тут вдвоем, так что давай заделаем милого ребеночка, чтобы мой отец порадовался. А? – В его голосе слышалась горечь. – Вот все, что нам нужно, дорогая Элис. Так что давай помогай мне. Это недолго, потом можешь снова заснуть. А с утра опять транжирить мои деньги у торговцев свитками.

Все стало ясно. Он был у отца, и тот опять ворчал, что до сих пор нет наследника. А Элис накануне купила не один, а два древних свитка, довольно дорогих. Оба были с островов Пряностей. Она не смогла разобрать в них ни слова, но поняла, что на рисунках изображены Старшие. Вполне логично, подумала Элис: если Старшие в древние времена жили на Проклятых Берегах, у них были торговые партнеры, которые могли оставить записи о сделках. Она давно искала такие старые записи. Свитки с островов Пряностей оказались первой стоящей находкой. Цена неприятно поразила, но заполучить их было необходимо. И Элис заплатила.

А ночью ей пришлось заплатить еще раз – и за то, что нет детей, и за то, что она приумножает свою библиотеку. Если бы Элис не засиделась допоздна над последними приобретениями, то Гест просто получил бы свое. Но она устала, и ее вдруг сильно задело отношение мужа к этой стороне их жизни.

И она сказала то, чего раньше никогда не говорила:

– Нет. Может быть, завтра ночью.

Он уставился на нее. Сквозь темноту она ощущала его злой взгляд.

– Это не тебе решать, – грубо сказал он.

– Но и не тебе одному, – возразила она и вознамерилась встать с кровати.

– Сегодня, сейчас, – сказал он и внезапно схватил ее за руку, повалил на спину и прижал к постели всем телом.

Она попыталась вырваться, но он впился пальцами ей в плечи и удержал. Элис поняла, что сбежать не получится.

- Пусти! - яростно захрипела она.

- Сейчас! - с нажимом повторил он. - Если не будешь сопротивляться, я не сделаю тебе больно.

Он солгал. Даже после того, как она уступила и отвернулась, он не ослабил хватку и грубо вошел в нее. От боли и унижения Элис казалось, что ему потребовалась вечность. Она не плакала. Когда он откатился от нее и сел на край кровати, она лежала молча, с сухими глазами.

Он посидел в темноте и тишине, потом встал. Послышался шелест ткани - он оделся.

- Если нам повезло, то не придется больше проходить через такое, - сухо сказал он.

Никогда он не говорил с ней так искренне.

Гест ушел. Уснуть Элис не смогла и провела остаток ночи, размышляя об их поддельном браке. Вообще, муж редко бывал так груб с ней. Их отношения в постели были обезличенными и деловыми. Гест приходил в спальню, объявлял о намерениях, совокуплялся с ней и уходил. За четыре года он ни разу не оставался с ней спать. Никогда не целовал ее, не касался ее тела с желанием.

Она пыталась угождать ему. Мазалась благовониями, перебирала ночные рубашки разных фасонов. Даже попыталась быть соблазнительной - пришла как-то вечером к нему в кабинет и попробовала его обнять. Он не оттолкнул ее. Просто встал, сказал, что занят, проводил до выхода и захлопнул за ней дверь. Элис заплакала и убежала к себе.

Месяц спустя она снова осрамилась. Когда Гест взобрался на нее, она его обняла и потянулась поцеловать. Он отвернулся. Повинуясь телу, она попыталась, насколько это было возможно, получить удовольствие от прикосновений мужа. Тот не отозвался на ее готовность и, закончив, откатился, игнорируя ее намерение обняться.

- Пожалуйста, Элис, не ставь нас обоих в глупое положение, - спокойно сказал он и закрыл за собой дверь.

При мысли о тех неудавшихся попытках соблазнения кровь бросилась ей в лицо. Безразличие Геста всегда ранило Элис, но прошлой ночью, когда он показал, что может, если пожелает, применить силу, ей пришлось окончательно признать весь ужас своего положения. Гест изменился. В последний год он стал вести себя с ней резче. Начал на людях отпускать колкости на ее счет. Те мелкие знаки внимания, которые каждая женщина вправе ожидать от своего мужа, совершенно исчезли. Раньше он хоть и через силу, но проявлял заботу о ней при посторонних, предлагал руку, когда они шли рядом, подсаживал в карету. Теперь ушло и это.

Прошлой ночью безразличие впервые сменила жестокость.

Даже драгоценные свитки с островов Пряностей не стоят того, что ей пришлось вынести! Пора покончить с этой игрой. У нее есть свидетельства его неверности. Пришло время заявить о них, чтобы объявить недействительным брачный контракт.

Свидетельства были весьма очевидны. Первым стал счет, который по ошибке принесли ей, а не Гесту. То оказался счет за очень дорогой лосьон, которого Элис никогда не покупала. На ее вопрос продавец предъявил заказ на доставку, подписанный Гестом. Элис заплатила и сохранила все бумаги. Позже обнаружилось, что Гест платит за аренду домика за городом, среди мелких хозяйств, где в основном обитали поселенцы с Трех Кораблей. Последним в списке стало новое кольцо, которое она этой ночью заметила у Геста на руке, – оно царапало ей кожу, когда тот держал ее за руки. Гест любил украшения и часто носил кольца. Но он предпочитал массивное серебро, а это кольцо было золотым, с небольшим камнем. Элис точно знала, что сам Гест вряд ли купил бы себе такое.

Теперь ей все сделалось ясно. Гест женился на ней, только чтобы успокоить семью. Чтобы предъявить всему свету достойную жену из старинного семейства торговцев. Финбоки никогда не приняли бы невестку из семьи поселенцев с Трех Кораблей и никогда не признали бы ее ребенка своим наследником. Лосьон наверняка был подарком любовнице. Кольцо – ее подарком. Гест изменил. Он нарушил контракт, и Элис может воспользоваться этим, чтобы освободиться от супружества.

Ее ждет бедность. Конечно, будет отступное от его семьи, но Элис не обманывала себя – на этот доход она не сможет жить так, как жила в доме мужа. Ей придется переехать на клочок земли, который достался ей в приданое, и вести скромную жизнь. Разумеется, у нее будет ее работа и...

Дверь открылась. Вошел Седрик, он над чем-то смеялся и отвечал Гесту через плечо. Потом повернул голову и увидел ее:

– Доброе утро, Элис!

– Доброе утро, Седрик.

Слова сами слетели с языка, это была привычная любезность.

Гест посмотрел на нее. Он был недоволен, что жена все еще здесь, за столом. И тут Элис словно со стороны услышала собственный голос:

– Ты мне изменил. Это делает недействительным наш брачный контракт. Дай мне уйти тихо, иначе я пойду в Совет торговцев и предъявлю свои доказательства.

Седрик в этот момент как раз садился. Он шлепнулся на стул и в ужасе уставился на нее. Элис вдруг стало неловко, что ему приходится при этом присутствовать.

– Ты не обязан оставаться, Седрик. Прощу прощения, что вынудила тебя участвовать в этом.

Она выбирала официальные слова, но дрожащий голос перечеркнул все усилия.

- В чем - в этом? - требовательно спросил Гест и поднял бровь. - Элис, я впервые слышу эту чушь, и если ты не дура, то больше не услышу! Вижу, ты уже поела. Почему бы тебе не уйти и не оставить меня в покое?

- А ты разве ушел, оставив меня в покое сегодня ночью? - с горечью выдохнула она. - Я все знаю, Гест. Догадаться было нетрудно. Дорогой лосьон. Домик в стороне, где живут люди с Трех Кораблей. Кольцо, которое ты носишь. Одно к одному. - Она перевела дыхание. - У тебя любовница из поселенцев?

Седрик задохнулся от изумления. Но Гест ничуть не встревожился:

- Какое кольцо? Все это вздор, Элис! Своими обвинениями ты оскорбляешь нас обоих.

На его руке не было ничего. Не важно.

- То, которое было у тебя ночью. Могу показать царапины от камня, если хочешь.

- Только этого не хватало! - отрезал он, сел к столу и принялся снимать крышки с блюд.

Зачерпнул ложкой омлет, глянул на него и сбросил обратно. Потом откинулся на спинку стула и посмотрел на нее:

- Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Как будто его действительно заботило ее самочувствие!

- Ты собрала странную коллекцию мелких фактов и истолковала их в оскорбительном ключе. Кольцо, которое ты видела ночью, принадлежит Седрику. Откуда ты взяла, что оно мое? Он оставил его на столе в трактире. Я надел его, чтобы не потерять, и отдал ему сегодня утром. Ты довольна? Спроси его самого, если хочешь. - Гест поднял крышку следующего блюда и пробормотал: - Что за идиотизм, да еще перед завтраком...

Он наколот вилкой несколько колбасок и стряхнул их себе на тарелку. Седрик не сдвинулся с места и не произнес ни слова.

- Седрик! - резко выкрикнул Гест.

Тот встрепенулся, удивленно посмотрел на Геста и повернулся к Элис:

- Да. Я купил это кольцо. А Гест вернул его мне. Так все и было.

На него было жалко смотреть.

Гест расслабился и невозмутимо позвонил в колокольчик для прислуги. Пришла горничная. И он указал на стол:

- Это отвратительно. Принеси чего-нибудь горячего. И свежий чай. Седрик, ты будешь чай?

Седрик едва глянул на него, и Гест фыркнул:

- Седрику тоже чай.

Когда за горничной закрылась дверь, Гест обратился к своему секретарю:

- Объясни насчет лосьона, Седрик. И моего предполагаемого домика любви.

Седрик выглядел так, будто ему вдруг стало дурно.

- Лосьон - подарок...

- Для моей матери, - прервал его Гест. - А домик - для Седрика. Он сказал, что у него должна быть личная жизнь, и я согласился. Скромное жилье для моего секретаря - это совершенно нормально. И если он захочет там развлекаться, если к нему будет кто-то ходить - не мое дело. И не твое, Элис. Он мужчина, и у него свои нужды. - Он откусил кусок сосиски, прожевал и проглотил. - Честно говоря, я потрясен. Представить только - моя жена роется в моих бумагах в надежде отыскать какой-нибудь мерзкий секрет. Что тебя тревожит, женщина? Почему тебе в голову приходят такие мысли?

Элис осознала, что ее колотит. Неужели все так легко объяснить? Не могла ли она ошибиться?

- Ты тоже мужчина, и у тебя тоже нужды, - сказала она дрожащим голосом. - Но ты редко приходишь ко мне. Ты игнорируешь меня.

- Я занятой человек, Элис. И у меня много дел, помимо твоих... э-э... твоих плотских желаний. Стоит ли говорить об этом при Седрике? Если ты не щадишь моих чувств, пощади его.

- У тебя должна быть другая. Я знаю, что есть! - выкрикнула она.

- Ты ничего не знаешь, - с отвращением ответил Гест. - Но узнаешь. Седрик, поскольку Элис втянула тебя в наш скандал, я хочу, чтобы от этого была польза. Сядь и говори правду. - Гест снова повернулся к Элис. - Ты ведь поверишь Седрику? Даже если считаешь своего законного мужа лживым изменником?

Элис не могла отвести глаз от Седрика. Он был бледен и тяжело дышал, приоткрыв рот. Угораздило же ее завести этот разговор при нем! Что он теперь о ней подумает? Седрик всегда был ей другом. Можно ли теперь спасти хотя бы их отношения?

- Он никогда не лгал мне, - сказала она. - Я поверю ему.

- Элис, я...

- Тихо, Седрик, вопроса еще не было.

Гест в задумчивости оперся руками о стол и заговорил размеренно, как будто зачитывал пункты договора:

- Ответ моей жене полностью и правдиво. Ты находишься рядом со мной почти все время, пока я работаю, и иногда до самой глубокой ночи. Если кто знает мои привычки, то это ты. Посмотри на Элис и скажи ей правду: есть ли в моей жизни другая женщина?

- Я... То есть нет. Нет.

- Я когда-нибудь интересовался женщинами - здесь, в Удачном, или во время наших торговых поездок?

Голос Седрика окреп:

- Нет. Никогда.

- Вот видишь? - Гест отрезал себе кусочек фруктового пирога. - Твои грязные обвинения безосновательны.

- Седрик! - Она почти умоляла - ведь она была так уверена! - Ты говоришь правду?

Седрик отрывисто вздохнул:

- В жизни Геста нет другой женщины, Элис. Вообще нет.

Он смущенно разглядывал свои руки, и Элис заметила на его пальце кольцо, которое ночью видела у Геста. Ей стало стыдно.

- Прошу прощения, - прошептала она.

Гест решил, что она обращается к нему:

- Прощения? Ты оскорбила и унизила меня перед Седриком, и это все, что ты можешь сказать? Я полагаю, что ты должна мне куда больше, Элис.

Элис встала. Ноги не держали ее. Ей хотелось одного - оказаться подальше от этой комнаты и этого ужасного человека, который каким-то образом получил власть над ее жизнью. Только бы вернуться в свою тихую комнату и забыться за древними свитками из другого мира и другого времени!

- Не знаю, что еще я могу сказать.

- Отлично. После столь тяжкого оскорбления тебе нечего сказать. Ты извинилась, но это вряд ли меняет дело.

- Я прошу прощения, - повторила она, сдаваясь. - Прошу прощения, что затеяла этот разговор.

- Это касается нас обоих. Покончим с этим. Никогда больше не обвиняй меня в подобном. Это недостойно тебя. Такие разговоры недостойны нас обоих.

- Не буду. Обещаю.

Она чуть не опрокинула свой стул, торопясь уйти.

– Я заставлю тебя сдержать это обещание! – сказал Гест ей вслед.

– Я обещаю, – тупо повторила она и выбежала из комнаты.

Близилась ночь. Даже летом дни казались короткими. Огромные деревья безраздельно царствовали на широкой плоской равнине и расступались только перед белесыми речными струями. Дневной свет пробивался сквозь чащу лишь в те часы, когда солнце стояло высоко и его лучи падали на узкую полосу воды и земли между стенами деревьев вдоль реки. Сейчас солнце склонилось ниже, медленно подступал вечер.

Их жизнь проходила в сумерках. С того лета, как она вышла из кокона, минуло четыре года. Четыре года они жили впроголодь, заброшенные, утратившие всякую надежду. Четыре сумрачных лета, четыре дождливые серые зимы. Все эти годы их жизнь состояла только из еды и затаенного ежедневного сна. Но ощущения, что они слишком много спят, не возникло, – напротив, Синтара постоянно чувствовала легкую усталость. Топкая земля и сумрак хороши для ящериц, но не для драконов. Драконы созданы для яркого света, сухого песка и долгих жарких дней. Драконы летают. Как она стремилась летать! Улететь прочь от грязи, тесноты и мрачного берега.

Синтара вытянула шею и повела носом над пятном береговой грязи, подсыхающей с внутренней стороны крыла. Она почесала это место, потом вытянула увечное крыло и похлопала им по телу в попытке отряхнуться. Грязь частично осыпалась. Стало немного легче. Как же ей хотелось искупаться в теплой озерной воде, выбраться на яркий солнечный свет, чтобы обсохнуть, а потом поваляться и потереться о песок, полируя чешую до блеска! В нынешней ее жизни ничего этого не было. Одна лишь память предков.

Ее дразнили не только драконьи воспоминания. Она видела сны – о полете, об охоте. О городе, где был источник жидкого серебра. В этом источнике дракон мог утолить ту жажду, которую не утоляет вода. Часто приходили видения о том, как драконы вдоволь наедались горячего, свежего мяса. Как спаривались в небе, как строили гнезда для яиц на песчаной отмели. Великое множество воспоминаний и сновидений, вызывавших горькие чувства. А еще ей было известно, что какой-то части воспоминаний недостает. Она злилась. Понимала, что обделена целым пластом знаний, но не могла определить, чего именно не хватает. От этого становилось еще больнее – ведь драконьи воспоминания и так очень ясно свидетельствовали о ее телесной ушербности.

Наследство воспоминаний не давало Синтаре быть собой, как заведено было у ей подобных. Когда она была змеей, в ее распоряжении была родовая память змей – о путях странствий, теплых течениях и рыбьих косяках, о местах Сбора, песнях и устройстве общества змеев. Когда змей окукливался, эта память угасала, и для вылупившегося дракона его змеиная жизнь оставалась лишь смутным воспоминанием. Новая память была наследным сокровищем драконьего знания. Как летать по звездам, где и в какое время года лучше

охотиться, как вызывать на брачные поединки, как выбирать берег для кладки яиц – вот что заключалось в ней. При этом каждый дракон обладал и более древними личными воспоминаниями своих предков. Они передавались не только через преображающееся тело змея, но и через слюну тех драконов, которые помогали ему запечатывать кокон. А когда окукливалось нынешнее поколение змеев, драконьей слюны им досталось слишком мало. Может быть, поэтому некоторые из них получились тупыми, как скотина.

Солнце должно было уже достичь незримого горизонта. На узкой полоске неба над рекой стали появляться звезды. Синтара смотрела на россыпь огоньков и думала, что окружающий пейзаж точно соответствует ее неполноценному, ограниченному существованию. Грязевой берег реки, протекающей через огромный лес, был единственным местом, которое она знала в этой жизни. Драконы не могли никуда уйти отсюда. Лес был непреодолимым препятствием. Несмотря на то что деревья-гиганты росли в основном довольно далеко друг от друга, между ними из болотистой почвы торчали их корни, путь преграждал подлесок, лианы и прочие растения. Даже людям, которые куда меньше драконов, с трудом удавалось ходить по лесу. Тропы, проложенные через подлесок, быстро превращались в вязкое месиво. Нет. Выбраться из этого леса дракон мог только по небу...

Синтара снова хлопнула бесполезным крылом и сложила его. Потом оторвала взгляд от звезд и огляделась. Другие уже собрались под деревьями. Она презирала их. Недоразвитые, уродливые твари, хилые, сварливые, слабые и недостойные жизни. Как и она сама.

Синтара потопала по грязи к ним. Она была голодна, но уже почти не замечала этого. Голод сопровождал ее с того самого дня, как она вышла из кокона. Сегодня она съела семь рыбин – пусть и не совсем свежих, но больших – и одну птицу. Птица была жесткой. Иногда она мечтала о теплом мясе, сочащемся свежей кровью, но то были только мечты. Охотникам редко удавалось найти крупную добычу поблизости, а чтобы доставить драконам болотного лося или речную свинью издалека, приходилось разделять тушу. К тому же драконам редко доставались хорошие куски – обычно им отдавали кости, внутренности, шкуру, тощие голени и головы с рогами и только иногда мясистый горб речной свиньи или лосиную ляжку. Люди забирали себе лучшую часть добычи, бросая драконам объедки, как бродячим псам, что подбираются у городских ворот.

Лапы чавкали по вязкой почве, а хвост был постоянно покрыт грязью. Земля здесь тоже страдала, лишенная возможности затвердеть и исцелиться. Все деревья по границе прогалины были отмечены шрамами и царапинами от драконьих когтей. У нескольких драконы повредили кору, выскребая из-под нее червей, у других раскопали корни. Синтара подслушала, что люди беспокоятся: ведь даже деревья обхватом с башню могут умереть от такого обращения. А что будет, если громадное дерево упадет? Те из людей, что были подальновиднее, переселились с крон поврежденных деревьев. Но неужели им не понятно, думала Синтара, что если такое дерево будет падать, то оно заденет соседние? Люди в этом отношении глупее белок.

Только летом береговая грязь немного подсыхала, так что ходить становилось легче. А зимой драконам небольшого роста приходилось высоко поднимать лапы. По крайней мере, они пытались это делать. Но большинство из них умерли прошлой зимой. Очень жаль. Синтара, предвидя смерть каждого

ослабевшего, дважды оказалась проворнее прочих и набила брюхо их мясом, а голову – их памятью. Умерших не вернешь, а оставшиеся, похоже, могли пережить лето – если не случится болезни или какой другой беды.

Она приблизилась к сбившимся в клубок драконам. Спать в клубке – это неправильно! Так спят змеи – переплетаясь друг с другом под волнами, чтобы океанское течение не рассеяло их. Много в ее змеиной памяти стерлось за ненужностью, как и следовало. В той жизни она была Сисарквой. Теперь она Синтара, драконица, а драконы не спят, струдившись в кучу, подобно добыче.

Не спят – если только они не увечные, ни на что не годные, слабые создания, почти что ползающее мясо. Синтара протолкалась в середину. Она переступила через хвост Фенте, и мелкая зеленая зараза зашипела на нее. Но не обожгла. Фенте была злобной, однако не настолько тупой. Она знала, что если укусит Синтару, то это будет последний укус в ее жизни.

– Ты заняла мое место, – предостерегла ее Синтара, и Фенте подобрала хвост под бок.

– А ты неуклюжая. Или слепая! – огрызнулась зеленая, но так тихо, как будто не хотела, чтобы Синтара услышала.

Из мести Синтара подтолкнула Фенте к Ранкулосу. Красный уже спал. Не открывая серебряных глаз, он пнул Фенте и перевернулся на бок.

– Где ты была? – спросил Сестикан, второй по величине синий дракон, когда Синтара устроилась рядом с ним.

Это было ее место. Она всегда спала между ним и суровым Меркором – не потому, что те стали ее друзьями или союзниками. Просто самые большие самцы – хорошее укрытие. А еще Сестикана она считала одним из тех немногих, кто способен вести разумный разговор.

– Смотрела на звезды.

– Мечтала, – предположил он.

– Ненавидела, – поправила она.

– В этой жизни для нас мечты и ненависть – одно и то же.

– Если это будет последняя жизнь, если вся моя память умрет со мной, то почему она должна быть полна таких ужасов?

– Если ты будешь болтать и мешать мне спать, твоя последняя жизнь закончится куда скорее, чем тебе кажется.

Это Кало. Черно-синяя чешуя делала его почти невидимым в темноте. От ненависти к нему Синтара ощутила налившуюся ядом железу в горле, но промолчала. Он самый крупный из них. И самый злобный. Если бы она могла набрать достаточно яда, чтобы навредить ему, то, наверное, плюнула бы в него, невзирая на последствия. Но даже в те дни, когда она ела досыта, яда едва хватало, чтобы оглушить крупную рыбину. Плюнь она в Кало, и тот

загрызет ее, а потом сожрет. Бесполезно. Бессильный гнев дракона-калеки. Синтара обернула хвост вокруг себя, сложила крылья на спине и закрыла глаза.

Теперь их осталось всего пятнадцать. Синтара стала вспоминать. В устье реки пришли и стали подниматься вверх больше сотни змеев. Сколько окуклилось? Меньше восьмидесяти. Она не знала, сколько из них вылупилось и сколько пережило первый день. Да и едва ли это было важно. Некоторые умерли от болезни, еще сколько-то погибло при наводнении. Больше всего Синтара страшилась заболеть. Она не могла вспомнить ничего подобного, и те, кто был способен на разумную речь, тоже недоумевали. Болезнь началась ночью с сухого кашля, который растревожил все драконье сообщество. Кашляли все.

Потом как-то ночью один из мелких драконов разбудил их хриплым воплем. Это был оранжевый, с короткими лапами и обрубками крыльев. Даже если у него и было имя, Синтара его не помнила. Он пытался протереть глаза, слипшиеся от слизи, но передние лапы были слишком коротки. При каждом крике от него летела густая слизь. Все драконы с отвращением отодвинулись от него. К середине дня оранжевый был мертв, а еще через несколько мгновений о нем напоминала лишь кровавая лужа на земле. Два дракона успели набить желудки. К тому времени еще двое дышали с присвистом и пускали слизь из ноздрей и пасти.

Они выздоровели, когда погода стала суше. Синтара подозревала, что болезнь была вызвана вечной сыростью, грязью и скученностью. Если бы кто-нибудь из них мог летать, то покинул бы это место и, вероятно, остался здоров.

Один дракон и в самом деле ушел. Гресок был самым крупным самцом, красным, отличавшимся здоровым телом и крепким разумом. Однажды он объявил, что уходит искать место получше – город из своих снов. Он ушел, продираясь через подлесок, и шум постепенно затих вдали. Его отпустили. Почему бы и нет? Он знал, чего хочет, а его уход означал, что остальным достанется чуть больше пищи, когда охотники поделятся добычей.

Но прошло всего полдня, и они услышали его предсмертные мысли. Он кричал – не взывая к ним, а просто изливая ярость. На него напали люди.

Драконы это поняли. Почуввав, что он мертв, по его следу отправились двое, Кало и Ранкулос. Не для того, чтобы помочь ему или отомстить за него, а чтобы потребовать его тело себе в пищу. Ночью они вернулись на берег реки. Ни тот ни другой ничего не рассказывали, но Синтара подозревала, чем закончилось дело. От обоих пахло не только плотью Гресока, но и людской кровью. Вероятно, они встретили людей, которые убили упавшего Гресока, и добавили их к своей трапезе. Синтара не видела в этом ничего плохого. Человек, посягнувший на дракона, заслужил смерть. А на что годятся мертвые, кроме как в пищу? Она не понимала, почему люди считают, что лучше быть съеденным червями.

Все прекрасно знали, что следы таких столкновений лучше замечать. Люди слишком плохо скрывали свои мысли, и драконы чувствовали, что те оскорблены и гnevаются на них. По какой-то странной логике люди предпочитают отдавать своих покойников на съедение рыбам, а не драконам.

Вот и несколько дней назад людское семейство опустило тело мертвой родственницы в реку. Синтара погрузилась в воду следом за мешком, вытащила тело на берег, подальше от людских взоров, и съела его, и покров, и все прочее. Когда драконица вернулась и поняла, что люди потрясены, она попыталась, щадя их чувства, отрицать содеянное. Но те ей не поверили.

Люди, считала Синтара, повели себя совершенно неразумно. Если бы тело утонуло и упало на дно, его бы разорвали на части и пожрали черви и рыбы. Но умершую женщину съела Синтара, и осколки людской памяти вошли в ее память. По правде сказать, бо`льшая часть этих воспоминаний была для дракона бесполезна, да и женщина та прожила недолго, всего-то полсотни сезонных оборотов. Но все же от нее что-то осталось. Или люди думают, что тело этой женщины не заслуживало ничего лучше, кроме как стать кормом для нового поколения мальков? Люди так глупы!

В ее драконьей памяти хранились смутные воспоминания о Старших. Ей бы хотелось, чтобы эти образы были яснее, а не скользили в мыслях, как рыба в мутной воде. В воспоминаниях от этих созданий – Старших – веяло приятием и даже любовью. Они были умелыми и достойными, они ухаживали за драконами и любили их, они, признавая драконов разумными существами, приспособили для них свои города. Как такие мудрые создания могли быть родней людям?

Эти мягкотелые бурдюки с соленой водой, которых обязали присматривать за драконами, постоянно жаловались, хотя работа была простой. Они исполняли свои обязанности так плохо, что Синтара и ее соплеменники жили в беспросветной нужде. Было ясно, что драконы людям неприятны. Эти безволосые древесные обезьяны на самом деле думали только о том, как бы присвоить сокровища Кассарика. Руины древнего города Старших были погребены поблизости от того места, где вылупились драконы. Люди хотели разграбить Кассарик – так же, как разграбили подземный город в Трехоге. Они не только растащили украшения и предметы, назначение которых даже не могли понять. Они убили всех драконов, кроме одного, – тех самых драконов, которых Старшие перед древней катастрофой укрыли в своем городе. При мысли об этом гнев полыхал в душе Синтары.

По сей день существовали на свете живые корабли, построенные из «бревен» диводрева, все еще служили людям драконьи души, воплощенные в этих кораблях. По сей день люди оправдывали незнанием учиненную ими бойню. Драконы столько лет ждали, чтобы вылупиться, а их, не завершивших преобразования, вытряхнули на холодный каменный пол. Когда Синтара думала об этом, ее душила ярость и ядовитые железы в горле твердели и набухали. Проклятье! Люди заслужили смерть за содеянное – все без исключения.

Рядом раздался голос Меркора. Несмотря на внушительный размер и силу, этот дракон редко говорил или как-то еще проявлял себя. Глубокая печаль обессиливала его, лишала стремлений и воли. Но когда он все же заговаривал, все сородичи бросали свои дела и слушали его. Синтара не знала, что ими движет при этом, но сама раздражалась – ее тоже влекло к Меркору. И при этом охватывало чувство вины за его печаль. От его голоса память зудела, как будто, слушая его речи, следовало вспомнить что-то чудесное. Но она не могла.

Сейчас Меркор произнес своим звучным и низким голосом:

- Синтара, оставь это. Без должной цели твой гнев напрасен.

Это тоже не давало ей покоя – он говорил так, как будто читал ее мысли.

- Ты ничего не знаешь о моем гневе, – прошипела она ему.

- Не знаю? – Он повернулся в этой грязной яме, где они спали. – Я чую твою ярость и знаю, что твои железы полны яда.

- Я хочу спать! – громыхнул Кало.

В его словах слышалось раздражение. Но даже он не смел открыто противостоять Меркору.

Один из мелких тупиц, кажется зеленый, который едва мог передвигаться, проскрипел во сне:

- Кельсингра! Кельсингра! Вот она, вдали!

Кало поднял голову на длинной шее и рявкнул зеленому:

- Заткнись! Я хочу спать!

- Ты уже спишь, – спокойно отозвался Меркор. – Ты спишь так глубоко, что не видишь снов.

Меркор поднял голову. Он был не крупнее Кало, но бросил ему вызов.

- Кельсингра! – внезапно протрубил он в ночь.

Все драконы взволновались.

- Кельсингра! – повторил Меркор, и Синтара своим острым слухом уловила вдали крики людей, разбуженных этим кличем.

- Кельсингра!

Меркор выкрикнул имя древнего города в звездное небо:

- О Кельсингра, я помню тебя! Все мы помним, даже те, кто не хочет помнить! Кельсингра. Дом Старших, обитель с источником серебряных вод, твои каменные площади нагреты летней жарой. Холмы над городом изобилуют добычей. Не мучай тех, кто еще мечтает о тебе, Кельсингра!

Откуда-то из темноты раздался голос:

- Я хочу в Кельсингру. Я хочу расправить крылья и снова лететь.

- Крылья! Летать! Летать!

Слова звучали невнятно и приглушенно, но боль слабоумного дракона встревожила сердца сородичей.

- Кельсингра! - вновь раздался чей-то стон.

Синтара опустила голову и прижала ее к груди. Ей было стыдно за них и за себя. Они кричали, как скот в загоне перед бойней.

- Так отправляйтесь туда, - с отвращением пробормотала она. - Просто уходите - и все.

- Отправились бы, если б могли, - сказал Меркор с неподдельной тоской. - Но путь далек, даже будь у нас крылья. И неизвестен. Когда мы были змеями, то едва нашли дорогу домой. А земли, что отделяют нас от того места, где была Кельсингра, совершенно незнакомы.

- Вот именно - была, - повторил Кало. - Так много всего было - и больше нет. Бесполезно говорить об этом. Я хочу снова заснуть.

- Может, и бесполезно, но все же мы говорим о ней. Иным же она все еще снится. Точно так же, как снятся полет, охота и брачные битвы. Кое-кто из нас еще мечтает о жизни. Ты хочешь не спать, Кало, ты хочешь умереть.

Кало дернулся, словно пронзенный стрелой. Синтара ощутила, как напряглось его тело и набухли ядовитые железы. Совсем недавно она думала, что лежать между двумя крупными самцами - значит находиться в безопасности. Теперь стало ясно: между Сестиканом и Меркором она оказалась в западне. Кало высоко поднял голову и посмотрел сверху вниз на Меркора. Если он сейчас извергнет яд, Меркору не уклониться. Синтару тоже заденет. Она скорчилась, как будто это могло спасти ее.

Но Кало просто сказал:

- Лучше молчи, Меркор. Ты не знаешь, что я думаю и что чувствую.

- Я не знаю? Я знаю о тебе больше, чем ты сам, Кало.

Меркор внезапно запрокинул голову и закричал:

- Я знаю вас всех! Всех! И оплакиваю вас, ставших такими, какие вы есть, потому что помню, какими вы были, и знаю, какими должны быть!

- Тихо! Спать не даете! - Это был не рев дракона, а пронзительный человеческий крик.

Кало повернул голову к источнику звука и яростно зарычал. Ему вторили Сестикан, Ранкулос и Меркор. Когда звук затих, некоторые из слабых драконов, жавшихся с краю, тоже подали голос.

- Молчать! - рявкнул Кало в сторону людских жилищ. - Драконы говорят, когда желают говорить! У вас нет над нами власти!

- Но на самом деле она у них есть, - тихо произнес Меркор.

Спокойствие, с которым он это сказал, заставило всех драконов повернуться к нему.

- Над тобой - может быть. Надо мной - нет, - вскинулся Кало.

- Так, значит, ты не ешь то, что они тебе дают? Не сидишь здесь, в этом загоне? Ты не принял их планы по поводу нас - что мы останемся здесь, в зависимости от них, пока не умрем и не перестанем им досаждать?

Синтара обнаружила, что против воли ловит каждое его слово. Речи его звучали пугающе, но слышался в них и некий вызов, устоять перед которым было трудно. Меркор умолк, и воздух заполнили звуки вечерней природы. Синтара слушала плеск воды, набегающей на илистый берег, отдаленные голоса людей и птиц, устраивающихся в ветвях на ночлег, дыхание других драконов.

- И что же нам делать? - спросила она.

Все головы повернулись к ней. Синтара смотрела только на Меркора. В ночи цвет его чешуи был неразличим, но она видела сверкающие черные глаза дракона.

- Мы должны уйти, - тихо сказал он. - Уйти отсюда и найти путь в Кельсингру. Или куда-нибудь, где будет лучше, чем здесь.

- Как? - требовательно спросил Сестикан. - Повалить деревья, которые нас ограждают? Люди могут пробраться между их стволами и найти путь через топь. Но мы, если ты заметил, крупнее людей. Гресок пошел, куда хотел, но только там, где смог пройти между деревьями. Так никуда не уйти, там только болота, там мы ослабеем и оголодаем. Здесь мы хоть и не едим досыта, люди все же каждый день приносят нам пищу. А если уйдем, нас ждет голод.

- Нам не нужно голодать. Мы сможем есть людей, - предложил кто-то с краю.

- Молчи, коли не понимаешь! - одернул его Сестикан. - Если мы будем есть людей, они скоро кончатся, а мы останемся здесь без еды.

- Они хотят, чтобы мы ушли, - вдруг, к всеобщему удивлению, сказал Кало.

- Кто? - спросил Меркор.

- Люди. Их Совет Дождевых чашоб прислал человека сообщить об этом. Один из кормильцев попросил меня с ним поговорить. Он сказал этому человеку из Совета, что я самый крупный из драконов, а потому главный здесь. Так что посланец говорил со мной. Он хотел узнать, известно ли мне, где Тинталья или когда она вернется. Я ответил, что не знаю. Тогда он сказал, что они обеспокоены - кто-то вытащил из реки и съел тело, кто-то загнал рабочего в туннели, что ведут в засыпанный город. И еще сказал, что они больше не могут кормить нас. Его охотники перебили всю крупную дичь на мили вокруг, и рыбы стало мало. Поэтому Совет хочет, чтобы мы позвали Тинталью, передали ей требование вернуться и решить, как с нами быть.

Несколько драконов презрительно фыркнули, услышав такую глупость.

- Позвать Тинталью? Как будто она станет нам отвечать. Кало, почему ты не рассказал об этом раньше? - спросил Меркор.

- Они не сообщили мне ничего такого, чего мы не знаем сами. Зачем повторять? Это они отказываются признать очевидное. Тинталья не вернется. Ей незачем. Она нашла пару. Они вольны летать и охотиться где хотят. Лет через двадцать, когда настанет время, она отложит яйца, и вылупится новое поколение змеев. Мы ей больше не нужны. Она помогла нам выжить только потому, что мы были для нее последней надеждой. Теперь это не так. Если Тинталья нашла пару в то время, когда мы вышли из коконов, она, должно быть, презирает нас. Она знает и мы знаем, что мы недостойны жить...

- Но мы живем! - гневно прервал его Меркор. - И мы драконы. Не рабы, не домашние зверюшки. Мы не скот, чтобы люди забивали нас и продавали тем, кто дороже заплатит.

Сестикан встопорщил шипы на шее:

- Кто смеет думать об этом?

- О, не надо строить из себя глупцов! Хватит того, что мы уродливы. Многие люди не способны понять нас, когда мы с ними разговариваем. И среди них есть такие, которые считают нас чуть выше зверей, да еще и больными. Я подслушивал их разговоры; некоторые готовы купить нашу плоть, нашу чешую, зубы и все остальное для своих эликсиров и зелий. Знаешь, что случилось с беднягой Гресокком? Кало и Ранкулос знают, хотя Кало решил притвориться, будто ему ничего не известно. Люди убили Гресока и собирались расчленивать. Они не знали, что мы можем почуять его смерть. Сколько их там было, Кало? Тебе хватило наесться досыта после того, как вы пожрали Гресока?

- Трое, - ответил Ранкулос. - Точнее, троих мы поймали, но еще один убежал.

- Это были люди из чащоб? - спросил Меркор.

Ранкулос презрительно фыркнул:

- Я не спрашивал их. Они были виновны в убийстве дракона и поплатились за это.

- Жаль, что мы не знаем. Иначе лучше бы понимали, насколько можно доверять жителям Дождевых чащоб. Потому что нам понадобится их помощь, как это меня ни гнетет.

- Их помощь? Их помощь бесполезна. Они кормят нас гнильем или объедками. И этой еды никогда не хватает. Чем люди могут нам помочь?

Меркор ответил нарочито спокойным тоном:

- Они могут помочь нам добраться до Кельсингры.

В ответ раздался хор голосов:

- Может, Кельсингры уже давно нет!

- Мы не знаем, где она. Воспоминания не помогут нам отыскать дорогу. Сами мы даже не смогли найти дорогу сюда, к полям закукливания. Все изменилось.

- Зачем людям помогать нам в поисках Кельсингры?

- Кельсингра! Кельсингра! Кельсингра! - залепетал какой-то дракон, лежащий с краю.

- Заткните дурака! - рявкнул Кало, и тот взвизгнул от боли, когда кто-то выполнил приказ. Кало повторил: - Так почему люди станут помогать нам уйти в Кельсингру?

- Потому что мы заставим их думать, будто это их идея. Потому что мы заставим их захотеть отправить нас туда.

- Как? Зачем?

Уже совсем стемнело. Даже Синтаре не было видно Меркора, но в его ответе прозвучала насмешка:

- Мы разбудим их жадность. Мы скажем им, что Кельсингра втрое больше Кассарика и что там была сокровищница Старших.

- Сокровищница Старших? - переспросил Кало.

- Мы солжем им, - терпеливо объяснил Меркор, - чтобы они захотели отправить нас туда. Нам известно, что они рады бы избавиться от нас. Если мы и дальше будем полагаться только на них, они уморят нас голодом или бросят копошиться в этой грязи, пока мы не перемрем от болезни. А так мы предложим им способ избавиться от нас и вдобавок поживиться. Они захотят нам помочь, потому что будут думать, что мы приведем их к богатству.

- Но мы не знаем дороги! - отчаянно взвыл Кало. - А если бы люди знали о городе Старших, который можно разграбить, то уже добрались бы до него. Так что им тоже неизвестно, где Кельсингра. - Дракон понизил голос и уныло добавил: - Все изменилось, Меркор. Кельсингра может быть погребена под землей и деревьями, как Трехог и Кассарик. Даже если мы сумеем вернуться туда, что это нам даст?

- Кельсингра была много выше, чем Трехог или Кассарик. Ты разве не помнишь тот вид с горных склонов позади города? Возможно, грязь, которая затопила эти города, не накрыла Кельсингру. Или она оказалась выше затопления. Возможно все. Даже то, что там выжили Старшие. Не драконы, нет, ведь драконов мы бы услышали. Но город может все еще стоять, и на плодородных землях вокруг него ходят стада антилоп и прочих животных. Может быть, все это там и ждет нас.

- Или там ничего нет, - с горечью сказал Кало.

- Ну, здесь у нас тоже ничего нет, так что мы теряем? - настаивал Меркор.

- Зачем нам вообще помощь людей? - спросила Синтара в наступившей тишине.
- Если мы хотим попасть в Кельсингру, почему бы нам просто не отправиться туда?

- Как ни унижительно это признавать, но нам без них не обойтись. Некоторые из нас едва способны ходить по этому болоту. Никто из нас не может добывать себе достаточное пропитание охотой. Мы драконы и должны свободно передвигаться по суше и летать по воздуху. Но с увечными телами и крыльями нам не под силу охотиться. Когда в реке больше рыбы, мы можем кое-что ловить. Но нам нужны люди, чтобы они охотились для нас и помогали тем, кто слаб разумом или телом.

- Почему бы не оставить слабаков здесь? - спросил Кало.

Меркор фыркнул - эта идея была ему омерзительна:

- И позволить людям забить их и продать их тела по частям? Позволить им открыть для себя, что драконья печень действительно имеет удивительную целебную силу, если ее высушить и скормить человеку? Допустить, чтобы они обнаружили эликсир в нашей крови? А какие острые орудия можно делать из наших когтей! Да, пусть они убедятся, что мифы имеют под собой основание. И тогда они придут за нами. Нет, Кало. Ни один дракон, даже самый слабый, не станет жертвой людей. И нас слишком мало, чтобы так легко избавляться от кого бы то ни было из нашей расы. Нельзя оставлять сородичей здесь, ибо каждый из нас, даже если умрет, должен стать пищей и источником памяти для остальных. В этом разногласия недопустимы. Так что, когда мы выступим, нам следует забрать всех. И потребовать себе в сопровождение людей, чтобы помогали добывать еду, пока мы не окажемся там, где сможем прокормиться сами.

- И где же это? - спросил Сестикан.

- В Кельсингре. В лучшем случае. Или, на худой конец, в том месте, которое больше подходит драконам, где есть на кого охотиться.

- Мы не знаем дороги.

- Мы знаем, что это не здесь, - спокойно ответил Меркор. - Мы знаем, что Кельсингра была у реки и выше Кассарика по течению. Так что сначала поднимемся по реке.

- Но течение изменилось, - возразил Кало. - Там, где раньше река была узкой и быстрой и текла через равнины, богатые дичью, она теперь широка и течет через топи и заросли. Даже людям не так-то просто преодолеть их. И кто знает, что стало с землями, лежащими между нами и горами? Когда-то в эту реку впадала дюжина речушек и ручьев. Существуют ли они сейчас? Или тоже поменяли течение? Неизвестно. За все время, что люди тут живут, они не исследовали верховий реки. А ведь они не меньше нашего хотят найти сухие просторные земли. Ничто и никогда не мешало им пройти вверх по реке. Поэтому, если бы Кельсингра еще стояла и ее можно было бы найти, они бы уже это сделали. Ты хочешь, чтобы мы покинули это место, где хоть в какой-то мере чувствуем себя в безопасности, где нас пусть скудно, но кормят, - покинули ради путешествия через топи в надежде найти твердую

землю и Кельсингру? Это глупая мечта, Меркор. Мы просто умрем в погоне за миражом.

- То есть ты, Кало, предпочтешь просто умереть здесь?

- Почему бы и нет? - с вызовом заявил черный дракон.

- Потому что я, например, предпочту умереть свободным драконом, а не скотом. Я предпочту надежду снова выйти на охоту, снова почувствовать горячий песок на чешуе. Испить из серебряных ключей Кельсингры. Если мне придется умереть, я хочу умереть как дракон, а не как одна из жалких тварей, в которых мы превратились.

- А я предпочел бы поспать! - зашипел Кало.

- Тогда спи, - спокойно ответил Меркор. - Набирайся опыта, в смерти он тебе пригодится.

На этом разговор закончился. Драконы заворочались, затихли и снова заворочались, пытаясь устроиться поудобнее. Но уже не могли. И дело было не в холодной мокрой земле - это слова Меркора разрушили их смирение. И прежнее чувство ненависти, и терпение казались теперь Синтаре подобными трусости и покорности.

С того мига, как Синтара вышла из кокона, она знала, что ее жизнь пошла неправильно. Предложение Меркора открыло множество возможностей. Осторожно, чтобы не разбудить других, драконница вытянула шею и расправила слабые крылья. Неужели они совсем не выросли? Каждую ночь Синтара, дождавшись темноты, выполняла этот бессмысленный ритуал. Ночь за ночью она притворялась, что крылья растут. На самом деле они оставались жалкими отростками, размером едва ли в треть положенного. С их помощью можно было едва-едва поднять ветерок, а уж никак не оторвать тело от земли. Синтара сложила крылья.

Дракон становится драконом благодаря крыльям, подумала она. Без крыльев нельзя охотиться, да и спариться нет надежды. Она содрогнулась от негодования. Всего несколько недель назад она задремала на солнечном пятнышке, и ее грубо разбудил Дортеан - он пытался залезть на нее. Синтара проснулась тогда с гневным ревом. Дортеан был оранжевым, с короткими лапами и тонким хвостом. Сама его попытка спариться с ней - это унижение. Дортеан был глуп и смешон. Проснуться оттого, что он топчется по ней грязными лапами, - какой отвратительный контраст с воспоминаниями о драконах, спаривающихся в полете!

Обычно самцы сражались за самку, когда она выказывала готовность. И как только самый сильный одерживал победу над соперниками и присоединялся к самке в полете, он должен был доказать ей свое право на нее. Драконьи королевы не спаривались со слабыми. И ни один дракон не стал бы спариваться с покорной самкой. Зачем мешать свою кровь с тупой коровой, отпрыски которой могут не унаследовать истинного драконьего огня? Так что это топтание глупого уродца было невыносимо. Синтара развернулась и стала хлестать его своими карликовыми крыльями. Поначалу это только распалило его, и он продолжал наскакивать - существо с грязной шеей и маленькими глазками, в которых светилось вождение. Он пытался прижать ее, но

отчаянные удары хвоста сбили его с ног в непреходящую грязь. Уродец не мог толком устоять на лапах, и Синтара удрала от него к реке, чтобы смыть отпечатки его лап со спины и ляжек. Хотела бы она, чтобы кислотные воды реки смыли с нее и унижение.

Синтара устроилась спать, но сон не шел. Вновь вспыхивали обрывки воспоминаний, навевающих невыносимую грусть. Воспоминания о полете. О спаривании, о дальних пляжах, где ее предки откладывали яйца в горячий песок. Печаль сменилась глубочайшей тоской. «Кельсингра», – тихо сказала она себе, и воспоминания затопили ее сознание. Описание Кельсингры как обычного прибрежного города из камня и дерева не имело ничего общего с истиной. На самом деле это был город, созданный разумом и сердцем. Устройство Кельсингры свидетельствовало о дружбе и добрососедстве Старших и драконов. Широкие улицы, большие двери в общественные здания. На стенах и вокруг фонтанов – роспись, посвященная товариществу этих двух рас.

Было что-то еще, постепенно припоминала она. Источник, колодец более глубокий, чем река, протекавшая у границы города. Если опустить в него ведро, оно погружалось под слой воды, в поток очень необычного вещества. Даже малая толика его была вредна для Старших и, скорее всего, смертельна для людей. Но драконы могли его пить. Синтара закрыла глаза и позволила воспоминаниям всплыть на поверхность разума. Женщина из Старшей расы, одетая в зеленое с золотом, провернула ворот и подняла ведро, полное переливающегося серебряного напитка, опрокинула ведро в бадью из полированного камня, потом еще одно и еще, пока бадья не наполнилась. В грезах Синтара пила его, это серебро, оно бежало по жилам, наполняя сердце песнями, а разум – стихами. Она поддалась потоку радостных воспоминаний, оставив позади нынешнюю реальность.

В той, другой жизни она была гордой драконьей королевой. Облаченная в зеленое с золотом женщина поила ее серебряной влагой. Вместе они шли от источника по залитым ярким солнечным светом городским улицам. Они проходили по площадям, на которых играли и пели фонтаны, и ярко одетые обитатели города с поклонами приветствовали ее. На торговой площади было шумно, пели менестрели, кричали продавцы и покупатели. Она вдыхала запахи жарящегося мяса, специй, редких благовоний и душистых трав. Дойдя до берега реки, королева драконов и женщина попрощались с той теплотой, какая бывает между старыми друзьями. И тогда драконица раскрыла свои темно-алые крылья, низко присела на мощных задних лапах и без усилий взвилась в воздух. Три, четыре, пять ударов крыльями – и ветер подхватил ее и вознес высоко в небо. Она поймала поток теплого летнего воздуха и воспарила в нем.

Красная королева прикрыла свои золотые глаза, где кружились вихри цвета, прозрачными веками. Ветер хлестал ее, но удары смягчились до заботливых похлопываний, когда она оседлала воздушный поток и вознеслась еще выше. Теплое летнее солнце целовало спину, а внизу раскинулся огромный мир. Там была золотая земля, широкая речная долина, по краям поросшая дубовыми рощами. Выше начинались крутые предгорья, а за ними – отвесные горы. А здесь поля перемежались с лугами, на которых паслись коровы и овцы. Широкая дорога из гладкого черного камня шла вдоль реки, от нее ответвлялись дороги поуже. За людскими поселениями, в предгорьях и узких долинах, врезавшихся в горы, было хорошо охотиться.

Над холмами парили другие драконы, их шкуры блистали на солнце, как самоцветы. Один, бледно-зеленый с золотой искрой, приветствовал ее. Она затрепетала, узнав того, с кем спаривалась последний раз. Ответила на его приветствие и увидела, что дракон устремляется ей навстречу. Едва он развернулся, она издала насмешливую трель и взмахнула крыльями, набирая высоту. Он принял вызов и последовал за ней.

Дождь. Холодный дождь со снегом ударил ее по спине, как камнепад. Синтара открыла глаза, сон и дарованная им передышка оборвались. В следующий миг холодная вода потекла по бокам. Вокруг нее в темноте ворочались драконы, неохотно жались друг к другу. Ярость и печаль терзали ее.

– Кельсингра!

Это звучало как обещание.

– Кельсингра!

И другие драконы вторили ей.

Семнадцатый день месяца Возрождения,

пятый год Вольного союза торговцев

От Эрека, смотрителя голубятни в Удачном, –

Детози, смотрительнице голубятни в Трехоге

В запечатанном футляре – письмо от Совета торговцев Удачного к Советам торговцев Дождевых чащоб в Кассарике и Трехоге с предложением отправить Старшего Сельдена на поиски Тинталы. Он должен убедить ее вернуться и заняться молодыми драконами.

Детози, я взялся за перо ради твоего племянника Рейала и уверяю тебя, что Карлин, девушка из семьи с Трех Кораблей, в самом деле благо нравна, трудолюбива, почтительна к родителям, умеет писать и читать. Хотя мой ученик слишком молод, я готов разрешить ему заключить с ней помолвку, если он поклянется мне, что они не поженятся, пока он не станет подмастерьем. Я с удовольствием свидетельствую о достоинствах Карлин и верю, что она будет ему такой же хорошей женой, какой была бы девушка из старинной семьи торговцев. Это решение необычно, но замечу, что в ее семье пятеро здоровых детей, обе ее сестры замужем и родили здоровых отпрысков. В нынешние времена парень мог найти и кого похуже этой Карлин.

Эрек

Глава 6

Решение Тимары

Едва Тимара с отцом, таща корзины с плодами, переступили порог дома, как мать поприветствовала их улыбкой. Это было странно. Еще больше они удивились, когда мать сразу же, первой заговорила с ними. В ее глазах светилась надежда.

– Мы получили предложение для Тимары.

На мгновение девушка и ее отец замерли на месте. Смысл произнесенной фразы не укладывался в голове. Предложение? Ей? В свои шестнадцать лет она уже давно вышла из того возраста, когда большинство девушек Дождевых чащоб заключают помолвку. Она знала, что в других краях дело обстоит иначе: где-то ее все еще считали бы почти ребенком, где-то – только-только созревшей для замужества. Но здесь, в Дождевых чащобах, срок человеческой жизни куда короче, чем в иных землях. И жители чащоб знают: если хочешь продолжить свой род, то детей нужно помолвить как можно раньше и поженить, как только те созреют, и тогда через год на свет появится новое поколение. Даже если девушка происходила из бедной семьи, но была миловидной, к десяти годам она уже была стоворена. Да и далеко не красавица к двенадцати годам вполне могла получить предложение о помолвке.

Но этот порядок не касался таких, как Тимара, – ведь ей вообще не следовало жить, не говоря уже о том, чтобы выйти замуж и произвести на свет детей. Для большинства соплеменников она как бы вообще не существовала, остальные же едва замечали ее. Но вот мать, сияя от счастья, говорит, что получила предложение для своей дочери. Это просто невероятно. Какое может быть предложение о браке, если ей нельзя иметь детей? Полная бессмыслица. Кто мог сделать такое предложение и почему ее мать вообще приняла его всерьез?

– Брачное предложение Тимаре? От кого? – В голосе отца звучало недоверие.

Тимара взглянула на лицо матери, и нехорошее предчувствие шевельнулось в сердце. Слишком уж хитрой была ее улыбка. Не глядя ни на Тимару, ни на мужа, женщина склонилась над корзинами и стала выбирать, что из их содержимого можно приготовить на ужин.

Когда же она заговорила, то обращалась словно бы к пище:

– Я сказала, что мы получили предложение для Тимары, Джеруп. Я не говорила: брачное предложение.

– Тогда что это за предложение? От кого? – требовательно спросил отец.

В голосе прорывались гневные нотки, словно раскаты надвигающейся грозы.

Мать, сохраняя невозмутимый вид, даже не оторвалась от своего занятия.

– Ей предложили полезную работу и самостоятельную жизнь. Мы уже на склоне лет, и она сможет жить отдельно от нас. Предложил Совет торговцев Дождевых чашоб. Так что нечего хмуриться, Джеруп. Это превосходная возможность для Тимары.

Отец перевел взгляд на дочь, ожидая, пока та заговорит. В их маленьком семействе не было секретом, что мать постоянно тревожилась о своих «преклонных годах». Ей казалось, что если сложить с себя ответственность за содержание Тимары, то непременно появится возможность кое-что отложить на старость. Тимара не была в этом так уверена – ведь она ежедневно работала наравне с отцом. Бо`льшую часть пищи, что они приносили, собирала именно она, срывая плоды с самых высоких, ярко освещенных солнцем ветвей, куда никто другой не осмеливался забираться. Станет ли жизнь матери лучше, если корзины, которые приносит отец, полегчают? А если Тимара уйдет, кто будет исполнять повседневную работу, когда родители совсем состарятся и одряхлеют?

Однако ни одну из этих мыслей Тимара не высказала вслух.

– И какую же полезную работу они предлагают? – тихо спросила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Тимара боялась ответа матери. В Трехоге существовали разного рода «полезные работы». Опаснее всего были раскопки погребенного города Старших. Там требовалось непрерывно трудиться, надрывая спину, орудуя лопатой и таская тяжелые тачки, зачастую почти в полной темноте, – и всегда был риск, что дверь или стена древнего города неожиданно рухнет, высвобождая грязевую лавину. Обычно на такие работы посылали парней, потому что они сильнее. «Неплодоносным» девушкам вроде Тимары чаще поручали поддерживать в порядке мостики в кроне, соединяющие самые высокие и тонкие ветви. Недавно было много разговоров о том, что надо бы расширить сеть пешеходных мостов, которые связывали поселения, находящиеся на разных берегах реки Дождевых чашоб. При этом жарко спорили, как далеко можно протянуть на цепях деревянный мост без риска, что он рухнет. У Тимары екнуло сердце, едва она подумала, что, должно быть, станет одной из тех, кому будет поручено это проверить. Да, наверное, так и есть. Вся округа знала, как ловко она лазит по ветвям. Тогда ей нужно будет оставить дом и жить поблизости от места работы. Придется расстаться с родителями, а в скором времени, быть может, и с самой жизнью. Мать наверняка будет этому рада.

Между тем мать начала рассказ, и в ее голосе слышалась фальшивая радость.

– Так вот, сегодня на стволовой рынок пришел торговец в роскошном вышитом наряде, и при нем был свиток от Совета Дождевых чашоб. Он сказал, что ищет сильных молодых людей, не обремененных супружеством или детьми, для исполнения особой работы на благо Трехога и всех Дождевых чашоб. Что оплата будет хорошей и задаток выплатят немедленно, еще до начала работ, а в конце, когда работники вернутся в Трехог, их щедро наградят. Еще он сказал, что многие люди наверняка пожелают войти в число избранных, однако для такой работы подойдут только самые сильные и выносливые.

Тимара едва сдерживалась. Мать никогда ничего не говорила прямо. Любую историю или новость она излагала, топчась вокруг да около. А задать вопрос означало лишь дать ей повод свернуть еще на одну окольную тропинку. Девушка сжала зубы, едва не прикусив язык.

Отец же не скрывал нетерпения:

– Значит, это не брачное предложение, это предложение работы. Но Тимара уже работает – помогает мне на сборе. И зачем ей вести самостоятельную жизнь, отдельно от нас? Мы не молодеем. Наступит время, когда нам потребуется, чтобы она всегда была рядом, и это как раз произойдет «на склоне лет», как ты выражаешься. Как ты считаешь, кто еще позаботится о нас? Совет Дождевых чащоб?

Мать состроила недовольную гримасу и нахмурилась.

– Ну что ж, хорошо, – заявила она, – тогда я больше ничего не скажу. Надо понимать, я сделала глупость, выслушав того человека и подумав, что Тимаре, возможно, захочется испытать в своей жизни что-то интересное.

Едва ли не дрожа от негодования, мать плотно сжала губы, всем видом показывая, что разозлилась и не скажет больше ни слова.

Общая комната их дома была крошечной, однако мать, раскладывая на обеденной циновке ужин, делала вид, что не замечает ни Тимару, ни отца. Те по-прежнему молчали. Просьба продолжить рассказ лишь доставила бы матери дополнительное удовольствие оттого, что она дразнит их, держа в неведении. А вот явное отсутствие интереса могло сработать куда быстрее. Поэтому отец наполнил таз, умылся, выплеснул грязную воду за окно и вновь налил чистой, уже для Тимары. Передавая дочери посудину, он небрежным тоном спросил:

– Может быть, завтра поищем других растений? Встанем пораньше?

– Пожалуй, – осторожно отозвалась Тимара.

Мать не смогла вынести, что они разговаривают о таких обыденных вещах. И подала голос, обращаясь к орехам, которые растирала в муку:

– Выходит, я совсем не знаю свою дочь. Я думала, она будет в восторге, если ей представится возможность работать с драконами. Когда она была моложе, драконы ее очень интересовали.

Отец сделал чуть заметный жест, предупреждая Тимару, что надо хранить молчание, раз уж мать разговорилась.

Но девушка не удержалась:

– Драконы? Тот выводок, который я видела? Покинутые драконы? Мне предложили работать с ними?

Мать негромко хмыкнула. Она была довольна.

– Судя по всему, нет. Твой отец считает, что тебе лучше никуда не уходить и жить с нами, пока мы не одряхлеем и не умрем, а потом остаток жизни провести в одиночестве.

Она поставила миску с растертыми орехами дерева кура на обеденную циновку, рядом с тарелкой стеблей веддля. Еще до их возвращения мать испекла в общественной печи лепешки – всего шесть, по две на каждого. Такой ужин не назовешь ни обильным, ни изысканным, однако его вполне хватит, чтобы набить брюхо, как выразился бы отец. Всего лишь несколько мгновений назад Тимара чувствовала ужасный голод, но сейчас она и смотреть не могла на еду.

Однако отец был прав. Своим вопросом Тимара не остудила злость матери, а еще больше разожгла ее, и сейчас женщина пылала праведным гневом. Улыбаясь, она вела за трапезой разговор о пустяках, как будто все в порядке, а она, как и полагается покорной жене, подчиняется требованиям мужа. Тимара, не в силах выплюнуть наживку, еще дважды спросила ее о предложении, и каждый раз мать отвечала, что дочь, конечно же, не захочет покинуть дом и семью, а значит, нечего и говорить о подобных глупостях.

Все, что оставалось Тимаре, – это спорить от неутоленного любопытства.

Сразу после ужина Джеруп заявил, что у него дела, и вышел из дому. Тимара убрала остатки ужина, стараясь не встречаться взглядом с матерью, хранившей непроницаемое выражение, а потом поспешила оставить позади и дом, и коротенькие дорожки, ведущие к соседям, и вскарабкалась повыше в древесную крону. Ей нужно было подумать, а это лучше всего получалось в одиночестве. Драконы. Какое отношение могут иметь драконы к сделанному ей предложению?

Тимара видела драконов дважды в жизни. Впервые это случилось пять лет назад, когда ей почти исполнилось одиннадцать. Отец взял ее с собой, провел по Ожерельным мостам, а потом вниз, до самой земли. Тропинка вдоль илистого берега, которая вела к площадке с коконами, была утоптана множеством ног прошедших по ней людей. Это был первый раз, когда Тимара попала в Кассарик.

Воспоминание о зрелище, которое представляли собой выходящие из коконов драконы, было до сих пор свежо. Крылья у них оказались слабыми, а плоть едва прикрывала кости. Тинталья прилетала и улетала, принося им свежее мясо. Отец тогда очень сочувствовал этим несчастным, брошенным существам. Девушка озорно улыбнулась, вспомнив, как он улепетывал от одного из только что вылупившихся драконов.

В первые дни все надеялись, что выжившие драконы вырастут и наберутся сил. Отца Тимары наняли охотиться и приносить драконам пищу. Но Дождевые чашобы не могли прокормить таких крупных и прожорливых хищников. Охотникам, несмотря на старания, было не под силу принести больше добычи, чем водилось в лесу. Совет все хуже платил им за работу. В конце концов отец Тимары бросил это занятие и вернулся в свой дом в Трехоге. Он рассказал, что драконы больны, быстро слабеют и угасают. Те, кто выжил, подросли, но не стали ни здоровыми, ни самостоятельными. «Иногда прилетает Тинталья, приносит мясо, но один дракон не в состоянии

прокормить такое множество, – говорил отец. – Она просто исходит жалостью к этим несчастным созданиям. Боюсь, для нас всех это плохо закончится».

Дальше дела пошли еще хуже. Драконы по-прежнему не могли летать. А Тинталья, вопреки всякой вероятности, нашла себе пару. Все считали, что Тинталья – последний истинный дракон в мире, и теперь были потрясены, не в силах поверить в историю о черном драконе, восставшем из льда.

Как оказалось, какой-то принц из Шести Герцогств обнаружил под землей черного дракона и зачем-то освободил его из ледяной могилы. Пробудившись от долгого сна, дракон избрал Тинталью своей парой. Теперь они вместе летали, охотились и спаривались. История производила впечатление полной нелепицы, но одно было несомненно: с того времени драконица стала очень редко прилетать в Дождевые чащобы. Из разных концов чащоб порой сообщали, что видели двух огромных драконов, летящих вдалеке. Кое-кто ехидно добавлял, что теперь, когда Тинталья не нуждается в помощи людей, она совершенно отдалилась от них и не только бросила на их попечение прожорливых юных драконов, но и перестала охранять реку Дождевых чащоб.

Но хотя Тинталья и нарушала условия сделки, обитателям Дождевых чащоб не оставалось ничего, кроме как продолжать заботиться о выводке. Как замечали многие, хуже, чем стая драконов рядом с твоим городом, может быть только стая голодных и злых драконов рядом с твоим городом. Конечно, площадка, где вылупились драконы, была изрядно выше Трехога по течению. Но рядом с ней находился погребенный Кассарик, древний город Старших. Самые доступные его части – те, что обнаружили под Трехогом – уже давно раскопали. Дальнейшие раскопки сулили не меньше находок, однако добраться до них можно было бы только в том случае, если молодые драконы не воспрепятствуют людям.

Тимара задумалась, сколько драконов осталось в живых сейчас. Далеко не все окуклившиеся змеи вышли на свет драконами. В тот раз, когда ее отец предпринял последнее путешествие в Кассарик, Тимара напросилась пойти с ним. Это было чуть больше двух лет назад. Если она правильно сосчитала, к тому времени оставалось живы всего восемнадцать созданий. Остальные умерли от болезней и плохой еды либо погибли в драках. Тимара смотрела на драконов с деревьев, не смея приблизиться. По сравнению с блестящими, только что вылупившимися дракончиками, которых она видела в детстве, нынешние большие твари казались ей ужасными. Неуклюжие, перемазанные илом и вонючие – поскольку жили на тесной и топкой речной отмели, они почти беспрестанно двигались, топчась по собственному помету и копаясь в объедках. Никто из них даже не пытался взлететь. Некоторые пробовали самостоятельно добывать пищу: заходили в реку и ловили рыбу, идущую на нерест. Чувство потаенной враждебности, исходящее от них, было даже сильнее змеиной вони. Тимара ушла прочь, не в силах больше смотреть на этих костлявых злобных тварей.

Девушка потрянула головой, чтобы избавиться от воспоминаний, и сосредоточилась на подъеме. Цепляясь когтями, она карабкалась вверх, в гущу ветвей, нависающих над крышей ее дома. Это было чуть ли не самое высокое место в Трехоге. Отсюда она могла окинуть взглядом почти весь древесный город.

Тимара уселась, положив подбородок на колени согнутых ног. Задумалась, глядя, как ночь опускается на город и лес. Этот «насест» особенно нравился ей. Если откинуться и наклониться под нужным углом, то можно заглянуть в крошечный просвет между переплетающихся ветвей и увидеть ночное небо и мириады звезд. Больше никто, думала девушка, не знает об этом зрелище. Оно принадлежит ей одной.

Но наслаждалась покоем она недолго. Дрогнула ветка – это означало, что кто-то собирается присоединиться к ней на ее любимом насесте. Не отец, нет. Этот человек двигался быстрее отца.

Девушка не оглянулась, чтобы посмотреть на него, однако заговорила так, словно увидела, кто это:

– Привет, Татс. Что сегодня привело тебя на верхотуру?

Она ощутила, как он пожал плечами. Татс стоял во весь рост, потом опустился на четвереньки, чтобы проползти по узкой веточке и оказаться рядом с девушкой. Здесь он уселся прямо, обвив тощими ногами ветвь под собой.

– Просто захотелось прийти, – тихо сказал татуированный.

Тимара наконец повернула голову и взглянула на него. Он молча встретил ее взгляд. Девушка знала, что недавно ее глаза приобрели бледно-голубое сияние – так бывало у некоторых жителей Дождевых чашоб. Татс никогда не заговаривал ни об этом, ни о ее черных ногтях. А она не задавала вопросов о татуировках у него на щеке: возле носа виднелся маленький символ, обозначающий лошадь, а по левой щеке шла паутина. Эти отметки означали, что Татс родился рабом. Тимара лишь в общих чертах знала его историю.

Шесть лет назад, с возвращением змей, Совет чашоб пригласил татуированных из Удачного перебраться сюда: подняться вверх по реке, поселиться и обзавестись семьями, чтобы начать новую жизнь. Взамен они должны были потрудиться: углубить речные отмели и построить водные каскады, чтобы змеи смогли доплыть до места окукливания. Среди татуированных были разные люди. Кто-то в прошлом совершил преступление, кто-то попал в рабство просто за долги, но теперь татуировка всех уравнивала. Среди осужденных должников оказалось немало искусных ремесленников и мастеровых, и теперь их таланты служили на благо общества. Многие татуированные вскоре стали уважаемыми жителями Дождевых чашоб. Но некоторые из тех, что были жуликами, ворами, убийцами, не отказались от своего ремесла, несмотря на возможность начать новую жизнь. Вернулась к прежнему занятию и мать Татса. Тимара слышала, что сначала эта женщина промышляла воровством и грабежами, но, когда очередное ограбление пошло не по плану, стала убийцей. Преступница сбежала, куда – не знал никто, тем более Татс: в то время ему было всего десять лет.

Мальчик оказался брошен на произвол судьбы. Кто-то из сородичей взял его на воспитание. У Тимары сложилось впечатление, что он жил везде и нигде, брал пищу у всех, кто ее предлагал, одевался в обноски и за пару монет был готов на любую черную работу. Тимара с отцом повстречали его на одном из ствольных рынков – больших торжищ, которые проходили вокруг гигантских стволов пяти главных деревьев в центре Трехога. В тот день они продавали

птицу, и Татс предложил любые свои услуги за самую маленькую тушку: он уже много месяцев не ел мяса. Отец Тимары, как всегда, оказался слишком добросердечен. Он поставил паренька расхваливать их товар, хотя обычно справлялся с этой задачей сам, причем гораздо лучше: голос у него был громче и мелодичнее. Но Татс хотел – прямо-таки жаждал! – выслужить себе трапезу.

Это случилось два года назад, и с того дня они часто видели его. Когда у отца Тимары находилась для него работа, парень был благодарен за любую плату, которую они могли ему предложить. Он был так ловок, что прижился даже здесь, в высоких кронах, куда никогда не забирался никто из рожденных на земле. Тимаре нравилось его общество – у нее было мало друзей. Ее детские товарищи по играм давным-давно выросли, переженились и теперь вели новую, семейную жизнь. А Тимара осталась позади, в своем затянущемся отрочестве. И, как ни странно, ей было отрадно найти друга столь же одинокого, как она сама. Она удивлялась, почему Татс до сих пор не нашел себе жену или хотя бы девушку.

Мысли Тимары беспорядочно блуждали. Она осознала, что ее молчание затянулось, только когда заговорил Татс:

- Ты хотела сегодня побыть одна? Я вовсе не собирался беспокоить тебя.
- Ты меня не побеспокоил, Татс. Я просто забралась сюда, чтобы подумать.
- О чем? – Он устроился на ветви поудобнее.
- Думаю, какую из возможностей мне выбрать. Не то чтобы их было много... – Тимара выдавила смешок.
- Немного? А почему?

Девушка посмотрела на него, гадая, уж не дразнится ли он:

- Понимаешь, мне шестнадцать лет, а я все еще живу с родителями. Никто до сих пор не сделал мне предложение. И не сделает. Так что мне придется или жить с матерью и отцом до конца дней, или выживать в одиночку. Я немного умею охотиться и собирать растения. А еще мне известно главное: если я попытаюсь заниматься тем или другим в одиночку, окажусь в нищете. В Дождевых чашобах, чтобы не умереть с голоду, нужно слаженно работать по крайней мере вдвоем. А я, похоже, всегда буду одна.

Татс удивленно и с некоторой тревогой выслушал этот монолог. Потом откашлялся и спросил:

- Почему ты думаешь, что тебе всегда придется заниматься этим в одиночку?
- А потом добавил уже тише: – Ты говоришь так, как будто жить с родителями – это что-то ужасное. Хотел бы я, чтобы у меня были отец или мать. – Он коротко усмехнулся. – И я даже вообразить себе не могу, как это – когда есть оба родителя.

- Жить с родителями вовсе не так ужасно, – признала Тимара. – Хотя иногда я понимаю, что мать видеть меня не желает. Папа ко мне всегда добр, он совсем не против, чтобы я осталась дома навсегда. Наверное, когда он

принес меня обратно домой, он догадывался, что я буду им помощницей до конца жизни.

Татс нахмурился. Из-за недоуменной гримасы паутина на его щеке странно исказилась.

- Принес тебя обратно домой? А где ты пропадала?

Теперь уже Тимара почувствовала себя неловко. Она привыкла думать, что все знают, кто она такая и какая история за этим кроется. Любой житель Дождевых чашоб все понимал, едва взглянув на нее. Но Татс родился не здесь, а местные старались не рассказывать чужакам о Тимаре и таких, как она. Татс действительно ничего не знал. Эта мысль больно кольнула девушку.

Она оскалила зубы в странной улыбке и протянула парнишке руку:

- Ничего не замечаешь?

Он наклонился поближе и уставился на ее руку:

- Ты что, коготь сломала?

Тимара подавила смешок и внезапно поняла то, чего не понимала раньше. Татс так дружески держался с ней потому, что и в самом деле ничего не знал.

- Татс, ты же не можешь не видеть - у меня на руках когти, не ногти. Как у жабы или у ящерицы. - Она запустила когти в кору и рванула на себя. На ветви остались четыре полоски. - Когти делают меня тем, что я есть.

- Я у многих в Дождевых чашобах видел когти.

Секунду Тимара непонимающе смотрела на него. Потом возразила:

- Нет, это не то. Ты видел у многих черные ногти. Или даже большие черные ногти. Но не когти. Потому что, когда рождается ребенок с когтями вместо ногтей, родители и повитуха знают, что должны сделать. И делают это.

Татс придвинулся по ветке ближе к ней.

- Что делают? - хрипло спросил он.

Она отвела глаза от его пристального взгляда и уставилась в переплетение ветвей, между которыми запуталась ночь.

- Избавляются от него. Уносят его куда-нибудь, где не ходят люди. И оставляют там.

- Умирать? - Татс был потрясен.

- Да, умирать. Или на съедение - древесной кошке или большой змее.

Тимара взглянула на парнишку и поняла, что не выдержит его взгляда, в котором плескался ужас. Этот взгляд словно бы обвинял, и девушка почувствовала себя неуютно, как будто проявила неблагодарность или неповиновение, рассказывая об участии детей-выродков.

- Иногда ребенка душат, чтобы он долго не мучился, а потом бросают в реку. Думаю, это зависит от повитухи. Моя повитуха просто унесла меня и положила в развилку ветви подальше от всех путей, а потом поспешила обратно к моей матери, потому что у той было сильное кровотечение.

Тимара сглотнула комок в горле. Пораженный Татс смотрел на нее, слегка приоткрыв рот. Впервые девушка заметила, что один из его нижних зубов заходит за другой. Она снова отвела взгляд.

- Повитуха не знала, что мой отец выследил ее. До меня у родителей уже были дети, но я оказалась первым ребенком, который родился живым. Папа сказал, что не мог вынести мысли о моей смерти и почувствовал, что мне надо дать шанс. Поэтому он пошел следом за повитухой и принес меня обратно домой, хотя знал, что многие осудят его за этот поступок.

- Осудят? Почему?

Девушка снова посмотрела на Татса и опять подумала, не потешается ли он. У него были светлые глаза, голубые или серые, в зависимости от времени суток. Но они не светились, в отличие от ее глаз. И смотрели на нее без малейшей хитрости. Этот честный взгляд почти разозлил Тимару.

- Татс, как ты можешь не знать таких вещей? Сколько ты прожил в Дождевых чащобах - шесть лет? Здесь многие дети рождаются с отметинами чащоб. А когда они вырастают, отличия усиливаются. Поэтому людям надо было где-то провести черту. Потому что если уже при рождении ты слишком сильно отличаешься, если у тебя уже есть чешуя и когти, то кто знает, каким ты вырастешь? А если бы такие, как я, вступали в брак, то их дети наверняка рождались бы еще меньше похожими на людей, а вырастали бы вообще Са ведает кем.

Татс сделал глубокий вдох, потом резко выдохнул, потряхнув головой.

- Тимара, ты говоришь так, как будто не считаешь себя человеком.

- Ну... - начала она, а затем умолкла.

Некоторое время она пыталась поймать ускользающие слова. «Может быть, я и не человек». Верила ли она в это? Конечно нет. Наверное, нет. Кто же она тогда, если не человек? Но если она человек, почему же у нее когти?

Прежде чем девушка собралась с мыслями, Татс заговорил снова:

- Мне кажется, ты выглядишь ничуть не страннее, чем большинство здешних. Я видел людей, у которых чешуи и бахромы на шее гораздо больше, чем у тебя. Теперь меня это уже не пугает. Когда я был маленьким и впервые попал сюда, вы все казались мне страшными. А теперь уже нет. Вы просто... ну как бы люди с отметинами. Точно так же, как мы, татуированные.

- Тебя отметил татуировкой твой владелец. Чтобы показать, что ты раб.

Татс улыбнулся, сверкнув белыми зубами. Этой улыбкой он словно бы опровергал ее слова.

- Нет. Меня отметили, чтобы хозяева могли поверить, будто я принадлежу им.

- Знаю, знаю, - поспешно ответила Тимара. На этом настаивали многие из бывших рабов. Она не понимала, почему для них так важно подчеркнуть разницу. Впрочем, пусть Татс объясняет свою татуировку так, как ему нравится. - Но я хотела сказать, что кто-то сделал это с тобой. А до того ты был таким же, как все. А вот я родилась с ними. - Она повернула руку и посмотрела на черные когти, загибающиеся к ладони. - Не такая, как все. Непригодная к замужеству. - Отвернувшись, она добавила совсем тихо: - Не заслуживающая жизни.

Татс негромко произнес:

- Твоя мама только что вышла из дому и смотрит вверх, на нас. Вот сейчас она там стоит и глядит прямо на меня. - Он слегка отодвинулся от Тимары, склонил лохматую голову и ссутулил плечи, как будто стараясь стать невидимым. - Она ведь меня не любит?

Тимара пожала плечами:

- Сейчас она больше всего не любит меня. У нас сегодня вышла... ну вроде как семейная ссора. Мы с папой вернулись со сбора, а мать сказала, что кто-то сделал мне предложение. Не брачное, а предложение работы. Но папа ответил, что я уже работаю, а она рассердилась и не хочет рассказывать даже, что мне предложили.

Девушка опустила спину на ветку и вздохнула. Вокруг стужалась темная ночь Дождевых чащоб. В висячих домиках зажигались лампы. Насколько хватало глаз, сквозь путаницу ветвей и листьев мерцали разбросанные там и сям искорки верхних ярусов Трехога. Девушка перевернулась на живот и посмотрела вниз, на жилища более зажиточных горожан, где огоньки были гуще и ярче. Фонарщики уже приступили к работе, они зажигали фонари на мостах, которые, подобно сияющим ожерельям, обвивали деревья города. Тимаре казалось, что с каждым вечером этих огоньков становится все больше. Шесть лет назад, когда здесь появились татуированные, население Трехога и Кассарика увеличилось. И с тех пор приходили все новые и новые чужаки. Девушка слышала, что маленькие торговые поселения ниже по реке тоже разрастаются.

Лес внизу, осыпанный огнями, был прекрасен. Это ее лес - и в то же время он ей не принадлежал.

Тимара сжала зубы и проговорила:

- Вот это-то меня и злит. Мне и так почти не из чего выбирать, а тут еще родная мать скрывает от меня какую-то возможность.

Она оглянулась на костлявого парнишку, сидящего на ветви рядом с ней. Усмешка Татса всегда заставляла ее вздрогнуть – настолько сильно в этот момент менялось его лицо. Вот и сейчас он вдруг ухмыльнулся.

– Кажется, я знаю, что тебе предложили.

– И что ты знаешь?

– Что это за предложение. Я тоже слышал о нем. Это одна из причин, почему я сегодня пришел сюда. Я хотел спросить тебя и твоего папу, что вы об этом думаете. Вы ведь знаете о драконах побольше моего.

Тимара села так резко, что Татс от неожиданности икнул. Однако девушка знала, что не упадет с ветки.

– Что за предложение? – требовательно спросила она.

Лицо Татса озарилось воодушевлением.

– Ну, один парень на всех стволовых рынках вешает объявления. Он взял одно и прочитал его мне. Если верить написанному, Совет Дождевых чащоб ищет работников – молодых, здоровых и, как говорится, не обремененных связями. Парень сказал, это значит – без семьи... – Татс резко оборвал себя. – Ой, наверное, это не то предложение, которое сделали тебе? Ведь у тебя же есть семья.

– Давай рассказывай, – поторопила Тимара.

– Ну так смысл в чем? Драконы там, в Кассарике, доставляют много неприятностей. Они делают всякие пакости, пугают людей и вообще плохо себя ведут, и Совет решил, что их надо из Кассарика увести. Поэтому они ищут людей, которые это сделают. Ну, нужны те, кто будет сгонять драконов в стадо, добывать им еду и все такое. Ну и еще надо будет устроить их на новом месте и не дать им вернуться обратно.

– Погонщики драконов, – тихо сказала Тимара, – а может быть, их хранители. Как посмотреть. – Она отвернулась от Татса и попыталась вообразить, как бы это выглядело. Судя по тому, что она видела, с драконами не так-то легко справиться. – Думаю, это будет опасная работа. И именно поэтому Совет ищет сирот или людей без семьи. Чтобы некому было жаловаться, если дракон тебя съест.

Татс моргнул, глядя на нее:

– Ты серьезно?

– Ну...

– Тимара! – Резкий голос матери разорвал вечернюю тишину. – Уже поздно. Иди в дом!

Девушка вздрогнула. Мать редко называла ее по имени прилюдно и еще реже желала ее присутствия.

- Зачем? - крикнула Тимара в ответ.

Наверное, отец вернулся домой и хочет ее видеть. Она не могла припомнить, чтобы мать когда-либо звала ее домой по своей воле.

- Потому что уже поздно. И потому что я так сказала. Иди в дом!

Татс вытаращил глаза и шепотом произнес:

- Я знаю, она меня недолюбливает. Я лучше пойду, а то у тебя будут неприятности.

- Татс, я уверена, ты тут ни при чем. Тебе не нужно уходить. Наверное, она просто хочет поручить мне что-нибудь сделать.

На самом деле Тимара понятия не имела, почему мать вдруг принялась звать ее домой. Но знала, что, наверное, нужно спуститься вниз, туда, где их маленькое жилище мягко покачивается на поддерживающих его ветвях. Однако идти не хотелось. Когда отца не было дома, комнаты казались неуютными и тесными. В них словно витал дух материнского недовольства. Взамен обычной готовности подчиниться матери в душе девушки внезапно вспыхнуло упрямство. Она спустится, но не прямо сейчас. В конце концов, что может сделать мать? Она никогда не забиралась вверх, на тонкие ветви, где сейчас сидели Тимара и Татс, и вообще презирала эту часть Трехога - Сверчковые Домики. Здесь крохотные обиталища сооружались в самой верхней части кроны, а люди перебирались с одной ветви на другую по легким мостам и тонким канатам. Мать Тимары злило, что приходится жить в квартале бедноты, однако им по средствам был только такой висячий дом. И почти всё здесь, на вершинах, стоило дешевле, чем на нижних ветвях.

- Разве ты не пойдешь домой? - тихо спросил Татс.

- Нет, - решительно ответила Тимара. - Пока нет.

- А о чем ты думала перед этим?

Девушка пожала плечами:

- О том, как сильно все переменялось. - Она взглянула за край ветви вниз, на мерцающие огни Трехога. Их сияние тут и там заслоняли массивные стволы и широко раскинувшиеся ветви дождевого леса. - Моя семья не всегда была бедной. До того как я родилась, когда родители только поженились, они жили там, внизу. Намного ниже. Отец был третьим сыном торговца Дождевых чашоб. Его семья владела долей в участке древнего погребенного города, и они были довольно состоятельными. Но потом дед умер. У отца было два старших брата. Самый старший унаследовал участок, а средний умел извлекать из него прибыль. Но этого было недостаточно, чтобы прокормить три семьи, и моему отцу пришлось самому зарабатывать себе на жизнь. Иногда мне кажется, что именно это и обозлило мою мать, еще до моего рождения. Наверное, она надеялась беспечно жить в достатке и родить красивых детей, а потом выгодно пристроить их замуж или женить. - Тимара скривила губы в невеселой улыбке. - Одна мелочь, и все оказалось бы совсем по-другому. Мне кажется, если бы мой отец был старшим сыном и

наследником, кто-нибудь уже посватался бы ко мне, даже имей я хвост, как у мартышки, и голос визгливый, как у древесной крысы.

Татс рассмеялся, напугав ее, но через миг девушка присоединилась к его смеху.

– Неужели та жизнь тебе понравилась бы больше, чем эта, которую ты ведешь сейчас?

Похоже, он спрашивал искренне.

Тимара усмехнулась:

– Ну, эта жизнь мне нравилась больше, когда я была моложе и мы не были такими бедными, как сейчас.

– Бедными?

– Ну, понимаешь, мы живем впроголодь, обитаем в верхних ярусах Трехога, где ветки тонкие, а дорожки узкие. Но мы не всегда жили здесь.

– А по-моему, вы совсем не бедные, – возразил Татс.

– По-твоему, может, и так, но тогда мы жили богаче, это уж точно. – Тимара вспомнила времена раннего детства. Да, тогда они жили достаточно хорошо. – Мой папа был охотником, очень ловким. Одно время он добывал мясо для драконов, пока Совет не перестал честно платить за это. Тогда папа решил попытаться счастья в фермерстве.

– Землю возделывать? Где? В Дождевых чащобах и земли-то подходящей нет.

– Не все растения, которые мы едим, растут на земле. Так он всегда говорил. Многие съедобные растения вырастают в кронах – в почве, нанесенной в углубления коры, или у них есть воздушные корни, или они питаются соками самого дерева...

Тимара пыталась объяснять, хотя от воспоминаний об этой идее отца на нее всегда наваливалась усталость. Вместо того чтобы бродить по ветвям и мостам Дождевых чащоб, добывать дичь и собирать то, что дает сама крона, отец затеял попытку выращивать еду. Идея была не нова. Время от времени кто-нибудь, подобно отцу Тимары, вдруг воображал, будто понял, как добиться результата. Брал различные растения, пригодные в пищу, и пытался возвращать их там, где нужно человеку, а не там, где посадил их Са. И до сих пор никому не удалось заставить лес плодоносить в соответствии со своими планами.

Отец был просто решительнее и упорнее своих предшественников. Говорят, упорство – хорошая черта. Но мать Тимары как-то бросила – мол, это лишь означает, что их семья прожила в бедности гораздо дольше, чем те, кто попробовал, убедился в неудаче и быстро вернулся к охоте и собирательству. «Фермерство» отнимало у семьи много времени и приносило куда меньше плодов, чем собирательство, однако отец Тимары не сдавался, веря, что в один прекрасный день все их труды окупятся.

- Похоже, про твоего отца говорят правду, - тихо промолвил Татс.

- Мать говорит, ради отцовской мечты ей пришлось пожертвовать всем, что доставляло ей радость. Может быть, это правда, я не знаю. Когда я была маленькой и отец занимался просто собирательством, мы жили в доме из четырех комнат, построенном так близко к стволу, что даже во время бури он лишь едва-едва покачивался.

Это были лучшие дома в Дождевых чащобах. Чем ближе к стволу построено жилище, тем оно надежнее и тем меньше страдает от ветра и дождя. До стволовых рынков оттуда рукой подать, а если спуститься вниз по стволу, увидишь таверны и игорные дома. Правда, возле ствола и солнечного света меньше, но Тимара считала, что, если хочется насладиться солнцем и ветром, всегда можно залезть наверх. Мосты и дорожки, обвивавшие дерево вблизи их прежнего дома, были прочными, их ограждение, тщательно сплетенное, поддерживалось в порядке. Если за солнечным светом она карабкалась вверх, то, чтобы почувствовать под ногами почву, достаточно было с такой же легкостью спуститься вниз. Тимара не особенно любила прогулки вниз, на твердую землю, но ее матери, похоже, там нравилось.

- А чем тебе невзлюбилась земля? Мне кажется, это самое естественное место для жизни. Я скучаю по земле. Скучаю по возможности бежать или идти, не опасаясь упасть.

Тимара покачала головой:

- Не думаю, что смогу доверять земле. Здесь, в Дождевых чащобах, чем ближе к земле, тем ближе к реке. А река разливается. Иногда неожиданно, без всяких признаков, по которым можно это предугадать. Мы ведь знаем: все, что строится на земле, долго не простоит. Однажды река поднялась так, что затопила древний город. Это было ужасно. Многие рабочие оказались там в ловушке и утонули.

Широкая беспокойная река пугала Тимару. Девушка знала, что вода поднимается в определенное время года, но порой наводнения случались внезапно. Чаше вода бывала умеренно едкой. Зато после землетрясений река делалась смертоносного серовато-белого цвета, и тогда падение в воду означало для человека смерть. Владельцы лодок вытаскивали их из воды до той поры, пока река не возвращалась к своему обычному цвету. Бывая на земле, Тимара боялась, что река неожиданно начнет подниматься и поглотит ее. Только на надежном дереве, высоко над коварной водой и прибрежными трясинами, девушка чувствовала себя в безопасности. Это был глупый, детский страх, но его испытывали многие обитатели Дождевых чащоб.

В ответ на откровения Тимары Татс только пожал плечами. Он обвел взглядом листву, заслонявшую их со всех сторон - и скрывавшую от них и небо наверху, и землю внизу.

- Мне вы никогда не казались бедными, - негромко заметил он. - Я всегда думал, что здесь, наверху, вам неплохо живется.

- Мне вовсе не так уж плохо. Вот моей матери труднее. Она привыкла к жизни в достатке - с вечеринками, красивой одеждой, всякими безделушками. Я скучаю по прошлой жизни из-за другого. Может быть, просто потому, что

там, внизу, у меня было больше друзей. Наверное, тогда, в детстве, никто не обращал особого внимания, ногти у тебя на руках или когти. Мы все просто играли на площадках между ярусами. Отец платил за мое обучение, покупал мне книги, хотя другим детям приходилось брать их на время за деньги. Все считали, что он меня слишком балует, а мать злилась из-за трат. И мы тогда ходили по всяким местам. Помню, один раз спустились по стволу, чтобы посмотреть пьесу – ее показывали актеры из Джамелии. Я не поняла, о чем она, но костюмы были очень красивые. А в другой раз мы побывали на представлении с музыкой – там выступали певцы, жонглеры и фокусники! Мне ужасно понравилось! Сцена была подвешена между несколькими деревьями, ее подпирала платформа, а зрительские места укрепили на канатах и сетках. Тогда я впервые поняла, какой Трехог большой. Землю полностью заслоняли ветви и листья, но в просветах кроны была видна река и небо над ней – большой кусок черного неба и множество звезд на нем. А в листве вокруг нас светились окна домов, и освещенные мостики походили на драгоценные ожерелья... – Тимара закрыла глаза и подняла голову, вызывая в памяти это зрелище. – А еще раз в месяц мы всей семьей ходили на ужин в «Дом пряностей Грассары», и главным блюдом всегда было мясо. Целый кусок мяса для меня, и еще кусок для матери, и кусок для отца. – Девушка покачала головой. – Даже тогда мать оставалась недовольна. Но мне кажется, она всегда была и будет чем-то недовольна. Сколько бы у нас ни было, она хочет больше.

– По-моему, это вполне нормально, – заметил Татс.

Тимара открыла глаза и с удивлением увидела, что он подошел ближе к ее «наесту», причем так, что она этого даже не почувствовала. Парень стал гораздо ловчее перемещаться по веткам.

Но прежде чем она успела его похвалить, Татс спросил:

– И когда все изменилось?

– Когда отец занялся растениями. Насколько я помню, нам каждый год приходилось переезжать все выше и все дальше от ствола.

Девушка глянула на Татса. Он сидел верхом на ветке, скрестив лодыжки. Похоже, так он чувствовал себя увереннее, хоть и терпел некоторое неудобство. От его пристального взгляда Тимаре сделалось неловко. Может, он смотрит на ее чешую? На крошечные чешуйки, которые окружают ее губы, на выросты бахромы, тянущиеся под подбородком? Девушка отвернулась и заговорила, обращаясь к деревьям:

– Последнее место, где мы жили перед тем, как перебраться в Сверчковые Домики, – Птичьи Гнезда. Когда-то это был самый бедный район Трехога. Но потом пришли татуированные и другие переселенцы и выжили нас оттуда.

Дома в Птичьих Гнездах были сплетены из лиан и дранки, комнатухи в них были крошечные. Узкие, подвешенные в воздухе дорожки спускались на несколько ярусов вниз, прежде чем достигали надежных мостов и пешеходных ветвей.

– Мы прожили там всего пару лет, а потом появились художники и ремесленники. Многие из них были татуированными. Они только что пришли в

Дождевые чашобы, и им нужно было жилье подешевле, а еще чтобы соседи не жаловались на шум, вечеринки и странный образ жизни.

Тимара улыбнулась своим воспоминаниям. Насколько ей нравилось жить в Птичьих Гнездах, настолько ее мать ненавидела все в том районе. Художники вывешивали свои творения на ветвях. Самый бедный квартал города стал самым ярким и красивым. На каждом перекрестке звенели на ветру колокольчики, ограждениями вдоль тропинок служили гобелены из разноцветных нитей и бусин, а с грубой коры ветвей, поддерживавших легкие домики, смотрели нарисованные лица. Даже каморки Тимариного семейства обрели яркие цвета: единственным доходом отца от скромного урожая были творения тех самых художников и ремесленников. Задолго до того, как Диана заслужила репутацию непревзойденной вязальщицы, Тимара носила свитер и шарф, связанные ее проворными руками; а резной сундучок, где девочка хранила вещи, сделал сам Рафлес. Она любила эти вещи просто потому, что они были красивыми и новыми. Потом мать продала их так дорого, что все только подивились. Но Тимара очень переживала из-за потери.

Как всегда происходит в подобных случаях – по крайней мере, если верить отцу, – в Птичьих Гнездах начали бывать богатые покровители художников. Не удовольствовавшись только покупкой творений, они начали покупать и сам стиль их жизни. Вскоре здесь поселились сыновья и дочери самых богатых торговцев Дождевых чашоб; живя среди художников, они и вели себя так, словно сами были художниками, однако не создавали ничего, кроме шума и суеты. Птичьи Гнезда прослыли шальным местечком. Жилье стало куда дороже, чем мог позволить себе отец Тимары. Толстосумы, построившие себе здесь домики для отдыха, потребовали, чтобы подвесные дорожки стали надежнее, а пешеходные пути на ветвях – шире; соответственно, росли и налоги. На ближайших деревьях появились магазины и кафе. Художники, укрепившие свое положение, радовались переменам. Они становились богатыми и известными.

– Арендная плата выросла, и мы уехали. Нам не по карману были такие налоги, не говоря уж о том, чтобы есть в тавернах. Пришлось продать все поделки, которые отец получил в обмен на продукты, и на вырученные деньги переехать еще выше. – Тимара взглянула вверх. Там, в маленьких домиках, мерцали желтые огоньки. – Думаю, в следующий раз, когда нам придется перебираться на новое место, нас занесет на Вершины. Там днем всегда светло, но я слышала, что дома почти постоянно раскачиваются на ветру.

– Наверное, мне бы тоже не понравилась такая качка, – согласился Татс.

– Ну да. А вот здесь, в Сверчковых Домиках, мне нравится. Сверху льется достаточно дождевой воды, и не надо ее носить откуда-нибудь или платить водоносам. Когда мы только сюда перебрались, мать сплела купальный гамак, и летом, когда вода нагревается сама по себе, в нем очень здорово купаться. По краям ветвей растет мох, и иногда можно увидеть маленькую лягушку, бабочку или ящерицу, которая греется на солнце. А если влезть немного выше, найдешь цветы – они тянутся к солнцу. Я их приношу, а мать продает на рынках ниже по стволу, где редко видят цветы с Вершин.

Как будто в ответ на упоминание о матери, ее резкий сердитый голос снова нарушил тишину:

– Тимара! Домой сию же минуту! Спускайся!

Тимара встала. В голосе матери, помимо обычного раздражения, звучало что-то еще. Нотка страха или угрозы, от которой девушку пробрал озноб.

- Подожди немного, - сказал Татс и начал отцепляться от ветки.

- Тимара!

- Мне надо идти! - воскликнула девушка и, сделав два быстрых шага, оказалась рядом с Татсом.

Тимара услышала, как у парня перехватило дыхание, когда она, положив руки ему на плечи, легко перескочила через него, опустилась на все еще раскачивавшуюся ветку и добежала по ней до ствола. Девушке вспомнились слова, некогда сказанные отцом: «Ты создана для жизни в кронах, Тимара. И не стыдись этого!» И впервые она ощутила странную гордость. Татс потрясен ее ловкостью. Его плечи были теплыми, когда она коснулась их.

- Я увижу тебя завтра? - крикнул он ей вслед.

- Наверное! - отозвалась она. - Когда я закончу с делами.

Тимара быстро спустилась по стволу, не воспользовавшись страховочным канатом и зарубками для ног, - она просто вонзала в кору когти. Добравшись до двух горизонтальных ветвей, на которых висел ее дом, она скользнула вдоль них и нырнула вниз, в окно своей спальной каморки, упав прямо на толстый матрас, набитый листьями, - он занимал весь пол помещения. Миг спустя девушка уже была в общей комнате.

- Я дома, - объявила она, переводя дыхание.

Мать сидела посреди комнаты, скрестив ноги.

- Чего ты добивалась? - сердито спросила она. - Хотела мне отомстить? Притом что твой отец, считай, запретил мне рассказывать о предложении! Ты хочешь опозорить всю семью? Что о нас люди подумают? Что они подумают обо мне? Ты будешь рада, если нас совсем выживут из Трехога?

В кроне возле Вершин растет цветок под названием стрелоцвет. Он красив и ароматен, но стоит чуть прикоснуться к стеблю, и он выбрасывает крошечные шипы, больно ранящие дерзкую руку.

Вопросы матери жалили Тимару, словно тысяча таких шипов, каждый из них вонзался в душу, высасывая все силы. Когда мать, выдохнувшись, умолкла, грудь ее тяжело вздымалась, а щеки порозовели.

- Я не сделала ничего плохого! Ничего такого, что может опозорить меня или нашу семью!

От потрясения Тимара с трудом подбирала слова. Но такой ответ лишь еще больше разозлил мать. Ее глаза выкатились, словно готовые вот-вот вывалиться из орбит.

- Что?! Ты смеешь лгать мне? Бесстыдница! Бесстыдница! Я видела тебя, Тимара! Все видели, как ты сидела там, на виду, любезничая с этим парнем. А ведь ты знаешь, что это не для тебя! Как ты могла позволить ему позвать тебя на свидание! Как ты могла остаться с ним наедине!

Тимара отчаянно пыталась понять, что так взбесило мать.

- Татс? Ты имеешь в виду Татса? Он иногда помогает папе на рынке. Ты же его видела, ты его знаешь!

- Вот уж точно, знаю! С татуировкой на всю морду, как у преступника, и все знают, что он сын воровки и убийцы! Плохо уже то, что такая, как ты, позволила мужчине пригласить тебя на свидание. Но ты еще выбрала подонка из подонков!

- Мама! Я... Он всего лишь мальчишка, который иногда помогает отцу на стволовом рынке! Он мне просто друг, вот и все. Я знаю, что никогда не смогу... что никто не станет за мной ухаживать. Да и кто захочет? Ты ведешь себя нечестно и глупо. Взгляни на меня. Ты действительно думаешь, что Татс позвал меня на свидание?

- А почему нет? Кто еще согласится встречаться с ним? А он, наверное, думает, что ничего получше тебе не светит, поэтому ты согласишься на удовольствие от любого, кто бы его тебе ни предложил! Ты знаешь, что с нами сделают соседи, если ты забеременеешь? Ты знаешь, к чему приговорит нас всех Совет? Да, я пыталась с самого начала предупредить твоего отца, что до этого дойдет! Я его спрашивала: что у нее тогда будет за жизнь? А он отвечал: «Нет-нет, я за ней присмотрю, я не дам ей забеременеть. Я не дам ей опозорить нас». Ну и где он теперь? Отверг предложение для тебя, даже не выслушав его, и ушел, оставив меня присматривать за тобой, а ты удрала красоваться и позориться перед всеми!

- Мама, я не сделала ничего плохого. Ничего. Мы просто сидели и разговаривали, вот и все. Татс не ухаживает за мной. Ты же сама сказала, что мы были у всех на виду, просто сидели и болтали. Татс вообще обо мне в этом смысле не думает. И никто не думает.

Сначала Тимара говорила негромко и спокойно, но на последних словах у нее так сжало горло, что она едва смогла выдавить их пронзительным шепотом. Слезы, почти непривычные ей и болезненно-жгучие, собрались в уголках глаз и обожгли чешуйчатые краешки век. Она сердито смахнула их. Вдруг ей стало невыносимо находиться в одной комнате с женщиной, которая дала ей жизнь и возненавидела с тех самых пор.

- Я пойду посижу снаружи. Одна.

- Только оставайся у меня на виду! - выкрикнула мать.

Тимара ничего не ответила, но и не ослушалась. Она влезла на ветку, поддерживавшую дом, и направилась к ее оконечности. Мать этим вполне удовлетворится. Ветка вела в никуда, а если мать действительно захочет убедиться, что Тимара одна, достаточно будет выглянуть в окно. Девушка забралась по ветке дальше, чем обычно, и уселась, свесив ноги. Она смотрела вниз и болтала ногами, проверяя собственную храбрость. Если

определенным образом сосредоточить взгляд, то становятся видны только яркие огни внизу. Каждый огонек – это освещенное окно.

Одни были яркими, словно фонари, другие – будто отдаленные звезды в глубинах леса. А вот стоит сфокусировать глаза по-иному, и увидишь скрещенные полосы и полоски темноты на фоне сияния внизу. Падающее тело не рухнет прямоком на далекую землю под деревом, нет. Тело будет ударяться о ветви, отлетать от них и, вопреки всей ее решимости, цепляться, пусть даже на миг, за каждую из этих веток. Не получится никакого быстрого падения и мгновенной смерти.

Тимара узнала об этом в одиннадцать лет. Тот день она помнила обрывками. Началось все со спора на стволовом рынке. Сейчас ей вспомнилось – это был последний раз, когда она вместе с матерью пошла на рынок, чтобы продать цветы, принесенные ею с Вершин. Стволовые рынки были лучшим местом для торговли. Расположенные близко к стволу обширные помосты нередко соединялись висячими мостами с другими деревьями. Сюда приходило много народа, и, конечно, чем ниже располагался рынок, тем богаче были покупатели. Собранные Тимарой цветы, темно-пурпурные и нежно-розовые, величиной с ее голову, источали необыкновенный аромат. Лепестки у них были толстыми и словно бы восковыми, а над ними возвышались ярко-желтые тычинки и пестики. Цветы расходились по хорошей цене, и мать целых два раза улыбнулась Тимаре, пряча в карман серебряные монеты.

Тимара сидела на корточках рядом с циновкой, на которой мать разложила товар, когда заметила пару обутых в сандалии ног, остановившихся прямо перед ней. Над сандалиями колыхался край голубого одеяния торговца. Тимара подняла голову и взглянула на его лицо. Старик, хмурясь, смотрел на нее, потом сделал шаг назад и резким тоном, в котором сквозило негодование, обратился к ее матери:

– Зачем вы держите такую девчонку? Посмотри на нее, на ее ногти, на уши – она никогда не продолжит ваш род! Вам надо было избавиться от нее и попытаться завести другого ребенка. Сегодня она ест, но надежды на завтра не несет. Это бесполезная жизнь, обуза для всех нас.

– Это ее отец пожелал, чтобы она выжила, и настоял на этом, – коротко ответила мать и опустила глаза, пристыженная укором старика.

И случайно встретилась взглядом с Тимарой. Девочка смотрела на нее снизу вверх, ошеломленная тем, что собственная мать настолько неуверенно ее защищает. Быть может, совершенно потрясенный вид дочери выжал каплю жалости из очерстневшего материнского сердца.

– Она много работает, – сказала она старику. – Иногда она ходит с отцом на сбор и приносит домой почти столько же, сколько он.

– Тогда она должна каждый день ходить на сбор, – жестко ответил тот, – чтобы ее труды могли возместить те ресурсы, которые она поглощает. Здесь, в Дождевых чашобах, все ценно, или в твоей семье об этом забыли?

– И ценнее всего жизнь ребенка, – отозвался подошедший отец Тимары, остановившись за спиной у старика.

Отец спустился, чтобы встретить их после торгового дня. Он только что вернулся из кроны, и его одежда пропахла корой и была испятнана соком листьев от лазания по ветвям. Тимара уже вышла из того возраста, когда детей носят на руках, но отец подхватил ее и понес прочь, к выходу с рынка. Короб на другом его плече был наполнен до половины. Мать поспешно свернула циновку вместе с нераспроданным товаром и побежала за ними по дорожке.

– Старый ханжа! – прорычал отец. – Хотел бы я знать, сам-то он отработывает то, что съедает? Как ты могла позволить ему так говорить о Тимаре?

– Он торговец, Джеруп. – Мать оглянулась почти со страхом. – Нельзя оскорблять его или его семью.

– О, торговец! – Голос отца был едким от притворного благоговения. – Человек, рожденный для богатства и привилегий. Он заслужил свое место точно так же, как любой старший ребенок: оказался достаточно умен, чтобы первым появиться на свет из чрева подходящей женщины. Или я не прав?

Мать запыхалась, пытаясь угнаться за ним. Отец был невысоким, но жилистым и сильным, как большинство сборщиков. Даже с Тимарой на плече он легко шагал по мостам и взбирался по лестницам, обвивающим толстые стволы деревьев. А мать, нагруженная лишь циновкой, едва поспевала за ним.

– Он видел ее когти, Джеруп, черные и изогнутые, как у жабы. Ей только одиннадцать, а чешуя у нее уже как у тридцатилетней женщины. Он видел перепонки у нее на ногах. Понял, что у нее это с самого рождения, и его оскорбило то, что ты решил оставить ее. И он не единственный, Джеруп. Он просто достаточно стар и заносчив, чтобы сказать об этом вслух.

– Слишком заносчив, – резко ответил отец и снова прибавил шагу, оставив мать позади.

В тот давний вечер Тимара сидела одна на крошечной веранде, водя пальцами по пробивающимся усикам бахромы вокруг нижней челюсти. Подтянув колени к груди, она время от времени стибала соединенные перепонками пальцы ног, рассматривая толстые черные когти на их кончиках. В доме царило молчание – то самое молчание, которое сильнее всего выражало гнев матери. Отец сбежал от этого молчания, отправившись на вечерний торг выменять что-нибудь на плоды сегодняшнего сбора. Если бы мать что-то говорила, можно было бы спорить, однако ее молчание было непререкаемым. Оно заставляло вновь и вновь вспоминать слова старика, эхом звучавшие в голове Тимары. Вокруг нее шуршала и кипела жизнью древесная крона. Листья колыхались на ветру. Блестящие насекомые ползали по коре или перепархивали с одной веточки на другую. Почти бесцветные ящерицы и яркие лягушки или куда-то спешили, или просто сидели, греясь на солнышке и наслаждаясь жизнью. Живая красота родного леса окружала девочку. Тимара взглянула поверх своих когтистых ступней в сумрачную дымку над болотом, ограничивавшую ее мир снизу. Отсюда земли не было видно. На более толстых и надежных ветвях струдились прочные дома богатых людей, разгоняя желтым светом окон подступающую ночь. В этом тоже была красота жизни.

Тимара попробовала представить, каково было бы жить где-то в другом месте, в каком-нибудь городе, где дома построены на земле и яркий горячий солнечный свет достигает почвы. Место, где земля твердая и сухая и люди сажают в нее растения и путешествуют верхом на лошадях, а не плавают на плотках или лодках. Наверное, так выглядит Удачный: там держат огромных животных, чтобы запрягать их в повозки на колесах, и ни одной настоящей даме и в голову не придет залезть на дерево, не говоря уж о том, чтобы прожить на этом дереве всю жизнь. Тимара думала об этом сказочном городе и попыталась вообразить, как сбежит туда, однако эта мысль ушла так же быстро, как и пришла. Жители Дождевых чащоб редко посещали Удачный. Даже те из них, кто не был сильно отмечен чащобами, знали, что их внешность привлекает внимание. Если бы Тимара когда-нибудь попала в Удачный, ей пришлось бы все время ходить закутанной и прятать лицо. И даже тогда люди глазели бы на нее и гадали, что она прячет под вуалью. Нет. Это не та жизнь, о которой стоило мечтать. И как ни сильно было воображение Тимары, она не смогла представить другое – красивое или даже обычное – лицо или тело, которое ей бы подошло. Она вздохнула.

А затем, как ей показалось, она просто слишком низко наклонилась вперед. Помнилось, что в первый миг к ней пришел странный восторг. Она раскинула руки и ноги, ловя пронесшийся мимо ветер, и едва-едва не взлетела. Но потом первая ветка хлестко ударила ее по лицу, а затем другая, более толстая, врезалась в живот. Девочка изогнулась вокруг этой ветки, хватая ртом воздух, но соскользнула и упала спиной на нижнюю ветвь. Удар пришелся по пояснице, и Тимара закричала бы, если бы могла вдохнуть. Ветвь подалась, а потом спружинила, подбросив девочку вверх.

Инстинкт спас ей жизнь. Следующим препятствием в ее падении оказалось сплетение тонких веток. Тимара уцепилась за них руками и ногами, и они качнулись вниз под ее весом, давая ей время ухватиться покрепче. Так она и повисла, живая, но ничего не соображающая. Сперва она хватала воздух ртом, потом тяжело дышала и наконец начала беспомощно всхлипывать. Она боялась предпринять попытку найти более надежную опору, боялась открыть глаза и поискать какой-нибудь выход из положения, боялась подать голос и позвать на помощь.

Прошла целая вечность, пока ее не нашел отец. Он спустился на веревке и, когда смог до нее добраться, крепко привязал ее к себе, а потом осторожно обрезал тонкие ветки, которые Тимара отказывалась отпустить. Опасность миновала, но она не выпускала из рук эти пучки и не разжала пальцы, пока не уснула.

На рассвете отец разбудил ее и взял с собой на дневной сбор. С тех пор она каждый день ходила с ним. Сейчас, когда Тимара подумала об этом, в голове возник вопрос, от которого девушку пробрал озноб. Сделал ли отец это потому, что считал, будто она пыталась покончить с собой? Или потому, что думал, будто ее толкнула мать?

А может быть, мать действительно ее толкнула?

Тимара попыталась вспомнить миг перед падением. Отправило ли ее за край веранды чье-то прикосновение? Или же собственное отчаяние швырнуло ее вниз? Она не могла решить. Проморгавшись, девушка решительно отказалась

от попыток что-либо припомнить. Истина уже не имела значения. Это случилось с ней несколько лет назад, вот и все. Было и прошло.

Тимара ощутила, как прогнулась ветвь, на которой она сидела, а потом почувствовала запах отцовской трубки. Пробравшись по ветвям, Джеруп сел рядом с дочерью.

Не глядя на него, Тимара заговорила:

- Она что-нибудь еще сказала про это предложение?

- Нет. Но я спускался на нижние ветви, и Геддер и Синди спрашивали меня, какое решение ты приняла. Я подозреваю, что твоя мать похвасталась перед Синди до того, как поговорила с нами. Это плохое предложение, Тимара. Оно не для тебя. Как твоей матери могло прийти в голову, что ты его примешь! Это работа не просто грязная и тяжелая, она еще и смертельно опасная. - Отец хмурился. По мере того как нарастал его гнев, речь становилась все быстрее. - Я уверен, ты слышала разговоры. Совету порядком надоело тратиться на кормежку драконов. Тинталья давным-давно перестала выполнять свои обязательства по сделке, а вот нам все еще приходится платить налог для найма охотников или, хуже того, привозить скот, чтобы накормить драконов. И конца этому не видно, поскольку все слышали истории о долгожительстве драконов, а любому ясно, что эти драконы никогда не смогут сами добывать себе еду. Пока здесь был Сельден от торговцев из семейств Хупрус и Вестрит, он успокаивал Совет, обещал, что Тинталья и ее черный дракон в конце концов вернутся и помогут нам. Ну и пугал немного - утверждал, что если о драконах начнут плохо заботиться или будут вести себя с ними жестоко, то Тинталья наверняка разгневется. А потом Сельдена отозвали обратно в Удачный. Старшие Рэйн и Малта Хупрус высказывались в защиту выводка, однако их сила убеждения не так велика, как у юного Сельдена. Весь город устал от орды голодных драконов, обитающих поблизости, - и кто может нас в этом винить? Но вот сейчас Совет впервые услышал предложение о том, как можно избавиться от этой обузы. Собрание было закрытым, но слухи просачиваются сквозь любые двери. Один рассерженный член Совета заявил, что у драконов нет будущего и что было бы милосерднее прекратить их жалкое существование. Как только заговорила торговец Полск, торговец Лорек обвинил ее в намерении сохранить тела драконов и продать их. По слухам, герцог Калсиды предлагает безумные деньги за целого дракона - живого или засоленного, все равно, - и меньшие суммы - за отдельные части драконьих тел. Известно, что у Полсков дела в последнее время идут плохо, и они могли бы соблазниться подобным предложением. Ходят слухи, будто одного дракона уже отманили от стада и убили, чтобы продать по частям. Доподлинно же известно только о его исчезновении. Кто-то из Совета клялся, что это дело рук калсидийских лазутчиков, другие подозревали своих же сотоварищей, однако большинство сошлось во мнении, что убогая тварь просто заблудилась и издохла. Поэтому Полск продолжала твердить, что драконы ведут жалкий образ жизни и милосерднее будет их убить. Лорек спросил, не боится ли она, Полск, что Тинталья поступит столь же «милосердно» с Трехогом. Потом еще кто-то из Совета вспомнил о предложении продать драконов, которое мы получали от богатых аристократов и даже городов, - мол, это будет лучше и разумнее, чем убивать ценных тварей. Этот человек предложил разослать объявления вероятным покупателям с описанием цвета и пола каждого дракона и тем, кто назовет самую высокую цену, продать их. Дюйя, представляющая

татуированных в Совете, резко возразила. Она из тех, кто способен понимать речь драконов, и сказала, что драконы умеют думать и говорить, а значит, они не животные, чтобы пускать их с молотка. Другие торговцы заявили, что драконы, конечно, не просто животные, но что Дюйя относится к ним слишком серьезно, – мол, тварей, которые могут общаться только с некоторыми людьми, а не со всеми подряд, нельзя считать за равных нам. И пошло-поехало... Кто-то поинтересовался, следует ли тогда считать неполноценными людьми тех, кто говорит на чужих языках. А кто-то на это ответил, что калсидийцев – то уж точно следует. Тут все засмеялись, забыли о расправах и стали уже всерьез решать, что делать с драконами.

Тимара внимательно слушала. Отец не часто говорил с ней о политике. До нее доходили обрывки слухов о трудностях с драконами, но до сих пор она не особенно интересовалась подробностями.

– А если просто оставить драконов как есть и не кормить их? Перемрут, и дело с концом.

– Вряд ли они перемрут так уж легко и быстро. Те, что остались в живых, достаточно сильны и, по слухам, с каждым днем становятся все более злобными и непредсказуемыми.

– Мне кажется, их трудно за это винить, – тихо произнесла Тимара.

Она вспомнила, как много надежд связывали люди с только что вылупившимися дракончиками в тот давний день, и покачала головой. Подумать только, как все обернулось!

– Вيني не вيني, но так дальше продолжаться не может. Копатели в Кассарике отказываются работать, пока драконы бродят на свободе. Драконы опасны. Они не питают уважения к людям. Были случаи, когда драконы увязывались следом за рабочими в раскопы и выбивали опоры и крепежи. А как-то дракон погнался за копателем. Одни говорят, что тварь хотела его съесть, другие утверждают, что рабочий сам раздражил дракона, третьи – что дракон позарился на обед, который копатель нес с собой. Но все сводится к тому, что драконы – это и опасность, и досадная помеха для тех, кто перебрался в Кассарик, чтобы вести там раскопки. К тому же было несколько происшествий с умершими. Например, недавно семейство предавало тело бабушки водам реки. Они опустили в реку спеленатые останки, а когда кидали в воду венки и цветы, оттуда вынырнул синий дракон, схватил труп и помчался в лес. Семейство погналось за ним, но безуспешно. Ни один из драконов не признался в содеянном, но та семья абсолютно уверена, что дракон сожрал тело их бабушки. И конечно, все обеспокоены тем, что драконы начали утолять свой голод нашими мертвыми, – так ведь, чего доброго, скоро дойдет дело и до живых.

От потрясения Тимара долго не могла найти слов. Наконец она нарушила молчание:

– Я-то думала о драконах гораздо лучше. А выходит, они всего лишь животные. Обидно...

Отец покачал головой:

– Если то, что мы слышали, – правда, они хуже, чем самые омерзительные из животных. Драконы могут говорить и мыслить. Поэтому такие поступки для них непростительны. Разве что они повредились рассудком или оказались невероятно глупы.

Тимара снова невольно вспомнила, как драконы выходили из коконов:

– Когда вылупились, они выглядели не совсем здоровыми. Может быть, их разум сформировался так же неправильно, как и их тела.

– Возможно, – вздохнул отец. – Действительность часто оказывается не похожа на легенды. Не исключено, что в далеком прошлом драконы в самом деле были мудры и благородны. Или мы напрасно судили о них по изображениям, оставленным Старшей расой. И все же я с тобой согласен. Наверное, я так же разочарован, как и ты, потому что они оказались такими гадкими.

Помолчав немного, Тимара спросила:

– Но какое отношение все это имеет ко мне?

– Ну, подробностей Геддер и Синди не уловили. В общем, после долгих споров Совет пришел к очевидному решению. Драконов следует увести из Кассарика. Сельден говорил о каком-то месте далеко вверх по реке. Там когда-то драконы и Старшие жили бок о бок. По его словам, в тех местах много дичи, стоят роскошные дворцы и растут сады.. Ну, для меня это звучит как сказка о месте, которое существовало давным-давно, когда и город возле Трехога, и древний Кассарик еще не ушли под землю. Несколько лет назад Сельден предлагал отправить людей на поиски тех краев, но никто на это не кинулся. Разве можно быть уверенным, что к нынешним временам те дворцы и сады не погрузились на дно какого-нибудь болота? Однако сейчас Совет предпочел поверить в сказку, а у молодых драконов, очевидно, сохранились какие-то расплывчатые воспоминания об этом месте. Поэтому кое-кто снова заговорил о путешествии в неизведанные края выше по течению. Ходят даже слухи, что там была столица Старших, а значит, там можно отыскать несметные сокровища. Тут уж, конечно, многие заинтересовались. Совет желает, чтобы драконы ушли отсюда и отправились жить туда. Драконы согласны, но только при условии, что им дадут в сопровождение людей, которые будут охотиться для них и помогать им в пути. И Совет в мудрости своей начал набирать работников – из тех, что никому не нужны, по мнению членов Совета. Вот какое предложение тебе сделали: стать нянькой для драконов и вести их вверх по реке в город, которого, скорее всего, давно не существует. И те, кто пойдет, вряд ли вернутся домой, в родные чащобы. – Отец горько усмехнулся. – Это будет неблагоприятная, опасная и трудная работа. Все знают, что вверх по реке на мили и мили тянутся сплошь болота, топи и трясины. Если бы там стоял большой город, наши разведчики нашли бы его давным-давно. Не знаю, что на уме у торговцев из Совета, – может быть, они из жадности готовы гнаться за призраком богатства, а может быть, хотят казаться лучше и сделать вид, что мы не изгоняем драконов, а предоставляем им убежище..

Отец говорил, все больше распаяясь. Как обычно в минуты волнения, он часто затягивался, и вокруг них с Тимарой образовалось целое облако ароматного табачного дыма. Когда отец наконец умолк, девушка повернула

голову и искоса взглянула на него. Его глаза слабо мерцали в темноте. Она знала, что ее собственные глаза ярко светятся голубым – еще один признак уродства.

Не отводя взгляда от отцовского лица, Тимара тихо сказала:

– Думаю, я хочу пойти с ними, отец.

– Не глупи, дочка! Скорее всего, того города вообще нет. А пускаться в опасное путешествие вверх по реке, в места, не обозначенные ни на одной карте, в компании голодных драконов, наемных охотников и искателей сокровищ... Нет, это добром не кончится. Почему ты так хочешь идти? Из-за того, что сказала тебе мать? Помни: что бы она ни говорила тебе или о тебе, я всегда...

– Знаю, отец, – прервала его Тимара. Она повернула голову, чтобы взглянуть сквозь сплетение ветвей на огоньки Трехога. Единственный дом, единственный мир, известный ей... – Я знаю, что твой дом – это и мой дом. Я знаю, что ты любишь меня. Ты не можешь иначе. Ты так сильно любишь меня, что спас мне жизнь, когда я была младенцем нескольких часов от роду. Я это знаю. Но у матери своя правда. Быть может, мне пора уходить и учиться жить своим умом. Я не дура, отец. Я знаю, что все может закончиться плохо, – но я из тех, кто всегда выживает. Пусть даже мы ничего не найдем, тогда я вернусь к тебе и проживу остаток жизни так, как жила прежде. Но я должна хотя бы раз попытаться что-нибудь предпринять. – Она откашлялась и попыталась говорить спокойно: – А может, нам и правда удастся найти драконам новый дом! Ну или хотя бы просто место, где они смогут жить. А если нам повезет больше и мы отыщем этот сказочный город... Только подумай, что это принесет нам. Нам всем, жителям Дождевых чащоб.

После долгого молчания отец произнес:

– Тебе не нужно ничего доказывать, Тимара. Я знаю, что ты не обуза, и никогда в этом не сомневался. Тебе ничего не нужно доказывать ни мне, ни матери, ни кому-либо еще.

Она улыбнулась, вновь отглянувшись на него через плечо:

– Разве что себе самой. – Сделав глубокий вдох, девушка решительно добавила: – Отец, завтра я отправляюсь вниз по стволу, в Зал Торговцев. Я собираюсь принять их предложение.

Отцу потребовалось немало времени, чтобы подыскать слова. Когда же он заговорил, голос его звучал ниже, чем обычно, а улыбка казалась почти вымученной:

– Тогда я пойду с тобой, чтобы проводить тебя, дочка.

Двадцатый день месяца Надежды,

шестой год Вольного союза торговцев

От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, –

Эреку, смотрителю голубятни в Удачном

В запечатанном футляре для свитков – послание от торговца Моджойн торговцу Пельцу. Секретно. Передать, не нарушив печати.

Эрек, с благодарностью извещаю, что две клетки с джамелийскими королевскими голубями, которые ты отправил нам на «Золотой пушинке», прибыли в сохранности и птицы благополучно освоились в новой голубятне. Размеры взрослых птиц впечатляют, и я могу только надеяться, что их выносливость и способность нести груз столь же велики, как и их крылья. Спасибо за щедрый взнос в поголовье наших питомцев. Надеюсь, что Рейал оправдает твои ожидания и станет гордостью семьи. Отец скоро приедет, чтобы встретиться с тем семейством с Трех Кораблей и посмотреть, подобающую ли мальчик выбрал себе невесту. Только не говори ничего Рейалу. Его отец хочет, чтобы его приезд стал скрпризом и он мог бы взглянуть на сына за работой, когда тот ни о чем не подозревает. Еще раз благодарю за голубей.

Детози

Глава 7

Обещания и угрозы

– Потому что я хочу поехать. – Она резко и отчетливо выговаривала каждое слово. – Потому что пять лет назад ты пообещал мне эту поездку. В тот самый день, когда подарил мне этот свиток.

Элис перегнулась через свой массивный стол и постучала по шкатулке розового дерева – там, на шелковой обивке под защитой стеклянной крышки, хранился древний свиток. Элис старалась как можно реже трогать реликвию, и даже для того, чтобы снять копию, ей пришлось сделать над собой усилие. Зато теперь у нее был абсолютно точный список со свитка, и она могла сверяться с ним, когда возникала нужда.

– Я ведь только-только домой возвратился. Неужели нельзя дать мне хоть пару дней на раздумья? Правду сказать, я о том обещании и думать забыл. Ну надо же – Дождевые чашобы! – В голосе мужа прозвучало изумление.

Гест лукавил. Он вернулся домой из последней поездки в Калсиду по торговым делам вчера днем. Но за годы брака Элис уже знала, что

возвращение Геста в Удачный не обязательно означает, что он в тот же самый день переступит порог их дома. Он часто говорил ей, что прежде нужно уладить множество вопросов у таможенного причала, немедленно связаться с купцами, чтобы известить их, какие товары ему удалось привезти на сей раз, и нередко продать эти товары всего через несколько часов после того, как они будут выгружены на берег. Подобные дела сопровождалось винопитием и изысканным ужином, а также ночными беседами – так уж заведено в Удачном.

Вчера Элис узнала о том, что Гест прибыл в город, лишь потому, что к крыльцу их дома были доставлены его дорожные сундуки. Сам он не явился ни к обеду, ни к ужину, – впрочем, она этого и не ждала. Вчера была пятая годовщина их свадьбы. Элис задумалась, вспоминает ли Гест о бракосочетании с таким же сожалением, как она, а потом рассмеялась вслух. Как будто он вообще помнит! Ночью она отправилась в постель, как обычно, поздно, а поскольку они не разделяли ложе, за исключением тех редких случаев, когда Гест решал посетить ее, то Элис и не знала о том, что он дома. За завтраком единственным признаком возвращения хозяина были его любимые чесночные колбаски на буфете, а на массивном серебряном подносе, рядом с кофе, который обожала Элис, подали еще и большой чайник. Сам же Гест так и не появился.

Утром секретарь Геста Седрик зашел к ней в кабинет, чтобы спросить, не остались ли нерасосланными какие-либо приглашения и не пришли ли в отсутствие господина важные письма. Седрик говорил официальным тоном, но при этом улыбался, и его любезность и сердечность заставили Элис быть учливой. Как бы она ни сердилась на Геста, не следовало срывать гнев на его секретаре.

Седрик вообще обладал даром располагать к себе людей. Хотя он был всего на два года моложе Геста и старше ее самой, Элис относилась к нему как к юноше. Он всегда казался ей младшим. И не только потому, что она знала его с детских лет, когда была близкой подругой его сестры Софи. В нем была мягкость, какой она никогда не замечала в других мужчинах. В то время он никогда не отказывался прервать свои занятия и выслушать рассказ об их девчоночьих заботах, и такое внимание мальчика, который был все же старше их, льстило им с Софи.

И до сих пор Седрик относился к Элис дружески. Его заботливость и беседы за трапезой нередко помогали справиться с обидой на равнодушного Геста. К тому же Седрик был очень привлекательным. Блестящие каштановые кудри, по-мальчишечьи взъерошенные, чрезвычайно шли ему. Глаза всегда были ясными, без признаков усталости – даже после бессонных ночей, когда Седрик сопровождал Геста в игорный дом или театр, где тот встречался с деловыми партнерами. Как бы мало времени ни оставалось на сборы, Седрик всегда держался на высоте – ухоженный, одетый с иголки. При этом создавалось впечатление, что безупречный внешний вид не стоит ему ни малейших усилий.

Элис уже давно перестала гадать, почему Гест сделал Седрика своим постоянным спутником. Этот юноша был полезен в любом деле, где требовалось умение общаться и налаживать контакты. Рожденный в старинной семье торговцев, он легко вписался в общество Удачного и, пользуясь неизменной смекалкой, помогал Гесту успешно проводить сделки. Когда Гест предложил Седрику пост секретаря, поползли кое-какие слухи: для юноши

этот шаг явно был ступенькой вниз по сравнению с изначальным положением, несмотря на бедность, постигшую его семью. Элис несколько удивилась, когда Седрик принял это предложение. Но годы спустя все поняли, что Седрик стал не просто скромным служащим. Он проявил себя как великолепный секретарь и как надежный и нескудный спутник в долгих морских плаваниях, которые Гест предпринимал каждый год. Он помогал Гесту выбрать костюм и давал советы по поводу внешнего вида. Если резкие манеры Геста порой отталкивали возможного делового партнера, Седрик искусно и тактично возвращал беседу на правильный курс.

А когда Гест был дома, Элис радовалась дружескому присутствию Седрика за столом. Он был безупречен в любых обстоятельствах – в беседе за ужином и во время долгого послеобеденного чаепития или за карточным столом. Элис убедилась, что он предпочитает скорее слушать, чем говорить, однако его немногочисленные жесты, краткие замечания о последнем путешествии или мягкие шутки в адрес Геста оживляли застольный разговор. Иногда Элис казалось, что только благодаря Седрику она вообще хоть сколько-нибудь знает своего мужа.

Впрочем, знает ли? Сейчас она смотрела на Геста, который отстраненно улыбался ей, уверенный, что может отложить этот разговор на неопределенное время. Что же, им обоим было известно: если он сможет достаточно долго протянуть с решением, то отправится в очередную деловую поездку, а Элис останется дома.

Она собрала всю свою отвагу и ответила:

– Быть может, ты забыл о своем обещании, что когда-нибудь я попаду в Дождевые чащобы и своими глазами увижу драконов. Но я не забыла.

– Ты еще не переросла это свое увлечение? – мягко спросил он.

Элис вздрогнула от этой насмешки, гадая, как бывало нередко, заметил ли он, что его слова ранят ее.

– Переросла? – тихо повторила она. Голос вдруг стал плохо ее слушаться.

Гест снова шагнул в кабинет. Он пришел сюда отнюдь не в поисках Элис. Просто тихо подошел к полке, выбрал книгу и попытался так же неслышно ускользнуть. Он умел ходить бесшумно. Не подними случайно Элис голову, она и не узнала бы, что муж здесь был. Ее слова догнали Геста, когда он уже вышел за дверь. Теперь же он крепко закрыл эту дверь изнутри. Элис заметила, что выбранная книга – это дорогой томик, переплетенный на новый манер. Раздумывая над ее вопросом, Гест вертел книгу в руках.

– Понимаешь, дорогая, времена изменились. Пять лет назад драконы были в моде. Тинталья тогда только что появилась, а Удачный едва оправился от военной разрухи. Шли разговоры о драконах, Старших и новых городах-сокровищницах, а также о нашей независимости от Джамелии... Какая головокружительная смесь! Все эти модницы в платьях из ткани, напоминающей чешую, и с лицами, раскрашенными в подражание Старшим! Неудивительно, что драконы так распалили твое воображение. Ты выросла в трудные для Удачного времена. Тебе нужно было сбежать от действительности, а что могло быть лучше, чем сказочные истории о Старших

и драконах? Торговые отношения разваливались, потому что новые купчики и рабы, которых они стали использовать в хозяйстве, подрывали все наши устои. Твоя семья тоже сильно пострадала. А потом началась война. Если бы Тинталья не пришла нам на помощь, то, думаю, мы все сейчас говорили бы по-калсидийски. Но драконица навязала нам сделку – чтобы мы помогли ее змеям подняться вверх по реке и ухаживали за новым выводком. И тут-то мы обнаружили, что в жизни сосуществование с драконом слишком далеко от мечтаний, так будораживших твое воображение.

Гест пренебрежительно усмехнулся. Сунув книгу под мышку, он прошел через комнату к окну и выглянул в сад.

– Мы были глупцами, – тихо произнес он. – Думали, что сможем заключить сделку с драконом! Что ж, и для нас, и для нее все получилось не так уж плохо. Мы сейчас как никогда близки к миру с Калсидой, торговля восстановилась, Удачный обновился, а Тинталья нашла себе пару и не отвечает ни на какие наши призывы. Все должны быть довольны и счастливы! Но жителям Дождевых чащоб по-прежнему приходится возиться с ее неудачным потомством и тратиться на него. Драконы постоянно едят, превращают почву в грязь, везде гадят и мешают людям исследовать подземные руины. Это нелепые ползучие твари, не способные ни охотиться, ни заботиться о себе. Всем торговцам приходится постоянно платить охотникам, которые добывают драконам еду. И у нас нет выхода! Никто не думает о том, чтобы разорвать это соглашение. И, судя по тому, что я слышал, такое положение дел сохранится надолго. Эти жалкие твари никогда не смогут жить самостоятельно. И кто знает, сколько вообще они протянут? Мы пять лет ждали, что они вырастут и перестанут зависеть от людей. Но этого не произошло. Было бы милосерднее убить их.

– И выгоднее, – холодно сказала Элис.

Она чувствовала, как в ее душе разрастается знакомое безмолвие. Иногда оно казалось ей подобным быстрорастущему плющу. Безмолвие окружало ее, окутывало, и Элис подозревала, что когда-нибудь задохнется в безмолвии, создаваемом Гестом. Этот разговор был попыткой пробиться сквозь их немое отчуждение.

– Все слышали, сколько калсидийский герцог готов заплатить даже за одну чешуйку настоящего дракона. Подумай, сколько он выложит за целую тушу.

Всякий раз, когда она пробовала вставить острое замечание в разговор с Гестом, это напоминало попытку вонзить нож в твердое дерево. Не втыкается и даже отметину оставляет едва заметную.

Теперь же он повернулся к ней, словно заинтересовавшись:

– Я ранил твои чувства, дорогая? Я не хотел. Забыл, что ты становишься сентиментальной, когда речь заходит об этих созданиях. – Он обезоруживающе улыбнулся ей. – Быть может, я сегодня мыслю исключительно как торговец. Чего еще ожидать – ведь я только вернулся из плавания! Ни о чем другом, кроме торговли, я в последние два месяца не говорил. Прибыль, тщательно составленные контракты, выгодные сделки... Боюсь, что сейчас мой ум занят только этим.

- Конечно, - сказала Элис, глядя в стол.

И повторила сама себе это «конечно», когда ощутила, что ярость покидает ее. Она не ушла, а просто утонула в трясине неуверенности, которая поглощала всю ее жизнь. Действительно, как тут удержаться за чувство ярости, когда в одно мгновение Гест поворачивает все так, что ярость вдруг делается совершенно неоправданной? Видите ли, он просто был слишком занят, только и всего. Он деловой человек, погруженный в мир торговых сделок, договоров и общественных условностей. Он принял на себя эту ношу за них обоих, чтобы она могла жить в тихой заводи, как ей, похоже, и нравится. Или Элис ожидала, что муж будет подстраиваться под нее? Уже не раз он мягко указывал, что его слова, если они хоть чуть-чуть расходятся с мнением Элис, она истолковывает наихудшим из возможных способов. И не раз выражал недоумение, что жена обижается, тогда как он всего лишь защищает ее от невзгод мира.

Крошечная частица души Элис, оставшаяся с детских времен, топала ногами и скрежетала зубами. Гест уклонился от ответа на ее вопрос. Надо потребовать дать этот ответ. Нет. Просто скажи ему, что ты поедешь. У тебя есть право. Просто скажи ему это.

Гест уже направился в сторону двери. Остановившись у шкатулки для сигар, он откинул крышку и нахмурился. Очевидно, слуги не наполнили сигарницу к возвращению хозяина.

- Я собираюсь отправиться в Дождевые чащобы. Уезжаю в конце этого месяца.

Слова сами сорвались с губ Элис. И каждое из них было ложью. Она не строила никаких планов, только мечтала.

Гест обернулся и с изумлением взглянул на нее:

- В самом деле?

- Да, - подтвердила она. - Это подходящее время для поездки туда. По крайней мере, мне так говорили.

- Одна? - потрясенно спросил он. И миг спустя сердито пояснил: - У меня есть собственные обязательства, дорогая, и я не могу нарушить их. Я не могу поехать с тобой в конце месяца.

- Я не особо думала об этом. - Она вообще об этом не думала. - Я уверена, что смогу найти подходящую компаньонку для этой поездки. - Она отнюдь не была в этом уверена. Ей никогда не приходило в голову, что в таком случае может потребоваться компаньонка. Почему-то ей казалось, что замужество освобождает ее от такой необходимости. - Не могу представить, что ты усомнишься в моей верности тебе, - заметила она. - Я обходилась без компаньонки в течение всех тех месяцев, которые ты проводил в своих торговых разъездах. Для чего же мне сопровождение в путешествии?

- Думаю, лучше нам лишний раз не вспоминать о сомнениях в чьей-то там верности, - насмешливо заметил Гест. - Или же обсуждать предоставление подлинных доказательств. В конце концов, любой без труда может отыскать

где угодно крошечные свидетельства измены, а затем узреть и саму измену. Там, где ее никогда не было.

Элис отвела взгляд. Гест редко упускал шанс напомнить ей о том, как она обвинила его, не имея твердых оснований. Она выбросила из головы жгучие воспоминания об унижении и попыталась припомнить хотя бы одну достопочтенную даму, которая могла бы сопровождать ее в качестве компаньонки.

- Наверное, можно было бы попросить Софи, сестру Седрика. Но я слышала, что она ждет ребенка, и вдобавок у нее слабое здоровье, так что она и в гости-то сейчас ни к кому не ходит, что уж тут думать о дальней дороге.

- О, похоже, в этом отношении ее мужу повезло куда больше, чем мне. Кстати, как твое здоровье, Элис?

- Превосходно, - подчеркнуто коротко ответила она.

Гест разочарованно покачал головой, откашлялся и с усмешкой спросил:

- Значит, я полагаю, что наша последняя попытка закончилась ничем?

- Я не беременна, - прямо сказала она. - Уверяю, что в противном случае я первым делом сообщила бы тебе новость.

Она с трудом удержалась, чтобы не спросить, каким образом, по его мнению, она может оказаться беременной. Его не было три последних месяца, а за два предыдущих, проведенных дома, он посещал ее спальню всего дважды. То, что он делал это так редко и кратко, было сейчас для Элис скорее облегчением, чем разочарованием. Ей подумалось, что Гест приходит к ней в постель как будто по какому-то расписанию. Словно это было делом, которое необходимо было сделать вопреки желанию. Иногда она задавалась вопросом, не ведет ли он учет своим попыткам. Ей представилось, как он вписывает строчку в очередную графу: «Попытка зачатия. Результат сомнительный». Неприятно было вспоминать свою короткую девчоночью влюбленность в Геста перед свадьбой.

За месяцы и годы, которые прошли с тех пор, Элис осознала, что ни любви, ни даже вожделения в их браке не было. Чтобы как-то возместить эту недостачу, она ни разу не отказывала Гесту, когда он посещал ее спальню ради выполнения супружеских обязанностей. Она не плакала из-за отсутствия у него романтического интереса к ней, не пыталась обольстить его, чтобы изменить его отношение. Две окончившиеся постыдной неудачей попытки пробудить в нем интерес можно не считать. Элис не позволяла себе задерживаться на унижительных воспоминаниях. Геста эти попытки подтолкнули лишь к жестоким насмешкам, которыми те две ночи навеки отмечены в ее памяти. Нет, лучше сдаться и почти не обращать внимания на его визиты. Пускай остаются краткими и почти деловыми.

После каждого такого посещения Гест ждал, пока Элис не сообщит ему о неудаче, и только тогда предпринимал следующую попытку. Лишь дважды за пять лет брака Элис удалось забеременеть. Каждый раз Гест восторженно приветствовал это известие - а через пару месяцев, когда беременность заканчивалась выкидышем, выражал свое разочарование и недовольство.

Сейчас новость об очередной неудаче он встретил лишь легким вздохом:

- Тогда надо попытаться еще раз.

Элис помолчала, оценивая то оружие, которое он только что ей дал, а затем хладнокровно пустила его в ход:

- Возможно, когда я вернусь из Дождевых чащоб. Пускаться в такое путешествие беременной означает подвергнуть опасности будущего ребенка. Так что, думаю, со следующей попыткой нужно подождать до моего возвращения.

Она сразу поняла, что попала в цель. В голосе Геста прозвучало негодование:

- А ты не думаешь, что произвести на свет сына и наследника куда важнее, чем пускаться в какое-то дурацкое путешествие?

- Я не уверена, что ты и сам так думаешь, мой дорогой Гест. Несомненно, если бы для тебя это было столь важно, ты почаще бы пытался помочь делу. И возможно, отменил бы часть своих поездок и ночных посиделок.

Он сжал кулаки и снова отвернулся от Элис к окну:

- Я всего лишь пытаюсь щадить твои чувства. Я знаю, что благовоспитанные женщины неохотно покоряются желаниям мужчины.

- Дорогой мой супруг, ты намекаешь, что я неблаговоспитанна? Вынуждена согласиться с тобой. Некоторые женщины моего круга сочли бы меня просто необъезженной кобылой, не знавшей седока, если бы я поделилась с ними подробностями нашей личной жизни.

Ее сердце гулко билось. Никогда прежде она не осмеливалась так прямо говорить с Гестом. Никогда не произносила слов, которые можно было бы расценить как критику его усилий.

Эта шпилька заставила его снова обернуться к ней. Он стоял спиной к окну, и лицо его оставалось в тени. Элис попыталась понять, что прозвучало в его голосе, когда он произнес:

- Не говори об этом никому.

Мольба? Угроза?

Пора рискнуть. Неожиданно у Элис возникло ощущение, что она должна поставить на карту все или раз и навсегда признать свое поражение.

Улыбнувшись Гесту, она заговорила спокойным небрежным тоном:

- Будет легче всего не говорить об этом, если я окажусь подальше от своих подруг. Например, если поеду в Дождевые чащобы посмотреть на драконов.

Между ними уже случались такие поединки, но нечасто. И еще реже Элис выигрывала. Однажды это был спор по поводу особо ценного свитка, приобретенного ею. Элис предложила вернуть свиток продавцу с уведомлением, что ее муж не может себе позволить купить такую дорогую вещь. Тогда Гест помедлил, прикидывая в уме выгоду и убыток, а затем изменил свое мнение. Сейчас муж, склонив голову, смотрел на Элис, и она неожиданно пожалела, что не может отчетливо видеть его лицо. Знает ли Гест, как неуверенно она себя чувствует? Видит ли он робкую женщину, которая прикрывает свой испуг явным блефом?

– В нашем брачном договоре четко сказано, что ты должна сотрудничать со мною в попытках произвести на свет наследника.

Он считает, что припер ее к стенке? Он думает, что память у нее хуже, чем у него? Глупец! Гнев сделал Элис храбрее.

– Сказано ли там именно так? Не помню, чтобы ты выражал свое требование именно в таких словах, но, если пожелаешь, я обязательно сверюсь с документом. И в разговоре с хранителем архива у меня будет возможность также удостовериться в существовании того самого условия. Согласно которому я имею право совершить путешествие в Дождевые чащобы для изучения драконов. Этот пункт я помню прекрасно.

Гест замер. Она зашла слишком далеко. Сердце у Элис отчаянно колотилось. Она знала, что порой Гест срывает гнев на неодушевленных предметах и животных, поэтому и не чувствовала себя в безопасности. Несомненно, для него она не отличается ни от первых, ни от вторых. Она застыла, словно при виде бешеного пса. Быть может, эта неподвижность и помогла Гесту справиться с собой.

Когда он заговорил, голос его звучал тихо и напряженно:

– Тогда, я думаю, тебе следует поехать в Дождевые чащобы.

А потом он просто вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь с такой силой, что из стоящей на столе вазы с цветами выплеснулась вода. Элис не двигалась, дрожа и пытаясь выровнять дыхание. На мгновение она задумалась – за ней ли осталась победа? Потом решила, что ей все равно. Когда она дернула за шнур колокольчика, чтобы вызвать служанку, голова уже была занята сборами в дорогу.

– Ты испортил рубашку.

Гест поднял взгляд от стола, стоящего в углу его спальни. Все еще сжимая перо, он нахмурил брови, недовольный тем, что его прервали.

– Испортил так испортил. Ничего не хочу об этом слышать. Просто выброси ее.

Он снова макнул перо в чернильницу и продолжил что-то яростно царапать на бумаге. Гест в дурном настроении. Лучше будет помолчать и закончить распаковывать сундуки.

Седрик подавил вздох. Бывают дни, подумалось ему, когда невозможно представить себе лучшего будущего, нежели служба у Геста. Но бывает и так, как сегодня, – когда он гадал, сможет ли хотя бы еще ненадолго сохранить уважение к этому человеку. Несколько секунд Седрик рассматривал рукав голубой шелковой рубашки с россыпью мелких подпалин. Он точно знал, как это получилось. Трубка, небрежно выколоченная о дверцу кареты, и искры, отнесенные встречным ветром прямо на рукав рубашки, прежде чем Гест успел убрать руку. Седрик поскреб ногтем ткань, и отметины гари превратились в крохотные отверстия с опаленными краями. Нет, починить это уже не удастся. Жаль.

Он хорошо помнил солнечный день, когда они купили рулон этого шелка на калсидийском рынке. Это была их самая первая поездка в Калсиду по торговым делам. Долгое плавание казалось тогда Седрику невероятной авантюрой. Он проникся уважением к Гесту, видя, как его друг и работодатель уверенно и целеустремленно шагает сквозь шум и гам чужеземного торжища. Тогда это все еще было опасно – двум торговцам из Удачного отправиться на столичный рынок Калсиды. Воспоминания о войне оставались свежи, а мир заключили слишком недавно, чтобы в него поверить. На каждого торговца, стремившегося освоить новый рынок, приходилось по два калсидийских солдата, не простивших поражения и желавших свести счеты с чужаками. Вдовы, просящие милостыню на подходах к рынку, плевались и бросали проклятия им вслед. Сироты то клянчили у чужестранцев монетку, то швыряли в них камешки.

На миг Седрику ясно вспомнилось все: жаркое солнце, узкие извилистые улочки, шустрые мальчишки-рабы в коротких рубахах, с пыльными босыми ногами, густой запах неочищенного курительного зелья, плывущий над открытым рынком, и женщины, обвитые шелками, кружевом и лентами, похожие скорее на маленькие корабли с грузом ткани, чем на человеческих существ. Лучшее всего ему помнился Гест, идущий рядом с ним широкими шагами, – на губах улыбка, глаза жадно впитывают виды чужой страны. Он переходил от одного прилавка к другому, как будто состязался с кем-то в стремлении найти как можно больше нужных товаров. И даже не очень-то уверенное владение калсидийским языком не было помехой торговле. Если продавец тряс головой или пожимал плечами, Гест просто начинал говорить громче и жестикулировать оживленнее, пока не добивался понимания. Он сторговал рулон голубого шелка за небрежно брошенную на прилавок горсть монет и умчался дальше, оставив Седрика завершать покупку, а потом догонять его. Рулон лазурной ткани болтался и подпрыгивал на плече. Позже в тот же день они посетили мастерскую портного неподалеку от постоянного двора, и Гест распорядился, чтобы из этого шелка для них с Седриком были сшиты по три рубашки. На следующее же утро рубашки были готовы.

«Ну как тут не полюбить Калсиду! – восклицал Гест, когда они забирали заказ. – В Удачном я заплатил бы втрое больше и мне пришлось бы ждать неделю».

Кстати, сидели рубашки идеально.

А теперь, два года спустя, последняя из голубых шелковых рубашек Геста была испорчена небрежно выбитым пеплом. Последнее напоминание об их первом совместном путешествии. В этом весь Гест! Для него существуют

страсти, но не существует сантиментов. Все три голубые шелковые рубашки Седрика были целы, однако он сомневался, что будет теперь их носить. С чуть заметным вздохом он в последний раз сложил рубашку. Было жаль отправлять ее в груды вещей, предназначенных на выброс.

– Если хочешь мне что-то сказать, то скажи. А не броди здесь и не вздыхай, как влюбленная девица в дурной джамелийской пьесе.

Похоже, все расчеты Геста шли вкривь и вкось. Он отшвырнул листы с такой силой, что несколько из них даже упали на пол.

– Ты слишком напоминаешь мне Элис, с ее укоризненными взглядами и вздохами украдкой. Эта женщина неблагодарна. Я дал ей все, абсолютно все! А она только ходит с кислым видом или вдруг заявляет, что ей нужно что-то еще.

– У нее кислый вид, только когда ты ее обижаешь.

Слова сорвались с языка Седрика едва ли не прежде, чем он понял, что хочет сказать. Взгляд Геста посуровел. Чуть прищуренные глаза предвещали грозу, губы были неодобрительно поджаты. Слишком поздно извиняться или объясняться. Ссора неизбежна. Остается только высказать все сейчас, пока Гест своей ледяной логикой не разнес в клочья все его возражения.

– Ты обещал Элис, что она увидит драконов. Это прозвучало в вашей брачной клятве. Ты сказал это вслух и подписался под этим. Я был там, Гест, ты помнишь, и ты знаешь, что это значит для нее. Это не девичий каприз, а дело всей ее жизни. Изучение драконов и поиск сведений о них – единственное, что доставляет ей радость, Гест. Ты не прав, что запрещаешь ей ехать. Это нечестно по отношению к ней. И ты позоришь себя, притворяясь, будто не помнишь своего обещания. Такое поведение бесчестно и недостойно.

Он прервался, чтобы сделать вдох. И напрасно.

– Бесчестно? – Тон Геста вызывал озноб. – Бесчестно? – повторил он, и Седрик услышал, что его дыхание участилось. Затем Гест расхохотался, и этот смех словно окатил Седрика потоком ледяной воды. – Ты так наивен! Нет, даже не наивен, ты по-детски одержим идеей честности. «Нечестно по отношению к ней», – говоришь ты. А что тогда честно по отношению ко мне? Мы с Элис заключили сделку. Она должна была выйти за меня замуж и родить мне наследника. В обмен на разрешение свободно пользоваться моим состоянием и моим домом для своей науки. Ты посвящен в мои дела, Седрик. Ограничивала ли она себя в поисках ценных свитков и манускриптов? Думаю, нет. Но где ребенок, который мне обещан? Где наследник, рождение которого положит конец брюзжанию моей матери и косым взглядам отца?

– Женщина не может заставить свое тело зачать, – осмелился заметить Седрик.

Он никогда не отличался храбростью и потому не добавил: «И в одиночку зачать дитя она тоже не может». Он знал, что такое Гесту говорить не следует. Но хотя эти слова не были произнесены, Гест словно услышал их.

- Быть может, женщина и не способна заставить себя зачать, но существует множество способов, чтобы предотвратить зачатие. Или избавиться от ребенка, которого она не желает вынашивать.

- Не думаю, что Элис стала бы так поступать, - тихо возразил Седрик. - Мне она кажется очень одинокой. Она обрадовалась бы появлению ребенка. К тому же она поклялась подарить тебе наследника. И не станет нарушать свое слово. Я знаю Элис.

- Вправду знаешь? - Гест словно выплюнул эти слова. - Тогда ты бы очень удивился, если бы слышал наш сегодняшний разговор! Она практически отказалась выполнять свой супружеский долг до тех пор, пока не съездит в эти дурацкие Дождевые чащобы. Лепетала какую-то чушь насчет того, что не желает путешествовать беременной. А затем возложила на меня всю вину за то, что все еще не понесла! И угрожала публично опозорить меня за это! Будто это моя неудача!

Он схватил со стола сделанную из слоновой кости подставку для перьев и швырнул ее об пол. Хрустнула резная кость, и Седрик слегка вздрогнул. Ярость Геста вырвалась наружу, а завтра, когда он вспомнит, как сломал дорогую вещь, снова разозлится.

Гест злобно выдохнул сквозь зубы:

- Я не потерплю этого! Если мой отец прочтет мне еще одну нотацию или даст еще один совет, как сделать этой рыжей корове теленка, я...

Он задохнулся от гнева и досады. В последнее время стычки Геста с отцом стали чаще, и каждая из них портила ему настроение на несколько дней.

- Это не похоже на ту Элис, которую я знаю.

Седрик постарался увести разговор в сторону. Он понимал, что вступает на зыбкую почву. Гест хорошо умел преувеличивать или преподносить происходящее так, чтобы выгородить себя, но редко лгал напрямую. Если он сказал, что Элис угрожала ему, значит так она и поступила. И все-таки Седрику это казалось странным. Элис, сколько он ее знал, была мягкой и застенчивой. Впрочем, временами она становилась очень упрямой. Простиралось ли ее упрямство до того, чтобы шантажировать мужа? Седрик не был уверен. Гест прочел эту неуверенность на его лице и покачал головой:

- Ты по-прежнему считаешь ее девочкой-ангелочком, которая дружила с тобой, когда никто больше не хотел? Может быть, когда-то она такой и была, хотя лично я в этом сомневаюсь. Я подозреваю, что она была добра к тебе просто потому, что сама была такой же неуклюжей неудачницей-изгоем. Вы были не более чем товарищами по несчастью. Или родственными душами, если тебе так больше нравится. Но сейчас она не такова, друг мой, и ты не должен позволять старым воспоминаниям сбивать тебя с толку. Она выжала все, что могла, из наших отношений за столь малую цену, какую только можно представить.

Седрик молчал. Неуклюжий неудачник, с которым никто не желает дружить. Изгой. Эти слова звенели у него в ушах, царапая, словно камешки с острыми краями. Да, он был именно таким.

Гест, как всегда, сказал правду. Но как ловко он облакал ее в мелкие, но болезненные и при этом неоспоримые оскорбления! Непрошенные воспоминания вновь нахлынули на Седрика. Жаркий летний день в Калсиде. Они с Гестом приглашены на послеполуденный отдых в купеческий дом. Для развлечения им показали дикого вепря, посаженного в круглую яму. Гостям раздали маленькие дротики и трубки, чтобы выдувать эти дротики. Все от души веселились, доводя до неистовства пойманное животное и стараясь вонзить дротики в самые уязвимые места. В финале представления в яму спустили трех огромных псов, дабы прикончить зверя. Седрик хотел встать со скамьи и уйти. Гест крепко схватил его за руку и прошипел: «Останься. Или нас обоих сочтут не только слабаками, но и невежами».

И он остался, хотя зрелище было ему отвратительно.

Нынешние колкости напомнили Седрику те издевательства над вепрем. Тогда у Геста был точно такой же взгляд – бесстрастный и расчетливый. Ранить побольнее в самое чувствительное место. Изящный рот сжат в прямую линию, зеленые глаза прищурены и холодны, словно у охотящегося кота.

– Я не был изгоем, – негромко сказал Седрик. – Элис была моим другом. Она приходила в гости к моей сестре, но всегда находила время поговорить и со мной. Мы обменивались любимыми книгами, играли в карты, гуляли в саду. – Он вспомнил себя тогдашнего: изгой среди сверстников в школе, головная боль для отца, объект насмешек для сестер. – Я больше ни с кем не дружил, – признал он, ненавидя себя за эти предательские слова. – Мы помогали друг другу.

Это тихое замечание, казалось, тронуло и отчасти смягчило Геста.

– Уверен, так оно и было, – согласился он. – И маленькой девочке, какой она тогда была, наверняка льстило внимание старшего мальчика. Может быть, она даже была влюблена в тебя. – Он улыбнулся Седрику и добавил: – Разве я могу ее винить? Это было неизбежно.

Седрик смотрел на него затаив дыхание. Гест ответил ему твердым взглядом. Теперь его глаза приняли цвет мха, растущего в тени деревьев. Седрик отвернулся, сердце в груди сжалось. Проклятье! Откуда у Геста такая сила? Как ему удастся сперва больно ранить, а миг спустя совершенно растопить сердце?

Он перевел взгляд на собственные руки, все еще сжимающие голубую рубашку Геста.

– А ты хотел бы, чтобы все было по-другому? – тихо спросил он. – Я так устал от обманов и трюков. Так устал играть свою роль.

– Какую роль? – спросил Гест.

Седрик, вздрогнув, поднял на него взгляд. Гест смотрел не мигая.

– Если бы я был так же богат, как ты, – осмелился продолжить Седрик, – я уехал бы куда-нибудь в другое место, подальше от всех, кто знает нас. И

начал бы новую жизнь. На собственных условиях. Без необходимости оправдываться.

Гест усмехнулся:

– И очень скоро от богатства не осталось бы и гроша. Седрик, я же говорил тебе: иметь много денег – это еще не значит иметь состояние. Моя семья владеет состоянием. Состояние складывается поколениями. У состояния есть корни, которые уходят глубоко и далеко, и ветви, которые тянутся вширь и оплетают весь город. Можно взять деньги и сбежать с ними, но деньги уйдут, и ты станешь бедняком. И самое лучшее, на что ты сможешь рассчитывать после этого, – это долгие годы трудиться в поте лица, с тем чтобы заложить основу состояния для потомков. Нет уж, мне такого не надо. Мне нравится та жизнь, которую я веду, Седрик. Мне она нравится как есть. Очень. И именно поэтому меня бесит, что Элис стремится перевернуть ее. И еще больше бесит, что ты, кажется, считаешь такое ее поведение приемлемым. Если я буду опозорен, как тебе кажется, что станет с тобой?

Седрик обнаружил, что смотрит себе под ноги, словно пристыженный. Но он просто собирал остатки храбрости, чтобы заступиться за Элис.

– Ей нужно съездить в Дождевые чашобы, Гест. Позволь ей, и, думаю, с нее будет довольно на всю оставшуюся жизнь. Для Элис это единственный шанс выбраться во внешний мир, что-то совершить, увидеть все самой, а не просто читать об этом в старых потрепанных свитках. Только и всего. Отпусти ее в Дождевые чашобы. Ты должен ей это. Я должен ей это – ведь кто, как не я, устроил вашу свадьбу! Подари ей эту простую маленькую поездку. Кому от этого станет хуже?

Гест фыркнул. Когда Седрик решился взглянуть на друга, на лице того застыла насмешка, а глаза напоминали зеленый лед. Седрик обдумал только что сказанное и понял свою ошибку. Гест терпеть не мог, когда ему говорили, что он кому-то что-то должен. И теперь он поднялся из-за стола и сделал круг по комнате.

– Кому от этого станет хуже? – повторил он, передразнивая Седрика. – Кому станет хуже? Ну, к примеру, моему кошельку. И моей репутации! И моему чувству собственного достоинства тоже, но, я полагаю, это для тебя ничего не значит. Я должен позволить жене тащиться в Дождевые чашобы без сопровождения ради какой-то дурацкой затеи: найти под камешком сокровища Старших или спасти несчастных колченогих дракончиков? Как будто недостаточно того, что она каждую свободную минуту тратит на чтение книг об этих глупостях! А теперь еще я должен позволить ей публично продемонстрировать свою дурь?

Седрик попытался урезонить его:

– Это не дурь, Гест. Это научный интерес...

– Научный интерес! Седрик, она женщина, к тому же не особо образованная! Подумай, чему ее, как и ее сестер, могла научить гувернантка! Гувернантки, которых нанимают за такие деньги, вряд ли способны преподавать что-то, кроме чтения, арифметики и вышивания цветочков на шарфиках. Но даже такое образование навредило Элис, если хочешь знать мое мнение! Его

оказалось достаточно, чтобы она возомнила себя ученым и решила, что может просто купить билет на корабль и отправиться в путь в одиночку, не думая ни о приличиях, ни о своем долге перед мужем и семьей. И я уверен, она даже не задумывается о том, сколько такая беззаботная прогулка будет стоить ее мужу!

- Ты вполне можешь позволить ей это, Гест! Только вчера я слышал, как Брэдок рассказывал, сколько его жена тратит на платья, вечеринки для подруг и постоянные обновления интерьера. Элис ничего этого от тебя не требует. Она ведет такую скромную жизнь, какую только можно, не считая трат на научные изыскания. В самом деле, Гест, разве ты не думаешь, что должен ей позволить эту радость, которой она ждала столько лет? Разреши ей поездку. У тебя множество связей среди тех, кто плавает вверх по реке Дождевых чашоб. Заговори словечко, и она, вероятно, сможет бесплатно поехать на «Золотой пушинке» или любом другом живом корабле. И я могу припомнить не менее полудюжины торговцев из чашоб, которые охотно предоставят ей свое гостеприимство, невзирая на всю необычность подобной прихоти. Они сделают это, чтобы оказать тебе услугу, и...

- Услугу, за которую мне потом придется расплачиваться. И ты сам только что сказал - моя жена явится к ним по своей безумной прихоти! Отличная рекомендация! Я уже сейчас слышу: «О да, к нам приезжала чокнутая жена Геста Финбока! Все время только и делала, что шастала по руинам и болтала с драконами. Замечательная женщина! Не голова, а трухлявый пенек с жуками!»

Гест великолепно умел менять голос и манеры. Седрик, как ни был огорчен, с трудом подавил желание улыбнуться, когда друг изображал старую сплетницу с характерным выговором Дождевых чашоб. Удержавшись от того, чтобы ответить на шутку, Седрик лишь укоризненно покачал головой.

Гест решительно заявил:

- Мне все равно, что она там говорит и к чему приготовилась. Она никуда не поедет одна.

- Тогда не отпускай ее одну, - осмелился возразить Седрик. - Это же такая прекрасная возможность! Поезжай в Дождевые чашобы вместе с ней. Освежи там свои торговые связи - прошло не меньше шести лет с тех пор, как ты в последний раз...

- И по очень веским причинам! Седрик, ты представить себе не можешь, как смердит эта река. А бесконечный сумрак в лесу! Тамшний народ живет в домах из бумаги и хвороста, ест ящериц и жуков. И половина из них так отмечена Дождевыми чашобами, что меня при взгляде на них дрожь пробивает! Я ничего не могу с собой поделать. Нет, личная встреча с торговцами Дождевых чашоб только повредит моим деловым связям с ними, а отнюдь не укрепит их.

Седрик на миг сжал губы, а потом заговорил о том, что уже некоторое время вертелось у него в голове:

- Ты помнишь, что сказал нам Бегаста Коред во время последнего нашего приезда в Калсиду? Что торговец, который привезет калсидийскому герцогу

хотя бы маленький кусочек тела дракона, станет богатым до конца дней своих.

- Бегасты Коред? Тот лысый купец, у которого воняет изо рта?

- Лысый, баснословно богатый купец, у которого воняет изо рта, - поправил его Седрик, усмехнувшись. - Тот самый, что сколотил свое состояние, не торгуя всем подряд в больших количествах, а, по его собственным словам, продавая нужным людям в нужное время что-нибудь очень маленькое, но чрезвычайно ценное.

Гест испустил мученический вздох:

- Седрик, эти истории ходят уже полтора года. Все знают, что герцог Калсиды стареет и, вероятно, умирает. Он мечется, пробуя любое шарлатанство в надежде найти лекарство от смерти.

- И у него есть на это деньги. Гест, если ты отправишься в Дождевые чашобы с Элис, то получишь превосходный шанс подобраться поближе к драконам и тем, кто за ними присматривает. Элис поддерживает связь с этими людьми: я это знаю, потому что часто отправлял ее послания и приносил обратно десятки писем. Если она поедет, то обязательно доберется до Кассарика и отправится напрямик на драконьи земли. Она подойдет к этим тварям так близко, как только вообще возможно. - Понизив голос, он добавил: - Несколько упавших чешуек. Флакончик крови. Зуб. Кто знает, что ты можешь привезти оттуда? Но мы точно знаем, что любой трофей будет стоить целого состояния. - Седрик выпустил из рук сложенную рубашку, и она упала на пол. Присев на кровать Геста, он тихо произнес: - С такими деньгами человек может уехать куда угодно. Жить так, как ему нравится, и быть выше любых упреков. Если у тебя достаточно денег, это можно купить. И тебя будут уважать, невзирая ни на что.

Он словно смотрел вдаль, сквозь стены комнаты, на что-то незримое и грезил наяву. Голос Геста выдернул его в повседневную действительность:

- Ты что, не слышал ни слова из того, что я сказал? Мне нравится жить именно здесь и именно так, как я живу. Никто меня не упрекает. Ради чего я должен рисковать своим благополучием? Глупости! Я не имею никакого желания перевозить куски драконьих тел. Вот за это меня уж точно упрекнут!

- Мы возили и продавали предметы не менее странные за куда меньшие деньги!

Седрик хотел еще сказать о том, что могли бы означать эти деньги для него - и для них обоих. О жизни далеко от Удачного, которую ничего не стоило бы купить. Но промолчал. Гест или не мог, или не желал взвесить такую возможность, невзирая ни на какие доводы.

- Ты говоришь об уважении? Сейчас меня уважают! А что будет, если люди узнают, что моя жена в одиночку отправилась в Дождевые чашобы? Начнут гадать, что ей там понадобилось! И так все жалостливо качают головой, потому что она никак не родит мне ребенка. А если она будет одна бродить по Дождевым чашобам, какие сплетни тогда посыплются с их языков?

– О, ради Са, Гест! Она не единственная женщина в Удачном, которая не может зачать! Почему, как ты считаешь, наши края называют Проклятыми Берегами? Здесь не в каждой семье есть даже наследники родового имени, не говоря уж о большем! Никто не думает о вас ничего плохого, разве что сочувствуют вам! Посмотри на других горожан! Ты не одинок. А что касается путешествия, я уже сказал тебе, как все можно уладить: отвези ее сам. Или найди ей спутника, если уж не можешь позволить себе сопровождать ее. Это так легко!

– Что ж, отлично! – вскричал Гест. Как это водилось за ним, спор с Седриком мгновенно обернулся вспышкой гнева. – Я позволю ей ехать. Я позволю ей отправиться в Дождевые чашобы и ублажить свою несчастную душу грезами о драконах и Старших. Я позволю ей черпать монеты из моего кошелька, который она, видимо, считает бездонным. И ты прав, дорогой мой Седрик. Я без всякого труда найду ей подходящего спутника. Ты не раз говорил, каким замечательным другом она была тебе! Так что ты, конечно же, будешь рад поехать в Дождевые чашобы вместе с ней. Очевидно, тебе наскучило быть секретарем у такого бесчестного и эгоистичного человека, как я. Так послужи Элис. Побудь ее секретарем. Веди для нее записи, таскай ее мешки. Выскивай в грязи драконьи чешуйки. Это на целый месяц избавит меня от необходимости видеть тебя! А я намерен отправиться в поездку по собственным делам. И кажется, мне придется для этого поискать себе более приятного компаньона.

С таким видом, будто вопрос решен, Гест прошел через комнату и снова уселся за письменный стол. Взяв перо, он принялся изучать лежащие на столе бумаги, словно напрочь позабыл о существовании Седрика.

На миг Седрик лишился дара речи. Потом выдохнул:

– Гест, не может быть, чтобы ты это серьезно!

Но друг не ответил, и Седрик с неотвратимой ясностью понял, что он был совершенно серьезен.

Семнадцатый день месяца Вскодов,

шестой год Вольного союза торговцев

От Эрека, смотрителя голубятни в Удачном, –

Детози, смотрительнице голубятни в Трехоге

От Совета торговцев Удачного

Советам торговцев Дождевых чашоб

в Трехоге и Кассарике

В послании – расследование по поводу недавних слухов и предположений относительно здоровья и благополучия молодых драконов и их ценности в качестве живого товара или предметов торговли (со ссылками на наш изначальный договор с Тинталей).

Детози, я был рад встрече с твоим дядей Бэйдоном. Он с похвалой отзывался о тебе, к тому же располагает немалыми познаниями о голубях. Я послал с ним два мешка превосходно высушенного желтого гороха для твоих птиц. По моим наблюдениям, от этого корма оперение становится пышнее. Надеюсь, слухи о том, что драконов придется убить из-за вспыхнувшей среди них болезни, ложны.

Эрек

Глава 8

Встречи и беседы

Тимара всегда чувствовала себя не в своей тарелке, встречаясь с незнакомыми людьми. Они обязательно окидывали ее взглядом с головы до ног и тут же осознали, что ей не следует жить на свете. Тем более тяжело было стоять одной перед собранием самых уважаемых торговцев Дождевых чашоб и отвечать на их вопросы. Торговцев было восемь, большинство – мужчины, уже достигшие средних лет, все в официальных одеждах. Они восседали в массивных креслах из темного дерева за длинным столом.

Прием кандидатов шел в роскошной палате. Это был Зал Торговцев, здание старинное и настолько близкое к земле, что больше походило на джамелийский особняк, чем на обычный для Дождевых чашоб дом. Пол под ногами, стены и потолок – все было сделано из толстых досок. Тимара никогда не видела такого тяжелого и прочного строения. Им с отцом пришлось проделать долгий путь вниз, чтобы попасть сюда. Отец ждал ее снаружи. Такое громоздкое сооружение могло быть построено у основания нижней и прочной ветви. Тимара все время чувствовала мощь окружающих ее стен, но вместо ощущения защищенности возникала тревога – девушке не давала покоя мысль, что здание в любой момент может рухнуть вниз. Сам воздух в зале казался застоявшимся и неподвижным.

Только двое из собравшихся время от времени решались прямо взглянуть на Тимару. Остальные смотрели в сторону, или вверх ее головы, или же на бумаги, разложенные перед ними на столе. Одним из этих двоих был Моджойн, глава собрания.

Он смерил девушку взглядом, ясно давая понять, что думает о ней, а потом без обиняков спросил:

– Как получилось, что от тебя не избавились при рождении?

Тимара не ожидала такого вопроса в лоб. Несколько мгновений она стояла, тупо глядя на Моджойна. Если она скажет правду, то какие неприятности рискует навлечь на семью? Когда ее отец проследил за повитухой и принес младенца-урода обратно домой, вместо того чтобы оставить его умирать от холода или от клыков хищников, он нарушил все правила.

Тимара вздохнула и уклончиво ответила:

- Мои изъяны стали проявляться, когда я подросла. При рождении они не были так заметны.

Моджойн недоверчиво хмыкнул. Какой-то другой торговец заерзал, словно стыдясь за нее.

- Ты понимаешь условия своего найма? - так же прямо спросил Моджойн. - Твоя семья готова к тому, что, если ты уйдешь с драконами, мы не можем обещать тебе или им, что ты вернешься благополучно или даже что вообще когда-нибудь вернешься?

Тимара сама удивилась, как спокойно прозвучал ее голос:

- Мои родители подписали документ, лежащий перед вами. Они все понимают. И главное - все понимаю я. Я уже достаточно взрослая, чтобы принимать такие решения.

Моджойн сухо кивнул и откинулся на спинку кресла.

Девушка продолжила:

- Но я хотела бы уточнить, каковы будут мои обязанности и в чем окончательная цель нашего путешествия.

- Разве ты не читала свой договор? - нахмурился торговец. - Там все ясно сказано. Драконы потребовали, чтобы люди сопровождали их вверх по реке, к новому дому. Тебе будет поручен дракон - или несколько драконов. Ты будешь помогать им идти вверх по реке, к месту более подходящему для их обитания. Как только вы его достигнете, драконы сами скажут вам об этом либо дадут какие-то указания. Ты будешь помогать своему дракону - или драконам - добывать пропитание, то есть охотиться и ловить рыбу. И ты должна будешь оставаться на новом месте обитания драконов, пока они там не обживутся и не смогут существовать самостоятельно - или же по каким-то другим причинам не перестанут нуждаться в твоих услугах.

Тимара хладнокровно задала следующий вопрос:

- Значит, если мой дракон - или драконы - умрет, я вольна буду вернуться домой?

Моджойн резко выпрямился в кресле:

- Это не то, чего мы ожидаем! Мы хотим, чтобы ты сделала все возможное, дабы соблюсти договор торговцев с драконицей Тинталей. Твоя задача - помочь драконам найти лучшее место для жизни и стать более

самостоятельными. – Он слегка поерзал в кресле и неохотно добавил: – Не буду скрывать – мы надеемся, что драконы смогут привести вас к тому городу Старших, который они якобы помнят. К Кельсингре.

Тимара проглотила множество вопросов, вертевшихся на языке.

– Так цель нашего путешествия – какое-то определенное место? Кто-нибудь уже побывал там? Известно, сколько времени займет путь?

Моджойн пожевал губами, словно ему в рот попало что-то мерзкое и лишь обстановка не позволяла ему сплунуть.

– Драконы, похоже, унаследовали какие-то воспоминания о том, где находится этот город, – уклончиво ответил он. – Они будут вашими проводниками в поисках места, пригодного им для жизни. Таким образом, хотя конечной целью может считаться древний город, не исключено, что вам удастся найти другие земли, которые окажутся более подходящими.

– Понимаю, – вежливо отозвалась Тимара.

Она действительно все поняла. Ее отец был прав. Это не переезд, это изгнание. Изгнание надоевших драконов и тех, кого считали лишними в Дождевых чащобах.

– Понимаешь? Превосходно! – немедленно и с явным облегчением заявил торговец Моджойн. – Тогда все решено. – Он взял со стола печать и поставил оттиски на бумагах. – Как только ты подпишешь документы, будешь официально считаться нанятой. Покинув этот зал, ты получишь все, что тебе понадобится в дороге, и проследуешь вниз, к драконам. Половину оплаты выдадут авансом. Не затягивай прощание с родными, поскольку вам необходимо отбыть как можно скорее. – Он подтолкнул лежащий на столе лист бумаги к девушке. – Ты умеешь писать? Сможешь поставить здесь подпись?

Тимара не удостоила его ответом – просто взяла перо и тщательно вывела свое имя. Потом выпрямилась и спросила:

– Это все? Вы закончили со мной?

– Это все, – негромко подтвердил один из торговцев.

Кто-то из них издал звук, похожий на недовольное покашливание. Тимара сделала вид, что ничего не услышала, кивнула и протянула руку, чтобы взять свою заверенную копию соглашения. И тут с удивлением заметила, что руки у нее дрожат. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, как повернуть массивную ручку на высокой деревянной двери, а потом она слишком сильно толкнула эту дверь и едва ли не выпала в приемную зала. С трудом удержавшись на ногах, Тимара, закрывая за собой дверь, вдобавок громко хлопнула ею. Другие соискатели, ожидавшие своей очереди, посмотрели на нее с некоторым удивлением и даже осуждающе.

– Удачи, – вполголоса пожелала она им, избегая встречаться взглядом с кем бы то ни было, и выскочила из приемной.

Дверь, ведущая наружу, была еще выше и массивнее, однако на этот раз Тимара не растерялась. Она сумела почти бесшумно выйти из здания и оказалась на свежем воздухе. Но вопреки ее надеждам это не принесло ей облегчения. Здесь, так близко к земле и реке, воздух был густым и напоенным разными запахами, а свет тусклее, чем в кроне, и девушке казалось, будто она не может полностью открыть глаза, чтобы видеть ясно, как обычно. У края обширного деревянного помоста, окружающего Зал Торговцев, Тимара заметила отца и бросилась к нему, сжимая в кулаке договор. Чуть подальше – тоже дожидаясь ее, но всем своим видом демонстрируя, что он сам по себе, – стоял Татс.

Девушка повысила голос, чтобы ее услышали оба:

– Меня приняли! Они подписали бумаги. Я буду участвовать в переселении драконов!

Татс широко улыбнулся ей и, когда их взгляды встретились, помахал собственным договором, свернутым в трубочку. Отец Тимары стоял, прислонившись спиной к старомодному ограждению, и ждал, пока дочь подойдет поближе. Он тоже улыбался.

– Поздравляю. Я знал, что ты этого хочешь. Надеюсь, все будет так, как ты ожидаешь, – проговорил он тихо, упавшим голосом.

– А я вот точно уверен, все так и будет! – воскликнул Татс.

Отец Тимары покосился на него. Он был совсем не рад Татсу, явившемуся сюда раньше их, и приветствовал парнишку достаточно вежливо, но без обычной теплоты. Тимара заподозрила, что мать рассказала отцу о вчерашнем визите Татса и, вероятно, выставила ту встречу в таком свете, который совершенно не соответствовал действительности.

Тимара попыталась сгладить возникшее напряжение, прислонившись к ограждению ровно по центру между мужчинами, словно объединяя их. Повернувшись спиной к Залу Торговцев, она смотрела на реку и прибрежные топи. Было странно находиться так близко к земле. Девушка слышала, как позади открылась и закрылась дверь зала. Раздался юношеский голос: «Меня приняли!» Совету не требовалось много времени, чтобы одобрить очередного желающего.

«Хоть одному откажут? – подумала Тимара. – Вряд ли».

– Сложно угадать, как оно будет, отец. Но я знаю, что иду на это сама и что начинаю новую жизнь, которая принадлежит мне. А это хорошо, как бы трудно ни было.

– А я не могу дождаться, когда увижу драконов! Мне сказали, как только всех утвердят, мы направимся к ним, вниз!

Тимара вздрогнула от неожиданности, услышав чужой голос, и обернулась, чтобы взглянуть на незнакомца. Тот стоял у ограждения рядом с Татсом. Тимара, кажется, видела его раньше, пока ждала собеседования. Типичный житель Дождевых чашоб, он был отмечен почти так же явно, как она сама, но при этом красив какой-то странной, дикарской красотой. Глаза у него были

светло-голубые – таких необычайно светлых глаз Тимара раньше у людей не видела. Густые черные волосы блестели на свету. Черные когти на пальцах ступней постукивали по дереву, когда он притопывал и переминался с ноги на ногу в нетерпении.

– Это будет здорово! – заверил парень Татса, широко улыбаясь и протягивая руку. – Мена зовут Рапскаль.

– А меня здесь кличут Татсом, – ответил тот, пожимая руку новому знакомому.

И Тимара впервые осознала, что Татс, должно быть, вовсе не имя, данное при рождении, а прозвище, которым мальчишку называли с малых лет. Рапскаль перевел взгляд на нее, а потом протянул руку ее отцу. Тот тоже пожал ладонь новичку и представился:

– Мое имя Джеруп. А это моя дочь Тимара.

Рапскаль потряс руку Тимариного отца, а потом напрямую спросил:

– Так вы оба идете с драконами или только она? Ты, похоже, слишком стар для таких дел, уж не обижайся, что я так говорю. Немножко стар и слишком нормален!

Он искренне рассмеялся над своей грубой шуткой. Татс, стоящий позади него, нахмурился.

Отец Тимары ответил все так же вежливо и официально:

– Я не иду с вами, только Тимара. Но, как и ты, я заметил, что большинство из собравшихся в этот путь сильно отмечены Дождевыми чащобами.

– Да, можно и так сказать! – весело согласился Рапскаль. – Или они считают, что мы крепче остальных, или надеются, что драконы и река сделают то, чего не сделали наши родители, когда мы появились на свет. – Он оглянулся на Татса. – Не считая тебя, конечно. Ты даже не похож на жителя Дождевых чащоб. Почему ты идешь?

Рапскаль, похоже, привык задавать вопросы не церемонясь.

Татс выпрямился, возвысившись над собеседником на полголовы:

– Потому что за это хорошо платят. К тому же мне нравятся драконы, да и против приключений я ничего не имею. А в Трехоге меня ничто не держит.

Парень радостно закивал, чешуйки на его щеках заблестели, губы еще шире раздвинулись в улыбке. У него были крепкие зубы – только, пожалуй, слишком широкие. Когда он улыбался – а улыбался он, похоже, постоянно, – они сверкали белизной. Тимара решила, что он как раз в том возрасте, когда парни начинают быстро взростать.

– Вот-вот, и меня тоже! В точности так. – Рапскаль перегнулся через ограждение и смачно сплюнул. – Для меня в Трехоге уже давным-давно ничего

не осталось, – добавил он, и впервые вид у него сделался менее жизнерадостным. – Но миг спустя светло-голубые глаза мальчишки вновь засияли, и он провозгласил: – Но я как раз собираюсь поискать что-нибудь новенькое. Чего назад оглядываться, что было – то прошло. Я вот хочу познакомиться с драконом и подружиться с ним. Чтобы вместе летать и вместе охотиться. И никогда не ссориться. Вот.

И он жизнерадостно кивнул своим фантазиям. Татс смотрел недоверчиво. Тимара молчала, потрясенная не столько этими безудержными мечтаниями, сколько их сходством с ее собственными чаяниями. Летать вместе с драконами, подобно Старшим былых времен! И какими же глупыми выглядят эти выдумки, стоит только их высказать вслух!

Рапскаль не заметил напряженного молчания собеседников. Его глаза неожиданно заискрились новым интересом.

– Гляньте-ка! Наверняка они высматривают нас. Пора идти получать дорожные припасы, а потом отправляться вниз, к драконам! Идемте!

И Рапскаль, даже не оглядываясь на новых знакомых, бросился к другим погонщикам-хранителям, собравшимся вокруг торжественно-сдержанного торговца в желтом одеянии с толстым свитком в руках. Торговец зачитывал вслух имена и раздавал вызванным листки бумаги.

– Этот Рапскаль одним своим видом утомить может, – тихо заметил Татс.

– Ага, прямо как ящерица-змеешейка, ни секунды не посидит спокойно, – согласилась Тимара.

Она не отрывала взгляда от нового знакомца, размышляя, какое чувство он в ней вызывает в первую очередь: интерес или раздражение. Странную смесь того и другого, решила она наконец.

Сделав глубокий вдох, девушка добавила:

– Но он прав. Думаю, лучше пойти узнать, что нам сейчас нужно делать.

Не взглянув на отца, Тимара пошла через помост. У нее возникло странное ощущение раздвоенности. Она не могла определить, чего хочет: чтобы отец попрощался и оставил ее на милость судьбы или же чтобы он побыл рядом с ней, пока еще можно. Все остальные, похоже, пришли сюда в одиночку. Ни Татса, ни Рапскаля никто не провожал, и Тимара заметила только одного взрослого, стоящего рядом со сбившимися в кучку юнцами. Из тех же, кто сжимал в руках договор и листок, полученный от торговца, лишь один или два человека выглядели лет на двадцать с небольшим, при этом кое-кому, похоже, едва исполнилось четырнадцать или пятнадцать.

– Некоторые – совсем дети, – вздохнул отец.

Он шел по пятам за Тимарой.

– И Рапскаль был прав. Все сильно отмечены чашобами. Кроме Татса, – заметила она, оглянувшись на отца. – Понятно, почему многие еще подростки.

Ни ей, ни ее отцу не нужно было напоминать, что те, кто в юном возрасте носит такие явные отметины, редко доживают до тридцати лет.

– словно агнцы на заклятие, – тихо произнес отец, взяв ее за запястье. Она удивилась и его странным словам, и тому, как крепко он ее держит. – Тимара, ты не должна это делать, – добавил отец. – Останься дома. Я знаю, что твоя мать осложняет тебе жизнь, но я...

– Нет, папа, я должна! – перебила Тимара. – Я подписала договор. Как у нас говорят? Тот хороший торговец, чье слово крепко. А я не просто дала слово – я написала свое имя под ним. – Ей вспомнились мечты о дружбе с драконом. Но не о них же сейчас говорить. Бредовые фантазии Рапскаля все еще звучали в ушах. Тимара набрала побольше воздуха и твердо произнесла: – И мы оба знаем, что это необходимо мне самой. Просто чтобы я могла сказать, что хотя бы попыталась что-то совершить в своей жизни. Я рада, что я твоя дочь, но я не могу быть только твоей дочерью, и никем больше. Мне нужно... – Она подыскивала слова. – Мне нужно помериться силами с этим миром. Доказать, что я могу выстоять, что я не пустышка.

– Ты и так не пустышка, – сказал отец, но в его словах уже не было прежней силы.

Когда Тимара положила ладонь поверх его руки, он выпустил ее запястье. Девушка остановилась. Татс, шедший впереди, оглянулся на них, но Тимара чуть заметно покачала головой, и он пошел дальше.

– Мы должны попрощаться здесь, – резко сказала она.

– Я не могу! – Казалось, отца ужаснуло это предложение.

– Папа, я должна идти. И сейчас самое время проститься. Я знаю, что ты будешь беспокоиться обо мне. И я знаю, что буду скучать по тебе. Но давай расстанемся сейчас, в начале моего приключения. Пожелай мне удачи и отпусти меня.

– Но... – начал было отец, но потом вдруг крепко обнял ее и хрипло прошептал ей на ухо: – Тогда иди, Тимара. Иди вперед и померься силами с миром. Это ничего не докажет мне, потому что я уже знаю твою силу и никогда в тебе не сомневался. Иди и узнай то, что должна узнать. А потом возвращайся ко мне. Пожалуйста. Пусть сегодня будет не последний раз, когда я вижу тебя.

– Папа, не говори глупостей. Конечно я вернусь, – ответила она, хотя от слов отца по спине пробежали мурашки.

«Нет, не вернусь». Эта мысль была так тяжела, что Тимара просто не смогла высказать ее вслух. Она лишь обняла отца в ответ, а когда тот разжал объятия, сунула ему в руку маленький кошелек с деньгами.

– Сохрани это до моего возвращения, – сказала она.

И, не дожидаясь ответа, развернулась и бросилась прочь. В пути ей не понадобятся деньги. И если ей не суждено вернуться, они, возможно,

пригодятся отцу. А пока что пусть хранит их и считает залогом ее возвращения.

- Удачи! - крикнул ей вслед отец.

- Спасибо! - отозвалась Тимара.

Она заметила, как Татс в изумлении посмотрел на ее отца. Парень словно тоже собирался попрощаться, но тут как раз торговец со свитком назвал его имя.

- Так тебе нужна расписка или нет? Без нее ты не получишь припасы в дорогу.

- Конечно нужна, - ответил Татс, едва ли не выхватывая листок у него из рук.

Торговец покачал головой.

- Ты глупец, - тихо произнес он. - Посмотри вокруг, мальчик. Ты не принадлежишь к ним.

- Ты не знаешь, к кому я принадлежу! - резко отозвался Татс. Потом взглянул поверх плеча Тимары и спросил у нее: - Куда это пошел твой отец?

- Домой. - Стараясь не встречаться взглядом с приятелем, она подошла к торговцу и показала ему свой договор. - Мне нужна расписка на получение припасов и снаряжения.

Снаряжение едва ли заслуживало такого названия. Холщовые мешки были небрежно сшиты и пропитаны чем-то вроде воска, чтобы защитить содержимое от дождя. Внутри каждого лежали неплохое одеяло, мех для воды, дешевая металлическая тарелка, ложка, нож в ножнах, пакет с сухарями, вяленым мясом и сушеными плодами.

- Хорошо, что я кое-что взяла с собой из дома, - задумчиво сказала Тимара и вздрогнула, увидев лицо Татса.

- Лучше, чем ничего, - мрачно отозвался он.

Рапскаль, который прицепился к ним, словно клещ к мартышкиному загривку, радостно добавил:

- А у меня синее одеяло! Мой любимый цвет. Здорово, да?

- Они все синие, - заметил Татс.

И Рапскаль снова закивал:

- Вот я и говорю - здорово, что мой любимый цвет синий.

Тимара едва удержалась, чтобы не закатить глаза. Все знали, что у людей, явно отмеченных Дождевыми чащобами, иногда бывает неладно и с головой. Впрочем, возможно, Рапскаль просто недалекий юнец или же навязчиво-

жизнерадостный тип. Пока что его веселость поддерживала Тимару, но многословие действовало ей на нервы. Она дивилась тому, как легко он вошел в их с Татсом компанию. Девушка привыкла, что люди относятся к ней настороженно и держатся отстраненно. Даже их постоянные покупатели предпочитали не подходить к ней слишком близко. А Рапскаль без всяких предосторожностей тут же уселся бок о бок. Всякий раз, когда девушка бросала на него взгляд, он ухмылялся, словно древесная мартышка. А светло-голубые глаза сверкали так, словно у него с Тимарой был какой-то общий секрет.

Они сидели на круглой проплешине вытоптанной земли, двенадцать уроженцев Дождевых чашоб и Татс. Им пришлось спуститься на поверхность, где они получили снаряжение и припасы. Выданного пайка, как им сказали, хватит на первые дни пути. Их будет сопровождать баркас, на нем поплывут несколько охотников, у которых есть опыт в разведывании незнакомых земель. На том же баркасе повезут и дополнительную еду для людей и драконов, но каждый из хранителей должен стараться добывать пищу сам – для себя и по возможности для подопечного дракона. Тимара отнеслась к этому наставлению скептически. Достаточно было повнимательнее присмотреться к спутникам, чтобы понять: большинство из них едва ли способны прокормить даже самих себя, не говоря уж о драконах. От тревоги у девушки похолодело внутри.

– Нам сказали, что мы должны помогать драконам находить пропитание. Но здесь нет дичи, – заметил Татс.

Девочка лет двенадцати придвинулась чуть ближе к их троице.

– Я слышала, что перед отбытием нам дадут рыболовные снасти и охотничьи копья, – робко сказала она.

Тимара улыбнулась ей. Тошая девчонка. С черепа, покрытого розовыми чешуйками, свисают жидкие пряди светлых волос. Глаза медно-карие – возможно, когда она повзрослеет, их цвет станет чисто-медным. Рот почти безгубый. Тимара взглянула на руки девочки. Самые обыкновенные ногти. Сердце дрогнуло от жалости: вероятно, девочка родилась почти нормальной и, лишь достигнув подросткового возраста, начала меняться. Иногда такое случается. Тимара хотя бы всегда знала, кто она такая. Поэтому никогда не мечтала, что выйдет замуж, родит детей... В отличие, наверное, от этой бедолаги.

– Меня зовут Тимара, это Татс, а вот он – Рапскаль. А как твое имя?

– Сильве. – Девочка смотрела на Рапскаля, он улыбался ей. Придвинувшись еще ближе к Тимаре, она спросила, понизив голос: – Мы что, единственные девушки в этом отряде?

– Мне кажется, я видела еще одну. Лет пятнадцати, светловолосая.

– Наверное, это была моя сестра. Она приходила, чтобы подбодрить меня. – Сильве откашлялась. – И чтобы отнести выданные мне вперед деньги домой. Там, куда мы идем, деньги мне не понадобятся, а моя мать очень больна. Может быть, этого хватит ей на лекарства.

В голосе девочки прозвучала невольная гордость. Тимара кивнула. Мысль о том, что они с Сильве оказались здесь одни среди парней, тоже несколько беспокоила ее. Но она скрыла тревогу за улыбкой.

- По крайней мере, нас двое и мы можем вести умные разговоры друг с другом!

- Эй! - протестующе воскликнул Татс.

А Рапскаль просто воззрился на нее, переспросив:

- Что? Я не понял.

- А здесь нечего понимать, - заверила его Тимара.

Потом повернулась к Сильве и возвела глаза к небу, выразительно покосившись на Рапскаля.

Девочка улыбнулась, потом неожиданно вскочила на ноги:

- Смотрите! К нам идут, чтобы отвести нас посмотреть на драконов.

Тимара медленно поднялась на ноги. Мешок, взятый из дому, уже был у нее за спиной, а тот, что выдали здесь, висел на плече.

- Наверное, нам пора, - негромко сказала она.

Взгляд ее невольно обратился вверх, к кроне, к дому. Тимара удивилась, но не очень, увидев, что ее отец стоит на широкой лестнице, обвивающей огромный ствол дерева, и смотрит на нее. Девушка помахала ему рукой, прощаясь и давая понять, что ему пора домой.

Татс проследил за ее взглядом и тоже замахал рукой в ту сторону, а потом закричал во весь голос:

- Не беспокойся, Джеруп! Я за ней присмотрю!

- Ты присмотришь? За мной? - хмыкнула Тимара, стараясь говорить достаточно громко, чтобы отец услышал.

Затем, в последний раз взмахнув рукой, она повернулась и пошла за остальными.

Путешественники направлялись к причалу, где стояли лодки, на которых им предстояло плыть вверх по реке, от Трехога к Кассарику, к драконьим угодьям.

- Мне кажется, с ним что-то неладно.

Лефтрин почесал щеку. Надо было побриться, но в последнее время кожа на скулах и вокруг нижней челюсти стала покрываться чешуей. Чешуйки - это вполне терпимо, только бы росли побыстрее. А вот волосы на лице Лефтрина

раздражали. К несчастью, попытки брить щетину поблизости от чешуек обычно заканчивались множеством мелких противных порезов.

- Он не тот, что прежде.

Целых два замечания, одно за другим! В устах Сварга это стоило целой речи. В ответ Лефтрин лишь пожал плечами:

- Он и должен был измениться. Мы знали, что так будет. Он тоже это знал и принял. Он этого хотел.

- Ты уверен?

- Конечно уверен. Смоляной - мой корабль, живой корабль моей семьи. Мы связаны, Сварг. Я знаю, чего он хочет.

- Я провел на его палубе почти пятнадцать лет. Я ему тоже не чужой. Ему... вроде как не терпится. Словно он ждет чего-то.

- Кажется, я знаю чего.

Лефтрин взглянул на реку. Наверху, где виднелась широкая полоса открытого неба, сияли звезды. По обеим сторонам над рекой склонялись, словно пытаясь получше рассмотреть ее, высокие деревья Дождевых чащоб. Кругом царили мир и покой. Слышались обычные для ночного времени звуки: птичий пересвист, голоса зверей. За кормой Смоляного бурлила вода - баркас неспешно шел вверх по реке. От палубной надстройки падали желтые лучи лампы. Команда ужинала. Постукивание ложек о тарелки, приглушенные разговоры и запах свежего кофе доносились до кормы. Беллин что-то сказала, Скелли засмеялась - негромко и по-дружески. Смешок Большого Эйдера вплелся в их веселье, точно подводное течение.

Лефтрин медленно провел руками по фальшборту[2] Смоляного и кивнул кормчему:

- Он в полном порядке. И знает, что грядут перемены.

- Я вижу сны.

Лефтрин снова кивнул:

- Я тоже.

Губы рулевого неспешно растянулись в улыбке.

- Вот бы полетать.

- Он тоже не прочь, - согласился Лефтрин. - Как и все мы.

- Почему тебе понадобилось брать билет именно на этот корабль? - резко спросил Седрик.

Элис с недоумением посмотрела на него. Они стояли рядом на палубе, опершись на фальшборт и глядя на толстые стволы огромных деревьев Дождевых чашоб, бесконечной чередой скользящие мимо. Некоторые древние гиганты в объёме могли сравниться с дозорными башнями. Рядом с ними прочие деревья выглядели маленькими. Лианы и кружевной мох свисали с широко раскинувшихся ветвей, отчего кроны казались сплошной непреодолимой стеной. Топкая лесная почва была скрыта под палой листвой и растительностью. Пейзаж навевал уныние. Земля вечной тени и сумерек... Элис вышла на палубу, чтобы насладиться кратким световым днем. Хотя река протекала через широкую болотистую долину, лес по берегам был настолько высок, что солнце почти не заглядывало сюда и лишь узкая синяя полоса неба виднелась над головой.

Элис удивилась, когда Седрик решил присоединиться к ней на палубе. Спутники почти не виделись с тех пор, как покинули Удачный. Седрик не выходил из своей каюты даже ради того, чтобы поесть. Элис никогда еще не доводилось видеть его таким отстраненным, угрюмым и подавленным. Поручение явно было ему в тягость. Что же касается самой Элис, она поразилась, узнав, кого муж назначил ей в сопровождающие. Какая глупость! Если заботой Геста была ее репутация, зачем же давать ей в компаньоны молодого мужчину? Но муж не снизошел до объяснений – как это часто бывало, когда он единолично решал что-то за нее.

– Я предоставляю Седрика в твоё распоряжение на время поездки в Дождевые чашобы, – отрывисто уведомил ее Гест, войдя в столовую на следующее утро после их ссоры. Не присаживаясь к столу, муж начал собирать на поднос еду и посуду. – Можешь пользоваться его услугами, как сочтешь нужным, – добавил он. Когда вошел Седрик, Гест даже не взглянул на него и лишь заметил: – Он должен будет подчиняться твоим приказам. Защищать тебя. Развлекать. Все, что ты от него пожелаешь. Уверен, он будет тебе приятным спутником.

Последние слова были произнесены с таким презрением, что Элис вздрогнула. Гест покинул столовую. Повернувшись в замешательстве к Седрику, Элис была поражена его удрученным видом. Все ее попытки завязать с ним разговор, пока он собирал себе завтрак, оказались безуспешны.

Гест, не дожидаясь ее отъезда, отправился в очередное торговое плавание. А до отбытия был постоянно занят. В сопровождающие себе на этот раз он пригласил двух молодых друзей. В последние дни перед отъездом Гест постоянно гонял Седрика с поручениями: заверять дорожные документы, забирать заказы, закупать изысканные вина и яства для долгого пути. Элис было жаль Седрика – происходящее явно огорчало его. С приготовлениями к своей поездке она старалась справиться самостоятельно, чтобы несчастный секретарь мог хоть немного отдохнуть.

И все же она ничуть не сожалела о том, что решила отправиться в это путешествие. Конечно, странно, что Гест назначил ей в спутники Седрика, но, вообще-то, такой поворот событий ей понравился. Элис предвкушала, как старый друг разделит с ней новые впечатления, которые ждут их в дороге, как они увидят драконов. Седрик, хотелось ей думать, радуется не меньше ее.

Но на самом деле все время перед их отъездом, и особенно после отбытия Геста, Седрик был мрачен, а иногда даже необычайно резок с ней. Он подчинился указанию Геста и покорно являлся каждый день к завтраку, чтобы доложить, как продвигается подготовка к поездке, и получить поручения на день. Они разговаривали друг с другом – но не беседовали. За несколько дней до отплытия Седрик попросил ненадолго отпустить его – поужинать с одним из калсидийских торговых партнеров Геста, неожиданно приехавшим в Удачный. Элис с радостью выполнила просьбу, надеясь, что это его подбодрит. Но наутро, когда она поинтересовалась, как прошла встреча с Бегастом Коредом, Седрик быстро сменил тему и сам нашел себе десяток дел на предстоящий день.

Элис надеялась, что Седрик повеселеет, когда они окажутся на борту «Совершенного». Однако первые дни путешествия он провел затворником в своей каюте, ссылаясь на морскую болезнь. Элис этот предлог показался сомнительным: Седрик так часто путешествовал с Гестом по морю, что его желудок давным-давно должен был привыкнуть к качке. Она решила оставить секретаря в покое, занялась осмотром живого корабля и попыталась свести знакомство с командой. И когда сегодня Седрик присоединился к ней на палубе, очень обрадовалась. Было так приятно снова говорить с ним, хоть последний вопрос и прозвучал довольно грубо.

– Это был единственный корабль, на котором оставались места для двух пассажиров, – призналась Элис.

– А-а... – Седрик немного поразмыслил над ее ответом. – Так ты солгала Гесту, когда сказала, что уже позаботилась о дороге?

Он говорил без обиняков, не то чтобы обвиняя, но уязвляя. Элис отступила, однако не сдалась:

– Это была не совсем ложь. Я все обдумала, просто не сразу купила билеты. – Она взглянула на взбаламученную серую воду. – Не скажи я, что еду, он бы снова сделал вид, будто меня с моими просьбами не существует. Или отделался бы пустыми словами. У меня не было выбора, Седрик.

Элис повернулась к нему. Несмотря на хмурое выражение лица, Седрик, в белой рубашке и синем сюртуке, выглядел весьма элегантно. Морской ветер перебирал ему волосы, бросая пряди на лоб.

Она улыбнулась:

– Прости, что втянула тебя в мою ссору с Гестом. Я знаю, ты поехал в это путешествие не по своей воле.

– Вот именно. И я не стал бы путешествовать на проклятом корабле.

– Проклятый корабль? Этот?

– Совершенный? Не смотри на меня так, Элис. Все в Удачном знают об этом корабле и о его репутации. Он переворачивался и губил всех, кто был на борту... Сколько же?... Кажется, пять раз... – Седрик покачал головой. – А ты купила нам место на нем!

Элис отвернулась. Она вдруг неожиданно остро ощутила доски фальшборта под руками. Фальшборт, как и бо́льшая часть корабельного корпуса и носовая фигура, был сделан из диводрева. Совершенный был живым кораблем, и не просто живым, а пробудившимся, так что его носовое изваяние разговаривало с командой, владельцами груза и портовыми грузчиками. Насколько знала Элис, живые корабли слышали каждое слово, сказанное на борту. Отблески света, дрожащие на дереве под ее руками, действительно рождали ощущение, что корабль – живое существо.

И Элис твердо ответила:

– Это случилось, но, я уверена, вовсе не пять раз. И было давно, Седрик. Судя по тому, что я слышала, этот корабль с тех пор стал иным и куда более счастливым.

Она бросила на спутника взгляд, умоляя или молчать, или сменить предмет разговора. Седрик лишь отстранился, в замешательстве приподняв изящные брови.

– Я понимаю, что такое диводрево, поэтому не могу обвинять его в содеянном, – продолжила Элис. – Разве это не чудо, что живые корабли, осознав, кем именно и как они были созданы, так быстро оправались от потрясения? То, что сделали мы, торговцы, непростительно. На месте кораблей я вряд ли была бы так же милосердна.

– Я не понимаю. За что им обижаться на нас?

Элис чувствовала себя все неуютнее – ей казалось, что она читает Седрику лекцию в защиту «Совершенного».

– Седрик! Жители Дождевых чащоб находили оболочки, в которых спали драконы. К сожалению, они понятия не имели, что это такое. Они считали, будто обнаружили огромные стволы хорошо выдержанного дерева – единственного дерева, которому оказалась нипочем вода здешней реки. Поэтому они распиливали это якобы дерево на доски и строили из него корабли. А когда в сердцевине бревен обнаруживалось что-то странное, явно не похожее на дерево, то люди попросту выбрасывали это. Недоразвившихся драконов вырывали из их оболочек и обрекали на смерть.

– Но они, несомненно, уже были мертвы, пролежав столько в темноте и холоде.

– Тинталья не умерла. Чтобы вылупиться, ей потребовалось лишь немного тепла и солнечного света. – Элис замолчала, чувствуя, как в горле поднимается непрошенный комок. – Если бы мы поняли это раньше, драконы вернулись бы в мир куда быстрее! – с неподдельной горечью добавила она. – Но мы лишили их истинной формы. Распилили их плоть на доски и построили корабли. На них светило солнце, а рядом подолгу оставались одни и те же люди с их мыслями, чувствами и памятью. И от всего этого создания из диводрева пробуждались – уже не как драконы, а как живые корабли.

Она снова умолкла, пытаясь побороть ужас. Подумать только, что по неведению своему натворили люди!

- Элис, друг мой, мне кажется, ты напрасно себя мучаешь.

Тон Седрика был скорее мягким, нежели снисходительным, однако она чувствовала, что ее спутник если и сопереживает ей, то едва ли испытывает сострадание к драконам, погибшим до рождения. Это удивило ее. Обычно он бывал весьма чувствительным, и такая безучастность по отношению к живым кораблям и драконам привела ее в замешательство.

- Госпожа моя?

Она вздрогнула - тот, кто к ней обратился, подошел сзади совсем беззвучно. Обернувшись, Элис увидела молодого палубного матроса.

- Привет, Клеф. Ты что-то хотел?

Матрос кивнул, потом мотнул головой, отбрасывая с глаз челку, высветленную солнцем до песочного цвета.

- Да, госпожа. Но не я. Корабль, Совершенный. Он говорит, что хотел бы перемолвиться с тобой словечком.

В его речи улавливался легкий акцент, но какой - Элис не могла распознать. В Клефе вообще было что-то загадочное - скажем, его роль в команде... Его представили Элис как палубного матроса, однако все прочие в команде обращались с ним скорее как с сыном капитана. Жена капитана Трелла, Альтия, командовала им - безжалостно, но любовно, - а капитанский сынишка, постоянно с риском для жизни сновавший там и тут по палубе и снастям, похоже, считал Клефа большой живой игрушкой.

Так что Элис улыбнулась ему теплее, чем обычному слуге, и уточнила:

- Ты сказал, корабль хочет поговорить со мной? Ты имеешь в виду носовую фигуру корабля?

Что-то вроде досады скользнуло по лицу матроса.

- Корабль, госпожа. Совершенный попросил меня пойти на корму, найти тебя и пригласить подойти и поговорить с ним.

Седрик повернулся и прислонился спиной к фальшборту.

- Носовое изваяние корабля желает поговорить с пассажиром? Но ведь такое случается редко? - спросил он с легким изумлением и улыбнулся той улыбкой, которая обычно покоряла сердца всех, к кому была обращена.

Клеф ответил вежливо, но не пытаясь скрыть раздражение:

- На самом деле нет, господин. Большинство пассажиров живого корабля находят время, чтобы поздороваться с ним, когда поднимаются на борт. А некоторым из них нравится с ним болтать. Многие из тех, кто ходил с нами больше одного-двух раз, относятся к Совершенному как к другу. Так же, как к капитану Треллу или к Альтии.

– Но я часто слышал, что Совершенный несколько... возможно, не такой опасный, как когда-то, но... определенно странный.

Седрик говорил с прежней улыбкой, однако его шарм не подействовал на молодого моряка.

– Ну а мы все – что, не странные, нет? – резко бросил Клеф и обратился напрямую к Элис: – Госпожа, Совершенный пригласил тебя подойти и поговорить с ним. Если желаешь, я передам ему, что ты не пойдешь. – Последние слова он выговорил довольно сухо.

– Но я очень хочу поговорить с ним! – воскликнула Элис с искренней радостью. – Я хочу поговорить с ним с того самого мига, как ступила на палубу! Но боялась быть навязчивой или помешать матросам. Если можно, то я сейчас же и пойду! Седрик, не нужно сопровождать меня, если тебе не хочется. Я уверена, что Клеф не откажется меня проводить.

– Я бы тоже пошел. Это будет очень интересно, я уверен. – Седрик отлепился от фальшборта и выпрямился. – Идемте, я готов.

Клефу, похоже, было неудобно возражать, но он твердо заявил:

– Госпожа, корабль желал поговорить с тобой. А не с ним.

Элис вздрогнула:

– Так ты думаешь, что корабль против присутствия Седрика?

Клеф переступил с ноги на ногу, размышляя, потом пожал плечами:

– Не знаю. Твой друг прав, наш Совершенный малость со странностями. Может обидеться, а может, наоборот, обрадоваться. Пожалуй, проверить можно только одним путем.

– Тогда я буду сопровождать госпожу, – заявил Седрик.

Он предложил руку, и Элис с удовольствием приняла ее. Может быть, он и вызвал у нее досаду, но как легко было его простить!

– Я только передам Совершенному, что вы идете, – быстро предупредил Клеф.

И он помчался прочь – босоногий, быстрый и бесшумный, словно кот. Элис посмотрела ему вслед и тихонько сказала Седрику:

– Какой необычный юноша! Ты заметил у него на лице рабскую татуировку?

– Выглядит так, словно он пытался ее свести. Экая жалость. Без этого шрама он был бы красивее.

– Полагаю, при его ремесле несколько шрамов никого не удивят. Когда мы шли по причалу к кораблю, я заметила, что даже носовое изваяние выглядит потрепанным. Хотя, может быть, его таким вырезали – с перебитым носом.

– Я и не заметил, – признался Седрик. Несколько мгновений спустя он добавил: – Я должен извиниться перед тобой, Элис. Я постыдно пренебрегал тобой в этом путешествии. Но мне так не хотелось отправляться в путь сразу же после возвращения в Удачный!

Элис улыбнулась его попытке сказать о своей досаде, не преступая границ вежливости:

– Седрик, я сомневаюсь, что тебе вообще захотелось бы ехать в Дождевые чащобы, сколько бы времени ты ни провел дома. И я прошу прощения за то, что Гест навязал меня тебе. Я действительно не ожидала от него такого. Да и вообще удивилась, когда он заявил, что мне нужен компаньон в этом путешествии. Я думала, он подберет мне какую-нибудь respectable старую клушу, чтобы она кудахтала надо мной. Но не тебя! Я и представить не могла, что Гест отошлет тебя прочь от себя и доверит мне.

– Я тоже представить не мог, – уныло согласился Седрик, и оба рассмеялись.

Элис снова одарила его душевной улыбкой. Вот так-то лучше, намного лучше. Теперь он куда больше напоминал того Седрика, которого она знала раньше.

Она слегка сжала его руку:

– А ведь я скучала по нашей давней дружбе. Может быть, тебе и не нравится это путешествие, но мне кажется, оно станет чуть более приятным, если мы будем радоваться обществу друг друга и беседовать, как раньше.

– Беседовать... – повторил Седрик, и странная нотка проскользнула в его голосе. – Мне думается, ты предпочла бы общество своего мужа и беседы с ним.

Это замечание мгновенно погасило радость. Элис была потрясена, как глубоко ее ранила фраза, которую, вероятно, следовало воспринимать в качестве любезности. Она едва тут же не рассказала Седрику, как редко Гест составлял ей общество, не говоря уж о том, чтобы беседовать. Но удержалась – может быть, отчасти из-за стыда. Как же неприятно было осознавать, что Гест сделал ее такой скрытной! Даже когда его не было рядом, он заставлял ее молчать о многом. У нее не водилось приятельниц, чтобы делиться своими горестями, она никогда не знала той близкой дружбы, которую наблюдала между другими женщинами. Разговор с Седриком, воспоминание о том, как они приятельствовали в юные годы, пробудили в душе Элис невыносимую тоску о друге.

И все же Седрик не друг ей – уже нет. Сейчас он секретарь ее мужа, и с ее стороны было бы двойным предательством откровенно рассказать ему, какая тоскливая у нее жизнь в браке с Гестом. Достаточно и того, что Седрик однажды стал свидетелем их скандала – когда она обвинила мужа в неверности. Если продолжать говорить на эту тему, можно нарушить обещание, данное Гесту, и, что еще хуже, поставить Седрика в неловкое положение. Нет. Она не может так поступить с другом. Заметил ли он, как неожиданно она замолчала? Хорошо, если нет.

Элис убрала руку с его предплечья, отстранилась и, чуть подавшись вперед, без всякой связи с предыдущей темой воскликнула:

– Этим огромным деревьям конца и края нет! Как же они затеняют землю и воду!

Клеф стоял возле короткого трапа, ведущего на бак[3]. Матрос протянул Элис руку, но она отмахнулась с уверенностью, которой вовсе не ощущала. Ее пышные юбки сминались о ступеньки, когда она карабкалась по трапу. На самом верху Элис наступила на оборку юбки и пошатнулась, едва не упав ничком.

– Госпожа!.. – встревоженно воскликнул Клеф.

– О, все в порядке! Я просто немного неуклюжая. Бывает!

Она пригладила волосы, расправила одежду и выжидающе огляделась по сторонам. Палуба впереди сходилась к носу корабля, вокруг лежали канаты, крепительные планки и другие вещи, названия которых Элис не знала. Выйдя на самый нос, она увидела под бушпритом затылок Совершенного. Его волосы были темными и вьющимися.

– Подойди же к нему, – подбодрил ее Клеф. – Поговори с ним.

Элис слышала, как позади что-то бормочет Седрик. Не оглядываясь на спутника, она подалась вперед, оперлась на ограждение и перегнулась через него. При виде обнаженной фигуры размером куда больше человека она слегка вздрогнула, хотя ей и не впервой было смотреть на носовое изваяние. Совершенный был обращен к ней спиной, он смотрел вперед, скрестив на груди мускулистые руки.

– Добрый день... – начала было Элис и осеклась.

Так ли следует обращаться к живому кораблю? Именован ли его «господин мой» или по имени – «Совершенный»? Относиться к нему как к человеку или как к кораблю?

Тут Совершенный оглянулся, вывернув назад торс и шею, чтобы посмотреть на нее:

– Добрый день, Элис Кинкаррон. Рад наконец-то познакомиться с тобой.

Обветренное лицо. Голубые, пугающе светлые глаза. Они словно заморозили Элис. Изваяние имело вполне человеческие цвета, но на лице проступала мелкая зернистость – текстура диводрова. И при всем том «кожа» казалась живой и упругой, будто настоящая. Элис наконец осознала, что самым неприличным образом пялится на Совершенного, и отвела глаза.

– На самом деле меня зовут Элис Финбок, – начала она и задумалась, каким образом корабль вообще узнал ее девичью фамилию. Потом отбросила эту тревожную мысль и решила говорить откровенно. – Я тоже рада поговорить с тобой. Я стеснялась сама прийти сюда, на бак, потому что не знала, соответствует ли это правилам. Спасибо, что пригласил меня.

Совершенный отвернулся от нее, снова устремив взор на реку, и пожал обнаженными плечами:

– Слыхом не слыхал ни о каких правилах насчет разговоров с живым кораблем, кроме тех, которые каждый корабль устанавливает для себя сам. Некоторые пассажиры подходят поздороваться сразу же, еще перед тем, как взойти на борт. А некоторые так и не сказали мне ни слова – по крайней мере, в лицо. – Через плечо он сверкнул в сторону Элис понимающей улыбкой, как будто ее смущение развлекало его. – А если уж пассажиры такие, что мне любопытство покоя не дает, я приглашаю их сюда, на бак, поговорить.

Он снова смотрел на реку. Сердце Элис забилось чаще, к щекам прилила кровь. Она не могла понять, польщена или испугана. Намекал ли корабль на то, что слышал их разговор о драконах? Она разбудила его любопытство – что же, высокая похвала от создания, которое должно было стать драконом. Но под радостным изумлением таилось беспокойство, вызванное словами Седрика. Это был Совершенный, безумный корабль, некогда известный как Отверженный. Разные слухи ходили о нем в Удачном. Известен был и неопровержимый факт: он действительно убивал всю свою команду, и не единожды, а несколько раз. Только сейчас, разговаривая с ним, видя, как он, похоже, самостоятельно прокладывает свой курс вверх по реке, Элис осознала, что полностью находится в его власти. Только сейчас она поняла, что этот корабль действительно живой. Живое и опасное существо, к которому следует относиться с осторожностью и уважением.

Словно прочтя ее мысли, Совершенный снова повернул голову и обнажил в улыбке белые зубы. От этой улыбки по спине Элис пробежала дрожь. Она вспомнила, что сначала у Совершенного было совсем другое лицо, но его изуродовали, изрубили в щепки. Одни говорили, что это сделали пираты, другие – что собственная команда корабля. Однако кто-то заново потрудились резцом над расщепленным деревом, придав ему облик молодого мужчины – красивого, невзирая на шрамы. Молодость этого человеческого лица противоречила сложившемуся у Элис представлению о Совершенном как о древнем и мудром драконе. Разительное несоответствие тревожило.

И потому помимо воли она заговорила едва ли не официально:

– О чем ты желал поговорить со мной?

– О драконах, – невозмутимо ответил он. – И о живых кораблях. До меня доходили слухи, что ты направляешься вверх по реке – не в Трехог, где заканчивается мой путь, а дальше, до Кассарика. Это правда?

«Слухи?» – хотела переспросить она. Однако ответила:

– Да, это правда. Я вроде как исследую драконов и Старших, и цель моего путешествия – своими глазами увидеть молодых драконов. Я хочу изучить их. Надеюсь, что смогу побеседовать с ними, расспросить, что в их родовой памяти сохранилось о Старших. – Она улыбнулась, довольная собой, и добавила: – Я была несколько удивлена, узнав, что никто не додумался до этого раньше.

- Может быть, и додумался, но обнаружил, что разговор с этими жалкими тварями будет пустой тратой времени.

- Как это?! - Такое презрение к молодым драконам потрясло Элис.

- Они не больше драконы, чем я, - небрежно отозвался Совершенный. Когда он оглянулся на этот раз, глаза его были серыми, словно штормовые тучи. - Разве ты не слышала? Это ползучие червяки, вот и все. Они вышли из оболочек недоразвитыми и со временем не стали лучше. Змеи долго пробыли в море - слишком, слишком долго. А когда наконец двинулись в путь, выбрали неверное время года и прибыли на место истощенными. Им следовало подняться вверх по реке поздним летом, накопив побольше жира. Тогда у них была бы вся зима на то, чтобы пережить преобразование. Но они отощали, обессилели и состарились. Прибыли поздно и провели в коконах слишком мало времени. Я слышал, уже больше половины из них умерло, и смерть остальных не заставит себя долго ждать. Изучай их - не изучай, все равно ничего не узнаешь о настоящих драконах. - Совершенный не смотрел на Элис, взгляд его был устремлен вперед, к верховьям реки. Когда он качал головой, его вьющиеся черные волосы мели из стороны в сторону. Понизив голос, корабль добавил: - Истинные драконы презирали бы этих существ. Точно так же, как презирали бы меня.

Элис не могла уловить, что за чувства кроются за его словами. Может быть, то была глубокая скорбь или же полное пренебрежение к суждениям «истинных драконов».

Она попыталась подобрать ответ, который соответствовал бы и тому и другому:

- Едва ли это было бы справедливо. Ты не мог выбирать, кем тебе стать. Точно так же, как эти молодые драконы.

- Это верно, не мог. Я не мог предотвратить то, что сделали со мной люди, и не могу изменить содеянное. Но я узнал, что я такое, и решил продолжить быть тем, что я есть. Однако дракон не принял бы такого решения. И потому я знаю, что я не дракон.

- Тогда кто ты? - невольно вырвался вопрос у Элис.

Ей не нравилось, куда свернула их беседа. Слова Совершенного звучали почти обвинением. И будто бы от носового изваяния исходило напряжение - или это только почудилось ей?

- Я - живой корабль, - ответил он.

В его голосе звучала не злоба, но такие глубокие чувства, что казалось, сама палуба под ногами Элис задрожала. В этих словах обнаружила себя полная обреченность, словно Совершенный говорил о бесконечной неизменной участи.

«А ведь так и есть!» - вдруг осознала Элис.

- Как же ты должен ненавидеть нас за то, что мы сделали с тобой!

Она услышала, как стоящий позади нее Седрик чуть слышно вздохнул, выражая неодобрение, но оставила это без внимания.

– Ненавидеть вас? – медленно повторил Совершенный, словно пробуя на вкус ее слова. Глаза его по-прежнему были устремлены на реку. Корабль неспешно и уверенно шел против течения. – Почему я должен тратить свое время на ненависть? То, что было сделано со мной, конечно, непростительно, как ни посмотри. Но тех, кто это сделал, уже нет в живых, их нельзя наказать или заставить попросить прощения. И даже если бы их наказали или они попросили бы меня простить их – все равно, что сделано, то сделано. Муки, испытанные мной, невозможно отменить. Похищенное будущее ко мне не вернется. Принадлежность к моему изначальному роду, возможность охотиться и убивать, сражаться и спариваться, вести жизнь, в которой я не был бы ни слугой, ни господином... Все это навеки потеряно для меня. – Он взглянул на Элис; синева его глаз выцвела до льдистой серости. – Способна ли ты вообразить, чем можно восполнить эту утрату? Что за жертва послужила бы достойной расплатой за все?

Сердце Элис билось так сильно, что удары эхом отдавались в ушах. Так вот почему он столько раз опрокидывался и отнял столько человеческих жизней! Считает ли он, что в отмщение умерло достаточно людей, или же потребует еще?

Элис молчала.

– Так что? Какая жертва была бы достойной? – настаивал корабль.

– Ничто из того, что может прийти мне в голову, – тихо ответила она и сильнее сжала фальшборт, гадая, не решит ли сейчас корабль опрокинуться и утопить их всех.

– И мне тоже, – отозвался он. – Любая месть бессильна. Никакая жертва этого не загладит. – Он снова стал смотреть на реку. – И потому я решил переступить через это. Быть тем, что я есть сейчас, в этом воплощении, поскольку ничто другое мне не доступно. Вести ту жизнь, которую могу, пока это деревянное тело вмещает меня.

– Так ты простил нас? – вырвался вопрос у Элис.

Совершенный коротко хмыкнул:

– Во-первых, я никого не прощал. Во-вторых, не понимаю, кто такие «вы», которым, по твоему мнению, я должен мстить. Вот, например, ты передо мной не виновата. А если бы и была виновата и я бы убил тебя – что с того?

Неожиданно за спиной Элис раздался голос Седрика:

– Вот уж не ожидал услышать такое от дракона.

Совершенный усмехнулся – в усмешке читались и веселость, и презрение.

– Я уже сказал: я не дракон. Равно как и те твари, которых ты, госпожа, собираешься навестить и изучить. Затем я и позвал тебя сюда. Чтобы сказать тебе это. Чтобы сказать, что твое путешествие бессмысленно.

Изучение тех жалких червяков ничего тебе не даст. Исследовать их так же бесполезно, как и меня.

- Но почему ты не считаешь их драконами?

- В мире драконов они бы просто не выжили.

- Их убили бы другие драконы?

- Другие драконы не обратили бы на них внимания. Недоразвитые умерли бы сами и были бы съедены. Их память и знания перешли бы к тем, кто съел их.

- Мне это кажется жестоким.

- Более жестоким, чем длить их никчемную жизнь?

Элис сделала вдох и постаралась говорить без дрожи в голосе:

- Ты решил продолжать жить таким, какой есть. Может быть, следует и им позволить сделать выбор?

Мышцы на широкой спине Совершенного напряглись, и Элис ощутила укол страха. Но когда он снова повернулся к ней, в его голубых глазах светилась искорка уважения, которой прежде не было. Совершенный медленно кивнул:

- Верно сказано. Но все же, когда ты будешь исследовать этих тварей, прошу тебя помнить: они не могут свидетельствовать о том, какими были драконы. Я слышал, что половина из них вылупилась без наследственной памяти. Как они могут быть драконами, если появились на свет, не зная, кто такой дракон?

Это замечание повернуло мысли Элис в новое русло.

- Но ты-то знаешь. Потому что, несмотря на форму, в которой ты ныне обитаешь, твоя драконья память должна была остаться нетронутой. - Она крепко стиснула фальшборт, воодушевленная неожиданной надеждой. - О Совершенный, можешь ли ты рассказать мне о них? Ты ведь настоящий кладезь знаний! Мне хочется услышать твои воспоминания! Сама идея, что драконы могут помнить свои прошлые жизни, слишком грандиозна, чтобы человек был в состоянии ее осмыслить. Я бы так хотела услышать то, что ты пожелаешь мне рассказать, и записать твое повествование. Один такой разговор уже сделает мое путешествие ненапрасным! Прошу тебя, обещай, что ты поделиться своей памятью!

Последовало напряженное молчание.

- Элис, - предупреждающе произнес Седрик, - наверное, тебе лучше отойти от борта.

Но она продолжала стоять на месте, хотя тоже ощутила волну беспокойства, пробежавшую по кораблю. Его движение утратило плавность, палуба под ногами слегка дрогнула. Даже ветер, дувший в лицо, сделался холоднее - или это ей показалось?

И в этом гулком безмолвии прозвучали слова Совершенного:

– Я предпочитаю не помнить.

Они как будто разрушили заклятие. Звуки и жизнь неожиданно вернулись в мир. Позади себя Элис услышала чей-то топот. Раздался женский голос:

– Ты огорчаешь мой корабль, госпожа. Я должна просить тебя покинуть бак.

– Она не огорчает меня, Альтия, – возразил Совершенный.

Элис повернулась и оказалась лицом к лицу с капитанской женой. Она уже видела Альтию, когда садилась на корабль, и даже несколько раз беседовала с ней, но чувствовала себя в ее присутствии неуютно. Альтия была невысокой, с длинными черными волосами, которые собирала в хвост. Носила она матросскую робу – правда, из тонкой ткани и хорошо пошитую. Это смотрелось странно – женщина в штанах и рубахе! Менее подходящее для достойной женщины одеяние Элис и вообразить не могла, и все же сама неуместность этого костюма, казалось, подчеркивала женственность форм Альтии. Глаза у нее были темными, и сейчас в них полыхал то ли гнев, то ли страх. Элис отступила на шаг и коснулась ладонью руки Седрика.

Тот повернулся так, чтобы встать между женщинами, и сказал:

– Я уверен, что госпожа не хотела ничего плохого. Корабль сам попросил нас прийти и поговорить с ним.

– Да, так и было, – подтвердил Совершенный. – Он повернулся, бросив на них взгляд через плечо. – Ничего плохого не случилось, Альтия, уверяю тебя. Мы говорили о драконах, и, естественно, она спросила меня, помню ли я о том, каково быть одним из них. Я ответил, что предпочитаю ничего не помнить.

– О, кораблик, – произнесла Альтия, и у Элис возникло чувство, будто ее, Элис Финбок, здесь вообще нет.

Альтия Трелл даже не взглянула на нее, шагнув на нос, туда, где прежде стояла Элис. Прислонившись к борту, жена капитана уставилась вперед, на реку, словно слившись мысленно с кораблем.

– Сасенный! – раздался вдруг позади них писклявый детский голос.

Элис обернулась и увидела, что на бак карабкается мальчик трех-четырёх лет от роду. Босоногий и голорукий, он почти дочерна загорел на солнце. Промчавшись на самый нос корабля, ребенок упал на четвереньки и просунул голову под ограждение. Элис ахнула – ей показалось, что он вот-вот вылетит за борт. Но вместо этого мальчишка закричал:

– Сасенный, тебе холосё?

Детский голосок был полон тревоги. Корабль повернул голову и посмотрел на ребенка. Губы изваяния странно дрогнули, а потом растянулись в улыбке, преобразившей его лицо.

- Все хорошо.

- Лови мя! - велел мальчишка и, прежде чем мать успела обернуться к нему, бросился в подставленные руки фигуры. - Полетай мя! - велел непоседа. - Полетай мя, как длакон!

И без единого слова корабль повиновался ему. Держа ребенка в сложенных чашей огромных ладонях, Совершенный раскачивал его взад-вперед. Мальчик бесстрашно навалился грудью на сплетенные пальцы фигуры и раскинул ручки в стороны, словно крылья. Корабль осторожно покачивал ладонями, ребенок наклонялся то вправо, то влево, изображая полет и весело повизгивая. Напряжение, витавшее в воздухе, неожиданно ушло. Элис гадала, помнит ли еще Совершенный об их присутствии.

- Оставим их, ладно? - тихо предложила Альтия.

- А это не опасно для ребенка? - с ужасом спросил Седрик.

- Безопаснее места для него не найти, - уверенно ответила Альтия. - И для корабля тоже ничего лучше не придумаешь. Прошу. - Она указала на лестницу, ведущую на нижнюю палубу, и обратилась к Элис: - Не пойми меня неправильно, но я предпочла бы, чтобы ты больше не говорила с Совершенным.

- Он сам пригласил меня на переднюю палубу! - возразила Элис, чувствуя, как вспыхнули ее щеки.

- Нисколько не сомневаюсь, - спокойно ответила Альтия. - И тем не менее я была бы рада, если бы впредь ты отклоняла такие приглашения. - Она умолкла, словно закончив разговор. Но потом, когда Элис повернулась и подобрала юбки, чтобы спуститься по трапу, капитанша добавила, понизив голос: - Он хороший корабль. У него великая душа. Но никто не знает заранее, что может расстроить его. Даже он сам.

- Ты веришь, что он действительно забыл свое драконье прошлое? - осмелилась спросить Элис.

Альтия на миг плотно сжала губы. Потом произнесла:

- Я предпочитаю верить своему кораблю. Если он говорит, что забыл, я не стану просить его вспомнить это. Некоторые воспоминания лучше не тревожить. Иногда если что-то забываешь, то лишь потому, что это лучше забыть.

Элис кивнула. Она уже собиралась поставить ногу на первую ступеньку, когда снизу донесся мужской голос.

- Совершенный в порядке? - спросил капитан Трелл, глядя вверх.

Элис покраснела. Она уже почти сошла с бака на трап, и ее юбки едва не оказались у него прямо над головой.

- С ним уже все хорошо, - заверила Альтия. Затем, увидев, что Элис в затруднении, спокойно предложила: - Брэшен, не поможешь ли госпоже Финбок спуститься?

- Конечно, - ответил тот.

Благодаря капитану Элис сумела сойти вниз куда более пристойным образом. Через минуту Седрик присоединился к ней на палубе. Он протянул руку, и Элис с радостью приняла ее. События последнего часа взволновали ее, и впервые она всерьез усомнилась в том, что отправилась в путешествие не зря. Дело было даже не в молодых драконах, которые, по словам корабля, недостойны называться драконами, и не в том, что у них может не оказаться наследственной памяти. Главное, Элис вдруг поняла, что недооценивала все сложности общения с этими существами. Разговор с Совершенным изменил ее представление о драконах. Прежде она думала, что ей предстоит встреча с юными созданиями. Но на самом деле они не дети. Точно так же как Тинталья не была детенышем, когда вылупилась. Конечно, эти могут оказаться мельче и с изъянами, но обычно драконы выходят из оболочки взрослыми.

Капитан так и не отошел от нее. Теперь, когда Альтия тоже спустилась с бака, они стояли рядом, практически преграждая Элис путь. Капитан вежливо, но твердо произнес:

- Возможно, будет лучше, если впредь, когда ты пожелаешь поговорить с кораблем, тебя будет сопровождать кто-нибудь из нас - я или моя жена. Иногда люди, незнакомые с живыми кораблями или с Совершенным, пугаются его. А иногда он может... немного всполошиться.

- Госпожа вовсе не намеревалась потревожить ваш корабль, - заметил Седрик. Он уверенно положил ладонь на руку Элис, и та чуть приободрилась от этого покровительственного жеста. - Корабль сам пригласил Элис составить ему компанию. И сам завел разговор о драконах.

- Да?

Капитан обменялся взглядами с женой. Та слегка кивнула, и Трелл сделал шаг назад. Элис расценила это как разрешение уйти.

- Что ж, не удивлен, - сказал капитан уже не столь официальным тоном. - Почти каждый раз, когда мы навешаем Трехог, до нас доходят неприятные новости о птенцах. Мне кажется, Совершенному горько их слышать. И мы стараемся убедить корабль отбросить тяжелые мысли.

- Понимаю, - слабым голосом ответила Элис.

Она хотела бы, чтобы разговор на этом и завершился.

«Не очень-то хорошо у меня получается спорить с малознакомыми людьми», - неожиданно подумалось ей.

В разговорах с мужем она кое-как умудрялась настоять на своем, и это придавало ей отваги. Но теперь, оказавшись в настоящем мире и почти полностью предоставленная сама себе, она чувствовала, что не справляется. А ведь это только первое столкновение с чужой волей, впереди, безусловно,

будут и другие... Она была признательна Седрику за поддержку, но стыдилась и этой признательности.

– Раз так, лучше бы вам предупреждать пассажиров заранее, – не сдавался Седрик. – Корабль не единственный, кого могла смутить эта беседа. Никто из нас не искал его общества. Напротив, это он пригласил нас.

– Я это уже слышал, – напомнил капитан Трелл, и его тон предупреждал о том, что капитанское терпение не безгранично. – Вы, вероятно, забыли: этот корабль обычно не берет пассажиров, только груз. Как правило, на борту бывают лишь наши родные или друзья. Они хорошо знают о причудах Совершенного. Но, как я помню, госпожа Финбок была весьма настойчива, желая приобрести место на этом корабле.

Элис крепче сжала руку Седрика. Все, чего она хотела, – это вернуться в свою крошечную каюту. Ее представление о себе как об отважной исследовательнице, которая ищет новых знаний о драконах и хочет получить эти знания непосредственно от них самих, стремительно бледнело. Теперь она чувствовала: если бы рядом не было Седрика, она позорно сбежала бы. Или, того хуже, расплакалась. Стоило только подумать об этом, как в глазах защипало. Нет. О, пожалуйста, нет, только не сейчас!

Возможно, перспектива разрыдаться на глазах у посторонних придала ей отваги. Элис сделала глубокий вдох, расправила плечи и, собрав все силы, притворилась той смелой исследовательницей, которой мечтала быть.

– Птенцы... – тихо промолвила она, а затем улыбнулась и заговорила более уверенно и громко: – Мне жаль, что я расстроила твой корабль, господин. Но не мог бы ты рассказать мне новости об этих птенцах, как ты их назвал? Совершенный сказал, их не следует считать драконами. Мне это показалось странным. Ты можешь пояснить, что он имел в виду? Тебе самому доводилось их видеть? Что ты о них думаешь?

Она громоздила вопросы один на другой, словно выстраивая перед собой защитную стену.

– Я их не видел, – признался капитан.

– А я видела, – чуть слышно отозвалась его жена, потом повернулась и медленно пошла прочь.

Элис с любопытством посмотрела ей вслед. Альтия обернулась и молча поманила их за собою. Она привела их к капитанской каюте, пригласила войти и закрыла дверь.

– Вы не откажетесь присесть? – спросила она.

Элис кивнула. Это неожиданное гостеприимство смутило ее, но оказалось как нельзя кстати. В четырех стенах ей было гораздо привычнее, чем на открытой палубе. Она сразу же почувствовала себя лучше.

Кают понравилась Элис. Места не много, но использовано оно было с толком. Отделка довольно проста, однако каждый предмет – превосходного качества. Сверкающая бронза и полированное дерево ласкали взор.

Главенствовал в каюте штурманский стол. Инкрустированная в столешницу роза ветров была выложена из дерева различных оттенков. Тяжелые камчатные занавеси отгораживали кровать, стоящую в углу; стены были забраны деревянными панелями. Тут и там виднелись вещицы, явно изготовленные Старшими. У иллюминатора висела игрушка-украшение – подвижная стайка рыб. Когда на нее падал свет, рыбы «плыли» по воздуху, меняя цвет. Посреди стола стоял широкий зеленый чайник с блестящим медным носиком.

Элис показалось, что она вошла в гостиную богатого семейства в Удачном, а не в корабельную каюту. Она заняла предложенное место, остальные тоже расселись у стола.

Альтия убрала с лица несколько прядей, выбившихся из прически, и оглянулась на мужа. Капитан Трелл не сел к столу, а прислонился к стене у иллюминатора, глядя, как колыхается рыба стайка.

– Совершенный помогал сопровождать змей вверх по реке Дождевых чашоб. Он проводил их так далеко, как мог, и возлагал на них большие надежды. И был горько разочарован, когда они оказались жалкой пародией на настоящих драконов. Ни один из них не мог сравниться по величине с Тинталей. С тех пор они, конечно, подросли, но остались хилыми.

Альтия взяла со стола чайник и покачала его, проверяя, есть ли в нем вода.

– Не хотите ли чашечку чая? – спросила она, как будто они и впрямь посиживали в одной из гостиных Удачного.

Капитанша провела пальцами по странному символу на боку чайника – чему-то наподобие цыпленка в короне, – и почти сразу же чайник чуть слышно забулькал, из носика стал подниматься пар.

– О, какая бесценная вещица! – воскликнул Седрик. – Я слышал, что было найдено несколько таких чайников Старших, но ни один из них не попал на рынки Удачного. Должно быть, он стоит целое состояние.

– Это свадебный подарок от семьи, – пояснил капитан Трелл. – И правда ценная штука. Не нужно огня, чтобы согреть воду. А на корабле огонь – это, как вы понимаете, всегда опасность.

Отойдя к буфету, он принес на подносе заварник и чашки и поставил поднос на стол. Альтия взяла на себя обязанности хозяйки. Было странно видеть, как она изменилась – только что на палубе держалась с мужской небрежностью, а сейчас, изящно двигаясь, наливала кипяток в заварник и расставляла на столе чашки. У Элис вдруг возникло ощущение, что ей довелось заглянуть в ту жизнь, о существовании которой она прежде не подозревала.

«Почему, – спросила она себя, – я никогда не думала о том, чтобы самой устроить свою судьбу? Почему мой выбор оказался так ограничен: или замужество, или участь старой девы?»

Она осознала, что во все глаза смотрит на Альтию, только когда та ответила ей вопросительным взглядом.

Элис поспешно вернулась к беседе:

- Так Совершенный не видел новых драконов?

Альтия удивленно посмотрела на нее:

- Конечно нет. Там, выше по реке, слишком мелко, ему туда не подняться. Даже для того, чтобы змеи могли проплыть там, пришлось усердно потрудиться. Русло немного углубили, но зимние бури и наводнения уничтожили все плоды той работы. Берега реки, сама можешь видеть, очень топкие и труднопроходимые. Лес густой, и драконам через него нипочем не продрасться, слишком уж они велики. Поэтому они так и сидят там, где вылупились.

- Но ты ходила посмотреть на них?

- Да, Совершенный меня попросил. И заодно я хотела повидать свою племянницу Малту.

- Малту Хупрус? Королеву Старших?

Улыбка Альтии сделалась шире.

- Так ее называют, хотя она вовсе не королева. Это была прихоть джамелийского сатрапа - дать Рэйну и ей титулы короля и королевы Старших. На самом деле они оба из семейств торговцев, как ты и я, и совершенно не королевского происхождения.

- Но они же Старшие!

Альтия хотела было покачать головой, но вместо этого пожала плечами:

- Так их назвала драконица Тинталья. И оба за эти годы внешне изменились. Они постепенно все больше и больше напоминают Старших - точнее, их изображения, которые порой находят на раскопках в древних городах Дождевых чашоб. Но Малта родилась человеком, точно так же как и я. И Рэйн тоже. Конечно, чашобы отметили его, как и многих здешних торговцев, и все же до тех памятных событий он выглядел вполне по-человечески. Разумеется, теперь все иначе. На глазах у нашей семьи они оба, да и Сельден Вестрит, мой племянник, стали совсем другими с тех пор, как встретили Тинталью. Думаю, благодаря ей-то они и начали меняться, это их внутренняя связь с нею сказала. Все трое прибавили в росте. Малта теперь самая высокая в нашей семье. И самая красивая. Но в ее внешности нет ничего общего с обычной человеческой красотой. Без плаща и вуали она напоминает мне ожившую статую, украшенную драгоценными камнями. Тинталья сказала им, что они проживут куда дольше, чем обычные люди. Но при всем том Малта остается Малтой. - Альтия говорила таким тоном, словно почти сожалела о происходящем. - И я думаю, что они с Рэйном охотно променяли бы весь блеск Старших на одного-единственного здорового ребенка, - тихо добавила она.

– Так что же драконы? – прервал ее Седрик. – Они действительно так ущербны телом и разумом? Быть может, мы совершенно напрасно едем в такую даль?

Элис разозлилась на него – и за то, что он оборвал рассказ Альтии о единственных ныне живущих Старших, и за прозвучавшую в его голосе надежду на невозможность ее поездки. Альтия положила руки на край стола и, прежде чем ответить, внимательно осмотрела загрубевшие, обветренные костяшки пальцев.

– Они не похожи на Тинталью. – Голос ее был тих. – Ни один из них не может летать. Когда мы сопровождали их вверх по течению, в начале пути было сто двадцать девять змей. Благополучно окуклились и проклюнулись меньше половины. И сколько осталось сейчас? Уже и семнадцати не наберется, судя по тому, что я слышала в последний раз.

Она подняла глаза и встретилась с полным отчаяния взглядом Элис. На миг во взоре капитанши промелькнуло сочувствие.

– Хотела бы я, чтобы все обернулось иначе, пусть только ради Совершенного. Для него было необычайно важно, чтобы змеи добрались до места окукливания. Несмотря на то, что он сказал вам, я чувствую, что в этом корабле по-прежнему живо сердце дракона. Он хочет, чтобы его род снова царил в небесах. Это придало бы смысла его существованию. Но те существа, которых я увидела в Кассарике, оказались жалкими, уродливыми тварями. Говорят, что Тинталью больше не заботится о них. Драконы не питают жалости к слабым сородичам и бросают их на произвол судьбы. Жители Дождевых чашоб, которые живут поблизости, быстро утратили всякое сочувствие к птенцам. Эти твари неуправляемы и опасны, смыслены, но неразумны. Впрочем, быть может, отсутствие разума – своего рода спасение, если уж приходится вести такую жалкую жизнь. Они не испытывают ни уважения, ни признательности к людям. Правда, и не нападают на них. Хотя ходили слухи, что они за кем-то гонялись и сожрали как минимум один труп прямо на погребальной церемонии. Я не знаю, что с ними будет дальше, – вероятно, постепенно ослабнут и умрут. – Она помолчала и вздохнула. – Я думаю, что Совершенный решил не считать их драконами, чтобы не причинять себе лишнюю боль. Он не в состоянии помочь им. И, отделяя себя от этих уродцев, он не так сильно мучается от стыда и жалости. Я уверена, что никто из нас ничего не может для них сделать.

Элис сидела окаменев, не в силах вымолвить ни слова. Потом тихо заметила:

– В Удачном почти ничего об этом не рассказывают.

Альтия улыбнулась при мысли, что ее собратья-торговцы умеют хранить тайны. Потом стала разливать по чашкам ароматный чай. Капитан Трелл подошел к столу, взял свою чашку, вернулся на прежнее место и снова стал смотреть на воду.

– Наша родня в Дождевых чашобах всегда вела дела тихо. А те, кто живет в Удачном, на протяжении поколений учились не сплетничать. Мне странно, что внешний мир вообще знает о существовании жителей чашоб и что находятся желающие посетить их города. Мы так долго хранили их тайны, чтобы защитить их...

Элис взглянула на Альтию и неожиданно почувствовала признательность к этой женщине за ее прямоту.

– Как думаешь, удастся мне хоть поговорить с этими драконами? Узнать что-нибудь от них?

Альтия поерзала в кресле. Уголкем глаза Элис заметила, что капитан Трелл с сожалением покачал головой.

– Вряд ли, – ответила Альтия. – Их помыслы, насколько я видела, не идут дальше основных жизненных нужд. Единственные речи, которые мне удалось от них услышать, – это требования еды. Ну и еще жалобы. Драконы, похоже, вообще не считают людей достойными того, чтобы говорить с ними серьезно... если, конечно, все они мыслят так, как Тинталья. И птенцы в Кассарике презирают нас так же глубоко, как если бы были огромными, могучими драконами. Да прибавь к этому их постоянное недовольство... – Она снова пожала плечами. – Едва ли они соизволят поделиться с тобой наследственной памятью. Если она у них вообще есть.

Элис молча кивнула. Она чувствовала себя опустошенной и больной. Отпив чая, она попыталась придумать, как продолжить разговор, но мысли не шли в голову.

– Я чувствую себя так глупо... – тихо сказала она. Потом посмотрела на Седрика и начала извиняться: – Я заставила тебя проделать такой длинный путь – и, похоже, совершенно впустую. Надо было слушаться Геста. – Положив руки на стол, она переплела пальцы и, стлотнув комок, снова вставший в горле, обратилась к Альтии: – Я оплатила проезд на вашем корабле только до Трехога. Оттуда я собиралась плыть на одном из грузовых баркасов – таких, маленьких. Я не покупала билеты на обратный путь, потому что надеялась задержаться на несколько недель, если не месяцев... – Элис принялась массировать виски. В голове, точно ураганный ветер, билась боль. Стараясь скрыть слезы в голосе, она спросила: – Нельзя ли сразу же устроить наше возвращение в Удачный?

– Мы можем доставить вас домой, – сказал капитан с долей сочувствия.

– Но сама понимаешь, нам потребуется время, чтобы выгрузить товары на берег, а потом взять на борт припасы и новый груз, – предупредила Альтия. – И я собиралась навестить Малту. Так что придется тебе провести несколько дней в Трехоге, пока мы не завершим дела.

– Понимаю, – чуть слышно отозвалась Элис. – Я уверена, мы найдем, на что посмотреть в Трехоге, пока вы собираетесь в обратный путь.

– Так ты отказываешься даже от планов побывать в Кассарике? Поверить не могу! Элис, ты должна поехать! Мы так долго плывем, было бы глупо даже не взглянуть на этот город!

Явное разочарование Седрика заставило Элис вздрогнуть. Еще несколько минут назад он не скрывал надежды, что их поездка закончится безрезультатно.

– А какой в этом смысл? – глухо спросила она.

– Ну... – Казалось, он спешно подыскивает причину. – Ну хотя бы для того, чтобы сказать, что ты увидела то, что хотела. Сделала то, ради чего поехала. Ты ведь говорила, что хочешь посмотреть на молодых драконов? Так посмотри на них. – Он перегнулся через стол, взял Элис за руки и, искренне глядя ей в глаза, заговорил увереннее: – Разве не об этом ты годами твердила Гесту? Просто посмотреть своими глазами. – Седрик лукаво улыбнулся. – Или ты хочешь вернуться в Удачный и признаться, что проделала такой долгий путь и даже не взглянула на драконов?

Элис уставилась на него во все глаза. Воображение живо нарисовало ей самодовольную улыбку Геста, когда тот услышит от нее подобное признание. К горлу подкатила тошнота. Нет... Нет! Мало ей собственного разочарования, так еще и Гест будет чувствовать себя победителем! Она сморгнула слезы и ощутила признательность к Седрику: он подумал о ней и сумел уберечь от позора.

– Ты прав, – дрожащим голосом произнесла Элис. Ей вспомнилось, как она годами тщательно собирала записи, свиток за свитком, одну драгоценную страницу за другой. Решимость вернулась к ней. – Ты прав, Седрик. Я должна поехать. По крайней мере, я смогу взглянуть на них сама. – Она сделала глубокий вдох. – Я совершила тяжкую ошибку, ту самую, которая погубила многих ученых. Позволила ожиданиям и надеждам повлиять на мое мнение. Если я увижу уродливых и почти неразумных существ, то именно это наблюдение и внесу в свои записи. Пусть мои изыскания не приведут к тому, на что я надеялась, – это еще не причина от них отказываться. Спасибо, Седрик. – Она выпрямила спину, расправила плечи и встретила оценивающий взгляд Альтии. – Я отправлюсь в Кассарик.

Альтия медленно кивнула. Невеселая понимающая улыбка появилась на ее лице.

– Но надолго мы не задержимся, – поспешно добавил Седрик. – Полагаю, что мы все же отправимся вниз по реке вместе с вами. На самом деле я хотел бы уже сейчас обеспечить нам проезд до дому.

Альтия и Брэшен удивленно смотрели на Седрика. Элис их понимала. Если бы она не знала этого человека, то тоже дивилась бы тому, как быстро меняется ход его мыслей. Он мгновенно перешел от убеждений Элис в необходимости посетить Кассарик к заверениям Альтии в том, что они не задержатся там надолго. Но Элис знала причину. Она сидела молча, пока Седрик обсуждал с капитаном возможную дату отплытия в Удачный. Без единого слова она подписала расписку об оплате обратных билетов. И все это время смотрела на Седрика сквозь теплую дымку воспоминаний об их старой дружбе. Он не хотел ехать в Дождевые чащобы. И, Элис была уверена, точно так же с радостью отказался бы от нелегкого путешествия на плоскодонном баркасе до Кассарика. Но он чувствовал себя обязанным поехать ради нее. Он помогал ей сохранить лицо перед Гестом, каких бы трудностей и неудобств это ему ни стоило.

Когда дела были завершены и Элис поднялась из-за стола, Седрик, как обычно, предложил ей руку. Принимая ее, Элис подняла на него глаза и улыбнулась. Он улыбнулся в ответ и обнадеживающе похлопал ее по запястью.

- Спасибо, друг мой, - тихо сказала Элис.

- Не за что, - ответил он.

Двадцать третий день месяца Вскодов,
шестой год Вольного союза торговцев

От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, -
Эреку, смотрителю голубятни в Удачном

В запечатанном футляре для свитков Советы торговцев Кассарика и Трехога направляют Совету торговцев Удачного подсчет ожидаемых расходов на перевод драконов в местность, более способствующую их благополучию, с уточнением доли расходов, возложенной на Совет торговцев Удачного.

Эрек, не надо слушать глупые сплетни. Драконов намереваются перевести в другое место, а не убить или продать! Как же сильно перевираются новости по дороге! Я получила горох и уже заметила, что оперение моих птиц изменилось. Дорого ли он стоит? Можешь ли ты приобрести для меня сто мер этого корма, если они не встанут в слишком большие деньги?

Детози

Глава 9

Путешествие

Лефтрин выпрямился у фальшборта и уставился на пристань, точнее, на процессию, направлявшуюся к «Смолянному». Это те, кого послал сюда Трелл? Лефтрин почесал щетинистую щеку и покачал головой. Два грузчика толкали тачки с тяжелыми сундуками. Еще двое шли следом, неся что-то размером с платяной шкаф. А за ними шагал мужчина, одетый скорее для чаепития в Удачном, нежели для плавания по реке Дождевых чашоб. На нем был длинный темно-синий сюртук, сизо-серые брюки и низкие черные сапоги, а головной убор вовсе отсутствовал. Сложен он был хорошо - как человек, который не дает телу одрябнуть, но при этом не развивает какую-нибудь определенную группу мышц тем или иным трудом. В руках у него не было ничего, кроме трости.

«Ни дня в своей жизни не работал», - про себя определил Лефтрин.

Женщина, которую этот человек вел под руку, похоже, хотя бы приложила некоторые усилия, чтобы соответствовать обстоятельствам. Широкополая шляпа затеняла ее лицо. Лефтрин решил, что свисающая с этой шляпы редкая сеточка нужна, чтобы защищать даму от насекомых. Платье ее было темно-зеленого цвета. Плотнo прилегающий корсаж и узкие длинные рукава позволяли убедиться, что фигура у дамочки довольно аппетитная. А вот ткани, которая пошла на юбки, могло бы хватить на одежду для полудюжины женщин такого же роста и сложения. На руках дамы были изящные белые перчатки. Когда путешественница подходила к баркасу, Лефтрин заметил, что обута она в аккуратные черные сапожки.

Гонец прибыл как раз перед тем, как Лефтрин собрался скомандовать отплытие вверх по реке к Кассарику.

– Трелл с «Совершенного» говорит, что у него есть пара пассажиров, которые хотят побыстрее попасть в Кассарик. Они хорошо заплатят, если вы дождетесь их и возьмете на борт.

– Передай Треллу, что я буду ждать их полчаса. После отчаливаю, – сообщил Лефтрин мальчишке.

Тот закивал и помчался обратно.

Впрочем, ждать пришлось значительно дольше получаса. И вот теперь, увидев пассажиров, Лефтрин усомнился в том, что стоило соглашаться. Он-то думал, что это кто-нибудь из жителей чащоб спешит попасть домой, но никак не ожидал господ из Удачного с горой багажа. Капитан сплюнул через борт. Что ж, остается надеяться, что плата и правда будет хорошей.

– Наш груз прибыл. Работайте, – велел он Хеннеси.

– Скелли, займись, – передал старпом палубному матросу.

– Так точно! – отозвалась девушка и легко перемахнула через борт прямо на причал.

Большой Эйдер пошел ей помогать. Лефтрин остался на месте, наблюдая за приближающимися пассажирами. Вот они достигли конца причала, и мужчина отшатнулся при виде ожидающего их длинного низкого баркаса. Лефтрин тихонько хмыкнул, глядя, как этот тип осматривается, очевидно надеясь, что здесь есть какое-то другое судно, на котором они и поплывут вверх по реке. Кружева! Воротник рубашки у этого франтика был обшит кружевами, и такие же кружева выглядывали из-под манжет сюртука. Тут мужчина посмотрел прямо на Лефтрину, и тот постарался вернуть лицу невозмутимость.

– Это «Смоляной»? – почти с испугом спросил франт.

– Именно так. Я – капитан Лефтрин. А вы, наверное, те пассажиры, которым срочно нужно в Кассарик. Добро пожаловать на борт.

Мужчина еще раз с отчаянием оглянулся:

– Но... я думал...

Он в ужасе смотрел, как один из их тяжелых сундуков балансирует на фальшборте, прежде чем благополучно соскользнуть на палубу «Смоляного». Потом повернулся к своей спутнице:

– Элис, это неразумно. Подобный корабль – неподходящее место для дамы. Нам лучше будет подождать. Ничего страшного, если мы проведем день-другой в Трехоге. Меня всегда интересовал этот город, а мы едва успели бросить на него взгляд.

– У нас нет выбора, Седрик. «Совершенный» пробудет в Трехоге в лучшем случае десять дней. Путь отсюда в Кассарик займет два дня, и мы должны выделить еще два дня на то, чтобы вернуться сюда и успеть сесть на «Совершенный». Значит, на пребывание в Кассарике у нас остается не более шести дней.

Голос у женщины был спокойный и низкий, с нотками горечи. Вуаль на шляпе скрывала почти все ее лицо, но Лефтрин заметил упрямо выставленный маленький подбородок и крупный рот.

– Но... но, Элис, шести дней будет вполне достаточно, если то, что капитан Трелл сказал тебе о драконах, окажется правдой. Так что мы можем подождать здесь день или, если нужно, даже два и найти более подходящий корабль.

Скелли не обращала внимания на спор пассажиров. У нее был приказ старпома, и его следовало выполнять. Она махнула рукой Хеннесси, и тот перебросил через борт маленькую грузовую лебедку, а затем вытравил трос. Девушка ловко поймала раскачивающийся крюк и начала крепить его к самому большому сундуку. Эйдер и Беллин стояли у лебедки, собираясь принять груз на борт.

«Команда у меня вышколенная, – подумал Лефтрин. – Они ведь успеют погрузить багаж, пока этот тип будет размышлять, ехать ему или нет. Надо разобраться прямо сейчас, а то потом придется все выгружать обратно».

– Можете остаться и подождать, – сказал он франту. – Но я не думаю, что в ближайшие несколько дней кто-то еще пойдет вверх по реке. Сейчас между Трехогом и Кассариком не так уж часто ходят корабли. А те, что ходят, еще меньше моего. Выбирайте сами. Но поскорее. Я и так ждал дольше, чем следует. У меня есть свои предписания, которые я должен соблюдать.

Он не лгал. Срочное послание от Совета торговцев Кассарика, судя по всему, сулило некоторую выгоду, если он возьмется за то сомнительное дельце, которое они предлагают. Лефтрин ухмыльнулся. Он уже знал, что возьмется. Бо`льшую часть припасов, необходимых для этого путешествия, он взял на борт здесь, в Трехоге. Но заставить Совет торговцев до последней минуты сомневаться – единственный способ набить себе цену. И к тому времени, когда «Смоляной» дойдет до Кассарика, Совет уже будет готов пообещать Лефтрину луну с неба. Так что случившаяся задержка даже кстати.

– Так вы грузитесь или нет? – крикнул капитан, облокотившись о фальшборт.

Он ждал, что ему ответит мужчина, и был удивлен, когда заговорила женщина. Обращаясь к капитану, она запрокинула голову, и свет, проникнув сквозь вуаль, обрисовал черты ее лица.словно цветок повернул чашечку к солнцу, подумалось Лефтрину. У нее были большие, широко расставленные серые глаза, а лицо по форме напоминало сердечко. Волосы она зачесала назад, но Лефтрин заметил, что они темно-рыжие и вьются. Нос и щеки женщины были щедро усыпаны веснушками. Кто-нибудь другой мог счесть, что рот у нее слишком крупный для такого лица, – но не Лефтрин. Единственный быстрый взгляд, который она бросила на него, проник ему в самое сердце. А потом она отвела взор, потому что смотреть постороннему мужчине в глаза неприлично.

– ...Действительно нет выбора, – донеслись ее слова, и Лефтрин стал гадать, что он пропустил мимо ушей. – Мы будем рады отправиться вместе с вами. Я уверена, что ваш корабль нам вполне подойдет.

Печальная улыбка появилась на губах женщины, и, когда она снова обернулась к своему спутнику, Лефтрин ощутил боль от неведомой потери.

Незнакомка склонила голову и мягко извинилась:

– Седрик, прости. Мне жаль, что тебе пришлось участвовать в этом. Мне неудобно, что я таскаю тебя с одного корабля на другой, не дав даже выпить чашку чая или походить несколько часов по твердой земле. Но ты ведь все понимаешь. Мы должны ехать.

– Что ж, если вы желаете по чашечке чая, я могу приказать принести его вам с камбуза. А если вам нужна твердая земля, то ее в Трехоге, да и во всех Дождевых чащобах, считайте, и нету. Так что вы ничего не теряете. Добро пожаловать к нам на борт.

Этой речью он снова обратил на себя внимание женщины.

– О, капитан Лефтрин, как это мило с твоей стороны! – воскликнула она с искренним облегчением, согревшим капитану душу.

Пассажирка подняла вуаль, чтобы взглянуть на него, и Лефтрин почувствовал, как у него перехватывает дыхание. Он ловко перепрыгнул через борт на причал. Поклонившись незнакомке, капитан с удивлением увидел, что она сделала два шажка назад. Юная Скелли издала едва слышный смешок, но Лефтрин бросил на нее взгляд, и она мигом занялась своим делом. Сам же он снова повернулся к незнакомке:

– Пусть Смоляной и не выглядит таким изящным, как другие корабли, которые тебе доводилось видеть, госпожа, но он доставит вас в целостности и сохранности в верховья реки, где почти не ходят такие большие суда, как он. Видишь ли, у него малая осадка. И команда, которая знает, как находить нужный фарватер, когда течение реки меняется. И не нужно дожидаться этих игрушечных лодочек, чтобы добраться до Кассарика. Может быть, на вид они и получше моего Смоляного, зато раскачиваются, как птичья клетка на ветру, а команда с трудом толкает такую посудину против течения. Вам куда удобнее будет у нас. Помочь тебе взойти на борт, госпожа?

Он улыбнулся женщине и осмелился протянуть ей руку. Незнакомка неуверенно взглянула на эту руку, потом на своего спутника. Тот неодобрительно поджал губы.

«Он ей не муж, – отметил про себя Лефтрин, – иначе бы возразил. Тем лучше».

– Прошу, – поторопил ее капитан.

Гладкая белая перчатка соприкоснулась с грубой, покрытой пятнами тканью его рукава, и Лефтрин понял, как велика разница между ним и этой дамой. Женщина опустила глаза, и капитан залюбовался ее длинными ресницами на фоне веснушчатых щек.

– Сюда, – сказал он и повел ее к грубо сколоченным сходням.

Те заскрипели и покачнулись у них под ногами, и женщина чуть слышно ахнула и крепче схватилась за его руку. Заканчивались сходни довольно высоко над палубой баркаса. Лефтрину захотелось взять знакомку за талию и опустить на палубу. Но он просто предложил ей опереться на его руку. Она с силой вцепилась ему в предплечье и смело прыгнула вниз. Из-под темно-зеленой ткани мелькнула белая нижняя юбка – и вот уже женщина крепко стоит на палубе рядом с Лефтрином.

– Приветствую вас на борту, – радушно сказал он.

Миг спустя прыгнул на палубу и франт, его башмаки стукнули о доски. Он посмотрел на сундуки, которые Скелли поставила рядом с остальным палубным грузом.

– Эй, это нужно отнести в наши каюты! – крикнул он.

– Боюсь, на «Смоляном» не найти отдельных кают. Конечно, я с радостью предоставлю свое помещение даме. А мы с вами разместимся вместе с командой в кубрике, в палубной надстройке. Там не слишком просторно, но это ведь всего на пару дней. Уверен, мы поместимся.

Тот, кого пассажирка назвала Седриком, похоже, совсем запаниковал.

– Элис, прошу тебя, передумай! – взмолился он.

– Отчаливаем и вперед помалу! – скомандовал Лефтрин, обращаясь к Хеннеси.

Старпом рывкнул на матросов, на палубе воцарилась обычная деловая суета. Воспользовавшись этим, Григсби, корабельный кот, решил познакомиться с новыми людьми. Он прошествовал к женщине, храбро обнюхал край ее одежды, потом вдруг встал на задние лапы, а передними оперся о ее ноги, чуть закогтив юбку.

– Мряу? – спросил кот.

– Пшел прочь! – прикрикнул на него Седрик.

Но к неожиданной радости Лефтрина, женщина присела на корточки, чтобы тоже поздороваться с котом. Юбки легли на палубу вокруг нее, словно опавшие цветочные лепестки. Она протянула руку Григсби, тот обнюхал ее и потерся рыже-полосатой головой.

- Ой, он такой милый! - воскликнула пассажирка.

- Ага, и его блохи тоже, - со скрытым отвращением пробормотал франт.

Но женщина только тихонько рассмеялась, и ее смех напомнил Лефтрину журчание речной воды у носа корабля.

Наступила ночь. Тоскливый ужин, где невкусную пищу пришлось есть с жестяных тарелок за исцарапанным деревянным столом, миновал - и это было хорошо. Седрик сидел на краешке узкой койки в кубрике и размышлял о своей судьбе. Он был несчастен. Несчастен, но непоколебим.

Палубная надстройка оказалась низким сооружением. В ней было три комнаты - хотя едва ли эти чуланы заслуживали такого названия. Одна - капитанская каюта, где сейчас поселилась Элис. Вторая отводилась под камбуз, там стояли печь и длинный выщербленный стол с лавками по обе стороны. А третья была кубриком. Занавеска в дальнем его конце отделяла более широкую, чем у других членов команды, койку, на которой в относительном уединении спали Сварг и его жена Беллин. Жалкая привилегия, подумал Седрик.

Он избегал кубрика как можно дольше, оставаясь на палубе с Элис и наблюдая, как мимо скользят берега, поросшие лесом, который становился все гуще. Баркас двигался ровно и на удивление быстро шел вверх по реке, против течения. Складывалось впечатление, что команда, толкающая его, не прилагает почти никаких усилий. Большой Эйдер и Скелли, Беллин и Хеннесси орудовали длинными шестами, а Сварг сидел на руле. Корабль шел без остановок, избегая мелей и топляков словно заколдованный. Матросы работали так слаженно и умело, что Элис залюбовалась ими. Седрик тоже оценил их мастерство, но смотреть и восхищаться ему надоело куда раньше, чем ей. Он оставил Элис вести оживленный разговор с неотесанным капитаном баркаса, а сам пошел на корму, тщетно ища тихое местечко для отдыха. В конце концов он притулился на одном из своих сундуков в тени, которую давал стоящий рядом кофр.

Судя по всему, приятного собеседника здесь не найти. Верзила Эйдер, палубный матрос, размерами сам напоминал кофр. Беллин была почти такой же мускулистой, как ее муж Сварг. У старпома Хеннесси не хватало времени на болтовню с пассажирами, за что Седрик был ему признателен. Скелли потрясла его как своим юным возрастом, так и тем, что была женщиной: что ж это за корабль, где девушке приходится выполнять матросскую работу? Заглянув в вонючий кубрик, Седрик отказался от мысли вздремнуть днем, чтобы скоротать бесконечные часы путешествия. Это было бы все равно что спать в конуре.

Но вот наступила ночь, и в воздухе за клубились тучи насекомых. Они загнали Седрика в кубрик, а усталость заставила его сесть на койку.

Вокруг него, в непроглядной темноте, дрыхла команда. Сварг и его жена удалились в отделенный занавеской альков. Скелли и кот спали на одной койке, девушка свернулась клубочком вокруг рыжего чудовища. Оказалось, она была племянницей капитана, и ей, скорее всего, предстояло унаследовать корабль. Поэтому бедняжка была вынуждена учиться тонкостям ремесла, начиная с самой низкой должности. Старпом Хеннесси растянулся, заняв всю койку; одна рука свисала с края, так что кисть касалась палубы. Воздух казался густым из-за запаха пота и выдыхаемой влаги; время от времени кто-нибудь ворочался во сне, бормоча и постанывая.

Седрику предоставили на выбор четыре свободные койки, – очевидно, некогда на корабле Лефтрина было больше народа. Седрик выбрал нижнюю, и Скелли, проявив великодушие, убрала с нее все барахло и даже кинула два одеяла. Ложе оказалось узким и неудобным. Сидя на краешке постели, Седрик пытался не думать о блохах, вшах или более крупных паразитах. Аккуратно сложенное одеяло выглядело достаточно чистым, но ведь он видел его только при свете лампы. Сквозь сонное дыхание команды было слышно, как журчит за бортом вода. Река, серая и такая едкая, казалась сейчас опаснее, чем когда они плыли на большом, высоком корабле. Этот баркас сидел в воде намного ниже. Кислый запах реки и прибрежной чащи проникал в кубрик.

Настал вечер, сумрак заструился над водой, словно вторая река. Команда подвела баркас к отмели и привязала к растущим там деревьям. Канаты были толстыми и прочными, а узлы, похоже, надежными. Но река хотела поиграть баркасом и настойчиво тянула его к себе, отчего судно мягко раскачивалось и поскрипывало. Канаты, которыми оно было привязано, натягивались. То и дело баркас кренился, словно упираясь пятками и отказываясь поддаваться течению.

«А если узлы развяжутся?» – подумал Седрик.

Потом напомнил себе, что на корабле есть вахтенный: первую половину ночи дежурит Большой Эйдер, а позже он разбудит себе на смену Хеннесси. Да и сам капитан оставался на палубе и курил трубку, когда Седрик наконец-то решил сдаться и уйти спать в зловонный кубрик. Несколько мгновений он колебался – не остаться ли спать на палубе. Ночь была довольно теплой. Но вскоре над ним с жужжанием нависло облако жалящего гнуса, и пришлось спешно укрыться в помещении.

Седрик снял башмаки и поставил их у края койки. Потом аккуратно сложил сюртук, неохотно убрал его в изножье и, не раздеваясь более, улегся поверх одеяла, которым был застелен тощий матрас. Подушка тоже оказалась тонкой. От нее разило тем, кто спал на этой койке прежде. Седрик взял свой сюртук и подложил под голову.

«Всего два дня», – напомнил он себе.

Два дня вполне можно выдержать. Потом баркас прибудет в Кассарик, они сойдут на берег, и Элис наверняка найдет способ получить разрешение на изучение драконов. И он, Седрик, будет рядом с ней, под прикрытием ее верительных грамот, ожидая подходящей возможности. Они задержатся не более чем на шесть дней – этого времени вполне хватит, как он сам сказал Элис. А потом вернутся в Трехог, поднимутся на борт «Совершенного» и направятся обратно в Удачный, где его ждет новое будущее.

Седрик отчаянно скучал по дому. Чистые простыни, просторные, полные свежего воздуха комнаты, хорошо приготовленная еда, свежевывстиранная одежда. Неужели он просит от жизни так много? Достаточно, чтобы вещи вокруг были чистыми и приятными. Чтобы сосед по столу не жевал с открытым ртом и не позволял коту таскать кусочки мяса с тарелки.

– Я же просто хочу, чтобы все было пристойно, – грустно произнес Седрик в темноту.

И вздрогнул от воспоминания, которое пробудили эти слова.

..Тогда он расправил плечи, сглотнул и продолжал настаивать на своем:

– Я не хочу ехать!

– Там ты станешь мужчиной! – напирал отец. – И это прекрасная возможность для тебя, Седрик. Не просто шанс показать себя, но шанс показать себя в лучшем виде! Да еще человеку, который может обеспечить тебе блестящую карьеру! Мне пришлось потянуть за кое-какие ниточки, чтобы добиться этого. Да половина парней в Удачном готова из кожи вон вылезти ради такого шанса. Торговцу Марли на новом корабле не хватает матроса. Ты поедешь не один, с другими парнями твоего возраста, вы вместе будете обучаться ремеслу. Ты найдешь себе друзей на всю оставшуюся жизнь! Работай усердно, привлеки внимание капитана – и получишь повышение. Торговец Марли – человек богатый, а помимо кораблей и денег, у него есть дочери. Если ему случится благосклонно взглянуть на тебя, твое будущее обеспечено, это любому ясно.

– Трейсия Марли – очень милая девушка, – подсказала мать.

Под полными надежды взглядами родителей Седрик чувствовал себя как в ловушке. Сестры уже допили чай и умчались из-за стола – играть в саду, заниматься музыкой, навещать подруг. А Седрик сидел, пригвожденный к месту мечтами родителей. Мечтами, которых он не разделял.

– Но я не хочу работать на корабле, – осторожно сказал он. Отец сжал губы, глаза его потемнели, и Седрик поспешно добавил: – Я не против того, чтобы работать. Правда, совсем не против. Но почему нельзя трудиться в лавке или в конторе? Где-нибудь, где чисто и светло, куда приходят приятные люди. – Он перевел взгляд на мать. – Мне ненавистна мысль, что придется столько времени проводить в разлуке с семьей. Корабли уходят из Удачного на целые месяцы, а иногда и годы. Разве я это выдержу – так долго не видеть вас?

Мать сжала губы, глаза ее увлажнились. Такими словами можно было заставить ее отступить. Но на отца они не произвели впечатления.

– Пришло время стать хоть немного самостоятельнее, сын мой. Учеба – это хорошо, и я горд, что мой сын умеет читать, писать и делать точные расчеты. Если бы в последние годы наши дела шли получше, возможно, этого было бы достаточно. Но мы отнюдь не процветаем, так что тебе нужно найти какое-то занятие, дабы вернуть и приумножить свое наследство. Работая на корабле, ты сможешь заслужить неплохое жалованье, начнешь понемногу

откладывать деньги. Это великолепная возможность, Седрик, и любой юноша в городе с радостью уцепился бы за нее.

Он собрал остатки храбрости:

– Отец, это мне не подходит – такому, какой я есть. Прости. Я знаю: чтобы добиться для меня этой возможности, тебе пришлось побывать в роли просителя. Лучше бы ты сперва поговорил со мной. Я бывал на кораблях и видел, как живут матросы. Там грязь, вонь, сырость, однообразная еда, а половина команды – грубые, необразованные скоты. Для работы матросом требуется крепкая спина, сильные руки – вот и все. Босоногий матрос, тянущий ляжку на чужом судне, – это не то, чего я хочу! Я готов усердно трудиться ради будущего. Но не так. Я буду работать там, где чисто и уютно, среди благовоспитанных людей. Я просто хочу, чтобы все было пристойно! Разве это плохо?

Отец резко откинулся на спинку кресла.

– Я не понимаю тебя, – хрипло произнес он. – Я тебя совсем не понимаю. Ты знаешь, чего мне стоило получить для тебя это предложение? Ты знаешь, какой позор падет на меня, если ты его отвергнешь? Почему ты не ценишь то, что я делаю для тебя? Это верный шанс, Седрик! А ты собираешься отказаться от него! И только потому, что хочешь, чтобы все, видите ли, было пристойно!

– Не кричи, пожалуйста! – по привычке одернула его мать. – Прошу тебя, Полон, неужели нельзя обсудить все спокойно и без ругани?

– Ага, и пристойно, – прорычал отец. – Я сдаюсь. Я пытался сделать для мальчишки все, что мог, но он хочет только бродить возле дома, читать книжки и якшаться с такими же бездельниками. Что ж, у их отцов есть деньги, чтобы растить бесполезных лодырей, а у меня нет! Ты мой наследник, Седрик, но что ты унаследуешь, если не возьмешься за ум как можно скорее, я не знаю. Не опускай глаза! Смотри на меня, сын, когда я с тобой разговариваю!

– Полон, пожалуйста! – взмолилась мать. – Седрик еще просто не готов к этому. Он прав, ты ведь понимаешь. Тебе следовало поговорить с ним, прежде чем подыскивать эту работу. А ты даже мне не сказал!

– Потому что такие возможности не ждут! Они появляются на миг, и тот, кто ухватит их, ухватит будущее. Но Седрик не таков, да? Ну конечно! Потому что он не готов и потому что это для него непристойно. Что ж, хорошо. Можешь держать его дома, возле своей юбки. Это ты испортила мальчишку, потакая ему. Ты!..

Седрик поерзал на узкой койке, стараясь отбросить неприятные воспоминания. Но вслед за ними возник вопрос. По-прежнему ли отец считает его «испорченным»? Он был так раздосадован, когда Седрик поступил в секретари к Гесту Финбоку. И даже мать, куда терпимее относившаяся к причудам сына, на этот раз его не одобрила:

– Это не тот поступок, которого ожидаешь от сына торговца, пусть даже младшего. Конечно, и с такой должности можно пробиться наверх. К тому же,

сопровождая Геста в торговых поездках, ты сумеешь обзавестись нужными связями. И все же, видишь ли, ты мог бы начать свою карьеру с места чуть повыше. А не простым секретарем!

- Гест хорошо относится ко мне, мама. И хорошо мне платит.

- И я надеюсь, ты сможешь откладывать из этого жалованья сколько-нибудь на черный день. Потому что каким бы добрым ни был Гест Финбок и какой бы богатой ни была его семья, у него репутация человека, легко меняющего свои намерения. Не рассчитывай, что ты всю жизнь сможешь полагаться только на него, Седрик.

Он тихо застонал, вспомнив эти слова сейчас, во тьме кубрика. В то время они казались обычным брюзжанием. Теперь же воспринимались скорее как пророчество. Не остался ли он в дураках, всецело положившись на Геста? Седрик нащупал маленький медальон, который носил на шее. В темноте было не разглядеть выгравированное на нем слово, но оно было различимо даже на ощупь. «Навсегда». Неужели это «навсегда» для него закончилось?

Седрик перевернулся на другой бок, но все равно лежать было неудобно – слишком жесткая койка. Сон не шел к нему – только воспоминания и тревоги. Конечно же, это глупости. С Гестом произошла всего лишь мелкая размолвка. Они ссорились и раньше – а после вместе смеялись над этими ссорами. Вспомнить хотя бы тот случай в одном из калсидийских городов, когда Гест, вне себя от гнева, бросил Седрика на постоялом дворе и ему пришлось одному мчаться по улицам, чтобы успеть на корабль. Однажды Гест даже ударил его – тогда друг был пьян и в плохом настроении еще до начала ссоры. Обычно Гест не распускал руки. У него имелись другие способы проявлять свою власть над людьми. Чаще всего его оружием становились насмешки и словесное унижение. Физическое насилие было последним доводом Геста, который означал, что его ярость достигла предела.

Но нынешний его гнев был иным. Холодным. С той самой минуты, когда Гест приказал Седрику сопровождать Элис в этом путешествии, и все дни до отплытия он держался с секретарем подчеркнуто официально. Улыбался каждое утро, передавая Седрику длинный список заданий на день. Говорил с ним безупречно вежливо, как положено господину говорить со слугой. Каждый вечер выслушивал отчет Седрика о том, как были выполнены задания. Похоже, Геста совершенно не заботило, что он взвалил на Седрика дополнительную ношу, поручив ему заботы о поездке Элис в Дождевые чащобы. Ему требовалось, чтобы секретарь продолжал выполнять и свои обычные обязанности.

Вышло, что именно Седрик устроил Гесту, Уоллomu Курсеру и Джеффу Секудусу проезд на корабле, идущем к Пиратским островам. В последнюю минуту, с дьявольской вальяжностью и жестокой улыбкой, Гест заставил Седрика написать приглашение еще и Реддингу Коупу. Радостное согласие пришло меньше чем через час после отправки письма. Гест попросил Седрика прочесть ответ вслух, а потом благодушно заметил, что Реддинг Коуп будет замечательным спутником: он весел, дружелюбен, к тому же падок на приключения.

На следующий день они отбыли. Коуп радостно махал Седрику на прощание, пока корабль медленно отчаливал от пристани. Это было первое путешествие

Геста на некогда опасные Пиратские острова, он ехал туда в поисках новых торговых партнеров. Именно эту поездку они с Седриком обсуждали почти год. Гест хорошо знал, как ждет Седрик этого плавания. И не только выбрал себе других спутников, но и приказал Седрику купить места на самом лучшем корабле. И сейчас, пока Седрик слушает храп матросов в темноте грязного кубрика, Гест и его друзья, вероятно, пьют дорогой портвейн в кают-компании. Седрик тревожно поерзал и поскреб шею, опасаясь, что она чешется из-за укусов клопов. Или вшей. Он ощупал себя, но ничего не нашел. А потом, к собственному удивлению, зевнул.

Что ж, он действительно устал. Пришлось спешно упаковывать все вещи, нанимать носильщиков, а потом они чуть ли не бегом добрались от «Совершенного» до «Смоляного». Седрик едва успел бросить взгляд на знаменитый древесный город Трехог, не говоря уж о том, чтобы пройтись по здешним рынкам. На Проклятых Берегах Трехог славился как город, где можно отыскать вещи Старших за вполне разумную цену. А Седрик промчался мимо, даже не завернув на торг, потому что Элис боялась опоздать к своим уродливым вонючим драконам.

Он снова зевнул и решительно закрыл глаза. Нужно попытаться поспать, сколько получится в таких ужасных условиях, чтобы мужественно встретить завтрашний день. Если все пойдет как надо, он будет вместе с Элис, когда ей дадут разрешение навестить драконов. Она уже сказала, что хочет взять его с собой, чтобы он записывал их беседы, вел заметки и даже помогал с набросками, которые она собирается делать. Так что он будет там, среди драконов. И если удача ему улыбнется, то соберет не только сведения. Поежившись, Седрик осторожно натянул на себя одеяло. Ночи на реке холодны даже летом. Холодны, как душа Геста. Но он еще покажет Гесту. Покажет, что не собирается всю жизнь прослужить у него в секретарях. Что Седрик Мельдар способен сам заключить сделку, что у него есть собственные устремления и мечты. Он покажет им всем.

Тимара сидела на земле и смотрела на пламя костра.

– Мог ли кто-то из нас еще месяц назад подумать, что мы встретимся с драконами и будем сопровождать их вверх по реке? Или хотя бы вообразить, что мы вот так все будем сидеть на земле у костра? – спросила она у своих новых товарищей.

– Только не я, – пробормотал Татс; он всегда с ней соглашался.

Еще несколько человек рассмеялись, подтверждая – да, не могли. Грефт, сидевший справа от Тимары, только покачал головой. Его темные вьющиеся волосы колыхнулись вместе с мясистой бахромой на челюсти. Когда он только присоединился к их группе, на нем была вуаль. Никто не сказал по этому поводу ни слова. И мужчины и женщины Дождевых чашоб нередко предпочитали закрывать лица, особенно если им приходилось часто бывать на нижних ярусах Трехога, где их вид мог напугать кого-нибудь из чужаков. Но когда во второй вечер в компании драконьих хранителей Грефт предстал с открытым лицом, даже Тимара удивилась. Ей еще не приходилось видеть человека с такими отметинами.

Грефту было двадцать с небольшим, но лицо его покрывало столько выростов и бугров, сколько редко встретишь и у пожилых жителей чащоб. Гладкие ногти на руках и ногах переливались, словно перламутр, и изгибались, точно когти. Глаза были неестественно голубого цвета и в темноте ярко светились. По всему телу росла чешуя. Рот оказался абсолютно безгубым, а язык – синим. Грефт двигался бесшумно и ловко. Его зрелость и спокойствие понравились Тимаре. По сравнению с мальчишками их отряда он казался надежным и куда более разумным.

Сегодня Грефт был так же молчалив, как все остальные. Ожидание мешалось с беспокойством. Еще один дневной переход – и они наконец увидят драконов.

Совет дал им прочные долбленные лодки, способные долго сопротивляться едкой речной воде. В проводники отряду послали мужчину и женщину. Они готовили себе пищу, ели и спали отдельно от своих подопечных. До сих пор будущих хранителей кормили, но кое-кто из них по пути уже умудрялся находить время, чтобы поохотиться или поискать плоды. Однако ребята быстро обнаружили, что во время ночевки на земле одеяла почти не греют, а слухи о тучах комаров и прочего гнуса, который здесь, внизу у реки, больно кусается, вполне подтвердились.

Они убедились, что ночи внизу, под деревьями, куда темнее и длиннее, чем наверху, к тому же отсюда почти не видно звезд. Они уже научились сберегать пригодную для питья воду и пополнять ее запасы при самом слабом дожде. Они узнали имена и истории друг друга.

За несколько дней, проведенных вместе, драконьи хранители почти подружились.

Сейчас Тимара смотрела на лица, которые выхватывали из темноты пляшущие отблески костра, и дивилась своей удаче. Она и представить себе не могла, что столько людей будут называть ее по имени, брать пищу из ее рук, не вздрагивая при виде когтей, и открыто говорить о том, каково это – быть изуродованными чащобами настолько, что даже родные братья и сестры не могут на тебя спокойно смотреть. Они пришли сюда со всех ярусов кроны, из знатных торговых кланов и из тех семейств, которые едва могли вспомнить, от какого рода торговцев происходят. Кому-то с детства приходилось бороться за выживание, а кто-то получил хорошее образование и знал, каковы на вкус мясо и вино. Тимара переводила взгляд с одного на другого, называя про себя их имена, пересчитывая их, как будто они были драгоценными камнями в ее шкатулке. Ее друзья.

Рядом сидит Татс, самый давний друг и по-прежнему самый близкий. За ним Рапскаль хихикает над собственной шуткой, а около него покачивает головой Сильве, явно удивляясь неумеренной и безосновательной жизнерадостности мальчишки. И все же девочке, похоже, нравится внимание и безудержная болтовня Рапскаля. Дальше сидят Кейз и Бокстер, оба медноглазые и коренастые. Они приходятся друг другу двоюродными братьями и очень похожи внешне. Постоянно держатся вместе, часто пихают друг друга локтями и громко хохочут над остротами, понятными только им двоим.

За эти дни Тимара узнала кое-что новое о парнях – своих ровесниках. Выходки и глупые шутки были, похоже, неотъемлемой частью их жизни. Вот и сейчас серебряноглазый Алум и темнокожий Нортель потешаются над громко

пукнувшим Варкеном. Сам Варкен, длиннорукий и длинноногий, похоже, не обижается на их насмешки и даже рад им. Тимара только покачала головой: и что такого смешного находят мальчишки в подобных вещах? И все же их веселье поневоле заставило ее улыбнуться. Джерд, сидевшая среди парней, тоже ухмылялась. Тимара пока еще была мало знакома с ней, но уже оценила ее рыболовное искусство. Сначала она была потрясена, узнав, что Джерд – девушка. Ничто в ее плотной фигуре этого не выдавало. Светлые волосы, еще оставшиеся на чешуйчатом черепе, она остригла до короткой щетинки. И Тимара, и Сильве пытались сблизиться с Джерд, и та держалась вполне дружелюбно, но, похоже, предпочитала мужское общество. Ее ступни и мускулистые икры были покрыты плотной чешуей и шрамами. Ходила она босиком, на что здесь, на земле, осмелились бы не многие.

Рядом с Джерд пристроились Харрикин и Лектер. Они не были родственниками, просто семья Харрикина приютила Лектера, когда тому было семь лет и его родители умерли. Парни дружили, как братья. Харрикин был длинным и тощим, словно ящерица, а Лектер напоминал скорее рогатую жабу – такой же квадратный, почти без шеи, в наростах. Харрикину исполнилось двадцать, он был старшим в отряде после Грефта. Грефт миновал двадцатилетний порог пару лет назад. Держался он так, что остальные рядом с ним казались подростками. Вот и сейчас Грефт, сверкая голубыми глазами, выглядел главным в кругу собравшихся у костра. Парень заметил, что Тимара смотрит на него, и вопросительно вскинул голову. Безгубый рот растянулся в улыбке.

– Очень странно смотреть на всех и понимать, что это мои друзья, – тихо сказала Тимара. – У меня раньше никогда не было друзей.

Грефт провел синим языком от одного уголка рта до другого, затем наклонился поближе к ней.

– Медовый месяц, – возразил он хриловатым голосом.

– Что ты имеешь в виду?

– Так бывает. Я долго был охотником. Выходишь на охоту с отрядом, и на третий день каждый из ребят – твой друг. Но к пятому дню все становится не так просто. А к седьмому отряд начинает разбиваться на маленькие компашки.

Его взгляд обежал озаренный огнем круг. Напротив них Джерд затеяла дружескую потасовку с двумя парнями. Варкен вроде бы быстро победил, потянув ее за руку и заставив сесть к нему на колени. Но миг спустя Джерд вскочила на ноги, озорно помотала головой и перебежала на новое место в кругу. Грефт прищурил глаза, наблюдая за этой буйной игрой, а потом тихо сказал:

– Через две или три недели ты, возможно, будешь ненавидеть их так же сильно, как сейчас любишь.

Тимара слегка отшатнулась от него – циничные слова больно задели ее. Грефт понял это и пожал плечами:

- А может быть, и нет. Может быть, это только для меня все всегда оборачивается так. Я вообще такой человек - со мной трудно ладить.

Она улыбнулась:

- Мне показалось, что поладить с тобой не так уж сложно.

- Для правильных людей - несложно, - согласился Грефт.

Судя по его улыбке, Тимара относилась к правильным людям.

Грефт протянул ей руку ладонью вверх, словно приглашая к чему-то:

- Но у меня есть свои границы. Я знаю, что принадлежит мне, и знаю, что сам буду решать, делиться этим или нет. И есть некоторые вещи, которыми человек не может поделиться. В таком отряде, как наш, где много юнцов, это сочтут грубостью или проявлением себялюбия. Но я считаю это просто разумным. Скажем, если бы я охотился и что-нибудь добыл и добычи оказалось больше, чем нужно мне, я согласился бы поделиться. И мне кажется, был бы прав, ожидая того же от остальных. Но знай: я не из тех, кто будет урезать свою долю ради других. Во-первых, мне известно, что люди редко это ценят. Во-вторых, я знаю, что могу хорошо охотиться благодаря своей силе. Если я сегодня ослабею, забота о ком-то, то, быть может, завтра мы все останемся голодными, потому что я окажусь слишком медлительным или недостаточно сильным и не смогу убить дичь. Так что лучше я не буду обделять себя, чтобы завтра быть в состоянии помочь всем нам.

Татс перегнулся через колени Тимары, чтобы обратиться к Грефту. До этого момента девушка и не замечала, что он слушает их разговор.

- Так как же ты отличишь сегодня от завтра? - спросил Татс небрежным тоном.

- То есть? - Грефта, похоже, раздосадовало это вмешательство, все его дружелюбие куда-то подевалось.

Татс не отодвинулся. Он почти лежал на коленях Тимары.

- Как ты отличишь, когда завтра, а когда сегодня, если уж речь зашла о том, делиться или нет? В какой момент ты говоришь себе: «Я ни с кем не поделился вчера, поэтому я силен, хорошо поохотился, добыл мяса и могу сегодня поделиться с кем-нибудь этим мясом»? Или просто продолжаешь думать: «Лучше я съем все сам, чтобы завтра снова быть сильным»?

- Кажется, ты меня не понял, - сказал Грефт.

- Вот как? Тогда растолкуй лучше! - В голосе Татса прозвучал вызов.

Тимара слегка толкнула Татса, чтобы заставить его слезть с ее колен. Он сел прямо, но при этом ухитрился оказаться вплотную к ней, касаясь ее бедра.

– Я попробую тебе объяснить. – Грефта, похоже, позабавила их стычка. – Но ты можешь не понять. Ты намного моложе меня, и я подозреваю, что ты жил по другим правилам, чем мы все.

Он помолчал и бросил взгляд на компанию по ту сторону костра. Харрикин и Бокстер затеяли дружеское состязание в «толкачи». Положив ладони на плечи друг другу, они уперлись ступнями в грязь и напряглись – каждый старался отпихнуть другого назад. Другие, стоя по сторонам, криками подбадривали борцов. Грефт покачал головой, недовольный этой легкомысленной забавой.

– Жизнь совсем другая, если тебе не приходится сталкиваться со всеобщим убеждением, что тебя не должно быть на свете. Когда я был юн, все считали, что я вообще ничего не достоин. Ребенком я просил милостыню, чуть повзрослев, начал драться за то, что мне было нужно. А когда я подрос достаточно, чтобы доказать, что могу хоть что-то и даже немного больше, кое-кто стал считать, будто имеет право на долю в моей добыче. Кажется, они думали, будто я должен быть им признателен, что они вообще оставляют мне хоть какую-то малость – даже жизнь. Поэтому если ты не жил по таким правилам, вряд ли поймешь мои чувства. Для меня этот поход – шанс уйти от старых правил и жить там, где я сам буду придумывать правила для себя.

– Твое первое правило – всегда позаботиться сначала о себе?

– Может быть. Говорил же, что ты вряд ли поймешь. Но конечно, это уравнивается тем, что я не все понимаю в тебе. Не объяснишь ли ты, зачем тебе идти вверх по реке? Почему ты оставил свою жизнь в Трехоге, чтобы присоединиться к сборищу изгоев и неудачников вроде нас?

Этот вопрос Грефта прозвучал почти дружески.

По ту сторону костра Бокстер выиграл схватку. Харрикин рухнул в грязь и откатился прочь.

– Сдаюсь! – выкрикнул он, и все рассмеялись.

Борцы вернулись на свои места у огня. Смех затих, наступила тишина: все вдруг поняли, что Татс и Грефт смотрят друг на друга.

Когда Татс заговорил, голос его звучал глубже, чем обычно:

– Может быть, я чего-то и не понимаю. А может быть, моя жизнь не была такой уж легкой, как тебе представляется. И мне понятно твое желание уйти из Трехога туда, где ты сможешь менять правила так, как тебе вздумается. Возможно, большинство из нас хотят того же. Но я не думаю, что первое правило, которое установлю я, будет правилом «Сначала я, потом остальные».

После слов Татса наступило всеобщее молчание. Потрескивало пламя. Комары звенели в темноте. В берегах с шумом ворочалась река, где-то далеко раздался пронзительный звериный крик – и смолк. Тимара обвела глазами круг и поняла, что большинство драконьих хранителей прислушиваются к их разговору. Неожиданно она почувствовала себя неуютно, точно в ловушке между Грефтом и Татсом – как будто она была полем битвы этих двоих. Она

слегка отодвинулась от Татса, и холодный ночной воздух коснулся ее бедра там, где оно только что прижималось к ноге юноши.

Грефт набрал в грудь воздуха, словно готовясь дать резкий отпор. Потом медленно выдохнул. Его голос был ровным, негромким и даже приятным:

– Я был прав. Ты не понял, что я сказал, потому что не был на моем месте. На месте любого из нас. – На последних словах он повысил голос, чтобы его слышали все остальные. Потом помолчал и с улыбкой добавил: – Ты не такой, как мы. Так что, думаю, ты просто не понимаешь, почему мы здесь. А вот я догадываюсь, почему ты здесь. – Он немного понизил голос, но его слова по-прежнему были отчетливо слышны. – Совет искал тех, кто отмечен Дождевыми чашобами, как мы. Тех, от кого хотели бы избавиться. А еще, как я слышал, они предлагали амнистию некоторым. Преступникам, например. И кому-то дали возможность покинуть Трехог, чтобы избежать наказания за свои деяния.

Слова Грефта повисли в ночном воздухе, словно дым от костра.

Когда Татс ответил, его голос звучал неубедительно:

– Понятия не имею, о чем ты. Лично я просто услышал, что за это платят хорошие деньги. И что им нужны люди, не привязанные к Трехогу, – люди, которые могут покинуть город, не оставляя за собой невыполненных обязательств. А я как раз такой и есть.

– Правда? – вежливо спросил Грефт.

Теперь уже Татс оглянулся и увидел, что остальные смотрят на него. Кто-то просто слушал разговор, но несколько человек глядели с любопытством, граничащим с подозрением.

– Правда, – хрипло ответил Татс и неожиданно встал. – Так оно и есть. Меня ничто ни с кем не связывает. А деньги обещали хорошие. У меня столько же прав находиться здесь, сколько у любого из вас.

Потом он отвернулся, пробормотал: «Да ну вас!» – и умчался в окружающую темноту.

Тимара сидела замерев, всем своим существом чувствуя пустоту там, где только что находился Татс. Что-то случилось – что-то посерьезнее обычной перепалки двух парней. Тимара пыталась подобрать название этому, но не могла.

«Он сместил равновесие, – подумала она, глядя на Грефта, который наклонился вперед, подталкивая полено дальше в костер. – Он сделал Татса чужаком. И говорил за всех нас, словно имел на это право».

И вдруг этот парень показался девушке менее симпатичным, чем несколькими минутами раньше.

Грефт выпрямился и улыбнулся ей. Но лицо его оставалось невозмутимым. Огонь разгорелся ярче, остальные вернулись к прерванным разговорам о повседневных делах. Пора ложиться спать – завтра нужно рано встать, чтобы

вовремя тронуться в путь. Рапскаль уже встряхивал свое одеяло. Неожиданно Джерд поднялась с места:

- Я принесу зеленых веток. Если костер будет сильно дымить, это отпугнет комаров.

- Я с тобой, - предложил Бокстер, а Харрикин потянулся, чтобы встать.

- Нет, спасибо, - ответила девушка и направилась в темноту леса, в том же направлении, куда удрали Татс.

Неожиданно Грефт наклонился поближе к Тимаре:

- Извини, я не хотел так расстраивать твоего парня. Но кто-то должен был объяснить ему, что к чему на самом деле-то.

- Он не мой парень, - возразила Тимара, потрясенная тем, что Грефт мог такое подумать.

И вдруг почувствовала, что этим отрицанием словно бы предает Татса. Но Грефт улыбнулся ей:

- Он не твой парень? Ну-ну. Какая неожиданность! - Он приподнял бровь, придвинулся еще теснее и с усмешкой спросил: - А он об этом знает?

- Конечно! Он знает законы. Такие девушки, как я, не могут заключать помолвку или вступать в брак. Нам не позволено иметь детей. Так какой смысл встречаться с парнями?

Грефт пристально смотрел на нее. В его глазах, мерцающих голубым светом, внезапно появилось сочувствие.

- Тебя так хорошо научили их правилам? Как жаль!

Грефт сжал безгубый рот, покачал головой и чуть слышно вздохнул. Некоторое время он смотрел в огонь. А когда снова перевел взгляд на Тимару, щель его рта растянулась в улыбке. Он склонился к девушке, положив руку ей на талию, и зашептал прямо в ухо. Его теплое дыхание щекотало ей шею, и от этого по спине побежали мурашки.

- Там, куда мы идем, мы сами сможем устанавливать правила. Подумай об этом.

А потом ловко, точно разворачивающая кольца змея, поднялся на ноги и ушел, оставив Тимару смотреть на пламя.

Второй день месяца Злаков,

шестой год Вольного союза торговцев

От Кима, зрителя голубятни в Кассарике, -

Эреку, смотрителю голубятни в Удачном,
и Детози, смотрительнице голубятни в Трехоге

Смотрители Эрек и Детози! Доверяя этот пост, мне строго сказали, что почтовые птицы предназначены только для официальных посланий Совета. Хотя торговцам за плату может быть позволено использовать их для личных посланий. Мне ясно дали понять, что смотрители не имеют особого статуса, который позволял бы им бесплатно отправлять послания. Мне кажется, это правило касается и присоединения личных сообщений к официальным посланиям. Я не имею ни малейшего желания сообщать, что вы пренебрегаете правилом, но, если свидетельства вашей личной переписки снова попадут ко мне в руки, как это случайно произошло на сей раз, я письменно доложу о вас во все три Совета. Уверен, вам придется возместить расходы на все послания, которые вы отправили бесплатно.

С почтением,

смотритель Ким

Глава 10

Кассарик

Когда они подошли к главному причалу Кассарика, уже стусилась почти непроглядная темень. Даже комары улетели на ночной отдых. В свете фонарей, подвешенных по бортам баркаса, виднелись только лица матросов, деловито, без усталости работающих шестами. Их движения, похожие на своеобразный танец, зачаровывали. Элис по-прежнему дивилась, как ловко они толкают баркас вверх по течению – так, словно это почти не стоит им труда. Но всякий раз, когда она пыталась заговорить об этом с капитаном Лефтрином, тот лишь улыбался и что-то бормотал об очень удачных обводах корабля.

Элис стояла на палубе, плотная одежда защищала ее и от ночного холода, и от насекомых, пробуждающихся с наступлением сумерек. Высоко в небе сияли звезды. Увидев огни города, она ахнула от восхищения. Это новое поселение, как и Трехог, было построено в кронах деревьев, возвышающихся над рекой. Желтый свет из окон пробивался через ажурное переплетение ветвей. Сначала город выглядел как россыпь звезд, пойманных в сеть, но с приближением огни делались ярче и крупнее.

– Теперь уже недолго, – сказал капитан Лефтрин, снова подойдя к Элис. – В обычном рейсе мы остановились бы на ночевку час назад. Но я знаю, как тебе не терпится попасть туда и встретиться с драконами, госпожа, так что

велел команде еще немного потрудиться. Я надеялся, что мы успеем причалить в сумерках, но нам не повезло. Так что, полагаю, вы проведете с нами здесь еще одну ночь и уйдете завтра поутру.

Седрик вышел на палубу и присоединился к ним. В темноте ни Элис, ни капитан не заметили его беззвучного появления, и оба вздрогнули, когда он заговорил:

- Не думаю, что мы настолько устали. Полагаю, нам еще хватит сил, чтобы найти постоянный двор, где есть горячая ванна, мягкие постели и хорошее вино к вкусному ужину.

- Здесь вы ничего такого не найдете, - возразил ему Лефтрин. - Кассарик - еще молодое поселение, тут живут в основном те, кто здесь же и работает, приезжих мало. Так что постоянный двор не нужен. Вот если бы мы прибыли вечером, то нашли бы семью, которая сдала бы вам комнату на ночь. Но сейчас вы, скорее всего, будете без толку бродить от одной двери к другой. К тому же вам придется в потемках лезть вверх по длинной лестнице. Можно, конечно, добраться и на подъемнике, но это если вы отыщете слугу и согласитесь приплатить ему.

Элис кивнула:

- Нет смысла паковать багаж и блуждать в темноте в надежде найти гостеприимную семью. Еще одна ночь на борту «Смоляного» не причинит нам вреда, Седрик. Утром ты сможешь подыскать жилье, пока я переговорю с местным Советом о драконах.

Такое положение дел казалось ей вполне естественным. На корабле тесновато, но вполне удобно. Еда простая, но сытная. Капитан Лефтрин, возможно, временами грубоват, однако его старания быть гостеприимным подкупают своей искренностью. Элис нравилось его общество. А вот Седрик явно считал речника неотесанным мужланом. По нескольку раз в день он бросал на Элис долгие страдальческие взгляды, слыша, как Лефтрин расточает в ее адрес комплименты, а один раз едва не рассмеялся над его неуклюжей галантностью. Элис с удивлением обнаружила, что ее это задело: насмехаясь над Лефтрином, Седрик ведет себя жестоко и глупо, подумала она.

Внимание Лефтрина льстило ей.

Элис старалась не думать об этом, но ничего не могла поделать, застигнутая врасплох. Сначала комплименты капитана заставляли ее чувствовать себя неуютно и даже казались подозрительными. Но в последний день она пришла к выводу, что его восхищение идет от сердца. Ей определенно доставляла удовольствие мысль о том, что этот грубовато-мужественный речник находит ее привлекательной. Он был не похож ни на одного из тех мужчин, которых ей прежде доводилось встречать. В его обществе Элис чувствовала себя действительно отважной и даже слегка безрассудной путешественницей. В то же время его очевидная сила и знание дела вызвали в ней ощущение безопасности. Она позволила себе общаться с ним, решив, что это лишь на короткое время и что у нее нет намерений нарушать верность Гесту. Она всего лишь хочет чуть-чуть порадоваться тому, что мужчина считает ее красивой.

А Седрик, должно быть, переживал лишь потому, что желал всячески защищать ее. Покровительство его тронуло Элис и вновь вызвало к жизни детскую привязанность к нему. Ведь Седрик нравился Элис еще до того, как вырос в такого красивого мужчину. В то время он проявлял к ней интерес, в отличие от других парней, которые на нее – рыжеволосую, с густыми веснушками и плоской грудью – даже не смотрели. А Седрик был добрым. О, как она мечтала, чтобы он – старший брат ее лучшей подруги – был к ней расположен еще больше! На уроках она тайком рисовала в тетрадке переплетенные инициалы – свои и его. Она стащила одну из его перчаток для верховой езды. Перчатка пахла Седриком, и сейчас Элис, краснея и смеясь, вспоминала, как хранила перчатку под подушкой и нюхала каждый вечер перед сном. Интересно, куда она дела эту перчатку? И когда отказалась от мечтаний о том, что однажды Седрик обратится к ней со словами любви? Возможно ли, что в юные годы она была ему небезразлична? И вдруг это чувство сохранилось в каком-нибудь тайном уголке его сердца?

О, это была глупая фантазия, такая же никчемная, как ее робкий флирт с капитаном. Но очень приятная. И что плохого в том, если на денек-другой она вообразит, будто два столь разных мужчины находят ее привлекательной? Гест постоянно заставлял ее чувствовать себя уродливой, неуклюжей и нудной. Согретая светом и теплом капитанского восхищения и покровительством Седрика, Элис сама себе казалась цветком, возрождающимся к жизни.

За короткое время пребывания на «Смоляном» Элис ощутила, что ее приключение становится именно таким, о каком она мечтала. Баркас сидел в воде низко, едва возвышаясь над рекой; и от этого огромные, словно башни, деревья выглядели еще выше. Птицы и странные речные существа, и опасные, и безобидные, были здесь совсем близко. С палубы баркаса Элис видела животных, которых Лефтрин назвал болотным лосем и речной свиньей. Один крупный зубастый галлатор соскользнул с илистой отмели, где грелся на солнце, и некоторое время плыл рядом с кораблем, пока Скелли не огрела его шестом так, что он едва не вылетел обратно на берег. Элис видела несколько крупных водяных птиц разных пород; Лефтрин заметил, как она рисует их в своем путевом дневнике, и тут же восхитился ее талантом художницы. Он упросил ее пролистать дневник назад, к началу зарисовок речного путешествия, и расхвалил ее наброски. Элис покраснела от удовольствия, когда он узнал на одном из рисунков капитана Трелла. Потом Лефтрин сообщил, как называют в Дождевых чащобах растения, которые были зарисованы в дневнике, и Элис очень порадовала его, подписав эти названия под рисунками.

«Я рад, что оказался полезен такой ученой даме, как ты, госпожа!» – сказал капитан с горячностью, заставившей Элис зардеться.

Но одна новость, которой он поделился с Элис, огорчила ее. Капитан подошел, когда Элис сидела на крыше палубной надстройки в кресле, закутавшись в плащ от вечернего холода и опустив вуаль, чтобы защититься от насекомых.

– Не возражаешь, если я немного побуду здесь? – Сочетание официальной вежливости с его обычными грубоватыми манерами показалось ей странным. –

Я вспомнил, что у меня есть кое-какие сведения, которые, возможно, пригодятся тебе.

– Конечно присаживайся! Ведь это твой корабль, – ответила Элис, заинтригованная его заговорщицким тоном.

Без дальнейших церемоний Лефтрин опустился на доски рядом с ее креслом, удивительно ловко подогнув ноги.

– Так вот... – немедленно приступил он к рассказу. – Совет в Кассарике кое-что придумал насчет драконов. Драконы с затеей согласились, но по некоторым причинам о ней почти никто не знает. Но для тебя это, верно, важно, ты ведь хочешь поговорить с драконами. Вот я и решил поделиться с тобой, вроде как тайно. Дело в том, что Совет собирается перевести драконов отсюда. И мне сказали, что это произойдет довольно скоро. Не позже чем через месяц.

– Перевести драконов? Но как? И куда? Зачем они это делают? – Элис была потрясена.

– Ну, по поводу «как» могу сказать, что они могут только топтать своим ходом, иначе никак. А что до «куда», то мне этого до конца не прояснили. Только сказали, что вверх по реке. Ответ на «почему» очень прост – все в Дождевых чащобах знают, что драконы в Кассарике стали обузой. Они опасны для рабочих на раскопках погребенного города, да и для местных тоже. Голодные, с дурным характером, а некоторые и не особо разумные. Им не хватает умишка, чтобы не кусать руку, которая их кормит, если ты понимаешь, о чем я. Не знаю уж, каким образом, но Совету удалось убедить драконов оттуда уйти. Если удастся собрать команду, чтобы присматривать за этим стадом, то драконов уведут как можно скорее.

У Элис закружилась голова. А вдруг, прибыв на место, она обнаружит, что драконов уже услали? Что тогда? Она с трудом сумела выразить свои опасения словами. К ее удивлению, капитан беспечно улыбнулся:

– Что ж, госпожа, потому-то я и решил с тобой поговорить. Видишь ли, я – часть той команды, которую Совет пытается собрать. И насколько могу судить, если я откажусь, то их затея провалится. Может, Совет этого и не знает, но ни один другой речной баркас не сможет пройти по такому мелкому фарватеру. Только мой старина Смоляной. Кроме меня, никто из капитанов не возьмется за такое дело. До сегодняшнего дня я прикидывал, сколько денег можно за это вытребовать. Но раз уж так все повернулось, я могу выдвинуть другое условие – чтобы тебе дали возможность поговорить с драконами до их отбытия. Что ты на это скажешь?

Элис была ошеломлена:

– Мне странно, что ты решил поделиться со мной этой тайной. И еще больше удивляет, что ты собираешься оказать такую услугу почти незнакомому человеку. – Она перегнулась через подлокотник кресла и подняла вуаль, чтобы взглянуть на него прямо, и изумленно спросила: – Зачем ты это делаешь?

Лефтрин пожал плечами, и улыбка его стала еще бесшабашнее. Он отвел взгляд:

– Считай, что ты просто нравишься мне, госпожа. И я хочу быть уверен, что ты получишь то, ради чего забралась в такую даль. Ничего страшного, если драконы задержатся там на день или два.

– И я не думаю, что это им повредит, – согласилась Элис. Признательность переполняла ее душу. – Капитан Лефтрин, я буду рада, если ты станешь называть меня просто Элис.

Он снова взглянул на нее, на его обветренных щеках проступил мальчишеский румянец.

– А уж я-то как буду этому рад! – Капитан снова отвел глаза и почти нарочито сменил тему разговора. – Взгляни только, какая чудная ночь!

Элис опустила вуаль – ей хотелось не столько защититься от насекомых, сколько скрыть горящее лицо.

– Чудеснейшая ночь, давно такой не видела, – согласилась она.

Когда капитан, сославшись на дела, покинул крышу надстройки, Элис поймала себя на том, что радуется, словно девчонка. Она ему нравится! Нравится настолько, что он готов рискнуть ради нее выгодной работой. Элис попыталась вспомнить, когда ей говорили: «Ты мне нравишься», и не смогла. Говорил ли такое Гест во время своего ухода за нею? Кажется, нет. А если и говорил, смысл фразы сводился к тому, что она соответствует его ожиданиям. Лефтрин же, произнеся эти слова, назвал причину, по которой он готов рискнуть ради нее. Ох, с ума ведь можно сойти...

Всего несколько минут спустя капитан вернулся с двумя тяжелыми глиняными кружками, и крепкий сладкий кофе в них показался Элис самым вкусным напитком на свете.

Суровые условия жизни на баркасе по-прежнему вызывали у нее восторг. Спать на капитанской кровати, под толстым шерстяным одеялом и пестрым лоскутным покрывалом – это так необычно и даже немного опасно, думалось ей. Какта пропахла капитанским табаком и была завалена принадлежностями, необходимыми в его ремесле. Элис просыпалась с рассветом от перезвона изящных рыбок-колокольчиков, висящих на окне. И тайная дрожь пробирала ее при мысли о том, что в любую минуту капитан может постучаться в дверь и попросить разрешения войти, чтобы взять свою трубку, записную книжку или свежую рубашку.

Баркас медленно, но неуклонно продвигался вверх по реке, держась ближе к берегу, где было мелко, зато и течение слабее. Иногда команда садилась на весла, а иногда толкала судно вперед при помощи длинных шестов. Элис казалось волшебством, что такой тяжелый широкий корабль идет против мощного напора реки. В первое утро капитан поставил кресло на крыше палубной надстройки, чтобы гостья могла беспрепятственно видеть и слышать все, что встречается им в пути. Иногда к ней присоединялся Седрик, и Элис наслаждалась его присутствием. Но капитан Лефтрин составлял ей компанию гораздо чаще.

Капитан знал множество историй о реке и о кораблях. Легенды Дождевых чащоб в его пересказе неуловимо менялись, и Элис дивилась, что ей становится намного понятнее, как видят мир и себя самих торговцы, живущие здесь. Ей нравилась команда «Смоляного», в том числе ласковый кот Григсби, с которым она быстро сдружилась, хотя дома у нее никогда не было кошек. Она попыталась было прикинуть, что ответит Гест на просьбу завести кота, но потом решила, что не будет ничего просить. Просто заведет кота, вот и все. Как странно, думала Элис, что малая толика неудобств заставила ее почувствовать в себе силу распоряжаться собственной жизнью. И способность самостоятельно принимать решения. Поэтому предложение Лефтрина провести еще одну ночь на борту «Смоляного» обрадовало ее. Седрик вздохнул и закатил глаза. Элис рассмеялась над страдальческим выражением его лица.

– Позволь мне насладиться приключениями, пока есть возможность, Седрик. Скоро, очень скоро все будет позади. Мы оба вернемся в Удачный, и у меня, конечно, будет мягкая постель, горячая еда и теплая ванна на всю оставшуюся жизнь. И никаких поводов для радости.

– Такая блистательная госпожа, как ты, не должна вести скучную и сонную жизнь! – воскликнул капитан Лефтрин.

– О, боюсь, именно это я и должна. Я ученый, капитан. Мои дни по большей части проходят за рабочим столом. Я читаю и перевожу старые свитки, пытаюсь разгадать смысл написанного... Эта попытка поговорить с драконами – единственное настоящее приключение в моей жизни. Но, судя по тому, что рассказали об этих драконах капитан Трелл и его жена, оно принесет куда меньше прока, чем я надеялась... Что такого смешного? Ты смеешься надо мной? – спросила она, потому что капитан Лефтрин вдруг расхохотался.

– О нет, я смеюсь не над тобой, уверяю тебя, милая. Меня просто развеселила мысль о том, чтобы назвать Альтию Вестрит женой капитана Трелла. Она точно такой же капитан, как Трелл, не говоря уж о том, что Совершенный теперь абсолютно не нуждается в капитане. Этот живой корабль решил сам отвечать за себя!

Седрик вмешался в их разговор:

– Может быть, в Кассарике все-таки можно остановиться на ночлег? Нам устроят даже скромные условия.

– Ни одна из здешних ночлежек не годится для почтенной женщины. Боюсь, друг мой Седрик, тебе придется потерпеть мое гостеприимство еще одну ночь. А теперь прошу меня извинить – мне нужно поговорить со старпомом. Начался очень заковыристый участок реки, перед самым городом. В тот год, когда змеи поднимались по реке, здесь пытались соорудить для них шлюзы. Бедным тварям это не особо помогло, а вот плавать с тех пор стало опасно.

– С этими словами он спрыгнул на палубу и быстро скрылся из виду в темноте.

Элис смотрела вверх, на приближающиеся огни Кассарика.

- Не могу дождаться, когда наконец сойду с этой вонючей посуды, - проворчал Седрик.

Элис вздрогнула - столько яда было в его словах.

- Тебе действительно так не нравится этот корабль?

- Здесь негде уединиться, пища отвратительная, люди воспитаны немногим лучше уличных собак, а моя лежанка смердит тем, кто спал на ней прежде. Мне негде вымыться, бритье превращается в испытание, а вся одежда, которую я взял с собой, пропахла трюмной водой. Я не ждал особого комфорта в этом путешествии, но и не думал, что мы опустимся до подобного убожества.

Элис была потрясена его горячностью. А Седрик, видимо, принял ее молчание за согласие и продолжил:

- Ты же не станешь притворяться, будто наслаждаешься здешним так называемым гостеприимством, пусть даже в твоём распоряжении есть целая вонючая каюта. Этот пират не выказывает тебе ни малейшего уважения. Каждый раз я замечаю, что он пялится на тебя или называет тебя «милая», словно сидит в таверне, а ты - служанка, на которую он положил глаз. И он проводит с тобой куда больше времени, чем за штурвалом.

Элис наконец обрела способность заговорить:

- Ты думаешь, что это неприлично? Или что я своим поведением поощряю его?

- О, Элис, ты ведь должна понимать. - Из голоса Седрика пропали резкие нотки. - Я знаю, что ты не способна на бесчестный поступок, тем более с каким-то вонючим речником, который считает, что чистая рубашка - это та, которую он не надевал в последние два дня. Нет, я не обвиняю тебя. Ты очень решительная женщина. И ты поступила разумно, решив взглянуть на драконов, несмотря на то, что мы узнали о них. Мне просто ужасно неуютно на борту этого корабля. И хорошо, что ты понимаешь, каковы реальные обстоятельства, и передумала задерживаться в Дождевых чащобах.

- Седрик, прости меня! Ты не говорил ни слова, и я не понимала, насколько тебе плохо. Быть может, завтра ты найдешь нам подходящее жильё и сможешь вдоволь полежать в горячей ванне и вкусно пообедать. Если захочешь, отдохни подольше. Я уверена, что сумею сама переговорить с местным Советом, и вряд ли они откажутся выделить мне проводника для визита к драконам. Тебе вообще незачем идти смотреть на них. Раньше я думала, что буду вести с ними долгие разговоры, и мне бы потребовалась твоя помощь, чтобы записывать и делать наброски. Но теперь-то ясно: это будет немногим лучше прогулки в зверинец, так что нет смысла тебя мучить.

Элис как могла старалась не показать своей досады. На самом деле ей хотелось, чтобы Седрик был рядом, когда она встретится с драконами, и не только потому, что так ей будет спокойнее.

Она хотела, чтобы кто-нибудь видел ее там. Элис воображала, как они вернутся в Удачный и где-нибудь на торжественном обеде кто-то из гостей, возможно, спросит ее о путешествии к драконам. Она скромно скажет, что

это было не такое уж интересное приключение, но тут Седрик возразит и, к ее удовольствию, расскажет всю историю как непосредственный свидетель. Она представила себя, в купленных специально для этой встречи черных башмаках и парусиновых штанах, шагающей по отмелям к чешуйчатым гигантам, и мысленно улыбнулась.

Но прежде чем идти к драконам, нужно посетить местный Совет торговцев, чтобы представиться и получить разрешение. Элис надеялась, что и там Седрик будет с нею. Неизвестно, с кем придется общаться в Совете, и она хотела войти туда, опираясь на руку Седрика, чтобы все видели: эта женщина достойна сопровождения такого красивого и обаятельного мужчины. Но он уже и так принес ради нее слишком много жертв. Пора отбросить свое тщеславие и подумать о нем.

Седрик выпрямился:

– Элис, я совсем не это имел в виду! Я рад твоему обществу и с удовольствием посмотрю, как ты встретишься с драконами. Извини, что подорвал твою решимость. Давай поспим, пока можно, а завтра с утра займемся делами. Тебе лучше отправиться со мной, когда я пойду подыскивать жилье, – не хочу оставлять тебя одну в незнакомом городе. Пусть капитан Лефтрин говорит что угодно, но мы не знаем, насколько здесь опасно. Найдем где поселиться и, как ты сказала, позавтракаем, примем ванну и переоденемся, потом вместе пойдем в Совет, а после – к драконам!

– Так ты не против пойти со мной? – Элис была удивлена неожиданной сменой настроения Седрика и не смогла сдержать радостную улыбку.

– Ничуть, – подтвердил он. – Я так же жду встречи с драконами, как и ты.

– Ну, все же не так! – Элис засмеялась. Она прямо посмотрела на него, зная, что в темноте не рискует выдать свои теплые чувства к нему. – Но это приятная ложь, Седрик. Ты так благороден: понимаешь, что значит для меня эта встреча, и без жалоб переносишь свое изгнание из Удачного. Когда мы вернемся, обещаю, я найду способ уладить все твои неурядицы.

Похоже, Седрик вдруг почувствовал себя неловко.

– Элис, в этом нет нужды, уверяю тебя. Давай я провожу тебя до каюты и пожелаю спокойной ночи.

Она хотела отказаться. Но это бы означало признаться самой себе, что ей нравится общаться с капитаном и что она надеется дождаться его здесь и еще немного поболтать. А Седрик уже дал ей понять, что не одобряет такие разговоры, поэтому не следует ставить его в неловкое положение, заставляя бодрствовать и присматривать за нею. Элис поднялась с кресла и приняла его протянутую руку.

Синтара проснулась в темноте. Мрак напугал ее – ей снилось, что она летит в синем небе, полном солнечного света, над сверкающим городом возле широкой реки, синей с белым. «Кельсинтра», – пробормотала Синтара. Она закрыла глаза и попыталась вернуться в свой сон. Вспомнила высокую башню

в центре города, большую городскую площадь, танцующие фонтаны и широкие низкие ступени, ведущие в главные здания. Стены были украшены фресками – изображениями Старших и драконьих королев. Кто-то из предков Синтары помнил, каково было спать, распростершись на этих широких ступенях, наслаждаясь жаром, исходящим от солнца и камней. Как приятно было нежиться там, едва обращая внимание на двуногих, спешащих куда-то по своим делам! Их голоса походили на журчание реки вдали.

Синтара снова открыла глаза. Сон не возвращался, а воспоминания были тусклыми и обрывочными. Она слышала, как бормочет река в илистых берегах, а еще – как громко дышат спящие рядом драконы. Между сном и реальностью не было ни малейшего сходства.

Меркор с неукоснительной точностью следовал плану. Он никогда не пересказывал людям слухи напрямую. Он всегда устраивал так, что драконы как бы случайно заводили речь о чудесах Кельсингры, когда поблизости оказывались люди. Однажды это произошло при рабочих, тащивших из погребенного города красивую раму от зеркала. Синтара узнала материал рамы – странный металл, который начинал светиться от прикосновения. Меркор бросил взгляд на раму и заметил, обращаясь к Сестикану: «Помнишь зеркальную палату во дворце королевы в Кельсингре? Более семи тысяч драгоценных камней украшали одни только потолочные зеркала. А какой свет и аромат от них исходил, когда появлялась королева!»

В другой раз это было при охотниках, которые принесли драконам вонючие останки оленя. Принимая свою до горести малую долю, Меркор обронил: «Кажется, возле королевского зала в Кельсингре стояла статуя лося, помните? Из слоновой кости, в золоте, а вместо глаз – два огромных черных самоцвета. Помните, как они сияли, когда статую приводили в движение? И как этот лось рыл копытом землю и вскидывал голову, если кто-нибудь входил в королевские покои?»

Ложь, все ложь. Если эти сокровища и существовали, Синтара о них не помнила. Но каждый раз люди останавливались послушать такие речи, даже если Меркор не смотрел в их сторону. И прежде чем сменилась луна, люди пришли к ним в темноте, без факелов, чтобы шепотом расспросить о Кельсингре. Как далеко отсюда этот город? Построен он на холме или в низине? Большой ли? Из чего сделаны здания? И Меркор говорил им то, что они хотели услышать: что город не так далеко, что построен на возвышенности, а все здания возведены из мрамора и яшмы. Но он не сказал им ничего ни о приметах местности, ни о том, сколько дней пути дотуда от Кассарика. Не согласился он и помочь людям начертить карту места, где когда-то был город.

«Это невозможно описать словами, – любезно объяснял он. – В те дни реку питала сотня притоков. Возле Кельсингры один из них образовывал большое озеро. Это я помню. А больше ничего сказать не могу. Я уверен, что мог бы пойти туда и найти это место, если бы собрался и смог бы там прокормить себя. Но объяснить я не могу, и не просите».

На следующий вечер пришли другие люди, они задавали те же самые вопросы, и две ночи спустя – еще. И все получали те же самые дразнящие ответы. И наконец при свете дня явились шестеро торговцев из Совета Кассарика,

чтобы сделать драконам предложение. И вместе с ними, разгневанная и бесстрашная, пришла Малта Старшая, в золотом одеянии и бело-алом тюрбане.

Только по требованию Малты предложение торговцев услышали все драконы разом. Совет, похоже, считал, что достаточно договориться с самым большим драконом, как будто это к чему-то обязет всех остальных. Малта громко рассмеялась над таким предположением и настояла на том, что созвать надо всех драконов. Затем глава Совета, человек, на костях которого было так мало мяса, что даже съесть его был бы напрасный труд, произнес долгую речь. Он вкрадчиво говорил, что Совет встревожен плохими условиями, в которых живут драконы, и надеется помочь им вернуться на их прежнюю родину.

Меркор заверил его: драконы знают, что люди делают все возможное, к тому же у драконов нет родины, ибо в своем истинном воплощении они были Повелителями Трех Стихий: земли, моря и неба. Дракон вежливо притворялся, будто не понимает прозрачных намеков, которыми сыпал глава Совета, пока наконец Малта не прервала эту комедию, заявив со всей прямотой:

- Они думают, что вы можете отвести их в Кельсингру, где они найдут кучу сокровищ. Они хотят убедить вас пойти туда и отыскать этот сказочный город. Но я люблю вас всех и боюсь, что они просто посылают вас на смерть. Вы должны отказать им.

Однако Меркору не нужны были ее советы. Он грустно сказал:

- Такое путешествие невозможно. Мы умрем от голода задолго до того, как дойдем до Кельсингры. Все мы хотели бы пуститься в этот путь. Но среди нас есть те, кто мал и слаб. Нам нужны охотники, чтобы кормить их, и обслуга, чтобы ухаживать за нами, как когда-то делали Старшие. Божь, это неосуществимо. Нет. Мне нет нужды отказывать, ибо согласие не имеет смысла.

А потом, несмотря на убеждения, мольбы и сердитые возгласы Малты, они заключили сделку. Совет найдет для драконов охотников и хранителей, которые будут сопровождать их, добывать им пищу и всячески за ними ухаживать. А в обмен драконы должны всего лишь привести их в Кельсингру - или туда, где она когда-то была.

- На это мы можем согласиться, - упрямо сказал Меркор.

- Они обманывают вас! - возразила Малта. - Они просто хотят избавиться от вас, чтобы было проще раскапывать Кассарик и чтобы отпала необходимость вас кормить. Драконы, послушайте меня, пожалуйста!

Но сделка была заключена. Кало, обмакнув лапу в чернила, приложил ее к пергаменту, расстеленному перед ним, - как будто такая нелепая церемония могла обязать к чему-то хотя бы одного дракона, не говоря уж обо всех. Малта скрежетала зубами и стискивала кулаки, когда Совет объявлял, что это поистине великолепный план. А Синтара ощутила укол жалости к юной Старшей, которая так твердо противостояла тому, на что сами же драконы хитростью подвигли людей. Синтара надеялась, что Меркор найдет способ перемолвиться с Малтой хоть словечком. Но либо ему было все равно, либо

он боялся, что это поставит его план под угрозу. Когда члены Совета ушли, Малта ушла тоже, багровая от ярости.

– Это еще не конец! – предупредила она. – Вам нужны подписи всех членов Совета, чтобы узаконить это. Не думайте, что я буду сидеть сложа руки!

Воспоминания о Малте огорчали Синтару, и, несомненно, именно из-за них ей приснился этот сон. Малта была молодой Старшей – человеческой женщиной, лишь недавно пережившей перевоплощение. Впереди у нее было множество лет роста и изменений, если она собиралась стать подобной Старшим былых времен.

Но вряд ли она станет таковой. Некоторые люди смотрели на нее с удивлением, однако у большинства она вызывала отвращение. Синтара гадала, что станет с Малтой, Сельденом и Рэйном теперь, когда Тинталья бросила новых Старших точно так же, как бросила драконов. Синтара не винила Тинталью за ее уход. Прежде всего дракон должен заботиться о себе. Тинталья нашла себе пару и хорошие охотничьи угодья, в конце концов она отложит яйца, и из них вылупятся змеи. И когда эти змеи уплывут в море, цикл истинных драконов возобновится.

Но пока этого не произойдет, на протяжении многих лет Синтара и ее сородичи останутся единственными драконами в Дождевых чащобах. Все они – создания иных времен, возродившиеся в мире, где уже никто о них не помнит. И к несчастью, они вернулись в несовершенном, ущербном облике, совсем не подходящем для этого мира.

Повелители Трех Стихий – так они когда-то называли себя. Море, суша и небо принадлежали им. Никто не мог ни в чем им отказать. Драконы были повелителями всех и вся.

А теперь они оказались обездоленными, обреченными жить в грязи, есть падаль и – Синтара в этом не сомневалась – умереть медленной смертью, тащась вверх по реке. Она снова закрыла глаза. Когда настанет время, она пустится в дорогу. Не потому, что подпись Кало ее к чему-то обязывает, а потому, что здесь у них нет будущего. Если ей предстоит умереть жалким ползучим созданием, она хотела прежде изведать хоть немного иной жизни, пусть жизнь эта и окажется недолгой.

Элис проснулась еще до рассвета, проспав совсем мало. Открыть глаза ее заставил легкий скрип двери. Она затаила дыхание и только тогда поняла, что ее разбудил тихий стук в дверь.

– Ты уже проснулась? – негромко спросил капитан Лефтрин.

– Теперь да, – ответила она и натянула одеяло до подбородка.

Сердце гулко колотилось в груди. Зачем этому человеку понадобилось приходить в ее каюту в предрассветной мгле? Он ответил на ее невысказанный вопрос:

- Извини за вторжение, но мне нужна чистая рубашка. Местный Совет желает поговорить со мной безотлагательно. Очевидно, они высматривали мой корабль и ждали, когда я причалю. Поздней ночью явился с посланием гонец. Пишут, что должны как можно скорее заключить все договоры о перемещении драконов. - Лефтрин покачал головой, обращаясь скорее к самому себе, чем к ней. - Что-то грядет. Такое впечатление, что идут гонки за ценным призом. Слишком уж такая спешка не похожа на Совет. Обычно-то они ведут себя так, словно в их распоряжении все время в этом мире. Вечно тянут со сделкой, пока я не приму их условия или у меня не кончатся денежки.

- Они торопятся переселить драконов? - От этой мысли Элис пробрала дрожь. Она села, по-прежнему прикрываясь одеялом. - Куда они переводят их так спешно? И почему?

- Не знаю, госпожа. Надеюсь, что узнаю, когда встречу с членами Совета. Они сообщили, что хотят видеть меня как можно раньше. Так что мне пора идти.

- Я пойду с тобой.

Только когда эти слова сорвались с ее языка, Элис осознала свою дерзость. С чего она взяла, что капитан обрадуется ее обществу? Она даже не спросила, можно ли сопровождать его, а просто заявила о своем решении. Не придется ли ей жестоко поплатиться за такое самоуправство?

Но Лефтрин только сказал:

- Я так и подумал, что ты захочешь пойти. Сейчас возьму кое-какие вещи и выйду, а ты одевайся спокойно. Я пока поджарю тебе пару ломтиков хлеба и сварю кофе.

Он снял с крючка рубашку и забрал шкатулку, где хранились мыло и бритва. Элис не смогла не отметить, что Седрик был прав. Эту рубашку капитан уже носил, и что-то было незаметно, чтобы ее стирали и сушили. Но Элис вдруг поняла, что ей все равно.

Как только за капитаном тихо закрылась дверь, Элис спрыгнула с койки. Подозревая, что сегодня ей придется много лазить по лестницам, и хорошо, если не по приставным, она надела юбку с разрезами и высокие, как для верховой езды, сапоги. Выбрала практичную блузу из плотного хлопка и наконец натянула коричневый жакет из прочного полотна, туго подпоясав его на талии. Прекрасно. Может быть, в таком наряде она смотрится не слишком женственно, но, по крайней мере, готова к предполагаемым событиям. Маленькое зеркало показало, что за дни, проведенные на реке, веснушек стало больше, к тому же они потемнели. А волосы, даром что Элис никогда не выходила из каюты без шляпки, выгорели почти до оранжевого цвета и стали сухими, точно солома.

На несколько секунд она замерла, ошеломленная своим простецким видом. Но потом расправила плечи и решительно сжала губы. Она здесь не для того, чтобы вызывать восхищенные взгляды, ее дело - изучать драконов. И ее сильная сторона - не смазливое личико, его-то у нее никогда не было, а разум. Она прищурилась на свое отражение, вздернула подбородок, взяла простую соломенную шляпу и решительно нахлобучила на голову.

Капитан Лефтрин ждал ее на камбузе, перед ним стояли две исходящие паром кружки с кофе. Сидя спиной к двери, он поджаривал на плите толстые ломти желтого хлеба. Рядом Элис заметила липкий горшок с патокой и две тяжелые глиняные тарелки. Повернувшись, Лефтрин бросил на каждую тарелку по поджаристому ломтю.

Увидев Элис, он улыбнулся:

– О, так быстро! Моей сестре всегда нужно полдня, чтобы одеться ради любого случая. А ты уже здесь, полностью готовая. И красивая, словно картинка, с головы до ног!

Элис с удивлением отметила, что краснеет.

– Ты слишком добр, – выдавила она, с отвращением чувствуя, как официально это звучит.

И зачем только Седрик намекнул ей, что поощрять грубоватый флирт капитана неприлично!

«У Лефтрина просто такие манеры, – твердо сказала она себе. – Ко мне это не имеет никакого отношения».

Элис села к столу.

Похоже, на борту бодрствовали только они двое. Она отпила глоток кофе. Густой и черный напиток, вероятно, настаивался на плите всю ночь. Сливки, чтобы уменьшить его горечь, не было, поэтому она последовала подсмотренному у матросов обычаю и щедро подлила в кружку патоки. Теперь кофе был похож не на деготь, а на сладкий деготь. Налив немного сладкой жижи на поджаренный хлеб, Элис поспешила съесть его, пока не остыл. Сейчас дорого время, а не изящные манеры. Лефтрин убрал со стола, сложив тарелки и кружки в таз для мытья посуды.

– Ну что, идем? – позвал он, и Элис кивнула.

Вместе они покинули камбуз, и капитан помог Элис сойти с корабля. Сходней не было, поэтому пришлось прыгать прямо на причал. Когда она ступила на сушу, ей показалось вполне естественным опереться на предложенную капитаном руку. Пока они шли вдоль пристани в свете раннего утра, Лефтрин указывал на стоящие у причалов корабли, называл их имена и сообщал что-нибудь о каждом. «Смоляной» оказался самым большим из них.

– И он самый старый, – с гордостью сказал капитан. – Строители не пожалели на него диводрева. С тех пор как его спустили на воду, река съела тысячи судов, а Смолянному все нипочем – едкое течение, камни, мели, – он знай себе продолжает бороздить воды.

Покинув плавучую пристань, они вышли на широкую дорогу. Утоптанная земля странным образом подавалась под ногами.

– Это кожаная дорога, – пояснил капитан. – Старинное изобретение. Слои дубленых шкур укладываются поверх бревен, на них – кедровые ветки и

толстым слоем кора, потом снова шкуры и, наконец, зола, а сверху слой земли. Так оно гниет не слишком быстро, а слои дерева и кожи придают плавучесть. Такая дорога тоже, конечно, не вечная, но обычную-то растоптали бы в грязь за несколько недель, а потом просочившаяся снизу вода затопила бы то, что осталось. По виду не скажешь, но эта дорога стоила Кассарику немалых денег. А вот и подъемник. Или ты предпочитаешь лестницу?

У основания огромного дерева начиналась спиральная лестница, ведущая вверх вокруг древесного ствола. Запрокинув голову, Элис увидела над собой нижний ярус Кассарика. Для тех, кто не желал пользоваться лестницей, рядом имелось иное подъемное средство: хлипкого вида платформа с плетеным ограждением. Около нее болтался длинный, тоже плетеный шнур с рукоятью.

- Тянешь за шнурок от колокола, и если работник на месте, он спускает вниз противовес, чтобы поднять платформу вместе с тобой. Это, конечно, стоит пару монет, зато быстрее и легче, чем путь по лестнице.

- Думаю, лучше лестница, - решила Элис.

Но, не пройдя и половины, пожалела о своем решении. Подъем был круче, чем ей казалось снизу. Капитан отважно сопровождал ее, тихонько ворча на каждой ступеньке. Достигнув первой площадки и оглядевшись, Элис сразу же позабыла о боли в ногах.

Широкий помост огибал гигантский древесный ствол. Торговые палатки, лепившиеся к стволу, только-только открывались, продавцы раздвигали тканевые занавески. От центрального помоста разбегалась сеть подвесных мостиков, тянущихся в разных направлениях к другим деревьям и сооруженным на них помостам. Мосты были с перилами, но провисали посередине, а между планками явственно виднелись просветы.

- Вот путь к Залу Торговцев, - сказал Лефтрин и, положив ее руку на свое предплечье, повел к одной из дорожек.

Через четыре шага у Элис закружилась голова. Планки мелодично поскрипывали под ногами. Лефтрин даже не придерживался за хлипкие перила и словно бы не замечал мягкого покачивания мостика. Элис глянула вниз и ахнула: земля оказалась так далеко под ногами, - затем перевела взгляд в сторону и неожиданно ощутила тошноту. Мостик проседал под их весом, и всякий раз, ступая на очередную планку, Элис была уверена, что вот-вот рухнет вниз вместе со всем этим сооружением. Лефтрин положил ладонь поверх ее руки, вцепившейся ему в предплечье.

- Смотри вперед, на следующий помост, - посоветовал он негромким уверенным тоном. - Поймай ритм - это все равно что лезть вверх по ступенькам. Не смотри вниз и не беспокойся понапрасну. Жители Дождевых чащоб строят такие мосты уже больше сотни лет. Это наши улицы. Им можно доверять.

Его голос звучал твердо, в нем не было снисходительных ноток. Значит, Лефтрин не стал думать об Элис хуже из-за того, что она испугалась. Он принимал ее испуг как нечто естественное и само собой разумеющееся. От этого ей легче было последовать его совету. Элис крепче ухватилась за

спутника, принаравливаясь к его шагу, и скоро поймала правильный ритм движения, от которого мостик не раскачивался. Удивительным образом это оказалось похоже на танец в паре. Они достигли самой нижней точки мостика, дальше пошел пологий подъем, планки превратились в ступеньки, которые неожиданно привели к следующему помосту. Элис остановилась передохнуть, и капитан Лефтрин остановился вместе с ней.

- Осталось пройти всего три, - сказал он.

Легкий страх так и не покинул Элис, но отступить она не собиралась.

«Это вызов, - подумала она. - Это вызов, но я не побоюсь его принять».

- Тогда идем, - ответила она.

Храбрость едва не покинула ее на втором мостике, когда они повстречались с группой рабочих. Им с Лефтрином пришлось отойти к краю, чтобы уступить дорогу, и от шагов рабочих все сооружение принялось подпрыгивать, словно дружелюбный пес, которого погладили по голове. Но на третьем мостике ощущение танца в паре с Лефтрином вернулось. Когда путь завершился, Элис слегка запыхалась и все же чувствовала себя победительницей.

Кассарик был не чужд гордыни. Об этом свидетельствовали размеры Зала Торговцев, построенного вокруг ствола самого большого из всех деревьев, на которых до сих пор побывала Элис. Помост, поддерживающий строение, одновременно служил тем же, что площадь перед городской управой в наземных городах. Он отгибал и зал, и дерево. Четыре лестницы вели с него на помосты ближайших деревьев. Было еще рано, и солнечные лучи едва пробивались сквозь кроны, поэтому вдоль дорожек горели факелы. Так далеко от реки свет с прогалины почти не добирался. Элис показалось, что она забрела в сумеречный город сказочного народа.

Элис выросла в Удачном среди потомков старинных семейств торговцев, издавна поселившихся там. Но она всегда знала о сородичах из Дождевых чащоб и читала узы, связывающие их со старинными семействами Удачного. Только здесь, в Дождевых чащобах, можно было откопать волшебные сокровища Старших. Но жизнь в лесных кронах и работа в погребенных городах Старших накладывали отпечаток на людей. Почти все местные жители с рождения имели какие-то отметины, которые с каждым годом становились все виднее: чешуйки на черепе или на губах или бахрому из мясистых выростов под челюстью. С возрастом у некоторых менялся цвет глаз или утолщались ногти. Такие отметины Элис видела у всех жителей чащоб, приезжавших в Удачный. И у капитана Лефтрина они были: синеватая и слегка чешуйчатая кожа на тыльной стороне кистей и на запястьях, чешуя под густыми бровями и сзади на шее. Но на это запросто можно было не обращать внимания.

Здесь, в Кассарике, равно как и в Трехоге, большинство жителей ходили с открытыми лицами. Это был их город. Чужакам же, если они относились к местным жителям без уважения, приходилось очень быстро отсюда уезжать. Элис старалась не глазеть на рабочих, когда те шли мимо них на мостике. Кисти и локти у них были густо покрыты чешуйками, причем не телесного цвета, а синими, зелеными или ярко-алыми. Один мужчина оказался совсем лысым, череп его зарос чешуей, напоминающей странный обтягивающий капюшон; такая же чешуя шла по линии бровей и вместо губ вокруг рта. Еще

у одного под подбородком была плотная бахрома из мясистых выростов, а над глазами нависала складка кожи, похожая на петушиный гребень. Элис отвела от них взгляд, благо была поглощена стараниями сохранять равновесие на болтающемся мостике.

Но теперь она стояла на прочном помосте и не знала, куда девать глаза. Ранним утром здесь было не так уж много народа, однако все были явственно отмечены Дождевыми чашобами. Многие бросали на Элис любопытные взгляды, и она отчаянно твердила себе, что дело всего лишь в ее наряде, который сильно отличается от местной одежды и поэтому привлекает внимание. Мужчины были одеты почти одинаково: темно-синие рубашки из плотного хлопка, бурые штаны из толстой парусины, свободные холщовые куртки, а на ногах – тяжелые башмаки, покрытые засохшей грязью. На их плечах висели холщовые сумки – видимо, с обедом. Из карманов штанов торчали толстые перчатки и шерстяные шапки.

– Рабочие с раскопок, – пояснил Лефтрин, когда они прошли. – Идут на весь день под землю. Там всегда холодно и сыро, и зимой и летом.

Мимо прошла женщина в мягких кожаных штанах и кожаной жилетке, отделанной мехом.

– Она древолаз, – пояснил Лефтрин. – Видишь, ходит босиком, чтобы крепче цепляться за ветки. Полезет в верхние ярусы кроны собирать плоды или птиц ловить.

Когда Элис почти решила про себя, что жизнь женщин в Кассарике тяжела и безрадостна, навстречу им промчались, болтая на ходу, две девушки. Они были наряжены в легкие утренние платица и, вероятно, направлялись к подругам, чтобы пройтись с ними по рынку. Их оборчатые юбки были короче тех, что носили сейчас в Удачном, и из-под них выглядывали мягкие коричневые туфельки. Плечи девушек украшали кружевные косынки, а их шляпки имели форму огромных свернутых листьев. Элис повернулась, чтобы посмотреть им вслед, и на миг ее охватило знакомое чувство зависти. Они выглядели такими веселыми, так радостно щебетали друг с дружкой о своих девичьих заботах... Дойдя до мостика, девушки взялись за руки и, легонько топоча по досочкам, перебежали на другую сторону с озорным гиканьем – точно мальчишки-сорванцы.

– Почему ты вздыхаешь? – спросил Лефтрин, и Элис поймала себя на том, что все еще смотрит девушкам вслед.

Она покачала головой, улыбаясь собственной глупости:

– Я просто подумала, что каким-то образом проскочила этот возраст. И всегда об этом сожалела. Такое чувство, что из девочки я сразу превратилась в солидную женщину, периода вот такого беззаботного времени в моей жизни и в помине не было.

– Ну уж, ты говоришь прямо как старуха, у которой уже вся жизнь позади.

У Элис перехватило горло.

«Так и есть, – подумала она. – Через несколько дней я вернусь домой и стану такой, какой мне предстоит оставаться до конца жизни. Никаких приключений, никаких перемен.. И завтрашний день не будет обещать ничего, кроме благопристойной обыденности».

Она попыталась проглотить ком в горле и к тому времени, как смогла заговорить, подыскала более подходящие слова:

– Что ж, я замужняя женщина с устроенной жизнью. Видимо, немного скучаю по чувству неуверенности. По возможности, ожидающим прямо за углом.

– Хочешь сказать, у тебя никогда этого не было?

Элис помолчала, потому что правда отчего-то казалась унижительной.

– Вероятнее всего. Полагаю, моя судьба была предрешена с самого начала. Брак стал для меня некоторой неожиданностью. Я не думала, что когда-нибудь выйду замуж. Но как только стала замужней женщиной, моя жизнь обратилась в рутину, подобную той, что сопровождала меня прежде.

Лефтрин молчал дольше, чем следовало бы, и, взглянув на него, Элис увидела, что его губы странно кривятся – словно он пытается удержать внутри себя какие-то слова.

– Можешь говорить откровенно, – предложила она, а потом задумалась, хватит ли ей смелости выслушать то, что он хотел утаить.

Капитан улыбнулся ей:

– Может быть, я сейчас покажусь невежливым, но знай: если бы я был женат на такой женщине, как ты, и она сказала бы другому парню, что ее жизнь в браке со мной не слишком отличается от жизни до брака.. Пожалуй, я попытался бы понять, что делаю не так. – Он приподнял брови и прошептал с почти неприличным намеком: – Или чего не делаю!

– Капитан Лефтрин! – воскликнула Элис, потрясенная до глубины души.

А капитан рассмеялся, и она с ужасом поняла, что вторит ему. Когда оба умолкли, чтобы отдышаться, Лефтрин предупредительно поднял руку:

– Нет, не говори мне! Есть вещи, которые жена не должна никому говорить о своем муже. К тому же мы уже пришли, так что времени на праздные разговоры не осталось.

Они стояли у дверей Зала Торговцев. Каждая из высоких створок была сделана из цельного куска черного дерева высотой в два мужских роста. Лефтрин толкнул одну створку, и она бесшумно отворилась.

В холле не было окон. Свечи в единственном канделябре источали запах апельсиновых цветов. Лефтрин, не замедляя шага, прошел по застланному ковром полу и открыл следующую дверь, такую же высокую. Элис последовала за ним и оказалась в круглом помещении. Ряды скамей ярусами поднимались кверху от широкого возвышения. На возвышении стоял длинный стол из светлого дерева, а за столом – дюжина тяжелых кресел. Половина из них

пустовала. Висящие в воздухе сферы, по виду – из желтого стекла, озаряли помещение золотистым светом. Расположены эти светильники были так, что тени, отбрасываемые предметами, принимали странную форму. По стенам комнаты висели гобелены – либо вытканые Старшими, либо искусная подделка. Элис впиалась в них глазами, страстно желая попросить позволения в деталях изучить каждый рисунок.

Внезапное появление Лефтрина и Элис вызвало легкий переполох среди шестерых членов Совета, сидевших в креслах. Несмотря на ранний час, они были облачены в официальные одеяния торговцев. Каждая мантия отличалась от других по цвету и покрою, указывая, из какого семейства первопоселенцев происходит ее владелец. Элис не знала ни одного из них. Старинные семейства торговцев в Удачном и в Дождевых чащобах имели разные корни, хотя нередко их связывали между собой брачные союзы. Ближе к середине стола сидела женщина с морщинистым лицом и жесткими седыми волосами, остриженными ежиком.

– Это закрытое заседание, – сообщила она пришельцам. – Если вы здесь по делам торговцев, извольте получить назначение и приходите позже!

– Полагаю, мы приглашены на это заседание, – возразил Лефтрин.

Это «мы» не ускользнуло от внимания Элис, и сердце ее подпрыгнуло. Лефтрин наверняка сделает все возможное, чтобы ей позволили остаться здесь и узнать, что будет с драконами.

– Я капитан Лефтрин с баркаса «Смоляной». Когда я причалил вчера поздно вечером, меня пригласили прийти сюда как можно раньше с утра. Думаю, чтобы обсудить перевод драконов вверх по реке. Но если я не прав...

Его слова повисли в воздухе, и седая женщина вскинула руки, словно отменяя свой предыдущий протест. Но прежде чем она успела заговорить, дверь за спиной Лефтрина и Элис хлопнула – громко и зло. Элис, вздрогнув, обернулась и замерла в изумлении. У двери стояла женщина-Старшая в синесеребряном одеянии. Ее глаза блестели в золотистом свете ламп, подобно металлу, а лицо было точно сам гнев, воплощенный в камне.

– Это незаконное заседание, капитан Лефтрин. Сам видишь, число присутствующих недостаточно для того, чтобы дать разрешение на какие бы то ни было действия.

– Ты ошибаешься, Малта Хупрус. – С этими словами седая женщина взяла со стола два листа бумаги. – У меня есть уведомления о разрешении действовать от имени двух членов Совета, которые слишком заняты и не могут присутствовать сегодня. Я имею право распоряжаться их голосами, как сочту нужным. А если все мы проголосуем за одно и то же, то окажемся в большинстве, с поддержкой остальных или без нее.

– Но мой брат, Сельден Вестрит, такого разрешения точно никому не давал. И не забывай, торговец Полск, что он представляет интересы драконицы Тинтальи, а следовательно, я не понимаю, каким образом вы можете принять решение без него.

- У него только один голос. Будет он за или против, его голос ничего не изменит.

- Он представляет интересы Тинтальи. Он говорит от имени драконов. Разве вы можете принимать решения относительно их судьбы, даже не посоветовавшись с ним? Уж точно нет!

Произнося эту гневную речь, Старшая прошла мимо гостей. Элис старалась не глазеть на нее, но безуспешно. Все знали историю Малты Хупрус. Она оказалась вовлечена в неудачную попытку похищения сатрапа Джамелии. Вместе с ним ее захватили пираты, и в конце концов она стала одной из тех, кто способствовал заключению мира между Джамелией и Пиратским королевством. Но прославилась она по другой причине. Малта открыла свои мысли драконице Тинталье, между ними образовалась связь, и Малта помогла ей выйти из кокона. Некоторые считали, будто это и предопределило превращение обычной девушки из семейства торговцев Удачного в женщину с явственными признаками Старшей расы. Другие утверждали, что это изменение - подарок от драконицы. Жених и брат Малты оказались участниками тех же событий и тоже присутствовали при рождении Тинтальи. И их коснулись точно такие же перемены.

- Мы пытались пригласить на это собрание Сельдена Вестрита, но его нет ни здесь, ни в Трехоге. И нам сказали, что он вернется не раньше чем через четыре месяца. К тому времени погода испортится и наступит еще одна долгая сырая зима, когда драконы снова начнут превращать земли вокруг Кассарика в болото. Мы должны действовать безотлагательно. Мы не можем задерживаться только для того, чтобы выслушать мнение одного-единственного члена Совета.

- Вы действуете сейчас именно потому, что его нет в Дождевых чащобах и он не может помешать вам именем Тинтальи.

У седой женщины был вид полководца, попавшего в засаду. Кое-кто из торговцев рядом с ней, похоже, был смущен, но как минимум один выказывал раздражение, постукивая пальцами по краю стола. Этот молодой мужчина с оранжевыми чешуйками на высоких скулах явно злился. Он стиснул зубы, словно пытаясь сдержать рвущийся с языка гневный ответ.

Председательствующая произнесла:

- Ты была с нами, когда мы ходили разговаривать с драконами. Ты слышала, что они поняли наше предложение. Ты знаешь, что самый большой дракон, черный, согласился на то, чтобы поискать место получше. Мы даже готовы удовлетворить его требования и предоставить им несколько охотников и хранителей. Они могут прибыть в любую минуту и будут готовы немедленно отправиться в путь. Мы собрались тут этим утром лишь для того, чтобы заверить, что мы оправдаем ожидания драконов. Капитан Лефтрин, мы призвали тебя сюда в надежде подрядить тебя и твой баркас сопровождать драконов и их хранителей вверх по реке.

Элис оценила, как ловко женщина сменила тему разговора, обратившись к Лефтрину. Но сама она все еще не разобралась до конца в происходящем. Драконы должны уйти из Кассарика? Их будут сопровождать охотники? И возможно, баркас капитана Лефтрина?

– Это очень неожиданно, – ответил Лефтрин. Он сделал глубокий вдох и заговорил – медленно, тщательно подбирая слова: – Даже слишком неожиданно. Прежде чем я дам ответ, я должен точно знать условия.

Элис догадалась, что кроется за этими скупыми словами Лефтрина. Благодаря речи Малты капитан понял, что сейчас он держит Совет Кассарика за горло. Торговцам нужно действовать как можно быстрее. Если то, что Лефтрин говорил о своем корабле, правда, значит его баркас действительно единственное судно, способное сопровождать драконов вверх по реке. Они заплатят ему столько, сколько он запросит, или упустят единственную возможность. Ясно, что они хотят отправить драконов в путь до наступления зимы или до возвращения Сельдена Вестрита.

Женщина из Совета загнанно переводила взгляд с Лефтрина на Малту:

– У нас действительно есть предложение для тебя, капитан Лефтрин. Мы готовы обсудить условия договора. Мы хотим нанять твое судно в качестве корабля сопровождения для драконов и их хранителей. На «Смоляной» погрузят дополнительную провизию для них; кроме того, на нем поплывут охотники. Это будет основной корабль, к которому при необходимости будут привязывать на ночь лодки хранителей. Один из охотников – опытный разведчик. Он сможет не только добывать мясо, но и составлять карту реки и вести журнал примечательных событий. Он же назначается представителем Совета и наделяется правом решать, какое место подойдет для расселения драконов. Когда он придет к этому решению, то даст тебе знать, и оттуда ты сможешь вернуться обратно в Кассарик.

Малта оборвала эту речь резким вопросом:

– Если лодки хранителей необходимо будет привязывать на ночь к кораблю, стоящему на реке, то, хотела бы я знать, где в это время будут находиться драконы, торговец Полск?

Женщина покачала головой:

– Мы всего лишь предполагаем такую необходимость, Малта. Просто даем распоряжения на всякий случай.

– А представитель Совета? Зачем нужен он? Разве не сами драконы будут решать, какое место им подходит и когда пора освободить своих хранителей от службы?

Глаза Старшей вспыхнули странным светом.

«Да они же мерцают!» – осенило Элис.

Губы Малты были гневно сжаты. И не только это свидетельствовало о ее ярости. Золотистые шары, освещавшие помещение, начали смещаться. Сила, что прежде удерживала их на месте, исчезла, и сферы стали медленно, но целенаправленно дрейфовать к Малте. Кто-то из членов Совета издал тревожный вздох, но остальные сохраняли на лицах выражение каменного равнодушия.

Глава Совета пыталась говорить спокойно:

– Драконы могут не осознать, когда мы достигнем той грани, когда все возможное с нашей стороны уже сделано. Это печально, но это так. Посему мы должны послать с драконами того, кто сможет вынести непредвзятое решение.

– Непредвзятое? – переспросила Малта. – Представитель Совета способен быть непредвзятым? Возможно, следует назначить и представителя от драконов, который будет следить, чтобы с ними обошлись честно и чтобы договор соблюдался. Вы думали о том, чтобы сдержать слово, данное Тинталье? Согласно письменному договору, который мы заключили?

Плавающие шары уже окружали ее, из-за чего остальная часть помещения погрузилась в полумрак. На покрытом чешуей лице и блестящих руках плясали световые блики. Малта сияла, словно статуя из драгоценного камня. Ее глаза напоминали ограненные самоцветы.

– А она сдержала слово? – прошипела Полск. – Тинталья исчезла и бросила нас с ордой голодных драконов на руках! Чего ты хочешь от нас? Чтобы мы продолжали держать их здесь, у самого Кассарика? Это плохо и для них, и для нас! Пока они здесь, делу не поможешь. Но если мы отошлем их вверх по реке, возможно, они найдут для себя лучшие уголья. Посмотри: многие из них уже умерли, а те, кто остался, слабы и больны. Это не тот случай, когда ты имеешь право применять свою силу, чтобы заставить нас отступить. Лучше бы ты помогла найти самый подходящий способ их исхода. Потому что исход – лучшее, что мы можем предложить драконам, Малта. Уверена, ты убедишься в этом сама.

– Я ничего подобного не вижу, – возразила Малта, но в голосе уже не слышалось веры в победу. – Я вижу, есть нечто, чего я не знаю, нечто, что заставляет вас срочно собирать людей для этого предприятия и отправлять их в дорогу. Но разве вы честны со мной?

Огни, окружавшие ее, приугасли. Полск, не отвечая на вопросы, поспешила упрочить преимущество:

– Ты получала какие-нибудь известия от своего брата или от драконицы Тинтальи?

– Мой брат еще в пути, а все знают, как трудно своевременно отправлять послания с корабля. И я ничего не слышала от Тинтальи и не чувствовала ее присутствия вот уже несколько месяцев. Не знаю, что с ней. Она может просто быть далеко, или же ее настигла какая-то страшная участь. Мне неизвестно. – Голос Малты был полон горечи. Но дальше она заговорила тверже: – Но я знаю: многие торговцы Удачного дали ей слово, что сделают все возможное для ее младших братьев. Если бы Тинталья не вмешалась в войну с Калсидой, Удачный лежал бы в руинах. И это ведь она не пустила калсидийские корабли в устье реки Дождевых чашоб. Мы нуждались в помощи – и драконица помогла нам. А теперь, когда она ушла, мы бросим юных драконов умирать только потому, что заботиться о них стало слишком трудно? Неужели теперь, в эти мирные дни, слово торговца так пало в цене?

Пока она говорила, световые сферы вокруг нее разгорались все жарче. Свет отражался от тела Малты, и в конце концов стало казаться, что она не отражает, а излучает его.

В помещении повисло молчание, – возможно, члены Совета были пристыжены. Кое-кто из них обменялся взглядами.

И тут тишину нарушила Элис:

– Я была там. Я была там в ту ночь, когда драконица явилась к Залу Торговцев Удачного. В ту ночь, когда была заключена сделка. Я слышала, что говорила Тинталья, и видела, как с ней подписали соглашение. – Голос женщины задрожал. – Я слышала, как Рэйн Хупрус требовал еще одного условия соглашения: чтобы Тинталья помогла ему найти Малту.

Элис перевела взгляд с потрясенной Старшей на членов Совета. Она заставила себя стоять прямо, собрала всю храбрость, которой в себе даже не подозревала, и возвысила голос, чтобы ее было слышно всем в зале:

– Мое имя – Элис Кинкаррон Финбок. Помимо того, что я подписала соглашение с драконицей Тинтальяй и потому имею право голоса здесь, вряд ли кто-то в Удачном знает о драконах и Старшей расе больше меня. Я проделала долгий путь от Удачного до Кассарика, намереваясь поговорить с драконами и пополнить свои познания. С тех пор как Тинталья появилась среди нас, я посвятила себя изучению и переводу всех доступных свитков и глиняных табличек, где говорится о драконах и Старших. И мне кажется, вы не до конца сознаете, чем рискуете, идя на нарушение соглашения с драконицей, которая скрепила его своим истинным именем. Зато я, как лучший знаток драконов в Удачном, не могу этого не понимать.

Переводя дыхание, Элис отбросила прочь сомнения: здесь не было никого из Удачного, поэтому никто не мог оспорить сказанное. А сама она знала, что говорит правду, и только это сейчас имело значение. Она продолжила свою речь, с удивлением прислушиваясь к собственным решительным словам, слетавшим с языка:

– Не думаю, что Совет торговцев Кассарика наделен властью принимать такие решения касательно...

– Ты изучала драконов и Старших, – вдруг прервала ее Малта. – Скажи, ты находила в древних свитках упоминания о месте под названием Кельсингра? Кажется, это был город Старших.

Элис ощутила себя парусным кораблем, внезапно потерявшим ветер. Неожиданный вопрос Малты сбил ее с мысли, и вся цепь рассуждений, которую она намеревалась развернуть перед Советом, мгновенно вылетела у нее из головы. Новость о немедленном «исходе» драконов потрясла ее – она-то, когда Лефтрин поделился с ней тайной, решила, что у нее будет хотя бы несколько дней на общение. А теперь оказалось, что ее лишают и этой малости. На миг Элис преисполнилась решимости отвоевать утраченное. Но стоило вмешаться Малте – и вся ее напускная смелость куда-то исчезла.

Элис взглянула на членов Совета, ожидая увидеть на их лицах недовольство вопросом Старшей. Но они так же сосредоточенно, как и сама Малта, ждали ответа. Торговец Полск подалась вперед, уставившись на приезжую.

И тут капитан, о котором Элис почти позабыла, успокаивающе сжал ее руку:

– Ну же. Скажи им.

Несколько мгновений Элис недоумевала: ему-то откуда знать про Кельсингру? Но потом вспомнила их вчерашнюю беседу о речной навигации. Лефтрин говорил, что фарватер, которым он шел только месяц назад, уже может быть занесен илом. А Элис, изо всех сил стремясь произвести впечатление, с умным видом кивнула и рассказала историю из старого свитка – о том, что подход к пристаням Кельсингры тоже приходилось часто расчищать. Капитан заметил, что никогда не слышал о таком городе. Элис в ответ только пожала плечами, бросив фразу, что Кельсингру, наверное, давным-давно поглотила река.

Она посмотрела на Малту – та даже слегка наклонилась в ее сторону. Казалось, Старшая приготовилась к борьбе. Ее глаза пылали надеждой. Световые шары, только что окружавшие Малту плотным кольцом, снова разошлись в стороны, но она по-прежнему казалась средоточием света в этом зале. Как могла Элис признаться, что Кельсингра для нее всего лишь название из свитка? Она беспомощно огляделась по сторонам, и ее взгляд, по воле судьбы или случая, упал на гобелен слева от Малты. Странный трепет пронзил Элис. Она медленно подняла руку и указала на гобелен:

– Вот Кельсингра. – Элис подошла ближе к стене, ее сердце с каждым шагом колотилось все быстрее. – Дайте мне больше света, пожалуйста, – произнесла она, в восторге от своей находки почти забыв, где находится и с кем разговаривает.

В ответ на ее просьбу Малта послала следом световые сферы. Они плыли за Элис и остановились одновременно с нею. Освещенный гобелен стал похож на окно в древний мир – здесь были все его приметы. Неведомая мастерица прошлого так постаралась, что можно было разглядеть мельчайшие детали местности.

– Вот. – Элис указала на то, о чем говорила. – Это, должно быть, знаменитая план-башня Кельсингры. Судя по тому, что я читала, план-башни были построены в нескольких крупных городах Старших. В каждой такой башне была выложена большая рельефная карта окружающей местности, а окна смотрели как раз на те земли, которые были изображены на карте. Кое-где использовались символы, обозначающие более отдаленные места. В свитках написано, что план-башни каким-то образом помогали людям быстро перемещаться из одного места в другое, но как именно – не говорится. План-башня в Кельсингре упоминается в нескольких источниках, и, возможно, это указывает на ее особое значение среди башен.

Элис слышала собственный голос словно издали. Как она мечтала, что этот наставнический тон когда-нибудь появится у нее. Когда ее изыскания получат широкое признание и люди пожелают, чтобы она поделилась с ними своими знаниями... Ей и в голову не приходило, что придется читать лекцию в Кассарике и что среди ее слушателей будет Старшая.

Указав в другую точку, Элис заговорила снова:

– Вы видите, что план-башня является частью весьма впечатляющего здания. На декоративном фризе на фасаде изображена Старшая, она идет за плугом, запряженным волком. На прилегающей стене – королева-драконица. Я предполагаю, что сочетание этих двух изображений не случайно – оно означает, что эта пара так же значима для Кельсингры, как две стены главного городского сооружения. Мы можем только гадать, что нарисовано на других стенах здания. Посмотрите, какую выдающуюся ширину и глубину имеют ступени, ведущие к огромной входной двери. Людям, равно как и Старшим, которые по росту сравнимы с людьми, не понадобились бы ни такие ступени, ни такие огромные двери. Я считаю, что это сооружение, названное в одном свитке Цитаделью Летописей, предназначено не только для Старших, но и для драконов.

– Но где это находится? Где она, Кельсингра?

Низкий, полный нетерпения голос Малты оборвал лекцию. Элис медленно повернулась, чтобы взглянуть на Старшую:

– Указать точно я не могу. Насколько мне известно, до сих пор не найдено ни одной карты той местности, что мы сейчас называем Дождевыми чащобами. Но, судя по письменным источникам, Кельсингра расположена значительно выше по реке, чем Трехог и Кассарик. У нас есть описания роскошных лугов, которые окружали город и служили отличными пастбищами как для домашнего скота, так и для диких животных. Драконы питались теми и другими, и это считалось их правом. Но описанные в свитках открытые холмистые луга совсем не похожи на густой лес Дождевых чащоб, который всем нам известен. То же можно сказать и об описании реки. Согласно свиткам, река в окрестностях Кельсингры была глубокой, а во время разливов становилась очень быстрой и опасной. В свитках и на этом гобелене наглядно изображено, как парусные корабли с килем подходят к городу и причаливают к пристани. Там же стоят большие торговые суда. То есть изображения не соответствуют реке Дождевых чащоб, которую мы знаем. Следовательно, мы можем предположить, что река изменилась, – особенно если вспомнить о погребенных развалинах здесь, под городом. Или же можно считать, что существовала другая река, приток реки Дождевых чащоб либо вообще отдельный поток, ныне поглощенный нашей рекою, но некогда протекавший мимо Кельсингры.

Слова и воздух в легких Элис закончились одновременно. Она повернулась от гобелена к слушателям. На лице Малты отражалась смесь торжества и разочарования. Торговец Полск неистово кивала.

– Превосходно! – воскликнула она прежде, чем кто-то успел вставить хоть слово. – Мы в долгу перед тобой, госпожа. Черный дракон говорил об этой Кельсингре как о наилучшем месте для пребывания драконов. Они намекали нам, что это был большой город Старших. Но до нынешнего момента ничто не подтверждало его существования. Вы представили нам не только наглядное свидетельство, но и свое высокоученное мнение касательно того, что это место действительно существовало и, возможно, продолжает существовать! Никто из нас и не ожидал таких замечательных новостей!

– Я ожидала, – спокойно возразила Малта. – Я ожидала появления карты, которая бы четко показала нам, где располагался этот город по отношению к двум другим городам Старших. Тем, что нам известны. – Малта щелкнула пальцами, словно в раздражении, и световые шары порскнули в стороны, как испуганные коты. Она подошла к нижнему ряду скамей и устало опустилась на одну из них. Неожиданно Старшая стала похожа на обычную усталую женщину. – Мы так подвели их. Дали слово Тинталье и поначалу делали для них все, что могли. Но постепенно стали все больше пренебрегать обещанием, и последние два года были сплошным кошмаром. Многие из них уже умерли..

– Без нашей помощи они умерли бы все. Без нашей помощи большинство из них даже не оуклились бы и тем более не вылупились, – возразила Полск.

– Если бы мы не распиливали коконы на доски, чтобы построить корабли, многие древние драконы выжили бы и вылупились после землетрясения, – не сдавалась Малта.

– А если бы не было живых кораблей, где были бы вы все? – осмелилась заметить Элис.

Малта, казалось, погружалась в отчаяние, но Элис чувствовала нарастающее возбуждение. Самая замечательная из всех идей, которые когда-либо приходили ей в голову, внезапно предстала перед ее внутренним взором. Обдумать эту идею ей не хватало смелости. Элис колебалась, разрываясь между страхом получить отказ и ужасом перед возможным согласием.

Попытавшись придать голосу твердость, она спросила:

– Как скоро драконы должны отправиться в путь?

– Чем скорее, тем лучше, – ответила Полск и провела обеими руками по своим стриженным седым волосам, поставив их дыбом, словно драконий гребень. – Задержка только навредит всем, в том числе драконам. Если бы они могли тронуться в путь завтра, я настаивала бы на этом.

– Но я проделала долгий путь из Удачного только ради того, чтобы изучить этих драконов и, возможно, поговорить с ними, – возразила Элис.

– Они мало склонны к разговорам, – мрачно сказала Малта. – Даже если бы ты прибыла несколько месяцев назад, то дело обстояло бы точно так же. У них есть наследственная память драконов, которыми они должны были стать. Но как ни тяжело мне это признавать, торговец Полск права. Здесь они были и остаются отверженными. Я делала все возможное, чтобы почаще навещать их, и знаю, с какими трудностями сталкивались те, кто честно пытался соблюдать условия нашей сделки с Тинтальей. Я не слепа и все вижу. Но я хотела бы, чтобы все закончилось не так ужасно. Хотела бы пойти с ними и убедиться на месте, что они хорошо устроились. Но я не могу.

Она говорила это с такой горечью, что Элис даже подумала, не больна ли Старшая. Но тут Малта приложила руки к животу – характерный жест, безошибочно выдающий женщину, которая носит дитя и для которой дороже его нет ничего на свете. Теперь все понятно. Головоломка решена. Обстоятельства явно складывались в пользу Элис. Если это и не судьба, то что же?

– Зато я могу пойти. – Она отчетливо произнесла эти слова, стремясь не упустить шанс. – Я готова путешествовать вместе с драконами, чтобы мои знания служили на благо их расе. Я согласна изучать их, наблюдать за ними и, осмелюсь признать, надеюсь быть вместе с ними, если нам, вопреки всему, удастся найти Кельсингру. Позвольте мне пойти.

В зале повисло молчание. Малта смотрела на Элис как на вестницу спасения. Торговец Полск выглядела так, будто срочно измышляла какой-то хитроумный план. Двое членов Совета тарасились на Элис с неприкрытым ужасом. Чутье подсказало ей: у этих двоих были какие-то свидетельства того, что Кельсингра существует и что там можно обнаружить ценное наследие Старших. Элис только что, совершенно непреднамеренно, сорвала какой-то заговор. Мысль об этом подогрела ее отвагу.

– Если Кельсингра будет обнаружена, – обратилась она к Малте, – и окажется в сохранности, она станет ценнейшим источником знаний о том, как драконам и Старшим удавалось жить вместе. Загадки, обнаруженные в Трехоге и Кассарике, возможно, разрешатся в Кельсингре.

– Это, несомненно, должны обсуждать торговцы Дождевых чащоб, – заявил один из сидящих за столом мужчин.

– Это должны обсуждать драконы и Старшие, – возразила Малта.

– Сперва надо найти это место. И доставить драконов туда, где они смогут жить, – заявил Лефтрин, улыбаясь до ушей. Он пересек сумеречный зал, шагнул в круг света и встал рядом с Элис. – Если госпожа желает отправиться в это путешествие, чтобы изучать драконов, я с радостью возьму ее с собой.

Седовласая глава Совета подалась вперед, словно желая что-то возразить, и капитан спокойно добавил:

– На самом деле я так и так собирался поставить это условием сделки. – Лефтрин отважно повернулся к Малте, слегка поклонился и произнес: – Возможно, следует уступить Малте Хупрус. Она предложила, чтобы у драконов тоже был представитель. А что же для этого может быть лучше, как не взять на борт знатока драконов?

Малта устало улыбнулась. Потом перевела взгляд на Совет:

– Я буду говорить от имени Тинтальи. – Она посмотрела на Элис. В глазах Старшей был вопрос. Элис кивнула даже прежде, чем Малта произнесла: – Если Элис Финбок согласна отправиться в это путешествие, я согласна принять ее как беспристрастного судью, действующего в интересах драконов.

Четвертый день месяца Злаков,

шестой год Вольного союза торговцев

От Детози – Эреку

Ох уж этот мелкий пронырливый мерзавец! Даже его голуби брезгуют гадить на него! Как будто вес наших чернил на уголке свитка настолько велик, что голубь надорвется! Самодовольный засранец вечно ищет повода опорочить меня, потому что знает: если меня уволят, на мое место, вероятно, возьмут его брата! Умоляю, будь осторожен, выбирая посылную птицу, если хочешь черкнуть пару строк для меня. Помни, что все птицы, которые знают дорогу к моей голубятне, помечены красными ленточками. Ким ленится красить свои ленточки и использует простую кожу – вот ведь кусок дерьма!

Детози

Глава 11

Первое знакомство

Илистые берега реки подсыхали. На плоской бурой земле появлялись трещины и разломы. Когда Синтара вылезала из мутной серой воды, задние лапы ее вязли в прибрежной грязи и на ходу она пошатывалась. Драконы, подумала она, не приспособлены к жизни только на земле. После попытки искупаться с синей чешуйчатой шкуры все еще капала вода, сзади тянулся влажный след. Синтара расправила куцые крылышки, хлопнула ими, стряхнув множество мелких водяных брызг, и снова сложила. Помечтала о широком пляже с горячим песком, где можно было бы валяться, пока шкура не высохнет, а после отполировать до блеска когти и чешую. В этой жизни ей ни разу не довелось насладиться купанием в пыли, не говоря уж о славной чистке на песчаной отмели. Наверняка песок и пыль очистили бы ее шкуру от множества мелких кровососов, мучивших ее, как и других драконов. Синтара по-прежнему ежедневно старалась ухаживать за собой, но не многие следовали ее примеру. К тому же, пока они не избавятся от паразитов, в купании мало толку – ведь Синтаре приходилось жить бок о бок с этими неряхами. И все же она не желала отказываться от своего ритуала. Она дракон, а не тупая придонная саламандра, шныряющая в иле.

Лес, подступавший к берегу, затенял почти всю отмель. За те годы, что драконы вынуждены были тесниться здесь, они расширили прогалину. Некоторые из окружающих деревьев были умерщвлены случайно, когда драконы точили когти или терлись чешуйчатыми боками о стволы, пытаясь облегчить зуд от укусов паразитов. Часть деревьев они погубили намеренно, расширяя территорию, раз уж больше некуда было деваться. Но одно дело – убить дерево, и совсем другое – повалить его и оттащить прочь. Когда дерево убивали, его листва облетала и до земли доходило чуть больше солнечных лучей. А повалить хотя бы одно из огромных деревьев не могли даже несколько драконов разом.

Солнце озаряло берег реки только в разгар дня и задерживалось на несколько часов. Синтара окинула взглядом их стаю – четырнадцать разлегшихся здесь драконов. Большинство из них спали или дремали, спеша насладиться теплом и светом. Делать им все равно было нечего. Более крупные драконы заняли самые освещенные места. Их сородичи поменьше легли там, где успели, в основном на участках, уже испятнанных тенью; самым мелким и слабым и вовсе пришлось лежать в тени. Но и на лучших местах едва ли было по-настоящему хорошо. Речной ил, высыхая, превращался в пыль, которая раздражала глаза и ноздри и заставляла чихать. И все-таки лучше было лежать в скудных лучах солнца. Кожа и кости Синтары так же истосковались по свету и жару, как ее желудок – по мясу.

Чешуя драконов, которые лучше других следили за собой, сияла на солнце. Кало, самый крупный из их клана, мерцал иссиня-черной шкурой – он заполучил самый освещенный клочок почвы. Его голова лежала на передних лапах, глаза были закрыты, а при каждом выдохе возле ноздрей поднимался крошечный фонтанчик пыли. Крылья, сложенные по бокам туловища, выглядели сейчас почти нормальными. Он редко расправлял их – и всякий раз слабые мышцы подводили.

Рядом с ним лежал Ранкулос, выделяясь ярко-алым пятном на фоне прибрежной пыли. Веки его серебристых глаз были сомкнуты – дракон спал. Он был плохо сложен, словно кто-то взял части трех разных драконов и соединил их между собой. Плечи и передние лапы были мощными, но к задней части туловища сужалось, а хвост напоминал отрезок. Крылья постоянно мели землю, не желая складываться. Жалкое зрелище.

Синтара прищурилась, увидев, как лазурный Сестикан вытянулся, расправив крылья, и занял ее место вдобавок к собственному. Его длинные тощие лапы подергивались во сне. Поблизости от Синтары и Сестикана сейчас спали несколько более мелких и слабых драконов. Их тусклые шкуры были покрыты грязью; во сне эти существа сбились в кучку, точно птенцы в гнезде.

Синтара не удостоила их вниманием на своем пути к цели. Один из драконов вскрикнул, два коротко рыкнули, когда она наступила на них. Один перекатился на бок, попав Синтаре под ноги. Она мотнула хвостом, чтобы удержаться на лапах, и хлопнула еще влажными крыльями, обдав мелюзгу холодными брызгами. Те ответили новыми криками, но никто не осмелился бросить ей настоящий вызов. Пробираясь на облюбованное местечко, Синтара намеренно прижала лапой распростертое на земле синее крыло Сестикана.

Сестикан удивленно зарычал и попытался откатиться прочь. Синтара сильнее навалилась на крыло, намеренно изгибая тонкие кости.

– Ты занял мое место, – прорычала она.

– Отпусти меня! – рявкнул тот в ответ.

Она приподняла лапу так, чтобы Сестикан едва-едва смог вытащить помятое крыло. Когда он прижал крыло к телу, Синтара опустилась в пыль. И осталась недовольна. Местечко хранило тепло тела Сестикана, но это был не тот обжигающий солнечный жар, о котором она мечтала. И все же она разлеглась, бесцеремонно отпихнув Верас, чтобы освободить себе побольше

места. Темно-зеленая самка дернулась, обнажив мелкие зубы, а потом снова уснула.

- И не смей больше спать на моем месте, - предупредила Синтара большого лазурного дракона.

Она устроилась поудобнее, неохотно обвив хвостом туловище, вместо того чтобы вытянуть его, как ей хотелось. Но не успела она опустить голову на передние лапы, как Сестикан резко вскочил. Синтара зарычала, когда его тень упала на нее.

Один из мелких драконов, спавших с краю стаи, поднял голову и тупо спросил:

- Еда?

Вообще, для кормежки было рановато. Но тут уже все драконы начали поднимать голову, а потом и вовсе вставать, стараясь высмотреть, что же это появилось на берегу.

- Это еда? - сердито спросила Фенте.

- Смотря насколько ты голодна, - отозвалась Верас. - Люди в маленьких лодках. Сейчас они вытаскивают лодки на берег.

- Я чую мясо! - заявил Кало.

И не успел он договорить, как вся стая пришла в движение. Синтара оттерла Фенте в сторону. Злобная зеленая драконица щелкнула на нее зубами. Проходя, Синтара хлестнула ее хвостом, но от большего воздержалась. Первой успеть к раздаче пищи было куда важнее. Поэтому она собралась с силами и, оттолкнувшись от земли, перепрыгнула через Верас. Высохшие крылья инстинктивно расправились - но впустую. Синтара снова сложила их по бокам и неуклюжим галопом помчалась к берегу.

Человечьи юнцы, стоявшие на берегу, в страхе струдились, прижимаясь друг к другу. Один закричал и побежал назад, к вытасненным на отмель лодкам. Когда драконы подошли ближе, к беглецу присоединились еще трое. Тем временем на узкой утоптанной тропинке, ведущей в лес, к лестницам, поднимающимся до самых человеческих гнезд, появились другие люди. Синтара почуяла знакомого охотника.

- Все в порядке! - крикнул он юнцам у лодок. - Они просто учуяли пищу. Стойте, где стоите, и встречайте их. За этим вы и приехали. Мы сейчас принесем мясо. Давайте сперва накормим их, а потом вы сможете подойти к ним поздороваться. Стойте, где стоите!

Синтара чуяла их страх. Юнцы что-то говорили друг другу, задавали вопросы и выкрикивали предостережения. Тем временем приближались охотники, толкая перед собой деревянные тачки. Каждая тачка была доверху нагружена мясом и рыбой - огромная куча, больше тех, что обычно им приносили. Синтара выбрала третью тачку и отпихнула от нее Ранкулоса. Тот рыкнул, но послушно удовольствовался четвертой. Люди, прикатившие тачки, как обычно,

быстро отступили и остановились у опушки, чтобы забрать их, когда все драконы насытятся.

Синтара зарылась носом в грудку мяса. Оно оказалось холодным, кровь давно высохла, мышцы затвердели. Этот олень, вероятно, был убит вчера или даже позавчера. Потроха уже подгнили, но Синтару это не смутило. Она кусала и глотала, кусала и глотала, пожирая мясо так быстро, как только могла. Пусть даже каждому из них дали целую тачку еды, вполне могла вспыхнуть драка за последние куски добычи, если кто-нибудь прикончит свою долю слишком быстро и решит пожить чужой. Так уже бывало.

В спешке Синтара опрокинула тачку, уронив последние куски в пыль. Она подобрала все, но один речной карп оказался настолько грязным, что застрял у нее в глотке. Пришлось потрясти головой, но это не помогло: рыбина не пропихнулась. Не обращая внимания на остальных, драконица направилась к питьевой яме, где вода, сочившаяся из стенок, была не такой едкой, как речная. Синтара сунула в яму нос, набрала побольше воды, запрокинула голову и сглотнула. Проклятый карп так и стоял в горле. Еще один долгий глоток – и наконец рыбина скользнула в желудок. Синтара с облегчением рыгнула.

Вдруг кто-то спросил у нее:

– С тобой все нормально? А то у тебя был такой вид, словно ты подавилась.

Синтара вздрогнула от неожиданности, потом медленно перевела взгляд вниз. Возле ее передней лапы стояла тощая девчонка из народа Дождевых чашоб. Узкие полоски чешуи у нее на скулах серебрились на солнце. Синтара ничего не ответила, лишь повернула голову, оглядывая илистую равнину у реки. Некоторые из прибывших все еще стояли, сбившись в кучку возле своих маленьких лодок, но кто-то уже отважился оставить своих и подойти к драконам. Синтара снова взглянула на девушку, которая заговорила с ней. Ростом та едва достигала плеча Синтары. От нее пахло древесным дымом и страхом. Синтара разинула пасть и сделала глубокий вдох, вбирая запах девушки. Выдохнув, она заметила, как вздрогнула девчонка, когда ее обдало горячим дыханием.

– Почему ты спрашиваешь? – поинтересовалась Синтара.

Девушка не ответила на вопрос. Вместо этого она указала в сторону леса и произнесла:

– В тот день, когда ты вылупилась, я была там. На том дереве. Смотрела.

– Я не вылупилась. Я вышла из кокона. Ты так мало знаешь о драконах, что не видишь разницы?

Кожа на лице девушки изменила температуру и цвет – это кровь там побежала быстрее.

– Не так уж мало я знаю. Я знаю, что драконы начинают жизнь в образе змеев, вылупляясь на побережье далеко отсюда. Когда я сказала, что ты вылупилась здесь, я просто использовала устоявшееся выражение.

- Неправильно использовала, - уточнила Синтара.

- Прощу прощения, - извинилась девушка.

- Прощу прощения, - поспешно сказала Тимара.

Драконница, похоже, была очень вспыльчивой. Быть может, Тимара сделала ошибку, выбрав ее? Девушка оглянулась на Татса. Он пытался подойти к маленькой зеленой самке. Та, кажется, не обращала на него внимания - разве что угрожающе зашипела, когда он приблизился к ее тачке с мясом. Рапскаль уже обнимался с маленькой красной драконницей. Он начал почесывать ее около шейного воротника, и драконница прислонилась к нему, воркуя от удовольствия. Миг спустя Тимара поняла, что парнишка избавляет драконницу от целой колонии паразитов: мелкие длинноногие насекомые дождем сыпались с нее.

Большинство хранителей все еще стояли у лодок, наблюдая.

Грефт объявил о своем выборе, едва лодка коснулась берега:

- Большой черный - мой. Держитесь все от него подальше и дайте мне поговорить с ним, прежде чем подойдете к остальным.

Возможно, кто-нибудь и прислушался к претензиям Грефта на власть. Но не Тимара. Она уже увидела дракона, о котором хотела заботиться. Блестящую голубую самку с переливчатыми серебристыми отметинами на маленьких крыльях. Несколько слоев чешуйчатой бахромы обрамляли ее шею, словно брыжи на воротнике знатной дамы. Несмотря на малый размах крыльев, она, в отличие от большинства своих сородичей, была сложена вполне пропорционально. Тимара оценила ее красоту и отважилась приблизиться. А теперь вот усомнилась в правильности выбора.

Синяя драконница не проявляла дружелюбия, к тому же была довольно крупной. Если судить по тому, с какой быстротой она сожрала целую тачку мяса, прокормить ее будет нелегко.

«Нет, едва ли я справлюсь», - решила Тимара с растущим смятением.

То, что в Трехоге казалось ей вполне осуществимым, внезапно превратилось в безнадежную затею. Если пропитание для дракона каждому из хранителей предстоит добывать в одиночку, их подопечным наверняка придется постоянно голодать.

Даже набив брюхо мясом, эта драконница не стала покладистее. А как же она будет вести себя, проголодавшись и устав после целого дня пути? Тимара неохотно взглянула на других драконов. Может, найдется более подходящий питомец? Синей самке она, похоже, совсем не понравилась.

Но тем временем другие хранители уже справились со страхом и подошли к стае. Кейз и Бокстер нацелились на двух оранжевых драконов. У Тимары мелькнула мысль, что двоюродные братья сделали сходный выбор. Сильве, застенчиво сложив руки за спиной и склонив голову, негромко беседовала с

золотистым самцом. Тимара увидела, как дракон вскинул голову, открывая синевато-белое горло. Джерд подошла поближе к зеленой в золотую крапинку самке. Когда все хранители смешались со стаей, Тимара произвела быстрый подсчет. Людей явно было недостаточно. Останутся два лишних дракона. Это плохо.

- Зачем вы здесь? Что это за вторжение?

В голосе драконицы звучало раздражение, как будто Тимара чем-то оскорбила ее. Девушка вздрогнула:

- Что? Разве вам не сказали о нашем приезде?

- Кто должен был сказать?

- Совет. Люди из Совета Дождевых чашоб, которые отвечают за драконов. Они решили, что надо всех вас перевести вверх по реке, в более подходящее место. Туда, где есть открытые луга, сухая земля и много дичи для вас.

- Нет, - кратко возразила драконица.

- Но...

- Это не они решили. Никто из людей ничего не решает за нас. Мы сказали людям, которые ухаживают за нами, что покидаем это место и что нам потребуются их услуги. Мы попросили дать нам на время путешествия хранителей, которые будут охотиться для нас и заботиться о нас. Мы сказали, что намерены вернуться в Кельсингру. Ты когда-нибудь слышала это название, мелкое существо? Это город Старших, место, где ярко светит солнце, где простор и песчаные берега. Там жили Старшие, воспитанные и умные создания, они с уважением относились к драконам. Здания строили так, чтобы мы могли в них поместиться. На равнинах паслось полно скота и дичи. Вот куда мы собираемся отправиться.

- Я никогда не слышала об этом месте, - неуверенно сказала Тимара, боясь разозлить собеседницу.

- Слышала ты или нет, меня не интересует. - Драконица отвернулась. - Мы пойдем туда.

Ничего не получится. Тимара беспомощно оглянулась. Два дракона оставались ничейными. Это были грязные существа с тусклыми глазами; они тупо тыкались носом в днища пустых тачек. У серебристого на хвосте зияла гнойная рана. Шкура второго, наверное, была медного цвета, но из-за грязи казалась бурой. Этот дракон был тощим, даже костлявым, и Тимара заподозрила, что у него глисты. Холодный расчет подсказывал ей, что ни тот ни другой не переживут пути. Но возможно, это не имеет значения. Ей уже было ясно, что ее девчоночья мечта подружиться с драконом, которого она будет сопровождать, останется всего лишь мечтой. Это было глупо - грезить о дружбе с могучим благородным существом. Тимара уже многое поняла о предстоящем путешествии, и на сердце было тяжело. Она будет заботиться о тварях, которые считают ее назойливым насекомым и при этом настолько велики, что могут пришибить ее случайным ударом. Мать хотя бы

уступает ей в росте. Мысль о том, что общество матери было приятнее общества раздражительной драконицы, заставила девушку горько улыбнуться.

Драконица выдохнула у нее над ухом:

- Ну?

- Я ничего не сказала, - тихо ответила Тимара.

Она хотела уйти - но не сейчас, когда драконица смотрит на нее.

- Я знаю. Ты даже ничего не слышала о Кельсингре. Но это не значит, что ее не существует. Мне кажется, что шансов отыскать ее у нас не меньше, чем эти твои открытые луга и сухую землю. Потому что если бы кто-то из жителей Дождевых чащоб услышал про такие места, то давным-давно уже поселился бы там.

- Твоя правда, - неохотно согласилась Тимара, удивляясь, почему раньше эта мысль не пришла ей в голову.

Наверняка потому, что задание им дал Совет, состоящий, как принято считать, из старших и мудрейших торговцев Дождевых чащоб. Но откуда этим торговцам знать, что и где следует искать? Никто из них не похож на охотника или собирателя. Большинство выглядят так, словно они никогда не поднимались даже до верхних уровней кроны, не говоря уж о том, чтобы исследовать берега реки. Что, если места, которое их отправили искать, вовсе не существует? Что, если это просто стговор с целью заставить драконов и их сопровождающих покинуть Кассарик?

Тимара отбросила эту мысль, испугавшись ее, - и не только потому, что мысль походила на правду. Девушка вдруг поняла: люди, с которыми она подписала соглашение, вполне могли изгнать как драконов, так и их хранителей, отправив их в бесконечный путь по болотистым берегам реки.

- Почему вы, драконы, так уверены, что эта Керсингра существует? - спросила Тимара у большой синей самки.

- Если ты пытаешься говорить о Кельсингре, по крайней мере, произноси ее название правильно. Вы, люди, крайне беспечно обращаетесь с собственным языком. Подозреваю, что существа с таким маленьким мозгом, как у вас, должны испытывать трудности при запоминании любых сведений. Что касается того, откуда мы знаем о существовании этого города, - мы его помним.

- Но вы никогда не покидали это место на берегу.

- У нас есть наследственная память. Ну, по крайней мере, некоторые из нас что-то помнят. Город на широком, залитом солнцем берегу реки. Пресная серебряная вода из источника. Дворцы и здания, выстроенные так, чтобы соответствовать размерам драконов и в то же время быть пригодными для их союзников-Старших. Великолепные поля, где пасется жирный скот...

В голосе драконицы появились мечтательные нотки, и на миг Тимара почти ощутила голод этого создания - ей так хотелось жирных бычков, их горячей крови и сочного парного мяса. И чтобы за трапезой следовали омовение и

долгий сон на белом песчаном пляже... Тимара тряхнула головой, пытаясь отделаться от этих образов.

- Что такое? - спросила драконица.

- Единственные города Старших, которые мы обнаружили, погребены под слоем ила. Те, кто в них жил, давно мертвы. Изображения на гобеленах и картинах, оставшихся от них, слишком не похожи на все, что мы видим вокруг. Поэтому наши ученые долго спорили: может быть, на них изображены не обнаруженные нами города, а родина Старших, находившаяся где-то далеко на юге?

- Тогда ваши ученые ошиблись, - решительно заявила драконица. - Наши воспоминания могут быть неполными, но я, например, помню, что Кассарик стоял у глубокой быстрой реки и вода в ней была не такой едкой, как в нынешней реке. А рядом находился широкий пляж с серебристо-черным песком. Река была достаточно глубокой, чтобы змеи без труда могли подняться по ней. Корабли Старших тоже доходили по реке до самого Кассарика и дальше, к другим городам вдоль русла. Сам Кассарик не считался крупным поселением, хотя и в нем было на что посмотреть. Сюда змеи приплывали для окукливания, если песчаные равнины возле того места, которое вы называете Трехогом, были уже заняты. Такое случалось не каждый год, но иногда бывало. И потому в Кассарике построили здания, где могли жить драконы, прилетавшие позаботиться о коконах. Еще там стояла Звездная палата со стеклянной крышей. В ней Старшие изучали ночное небо. Стены длинного коридора, ведущего в Звездную палату, были украшены мозаикой из лучащихся собственным светом камней. В этом коридоре не было окон, чтобы посетители могли лучше видеть изображения, с величайшей искусностью выложенные из этих крошечных светящихся камешков. Я помню, еще там была забава, которую люди построили для себя, - лабиринт с хрустальными стенами. Лабиринт времени, как они его называли. Просто глупые фокусы, конечно, но им, похоже, нравилось.

- Если какое-то подобное здание и нашли, я ничего не слышала об этом, - с сожалением произнесла Тимара.

- Это не важно, - отозвалась драконица неожиданно резким тоном. - Это не единственные чудеса, исчезнувшие без следа. Вы, люди, роетесь в остатках тех времен, словно жуки-навозники, прокладываящие тоннели. Вы не понимаете, что находите, и не цените этого.

- Наверное, я пойду, - тихо сказала Тимара и повернулась, чувствуя захлестнувшее душу разочарование.

Она смотрела на двух неприкаянных драконов и пыталась вызвать в себе жалость к ним. Но их глаза были тусклыми и почти невидящими, эти два несчастных существа даже не смотрели на своих братьев, которые уже начали общаться с хранителями. Грязно-коричневый дракон рассеянно грыз пропитанный кровью край опорожненной тачки. И все же... В соглашении, подписанном Тимарой, не было обещания, что она будет сопровождать непременно великолепного смышленного дракона. Там говорилось, что она сделает все возможное для дракона в этом безнадежном странствии и будет изо всех сил о нем заботиться. Возможно, было бы разумнее сразу выбрать

того, от которого нечего ожидать. А может быть, лучше всего вообще ничего не ожидать.

Все остальные хранители добились хоть каких-то успехов. Рапскаль и его красная подопечная, похоже, были самыми счастливыми. Мальчишка отвел неуклюжее создание к опушке леса и теперь натирал чешую хвоей. Маленькая красная драконица радостно извивалась от его прикосновений. Джерд тоже завоевала доверие крапчато-зеленой самки: та подняла переднюю лапу и позволила девушке осмотреть ее когти. Грефт держался на почтительном расстоянии от черного дракона, но, судя по всему, вел с ним вполне деловой разговор. Сильве и золотой самец нашли солнечное местечко и мирно сидели рядышком на потрескавшемся сухом иле у берега.

Тимара оглянулась, ища Татса и тощую зеленую драконицу, которую он выбрал. Оба были у самой воды. Татс держал в руках острогу и шел вдоль берега, в то время как зеленая наблюдала за ним с явным интересом. Тимара сомневалась, что парнишка найдет достаточно большую добычу, чтобы загарпунить ее, – если здесь вообще есть рыба, – но он явно привлек внимание своего дракона. В отличие от нее. Синяя даже не ответила на ее последнее замечание.

– Спасибо, что поговорила со мной, – безнадежно бросила Тимара.

Затем повернулась и медленно пошла прочь. Выберу серебряного, решила она. Рану на хвосте нужно очистить и перевязать. Тимара подозревала, что им придется идти у самой реки, а то и вообще шлепать по воде, и если о ране не позаботиться сейчас, кислотная вода еще сильнее разъест ее. Что же касается тощего медного дракона, то, если удастся найти листья раскина и поймать рыбу, можно попробовать выгнать глистов. Девушка прикинула, подействуют ли листья раскина на утробу дракона, и решила, что хуже уж точно не будет – судя по его виду. Совета спросить все равно не у кого. А если он будет продолжать худеть, то скоро умрет.

Внезапно до нее дошло, кому можно задать возникший вопрос. Она вновь повернулась к синей драконице. Та взирала на Тимару с плохо скрываемой неприязнью. Тимара собралась с духом:

– Можно задать тебе вопрос? Насчет драконов и паразитов?

– Где тебя учили манерам?

Вопрос сопровождался шипением. Выдыхаемый воздух не достигал Тимары, но облачко ядовитого тумана, вырвавшееся из пасти бестии, было отчетливо заметно. Тимара вздрогнула и осторожно спросила:

– Мой вопрос показался тебе грубым?

Ей хотелось сделать шаг назад, но она боялась шевельнуться.

– Как ты осмелилась повернуться ко мне спиной?

Воротник из чешуйчатых пластин на шее драконицы вздыбился. Тимара точно не знала, для чего они нужны, но, похоже, драконы топорщили их, когда злились. Пластины раскрывались, словно лепестки цветка-хищника, и

становилась видна их ярко-желтая изнанка. Огромные медные глаза драконицы были устремлены на девушку, и Тимаре показалось, что они медленно вращаются. Это было все равно что смотреть в два водоворота расплавленной меди. Зрелище страшное и завораживающе красивое.

- Прошу прощения, - беспомощно произнесла Тимара. - Я не знала, что это грубо. Я думала, ты хочешь, чтобы я ушла.

Что-то пошло не так, и Синтара не понимала, что именно. К этой минуте девчонка уже должна была быть полностью очарована, должна была стоять на коленях, умоляя драконицу уделить ей толику своего внимания. Но вместо этого она повернулась спиной и собралась уходить. Вообще-то, люди всегда необычайно легко попадали под драконьи чары. Так что Синтара пошире распахнула гриву и трянула головой, распространяя туман очарования.

- Не желаешь ли ты служить мне? - подсказала она девчонке. - Считаешь ли меня красивой?

- Конечно ты красивая! - воскликнула девчонка, но ее поза и едкий запах страха свидетельствовали о том, что она напугана, а не очарована. - Когда я впервые увидела тебя сегодня, то решила, что именно за тобой больше всего хочу ухаживать. Но наш разговор был...

Она умолкла. Синтара попыталась дотянуться до мыслей девчонки, но нашла только туман. Быть может, дело в этом. Быть может, девчонка слишком тупа, чтобы поддаться внушению. Синтара порылась в своих воспоминаниях и нашла кое-что о таких людях. Некоторые были настолько непрошибаемы, что даже не могли понять драконью речь. Но эта девчонка, похоже, достаточно отчетливо воспринимает слова. Драконица решила устроить небольшую проверку восприимчивости.

- Как твое имя, человек?

- Тимара, - немедленно ответила та. Однако не успела Синтара порадоваться успеху, как девчонка спросила в ответ: - А твое?

- Не думаю, что ты уже заслужила право знать мое имя! - рявкнула на нее Синтара и увидела, как девчонка съежилась.

Но пахло от нее по-прежнему только страхом - ни малейшего следа отчаяния, которое этот отказ должен был пробудить в ней. Девчонка ничего не сказала и не стала умолять оказать ей милость и назвать имя.

Тогда Синтара спросила напрямую:

- Ты хочешь знать мое имя?

- Да, так мне было бы легче говорить с тобой, - нерешительно сказала девчонка.

Синтара хмыкнула. Неужели она ничего не знает о мощи драконьего имени? Тот, кому известно имя дракона, может заставить дракона говорить правду,

сдержать обещание или даже оказать услугу. Но если это Тимаре невдомек, Синтара не станет просвещать ее.

- Если бы ты сама выбирала мне имя, как бы ты хотела меня называть?

Теперь девчонка казалась скорее заинтересованной, чем испуганной. Синтара замедлила вращение глаз, и Тимара подошла на шаг ближе. Вот так-то лучше.

- Ну? - снова спросила драконица. - Какое имя ты дала бы мне?

Девчонка несколько мгновений стояла, покусывая верхнюю губу, потом произнесла:

- Ты очень красивого синего цвета. Высоко в кроне есть ползучая лиана, которая укореняется в трещинах коры. У нее синие цветы с желтыми серединками. Они источают чудесный аромат, который притягивает насекомых, мелких птиц и маленьких ящериц. Даже эти цветы не так красивы, как ты, но ты на них похожа. Мы называем это растение небозевницей.

- Так ты назвала бы меня в честь цветка? Небозевница? - Синтара была недовольна. Эти имя казалось ей глупым и неблагозвучным. Впрочем, здесь, наверное, можно пойти на поводу у девчонки. Однако драконица все же решила поинтересоваться: - Ты не думаешь, что я заслуживаю более грозного имени?

Девчонка смотрела себе под ноги, словно Синтара поймала ее на лжи.

- К небозевницам опасно прикасаться, - тихо призналась она, помолчав. - Они красивы и притягательно пахнут, но нектар, который у них внутри, может мгновенно растворить бабочку и меньше чем за час переварить колибри.

Синтара широко зевнула от удовольствия и заключила:

- Так этот цветок напоминает меня не только окраской, но и угрозой, которую он несет?

- Думаю, да.

- Тогда можешь называть меня Небозевницей. Ты видишь, что вон тот мальчишка делает с мелкой красной драконицей?

Девушка проследила за взглядом Синтары. Рапскаль сорвал целый пучок игольчатых веток с ближайшего дерева и теперь энергично скреб ими спину подопечной. Очищенная от ила и пыли, даже эта неуклюжая коротышка засверкала под солнцем, точно рубин.

- Думаю, он не желает причинить ей никакого вреда. Наверное, он пытается избавиться ее от паразитов.

- Вот именно. А воск, которым покрыты хвоинки, полезен для шкуры. - И Синтара милостиво произнесла: - Дозволяю тебе оказать мне такую же услугу.

Когда «Смоляной» неспешно выполз на илистую отмель, Элис узрела фантастическую картину и немедленно преисполнилась жгучей зависти. В преддверии надвигающегося вечера солнце заливало светом и жаром открытый речной берег. На нем тут и там виднелось не менее дюжины драконов всех воображимых цветов – а за драконами ухаживали молодые обитатели Дождевых чашоб. Некоторые драконы мирно спали на высохшей грязи. Двое стояли у самой воды, нетерпеливо глядя на двух мальчишек, которые бродили вдоль берега с острогами наготове, высматривая рыбу. На дальнем краю залитой солнцем отмели растянулся длинный золотой дракон, подставив уже угасающим лучам сине-белое брюхо. Рядом с ним мирно спала девочка-подросток, розовая чешуя на ее черепе блестела так же ярко, как шкура дракона. Самый крупный дракон, высокий и черный, стоял поодаль от реки, солнечные лучи темно-синими искрами играли на его распростертых крыльях. Эти крылья чистил обнаженный по пояс молодой человек, тело которого было покрыто чешуей почти так же плотно, как драконья шкура. На другом конце пляжа девушка усердно обметала веником, сделанным из кедровых веток, спину синего дракона. На затылке девушки от каждого движения подпрыгивали черные косы. Дракон переступил и вытянул заднюю лапу, чтобы девушка могла обмести и ее.

– Я и не знала, что за драконами присматривают люди. То есть мне было известно, что охотники добывают им пищу, но я не подозревала...

– Они и не присматривают. Или не присматривали. – Лефтрину всегда каким-то образом удавалось перебить ее так, что это звучало не грубо, а по-дружески. – Это новички. Те хранители, о которых ты уже слышала. Которые вместе с драконами должны будут отправиться вверх по реке. Вряд ли они находятся здесь дольше одного-двух дней.

– Но некоторые из них еще совсем дети! – воскликнула Элис.

И отнюдь не беспокойство о подростках заставило ее разволноваться. Обычная зависть, решила Элис про себя. Эти юнцы делают то, что в ее воображении должна была делать она сама. Иногда она мечтала, как первой подружится с драконом, как будет ласково прикоснуться к нему и завокет его доверие. Вспоминая, как описывали «птенцов» Альтия и Брэшен, она представляла себе этих драконов слабоумными пресмыкающимися, требующими понимания и терпения, чтобы их врожденный разум пробудился к жизни. То, что она увидела на берегу, разбило вдребезги все ее грезы: никакая она не спасительница драконов, не единственная, кто способен понять их.

Лефтрин пожал плечами в ответ на ее восклицание, приняв его за проявление тревоги:

– Подростки в Дождевых чашобах уже не считаются детьми, в особенности такие подростки. Взгляни на них. Чудо, что родители не избавились от них при рождении. И не надо убеждать меня, что все они – жертвы взросления. Нельзя обзавестись когтями, если их не было у тебя изначально. А вон тот парень? Готов поспорить, он родился с чешуей на голове и на его теле никогда не росло ни волоска. Нет, все они отмечены, и отмечены сильно. Потому-то выбор и пал на них, ведь каждый из них – ошибка природы.

Его прямолинейный и хладнокровный отзыв о драконьих хранителях заставил Элис умолкнуть в смятении.

- А ты и твой Смоляной - тоже ошибка? Поэтому тебя выбрали сопровождать их? - спросил Седрик, и в голосе его было не меньше яда, чем в речной воде.

Если Лефтрин и заметил оскорбительность его тона, то ничем этого не выдал.

- Нет, меня со Смоляным наняли. По договору, где учтены мельчайшие подробности. И условия сделки устраивают и меня, и корабль. - Тут он открыто подмигнул Элис, и та едва не покраснела. А капитан продолжал, словно думая, что Седрик ничего не заметил: - И не только потому, что никто другой не взялся бы за такое дело. Совет Дождевых чашоб знает: никто другой эту работу просто не способен выполнить. Мы со Смоляным можем подняться по реке выше, чем любое другое крупное судно. Конечно, разведчики на своих лодках или охотники за дичью могут зайти и выше. Но на лодке не сделаешь того, что хочет Совет.

- А Совет хочет, чтобы драконов увели подальше от Кассарика.

- Ну, это звучит слишком грубо, Седрик. Посмотри сам. Здешние места явно не подходят. У них нездоровый вид, тут нет дичи, на которую они могли бы самостоятельно охотиться, и они погубили деревья вдоль всего берега.

- И они мешают раскапывать старый город.

- Да, это тоже правда, - спокойно отозвался Лефтрин.

Элис искоса взглянула на Седрика. Опять колкости. Он все еще злится, и, как считала Элис, имеет на это полное право. Ее пребывание в Зале Торговцев слишком затянулось. Пришлось долго спорить о деталях договора, которым подрядили Лефтрину. Малта оставалась с ними, но с каждым часом все сильнее походила на усталую беременную женщину и все меньше - на красивую и властную Старшую. Элис украдкой очень внимательно наблюдала за ней.

Когда она только узнала о превращении людей в Старших, привычный мир Элис пошатнулся. В детстве Старшие были для нее легендарным народом. Таинственными, могущественными созданиями, прежде всего героями преданий и мифов. В легендах говорилось об их изяществе и красоте, о небывалой силе, иногда применяемой мудро, а иногда - с небрежной жестокостью. Когда первопоселенцы Дождевых чашоб обнаружили следы древних городов и предположили, что города эти имеют отношение к Старшим, мало кто им поверил. Но прошло несколько лет, и все признали, что Старшие действительно когда-то существовали и что загадочные магические сокровища, извлеченные из-под земли в Дождевых чашобах, являются последними следами их пребывания в этом мире. Это была раса прекрасных волшебных существ, ныне навеки исчезнувшая.

Никто не связывал злосчастное и порою уродливое искажение облика обитателей Дождевых чашоб с небесной красотой Старших, описанных в

древних манускриптах и легендах и изображенных на гобеленах. Чешуйчатая кожа и светящиеся глаза вызывали отвращение, а те жители чащоб, у кого проявлялись эти признаки, жили меньше обычных людей – не в пример бессмертным, по преданию, Старшим! Перья и клювы есть и у стервятников, и у павлинов, но никто не спутает этих двух птиц. И все же Малта и Сельден Вестрит из Удачного и Рэйн Хупрус из Дождевых чащоб изменились так же, как менялись те, кто был отмечен чащобами, но облик их стал не ужасен, а прекрасен. «Отмеченные драконом» – так называли их некоторые, чтобы отличить от остальных. Возможно, думала Элис, причина таких изменений в том, что Малта, Сельден и Рэйн были рядом с Тинтальей во время ее выхода из кокона и провели с нею много времени.

Пока Лефтрин вел долгий спор с членами Совета, Элис, поглядывая на Малту Хупрус, усиленно размышляла. Самого капитана, похоже, эта задержка не смущала, он обсуждал сделку с рвением охотничьей собаки, треплющей добычу. Выяснялось, кто будет платить за продовольствие, сколько сможет нести «Смоляной», будут ли маленькие лодки хранителей отданы под ответственность Лефтрина, кто заплатит, если драконы причинят ущерб судну, и сотни других вопросов. А Элис исподтишка разглядывала Старшую и дивилась. Слишком уж бросалось в глаза, что внешние изменения, произошедшие с женщиной, придали ей некоторые черты сходства с драконом. Или со змеей, мысленно добавила Элис. Чешуя, высокий рост, гребень на лбу – все это действительно напоминало о драконах.

Но множество вопросов оставалось без ответа. Например, почему так странно удлинились все кости тех, кто стал Старшими? Если Старшие былых времен и знали, чем бывают вызваны подобные превращения, то они не записали этих сведений – по крайней мере, в тех свитках, что попадались Элис. Она задумалась: были ли Старшие расой, совершенно отличной от людей? Всегда ли Старшие появлялись путем изменения людей или же существовали сами по себе, но при этом могли иметь общее потомство с людьми? Элис настолько глубоко погрузилась в размышления, что, когда Лефтрин внезапно объявил о своем решении, вздрогнула, словно ее разбудили.

– Ну, все улажено. Я отбываю сразу после того, как вы доставите припасы на пристань и погрузите на корабль, – сказал капитан.

Отглянувшись, она увидела, что члены Совета встают с кресел и подходят, чтобы пожать Лефтрину руку. Документ, куда были внесены все обсужденные условия, подписали все присутствующие, после чего его посыпали мелким песком, чтобы просушить чернила. Вид у Малты стал уже совсем болезненным, но она тоже подписалась под договором и теперь смотрела на драконознатицу из Удачного. Элис собрала всю отвагу и направилась к Старшей.

Малта поднялась и пошла ей навстречу. Движения ее были изящны, но в них сквозила усталость. Старшая взяла Элис за обе руки и сказала:

– Я действительно не знаю, как благодарить тебя. Мне бы хотелось поехать самой. Не то чтобы я очень люблю драконов – с ними трудно иметь дело, они почти такие же упрямые и самовлюбленные, как люди.

Элис удивилась. Она ожидала, что Старшая заявит о своей непреходящей верности драконам и будет просить Элис сделать все, чтобы защитить их.

Но Малта заговорила о другом:

– Не верь им. Не думай, что они благороднее или порядочнее людей. Они не таковы. Они совсем как мы, только больше и сильнее, к тому же помнят, что когда-то могли делать все, что вздумается. Так что будь осторожна. И что бы ты ни узнала о них, найдете вы Кельсингру или нет, сделай подробные записи и привези нам. Потому что рано или поздно человечеству придется сосуществовать со множеством драконов. А мы всё забыли и не знаем, как с ними иметь дело. А вот они ничего не забыли о людях.

– Я буду осторожна, – слабым голосом пообещала Элис.

– Ловлю тебя на слове. – Малта улыбнулась, и ее лицо на миг стало больше похоже на человеческое. – Видимо, ты из тех торговцев, кто еще помнит, что значит данное слово. В нынешние времена это редкость. А теперь, боюсь, мне нужно пойти домой и отдохнуть.

– Тебе помочь добраться до дому? – осмелилась спросить Элис.

Но Малта покачала головой. Отпустив руки Элис, она медленно, но грациозно направилась по низким ступеням к выходу. Элис все еще смотрела Старшей вслед, когда ей на плечо опустилась тяжелая рука Лефтрина.

– Ты оказалась для нас всех просто счастливым талисманом! Интересно, знали ли Брэшен Трелл, какую удачу посылает мне, когда отправил тебя к моему кораблю? Ох, вряд ли, однако все обернулось именно так! Что ж, госпожа моя удача, сделка заключена, не хватает только твоей подписи, и все мы ждем только тебя.

Элис в изумлении обернулась и увидела, что это правда. Члены Совета все еще сидели на местах. Перо на подставке ожидало Элис. Когда она перевела взгляд с пера на главу Совета, торговец Полск нетерпеливо указала рукой на документ. Элис оглянулась на Лефтрина.

– Ну же, закончим с этим, – поторопился он. – Время не ждет.

Элис, словно оглушенная, прошла через зал. Она не должна, не может это сделать! Приходилось ли ей ставить свою подпись под документом, к чему-либо обязывающим ее? Только когда заверяла свой брачный договор с Гестом. Будто в кошмаре, она вспомнила все пункты этого соглашения и то, как охотно написала под ними свое имя.

Это был единственный раз, когда ее подпись налагала на нее обязательства. Сколько раз Элис вспоминала тот день! Теперь-то она понимала, что Гест так быстро провернул всю церемонию не из-за жениховского нетерпения, а просто потому, что все это слишком мало для него значило. И уже давно она жалела о том, что связала себя. Разве можно ставить свою подпись под еще одним документом? Элис пробежала глазами по словам, начертанным выше ее имени. Кто-то выторговал для нее жалованье – плату за каждый день, проведенный на корабле. Как странно думать, что она может заработать таким образом деньги – собственные деньги! Если подпишет. И тут она поняла, что подпишет.

Потому что она хотела этого. Потому что была не только женой Геста, но и дочерью торговцев Удачного и не утратила способности самостоятельно принимать решения. И по собственной воле Элис взяла перо и обмакнула в чернильницу. Словно со стороны она наблюдала за своей рукой, испещренной веснушками, и за пером, уверенно выводящим буквы ее имени наклонным почерком.

– Вот, готово, – произнесла Элис и услышала, как тихо прошелестел ее голос в этом огромном зале.

– Сделано, – согласилась торговец Полск и щедро сыпанула песком на бумагу.

Потом песок стряхнули, и Элис увидела свою подпись – отчетливую и черную на белом фоне. Что же она наделала!..

Капитан Лефтрин оказался рядом. Он от души рассмеялся, взял Элис под руку и повел ее прочь.

– Это замечательная сделка для нас обоих. Признаюсь, я действительно буду рад твоему обществу в этом плавании. Совет настаивает, чтобы к вечеру «Смоляной» был загружен и готов к отплытию. Между нами говоря, это будет не так уж сложно. Я знал, что получу эту работу, и уже сделал распоряжения доставить все, что мне нужно. Так вот, до первой остановки в пути идти не так уж далеко. От городской пристани до драконьих угодий плыть примерно час. Но сейчас у нас есть немного времени, которое мы можем потратить так, как хотим. Я послал гонца, чтобы он передал новость Хеннесси. У меня славный старпом, он сам присмотрит за погрузкой, беспокоиться нечего. Так что, может, немного прогуляемся по Кассарику перед отбытием? Ведь тебе так и не удалось посмотреть Трехог.

Следовало сказать «нет». Следовало настоять на немедленном возвращении на корабль. Но почему-то после утренней авантюры Элис не хотелось возвращаться к прежнему благоразумию. Еще меньше ей хотелось думать о том, как она посмотрит в глаза Седрику и признается ему в содеянном. Седрик! О, Са помилуй! Нет. Она пока что не в состоянии об этом думать.

Элис храбро положила ладонь на руку Лефтрина и сказала:

– Пожалуй, я с радостью посмотрела бы Кассарик.

И капитан показал ей город – хотя Кассарик вряд ли можно было назвать городом. Скорее многолюдный поселок, все еще молодой и растущий. Позже, оглядываясь назад, Элис поняла, что Лефтрин намеренно выбрал для нее самый необычный из возможных маршрутов. Путь начинался с головокружительного подъема в большой плетеной корзине. Войдя, они плотно закрыли хлипкую дверь, Лефтрин дернул за шнур, и откуда-то сверху донеслось звяканье колокольчика.

– Теперь подождем, пока они загрузят противовес, – сказал капитан, и Элис ждала с колотящимся от волнения сердцем.

Через некоторое время корзина дернулась и медленно и плавно поднялась в воздух. Подъемник был сооружен из легких, но прочных материалов, и двоим

в нем было так тесно, что приходилось стоять почти вплотную друг к другу. Элис смотрела по сторонам, но не могла отделаться от мысли о близком присутствии Лефтрина за спиной. На половине пути они повстречались с рабочим подъемника, опускающимся вниз в такой же корзине. Он стоял на гряде камней-противовесов и каким-то образом – каким, Элис не заметила – остановил обе корзины рядом, чтобы взять с Лефтрина плату за подъем. Получив деньги, подъемщик продолжил спуск, а их корзина пошла вверх. Вид оттуда открывался потрясающий. Мимо проплывали толстые ветви с проложенными по ним тропинками, ряды домиков, свисающих с веток, точно украшения, подвесные мосты и маленькие корзинки, скользящие по канатам, протянутым тут и там, словно веревки для сушки белья. Когда корзина поднялась до самого верха и помощник подъемщика остановил ее, пассажиры оказались так высоко, что увидели даже ярко-желтые лучи солнца, пробивающиеся сквозь густую листву. Служитель открыл дверцу, и Элис ступила на узкий балкончик, прикрепленный к мощной ветви дерева. Взглянув через край вниз, она ахнула и едва не закричала, когда капитан вдруг крепко схватил ее за руку.

– Это верный способ заработать головокружение, если ты впервые на такой высоте, – предупредил он и повел Элис по узкой дорожке, идущей по ветви дерева к стволу.

Элис пыталась не выдавать своих чувств, прижимая обе ладони к грубой коре ствола. Она хотела бы вообще обхватить дерево, но это было так же невозможно, как обхватить стену. Растительность здесь, в Дождевых чащобах, достигала таких огромных размеров, что казалась частью земного рельефа. К чести Лефтрина, он не сказал ни слова, пока Элис переводила дыхание и собиралась с духом.

Когда она обернулась к капитану, он дружелюбно, без тени насмешки улыбнулся и произнес:

– Кажется, вон там есть очень милая маленькая чайная.

Капитан повел Элис вокруг ствола по прочному прогулочному помосту. Город уже пробудился, и хотя на дорожках было гораздо меньше народу, чем в Удачном в базарный день, все же стало ясно, что жителей здесь хватает. Наблюдая, как люди идут по своим делам, Элис постепенно начала воспринимать их иначе, чем поначалу. И к тому времени, когда они с капитаном дошли до чайной, она почти привыкла к покрытым чешуей лицам и странным одеяниям. Они заказали себе небольшой обед, разговаривали, смеялись и ели, и на какое-то время Элис забыла, кто она и где находится.

Капитан Лефтрин был человеком резким, чтобы не сказать грубым. Не отличался ни красотой, ни ухоженностью и даже не получил образования. Он не замечал, что проливает чай из чашки на блюдце. Когда смеялся, запрокидывал голову и хохотал во всю глотку, так что все посетители чайной оглядывались на него. Элис было неловко. И все же в его обществе она чувствовала себя женщиной – сильнее, чем за все последние годы, а может быть, и за всю жизнь. Мысль об этом тут же заставила ее осознать, что она ведет себя так, как будто не только одинока, но и не обязана держать отчет ни перед кем, кроме себя самой. От потрясения у нее перехватило дыхание, и она вспомнила, что именно на такой случай Гест послал Седрика присматривать за ней и охранять ее доброе имя. То есть

его, Геста, доброе имя, с запозданием подумала она. Именно об этом пытался предупредить ее Седрик. Элис поспешно допила свой чай и потом едва ли не с тревогой ждала, пока Лефтрин неспешно наслаждался напитком.

– Посмотрим что-нибудь еще? – предложил он, когда они вышли из чайной, и в улыбке его читалась уверенность в согласии Элис.

– Боюсь, мне нужно вернуться к Седрику и предупредить его, что мои планы изменились. Не думаю, что он этому обрадуется, – ответила Элис, и ее настигло внезапное понимание, что так оно и будет.

Седрик страдал, проведя на «Смолянском» всего пару дней. Как же он воспримет новость о том, что Элис добровольно вызвалась отправиться с драконами в путешествие, которое, несомненно, растянется на много дней, а то и недель? Не воспротивится ли он?

Эта мысль заставила ее застыть на месте, но следующая была еще хуже. А если Седрик запретит ей? Должна ли она повиноваться, если он скажет, что ей следует отказаться от своей глупой затеи? И что будет тогда? Она ведь подписалась под договором.

Ни один торговец не допускал даже мысли, чтобы нарушить договор при таких обстоятельствах. Но если Седрик оспорит ее право поступать по-своему? Может ли она не подчиниться ему в таких делах? В конце концов, он просто сопровождает ее ради приличия. Он ей не опекун и не отец. А Гест совершенно ясно сказал, что Элис вольна распоряжаться Седриком по своему усмотрению. Так что при необходимости она может настоять на своем. Разве не за это Гест платит ему – чтобы он делал то, что ему сказано? Седрик – слуга Геста.

И ее друг.

От этой раздвоенности Элис чувствовала себя неуютно. В последнее время она все чаще думала о Седрике именно так. Ее друг. Ей нравилось, что он внимателен и почтителен к ней. Сегодня она ушла чуть свет и даже не сказала Седрику, куда направляется, ускользнув из-под его опеки. Как друг он поймет. Но что он будет делать как подчиненный Геста и официальный сопровождающий его жены? Неужели она так бездумно поставила его в неловкое положение?

Чтобы не поддаваться соблазну побродить по Кассарику в сопровождении капитана, Элис быстро заговорила:

– Увы, мне нужно немедленно возвращаться. Я должна сказать Седрику, что я...

Она неожиданно умолкла, не находя слов. Должна сказать Седрику о своем решении? А можно ли говорить сейчас о решении, если через несколько часов Седрик унижит ее, это решение отменив? Сию же минуту Элис вдруг уверилась, что он попытается это сделать.

– Да, пожалуй, ты права, госпожа, – неохотно согласился Лефтрин. – Тебе ведь нужно еще составить список вещей, необходимых в пути. У меня здесь

хорошие поставщики. Я закуплю тебе все нужное, а расплатимся по возвращении в Трехог.

– Конечно, – слабым голосом ответила Элис.

Ну разумеется, дальнейшее путешествие потребует новых расходов. Почему она сразу об этом не подумала? И кто будет платить? Гест. О да, он чрезвычайно обрадуется! Она уже не чувствовала себя такой уверенной и независимой, как раньше, на Совете. Даже к лучшему, подумалось ей, что Седрик запретит это путешествие. Элис посмотрела на небо – точнее, попыталась посмотреть, но взгляд наткнулся на плотный покров листвы. Сколько времени прошло? Сколько часов она потеряла из того времени, которое должна была провести с драконами? Совет, похоже, намеревался отправить их в путь как можно скорее. Будет ли у нее хотя бы один день на исследования, дабы оправдать свое опрометчивое решение отправиться в Дождевые чашобы? При мысли о том, как Гест будет ругать и высмеивать ее за напрасную трату времени и денег, запылала щеки. Нет, пустых расходов больше не будет.

Элис стиснула зубы и вместе с Лефтрином пошла обратно по качающимся мостикам. Небывалое ощущение – словно желудок подпрыгивает к горлу – постигло ее, когда хлипкая корзина подъемника стала слишком быстро опускаться. Лефтрин, похоже, имел привычку останавливаться, чтобы поболтать с каждым знакомым. Элис стояла рядом, с нетерпением ожидая окончания разговора, – а таких остановок на их пути к пристани, как ей показалось, было не менее дюжины.

Каждому знакомому он представлял Элис как «весьма сведущую в драконах госпожу из Удачного, которая отправляется вверх по реке, чтобы присмотреть за обустройством птенцов на новом месте». Прежде такая характеристика привела бы Элис в восторг, но сейчас только раздражала. Ко всему прочему, когда они наконец прибыли на «Смоляной», Седрика там не оказалось.

Хеннеси был уже занят погрузкой на корабль ящиков и бочонков с припасами. Судя по всему, он удивился, увидев Элис:

– Мы думали, ты еще спишь, госпожа. Этот парень, Седрик, велел передать тебе, что пошел поискать для вас двоих подходящее жилье.

Старпом передразнил выговор Седрика, и Элис поняла, как команда относится к аристократическим манерам и высокомерию ее спутника.

Некоторое время она оставалась на палубе, с восхищением наблюдая за работой матросов, ухитряющихся вместить столько груза в нутро «Смоляного». Потом зашла в капитанскую каюту и попыталась представить, каково было бы жить здесь неделю, а может быть, и целый месяц. Да, провести на баркасе два дня было интересно и романтично, но от мысли о долгом пребывании в этом небольшом помещении ей стало дурно, стены как будто навалились на нее. Элис нашла предлог, чтобы заглянуть в матросский кубрик, но сразу же выскочила оттуда. Нет. Невозможно даже вообразить, что Седрик будет здесь жить и дальше. Теперь она была уверена, что он запретит ей ехать. Элис вернулась на палубу и с нетерпением посмотрела вверх по течению реки. Несколько раз Лефтрин пытался завести с ней

разговор о вещах, которые могут ей понадобится. Потом Элис несколько раздраженно задала вопрос, когда она сможет попасть к драконам. Капитан объяснил, что драконий пляж находится менее чем в часе пути вверх по реке – если плыть на корабле. Но идти пешком будет дольше, к тому же для этого ей понадобится снова отправиться в город и воспользоваться подъемниками и подвесными мостками. Элис с признательностью отклонила это предложение и попыталась заpastись терпением и набраться уверенности.

Она заметила Седрика раньше, чем тот увидел ее. От былой приветливости на его лице не осталось и следа. Он выглядел угрюмым и недовольным. Подняв взгляд и увидев Элис, сидящую на крыше палубной надстройки, Седрик глубоко вздохнул. Взойдя на корабль, он немедленно поднялся к ней и, даже не поздоровавшись, потребовал объяснений:

– Скажи на милость, что это еще за слухи тут ходят? Я пытался снять для нас комнаты, но хозяйка дома спросила, зачем они мне нужны – ведь госпожа из Удачного, прибывшая, чтобы изучать драконов, еще до исхода дня отправится на «Смоляном» вверх по реке!

Элис с ужасом поняла, что вся дрожит. Гест часто позволял себе злые насмешки, но никогда не повышал на нее голос. И за все годы своего знакомства с Седриком она ни разу не слышала, чтобы он говорил так жестко, не скрывая злости.

Элис сжала лежащие на коленях руки в кулаки и попыталась говорить твердо:

– Божь, что это правда. Я вызвалась это сделать. Понимаешь, когда я сопровождала капитана Лефтрина в Совет торговцев Кассарика, выяснилось, что они намереваются изгнать отсюда всех драконов и отправить их вверх по реке. Никто точно не знает, где они должны будут поселиться, но Совет настаивает, чтобы они двинулись в путь как можно скорее. Там была Малта Старшая, и она очень расстраивалась, потому что не может сама сопровождать драконов. И когда я сказала, что я могу, она...

– Я не верю своим ушам! – воскликнул Седрик, краснея. – Да неужели ты и впрямь все это натворила? Покинула корабль, не дав мне знать, ушла невесть куда с этим человеком и теперь еще впуталась во внутренние дела Дождевых чашоб, пообещав выполнить невыполнимое! Ты не можешь отправиться в это безумное путешествие, неизвестно куда и неизвестно на сколь долгое время. Элис, неужели ты совсем соображение потеряла? Это не игра. Речь идет о путешествии вверх по реке, где нет никаких поселений, – возможно, за пределы известных людям земель. В таком пути людей будут поджидать всевозможные опасности, я уж не говорю о неудобствах и походных условиях. Вряд ли ты создана для такой жизни! Да ты вообразить не можешь, что задумала. Впрочем, если что тобой и движет, так только воображение, о действительности же ты вовсе позабыла. А время? Лето не будет длиться вечно, а мы с тобой не запаслись ни теплыми вещами, ни вообще чем-либо из необходимого для долгой жизни в чашобах. Кроме того, может, у тебя и нет серьезных обязанностей, к которым ты должна вернуться, но у меня – то есть! Это все совершенно нелепо! А взять слово назад означает навлечь на себя вечный позор. И не только на себя! Гест ведет дела с торговцами Дождевых чашоб. И кем его будут считать после того, как его жена понаобещала с три короба, а потом отказалась от своих слов? О чем ты только думала?

Пока он сыпал упреками, с Элис творилось нечто странное. Дрожь сначала отступила, но тут же вернулась с утроенной силой. Глядя в полные ярости глаза Седрика, Элис вдруг осознала, какой он видит ее. Глупой и зависимой. Дамочкой, которая навоображала себе приключений только ради того, чтобы тут же сбежать домой, к жизни без «серьезных обязанностей». Дурочкой, не имеющей представления о реальном мире, где так уверенно и ловко вершат дела Гест и Седрик.

Может, она действительно глупая, несведущая мечтательница, но в этом нет ее вины. Ей никогда не позволяли обрести необходимый опыт, чтобы узнать жизнь и обрести независимость. Никогда не позволяли.. Эта мысль обожгла Элис, подобно расплавленному железу, и внезапно обернулась холодной решимостью. Ей не нужно больше чье-либо позволение. Больше никогда и никто не будет позволять или не позволять ей что бы то ни было. Она будет следовать своему решению, даже если это приведет ее к смерти. Осуществить задуманное и погибнуть, несомненно, лучше, чем вернуться домой и умереть от тоски по своей мечте, которой не позволили сбыться.

Так что, когда Седрик задал риторический вопрос – о чем она думала? – Элис ответила почти буквально:

– Я думала о том, что наконец-то смогу изучить драконов, как обещал мне Гест. Ты же знаешь, это было одним из условий нашего брака. Сдержи он свое слово, я приехала бы сюда уже несколько лет назад и все вышло бы гораздо проще. Но поскольку он все это время не желал выполнять условия нашей сделки, мы пришли к тому, к чему пришли. И единственный способ сделать так, чтобы его обещание оказалось выполнено, – это последовать за драконами вверх по реке и изучить их по пути.

Она была вынуждена прерваться, чтобы перевести дыхание. Седрик тараторчил на нее с открытым ртом. Он хотел что-то сказать, но Элис опередила его:

– Итак, я подписала договор с Советом торговцев. Мы отправляемся вверх по реке на «Смолянном», чтобы проследить за переселением драконов. Отбываем сегодня под вечер, так что предоставь капитану Лефтрину список того, что необходимо приобрести. Расчет произведем по возвращении в Трехог. Мне причитается жалованье за участие в этом предприятии, так что у меня будет чем заплатить капитану. И конечно же, я поговорю с ним, возможно, ему удастся предоставить тебе лучшие условия на борту.

Она бросила это последнее замечание как предложение перемирия, надеясь, что Седрик ухватится за него и примет все остальное. Но это не сработало.

– Элис, это безумие! Мы не готовы..

– И не будем, если ты не возьмешься за дело и не составишь список! Разве не этим ты все время занимался на службе у Геста? И разве он не велел тебе в этом путешествии делать для меня то, что ты делал для него? Вот и займись.

Элис резко поднялась и пошла прочь. Вот так просто, взяла и ушла. Но когда Седрик и впрямь взялся исполнять ее поручение, это вызвало в ее душе еще большую бурю, которая никак не могла улечься. Она стала избегать Седрика, и пока что ей это удавалось, хоть на таком небольшом корабле это

и было непросто. Хорошо еще Лефтрин охотно поддержал ее мысль переселить секретаря в отдельный закут, чем сильно удивил Элис.

– Да я и сам думал об этом, материалы скоро должны подвезти. Свою-то койку я могу уступить тебе лишь на пару ночей, не годится, чтобы это дело затягивалось. Но вот увидишь, все будет в порядке. Мы сделаем вам что-то вроде временного жилья прямо на палубе. Мы уже строили тут сараи для скота, и соорудить постройку для пассажиров едва ли намного сложнее. Смоляной годится для перевозки чего угодно. Не смотри на меня так. Сама вскоре убедишься, в такой каютке даже твоему щеголю будет удобно. – И он с оскорбительной ухмылкой кивнул в сторону понурого Седрика.

Лефтрин сдержал свое слово. Элис прежде и не замечала на палубе креплений, позволявших быстро поставить стены. Возведенные каюты не отличались ни красотой, ни просторностью, места в них оказалось не больше, чем в лошадином стойле, но они были отдельными. Когда в каютах повесили гамаки и сложили багаж пассажиров, Элис обнаружила, что может расставить свои сундуки так, чтобы соорудить для себя уютное маленькое логово. Теперь у нее есть место, где можно сидеть и вести записи. В ее распоряжение предоставили даже лампу, хотя Лефтрин строго предупредил, что надо соблюдать осторожность. «Пролитое масло и открытый огонь на корабле – это не шутки», – заметил он. Их с Седриком каютки разделяла стена, и как только все стены поставили на место, он ушел к себе и закрыл дверь.

И оставался там до тех пор, пока корабль, отчалив от пристани Кассарика, по прошествии всего лишь часа не выполз на илистую отмель у драконьего пляжа. Выйдя на палубу, Седрик уже не выглядел таким недовольным. Возможность переодеться в чистое и уединиться для сна и трапезы, казалось, если и не вернула ему хорошее расположение духа, то слегка ободрила. Он не стал больше укорять Элис, однако холодным тоном дал понять, что не простил ее. Она только покачала головой и отвернулась. С Седриком она разберется позже. А сейчас ничто и никто не помешает ей взглянуть на молодых драконов.

– Да они же огромные! – ошеломленно выдохнул Седрик. – Ты ведь не собираешься спускаться туда и бродить среди них?!

– Разумеется, собираюсь. Наконец-то!

Элис не хотела признаваться, что чувствует себя куда спокойнее, глядя на них с палубы «Смоляного».

Золотой дракон, лежавший дальше на берегу, неожиданно поднял голову. Маленькая фигурка рядом с ним пошевелилась. Дракон посмотрел на корабль, раздул ноздри, громко фыркнул и, поднявшись на ноги, неуклюже заковылял к ним.

– Чего ему надо? – беспокойно пробормотал Лефтрин.

Он смотрел, как дракон приближается к баркасу. Существо повертело головой на длинной шее, с любопытством осматривая «Смоляного» сверкающими черными глазами. Сделав еще несколько шагов вперед, оно вытянуло шею и принялось обнюхивать баркас. Седрик отступил от фальшборта.

- Элис! - окликнул он.

Но она предпочла остаться рядом с капитаном, который не сдвинулся с места. Мгновение спустя дракон осторожно потерся головой о борт корабля. «Смоляной» даже не покачнулся, но Сварг и Хеннеси оказались в мгновение ока рядом с Лефтрином. Большой Эйдер вырос у них за спиной и хмуро уставился на дракона поверх голов. К ним присоединился кот Григсби. Он вспрыгнул на фальшборт и вытаращился на дракона, распушив полосатый хвост и ворча - видимо, ругая дракона на кошачьем языке.

- Он ничего плохого не делает, - вполголоса успокоил свою команду Лефтрин и положил руку на вздыбленную спину кота.

- Пока, - мрачно заметил Хеннеси.

- Это опасно? - спросила Элис.

- Не знаю, - отозвался Лефтрин. А когда рядом с драконом появилась девушка - видимо, хранительница, - тихо добавил: - Не думаю.

Несколько мгновений спустя огромное создание послушно последовало за девушкой вдоль берега обратно на нагретое солнцем местечко.

- Посмотри, как он сверкает на солнце! - ахнула Элис. - И отметины у него такие красивые! Потрясающие существа! Даже будучи ущербными, они невероятно красивы. Конечно, драконица там, на краю пляжа, прекраснее остальных, чего и следовало ожидать. Самки их расы всегда имеют роскошный окрас. Судя по тому, что мне удалось узнать, драконы могут быть самоуверенными и даже наглыми. Но ведь они наделены разумом, намного превосходящим человеческий, так что чего же еще и ждать от таких созданий. Только взгляните на нее! Как играет солнце на ее чешуе!

Синяя драконица и ее хранительница находились довольно далеко, до них было не меньше сотни шагов. Элис не сомневалась, что ее слова невозможно услышать на таком расстоянии. Но синяя самка, лежавшая на затвердевшем иле, внезапно подняла голову и в течение долгого мгновения взирала на Элис медными глазами.

А потом совершенно отчетливо произнесла:

- Это ты заговорила обо мне, женщина из Удачного?

Пятый день месяца Урожая,

шестой год Вольного союза торговцев

От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, -

Киму, в Кассарик

Неужели ты своими крошечными мозгами не понимаешь, что в послании, полученном тобой от Эрека, говорится об особенном корме, который может улучшить здоровье голубей и продлить их жизнь? Тебе не ясно, что, присовокупив эту заметку, касающуюся рабочего вопроса, к посланию, которое уже несет птица, он просто радеет о службе? Мысль о том, что мы с ним обмениваемся личными записками, просто смешна, учитывая, что мы никогда не встречались друг с другом. Если ты захочешь предъявить это письмо Совету – пожалуйста! Заодно обсудим бедственное состояние голубятен в Кассарике, гибель двадцати многообещающих птенцов из-за того, что в твою голубятню сумела проникнуть змея, а также слухи о том, что на стол в твоём доме, с тех пор как ты принял этот пост, частенько подадут голубятину.

Детози

Глава 12

Среди драконов

Седрик не мог поверить, что она это сделала. Эта женщина была не той Элис Кинкаррон, с которой он вырос. И даже не той Элис Финбок, с которой он так часто обедал последние пять лет. Он не понимал, откуда взялась эта властная мегера, но был рад, когда она ушла. Если бы не необходимость подобраться поближе к драконам, он никогда не позволил бы ей зайти так далеко.

Он облокотился на борт, встав рядом с Элис. Слева от нее в той же позе стоял гнусный капитан Лефтрин, да так близко, что почти касался Элис, пока она изливала свой безумный бред о драконах. Ладно, пусть позабавится еще денек-другой... Седрик был зол на нее и содрогался при мысли о предстоящем. Ему придется сойти на берег и исполнять роль секретаря, пока Элис будет, видите ли, расспрашивать этих неуклюжих тварей. Ничего, она быстро поймет, каковы они, и все кончится. Мысль о том, как рухнут все ее мечты и фантазии, пробуждала в нем даже жалость. Глупо было спорить, раз уж Элис загорелась дикой идеей сопровождать этого капитана и драконов вверх по реке. В таких случаях лучше кивать и соглашаться. Ей стоило бы внимательно слушать, что говорили о драконах Трелл с женой. Эта авантюра обернется совсем не тем, что она себе намечтала. И когда через пару дней вечером Элис придет к нему, упавшая духом и разочарованная, он будет готов утешить ее и устроить им обоим обратную дорогу. Нужно только потерпеть и подождать. И постараться сдерживать тошноту при виде того, как Лефтрин увивается вокруг нее.

Седрик снова глянул на них. Элис смотрела на Лефтрина и улыбалась. Неужели этот старый бобр вскружил ей голову? Просто невероятно. Наверное, Элис принимает резкий хохот речника и его нелепые комплименты за

проявления грубого обаяния. Конечно, у нее было мало возможностей, чтобы завязать светские знакомства с другими мужчинами. Или ее привлекла грубость Лефтрина. Седрик достаточно хорошо знал Элис и понимал, что Гесту не грозит опасность ее потерять. Пусть она и несчастлива с мужем, но слишком строгих правил, чтобы даже подумать об измене. Так что пускай пофлиртует немного, представляя себя блестящей светской дамой в этом унылом путешествии. И все же загадка, как Элис может общаться с этим пожилым мужиком с моржовыми усами. Он не идет ни в какое сравнение с утонченным Гестом.

При мысли о Гесте Седрик снова сник. Где-то он сейчас, что делает? Кто сидит с ним за столом и смеется над его шутками? В каком он порту? Каких редких и невиданных товаров ему удалось закупить? Седрик прикрыл глаза и ясно представил Геста в превосходном расположении духа, набивающим трубку после обеда. Может ли Гест вообразить, каково Седрику тут, среди болот, на этой утлой посудине, идущей вверх по реке сквозь полчища комарья? Скорее всего, может и каждый раз ухмыляется, вспоминая о нем. Больнее всего жалила мысль о том, что Гест, может статься, делится своими мыслями с Уолломом и Джеффом или с коварным Реддингом Коупом. Седрик живо представил, как Коуп изображает его: «Вот Седрик наслаждается обществом москитов». Потом хлопает себя по щеке, подпрыгивает – и Гест смеется. Даже думать об этом было невыносимо. Седрик поймал себя на том, что едва не скрипит зубами, и усилием воли вернул на лицо равнодушное спокойствие. Все это злосчастное путешествие – дело рук Геста, слишком жестокое наказание только за то, что Седрик высказал свое мнение. Он-то, Седрик, всего лишь хотел, чтобы Гест был немного добрее к Элис. И за это Гест отправил его в изгнание, а Элис теперь и вовсе закабалила, заставив сопровождать ее в эти дикие края.

Элис болтала с мужланом, не обращая внимания на недовольный вид Седрика. Он прислушался к ее словам.

– Только взгляните на нее! Как играет солнце на ее чешуе!

Седрик издал возглас одобрения, на самом деле не разделяя этого бурного восторга. Пляж даже не заслуживал такого названия. Просто склон, покрытый растоптанной и высохшей на солнце грязью. Уже скоро ему придется идти туда с Элис и делать для нее заметки. Бродить среди куч драконьего навоза и речного мусора. Сапоги, скорее всего, будут непоправимо испорчены. Как только баркас причалит, Элис захочет сойти на берег. Пора наведаться в свою так называемую каюту и отыскать инструменты.

– Да, да, я! Ты прекрасна, воистину прекрасна! – выкрикнула Элис.

Седрик открыл глаза. Элис, похоже, была вне себя от счастья. Ее лицо горело. Она прижимала руки к груди, словно в попытке унять неистово бьющееся сердце. Когда Элис повернулась к Седрику, стало ясно, что она и думать забыла об их размолвке.

– Седрик! Она заговорила со мной! Синяя драконица – она со мной заговорила!

Седрик скользнул взглядом по рептилиям, ползающим в грязи:

– Которая?

– Королева. Самая большая! – Она чуть ли не задыхалась. – Можно мне сойти на берег и поговорить с тобой? – снова возвысила голос Элис.

– Королева? У драконов есть короли и королевы?

– Большая синяя самка, – нетерпеливо бросила Элис, – вон она, там. Где девушка с метлой.

– А-а... А откуда ты знаешь, что она их королева?

– Не их королева, а просто королева. Все драконицы – королевы. Точно так же, как все кошки. А теперь помолчи, прошу тебя! Когда ты говоришь, я ее не слышу!

Создание на берегу издало звук, – казалось, будто кто-то подул в испорченную дудку. Но для Элис это явно звучало волшебной песней. Вот дракон наконец прекратил мычать, и капитан Лефтрин просиял, как будто разделял восторг пассажиров:

– Ну, раз так, то здесь мы вас и высадим.

Элис уже сорвалась с места, торопясь на нос баркаса, и оглянулась на Седрика:

– Возьми блокнот, пожалуйста, и все, что нужно для записи нашего разговора. Скорее! Я иду.

– Хорошо.

От перспективы прогуляться среди драконов сердце у него забилось сильнее. Он заторопился к своей временной каюте. По крайней мере, одно дело уладилось. В этих четырех стенах он может уединиться, и у него есть доступ ко всему багажу. Седрик раскрыл свой одежный сундук и вытащил штаны. Он приготовился к путешествию так тщательно, как только мог, и надеялся, что предусмотрел все случайности. Взяв свой ящик с письменными принадлежностями, сел на кровать. Она представляла собой всего лишь дощатый помост, застеленный сомнительной чистоты матрасом, но вполне годилась, чтобы сидеть, – в отличие от гамаков, в которых спали матросы.

Седрик торопливо открыл ящик и проверил содержимое. Чернильницы для чернил разного цвета, некоторые полные, некоторые пустые, ручки с заостренными перьями и запасные перья, маленький острый перочинный нож, бумага разного размера и альбом для зарисовок. В пенале – угольные палочки и карандаши для эскизов. Седрик нажал две потайные кнопки, и дно ящика поднялось. В тайнике лежали бутылочки для образцов. Флаконы побольше и крупная соль были спрятаны в сундуке, а для первой вылазки хватит и этих. Если ему крупно повезет, то к возвращению на борт у него будет все, что нужно.

Когда Седрик вернулся на палубу, остальные уже ушли. Как мило! Он постарался справиться с раздражением и подошел к борту. Для спуска ему оставили грубую веревочную лестницу. Слезть по ней с письменным прибором

под мышкой было нелегко, но он справился и не уронил свою ношу в грязь. Конечно же, никто даже не подумал ему помочь. Элис уже ушла по берегу довольно далеко, причем одна. Этот мошенник Лефтрин и не собирался сопровождать ее, просто высадил на берег, кишасший драконами. Как она только выносит этого человека!

До земли оставалось несколько футов, когда Седрик спрыгнул с лестницы, едва не выронив драгоценный ящик. Потом нагнулся, чтобы подвернуть брюки. Он подумал, что вид у него теперь сделался совершенно дурацкий, словно у аиста в сапогах. Впрочем, лучше уж так, чем потом остаток дня носить на штанинах зловонную тяжелую грязь.

А уж запах тут действительно был еще тот! Воняло испражнениями – не ошибешься. Эта вонь смешивалась с противными испарениями от реки и тухлым духом из чащоб, так что в воздухе стоял густой смрад. Хорошо еще, что сегодня ему не довелось поесть как следует, а то бы желудок взбунтовался.

– Какое прелестное место ты выбрала для прогулок, Элис! – саркастически пробормотал Седрик. – Что может быть лучше, чем пройтись среди куч драконьего навоза в компании старого бобра?

Он услышал что-то вроде низкого ворчания и тревожно оглянулся. Нет. Драконов поблизости не было. Однако Седрик был уверен: неизвестно откуда доносился угрожающий голос какого-то крупного создания. К тому же возникло неприятное чувство, что за ним следят. И не просто следят, а пристально, как кот за мышью. Седрик снова огляделся и замер – на него в упор глядели два больших ярких глаза. Сердце забилося сильнее. Мгновение спустя он понял свою ошибку. Глаза были нарисованы на носу баркаса. Прежде он их не замечал. Седрик вспомнил, что глаза на кораблях рисуют из суеверия – якобы они помогают находить путь. Глаза баркаса взирали на него с презрением и гневом. Он содрогнулся и отвернулся от корабля.

– Седрик! Быстрее! Пожалуйста!

Он отыскал взглядом Элис. Та оглядывалась, ища его. Оказывается, капитан Лефтрин тоже был здесь, он разговаривал с делегацией людей из чащоб. Один из них держал в руках толстый свиток и зачитывал из него пункт за пунктом. Капитан покивал и засмеялся. Но человеку со свитком было не до смеха.

Элис остановилась рядом с драконами. Выглядела она как собачонка, рвущаяся на прогулку. В ее позе читалась тревога, смешанная с радостным возбуждением. Ничего удивительного. Драконница, которую она выбрала, поднялась на ноги, выказывая интерес. Она была намного крупнее, чем казалась с палубы баркаса. И синего цвета. В солнечном свете ее шкура сверкала и искрилась. Медно-карие, с узким кошачьим зрачком глаза существа выглядели непропорционально большими. И в отличие от кошачьих, в глазах драконницы кружились водовороты более и менее глубокого карего цвета. От этого делалось не по себе. Тварь издала гортанный призыв.

Элис повернулась спиной к Седрику и поспешила к дракону:

– Да, конечно. Прошу прощения, что заставила тебя ждать, о великолепная!

Будь драконица пропорционально сложена, она была бы прекрасна, как бывает прекрасен племенной бык или олень. Однако хвост ее выглядел куцым по сравнению с длинной шеей, лапы тоже были коротки и неуклюжи. Крылья, которые драконица только что подняла и расправила, казались слишком маленькими для такого тела, к тому же были разными. Седрику они напомнили зонт, вывернутый ветром, – те же неприглядные «спицы» и обвисшая «ткань». Он выпрямился, подхватил ящик под мышку и пошел по грязи вслед за Элис.

Неподалеку послышался шум, и Седрик остановился. По берегу тяжело бежал небольшой красный дракон с мальчишкой на спине.

– Раскрой крылья! – кричал паренек. – Раскрой крылья и помаши ими. Нужно стараться, Хеби. По-настоящему стараться.

В ответ несчастная тварь распростерла крылья. Одно было больше другого, но дракон послушно хлопал ими на бегу. Этот «полет» закончился тем, что существо с разбегу влетело в реку. Мальчишка завопил от разочарования, потом заорал:

– Смотри, куда бежишь, Хеби! Но для первого раза хорошо. Просто не бросаем это дело, малышка.

Седрик не единственный заинтересовался зрелищем. Драконы и их хранители замерли. Одни подростки улыбались, другие были в ужасе. Что чувствовали драконы, Седрик определить не мог. Вот как понять, довольна корова или обижена? После минутного замешательства Элис поспешила к своей цели.

Длинноногий Седрик вскоре догнал ее. Похоже, она продолжала разговор с драконом.

– У меня нет слов, чтобы должным образом восхититься твоей красотой. Я так рада, что наконец я здесь, а говорить с тобой, как сейчас, я уж и вовсе не мечтала!

Дракон склонил к ней голову.

Седрик только сейчас заметил рядом с драконом девушку. На плече она держала самодельную метлу. Вид у нее был недовольный. Она хмурилась, и в сочетании с суженными глазами и чешуей это придавало ей сходство с рептилией. Таково было первое впечатление – ящерица. Седрику сначала показалось, что у нее грязные руки, но потом он увидел: пальцы девчонки оканчиваются черными когтями. Ее косы казались клубком змей, глаза странно блестели.

– Элис! – окликнул Седрик; Элис не ответила. – Постой! Подожди меня!

– Хорошо, давай быстрее.

Она остановилась, но видно было, что долго ждать не будет. Седрик нагнал ее в два широких шага и взял под руку.

– Будь осторожна! – тихо предупредил он. – Ты ничего не знаешь об этом драконе. А у девицы крайне враждебный вид. Они могут быть опасны.

- Отпусти меня, Седрик! Ты что, не слышишь ее? Она сказала, что хочет говорить со мной. Я думаю, что оставить без внимания такую просьбу – самый верный способ ее оскорбить. Я приехала сюда как раз для того, чтобы разговаривать с драконами. И ты здесь за тем же самым! Так что иди за мной и, пожалуйста, будь готов записывать наш разговор.

Она попыталась вывернуться, он усилил хватку и наклонился к ее лицу:

- Элис, ты это серьезно?

- Разумеется! А зачем, по-твоему, я проделала такой путь?

- Но... Драконы не разговаривают. Разве ты слышишь что-то разумное в этом мычании и лае? Что я должен записывать?

Элис посмотрела на него со смятением и с жалостью:

- Ох, Седрик, ты ее совсем не понимаешь? Ни единого слова?

- Если она и сказала хотя бы слово, я его не понял. Я слышу только драконьи завывания.

И тут, словно бы в ответ, дракон издал рокот. Элис подняла голову, обратив лицо к дракону:

- Прошу тебя, подожди, дай мне поговорить с другом! Он, похоже, не понимает тебя.

Элис снова повернулась к Седрику и горестно покачала головой:

- Я слышала, что многие не вполне разбирали, что говорит Тинталья, а некоторые не понимали ее речи вообще. Но никогда не думала, что ты окажешься так обделен. Что же нам теперь делать, Седрик? Как ты будешь записывать наши разговоры?

- Разговоры?

Его злила эта детская фантазия о разговорах с драконом. Примерно так же, как манера некоторых людей здороваться с собаками и спрашивать у них: «Ну как наши дела, дружок?» От женщин, разговаривающих со своими кошками, его и вовсе трясло. Элис, как правило, не делала ни того ни другого, и он думал, что ее реплики к дракону – новое нездоровое влияние Дождевых чашоб. Но настаивать на том, что дракон разговаривает, и жалеть Седрика – это было уже чересчур.

- Я все запишу – как записал бы разговор с коровой. Или с деревом. Элис, это смешно. Я признаю – должен признавать, – что драконца Тинталья умеет делать так, что ее понимают. Но это создание? Ты посмотри на него!

Дракон скривил губы и издал однотонный шипящий звук. Элис покраснела. Юная девушка из чашоб, стоявшая рядом с драконом, проговорила:

- Она просит передать тебе, что, хоть ты и не понимаешь ее, она все равно понимает каждое твое слово. И что дело не в ее речи и не в твоём слухе, а

в твоём разуме. Люди, не способные услышать драконов, были всегда. Обычно они оказывались самыми заносчивыми и невежественными.

Подумать только!

– Веди себя прилично, девочка, когда разговариваешь со старшими. Или в Дождевых чашобах этому уже не учат?

Драконница зашипела. Седрика обдало жаром и вонью полустгнившего мяса, которое она только что съела. Он с отвращением отвернулся.

Элис воскликнула:

– Он не понимает! Он не хотел оскорбить! Он никого не хотел оскорбить! – Она схватила его за руку. – Седрик, с тобой все в порядке?

– Эта тварь рыгнула мне в лицо!

Элис сдавленно хихикнула. Её била дрожь.

– Рыгнула? Ты так думаешь? Ты даже не понял, как тебе повезло. Если бы её ядовитые железы созрели, от тебя бы только лужица осталась. Ты вообще знаешь хоть что-нибудь о драконах? Не помнишь, что стало с калсидийцами, которые напали на Удачный? Тинталья всего лишь плюнула на них. Её плевком разъедает броню. А уж кожу и кости – и подавно. – Элис перевела дух и добавила: – Ты нечаянно оскорбил её. Думаю, тебе лучше прямо сейчас вернуться на корабль. Мне нужно время, чтобы объяснить это недоразумение.

Девочка из чашоб снова заговорила. Голос у неё был хриловатый, на удивление богатое контральто. Взгляд серебряных глаз вселял беспокойство.

– Небозевница согласна с госпожой. Главнее ты здесь или нет, а она говорит, что ты должен уйти с драконьего поля. Немедленно.

Седрик почувствовал себя по-настоящему оскорбленным:

– Не думаю, что ты можешь указывать мне, что делать...

– Небозевница? – перебила его Элис. – Это её имя?

– Это я её так зову, – смущенно призналась девушка. – Она сказала мне, что истинное имя драконы так просто не выдают, надо заслужить.

– Да, я понимаю, – отозвалась Элис. – Истинное имя дракона – это особое дело. Ни один дракон так просто его не назовет.

Она обращалась с хранительницей как с очаровательным ребёнком, встрявшим в серьёзный разговор взрослых. Девчонке, как заметил Седрик, это не нравилось.

Элис снова повернулась к дракону. Тварь подошла совсем близко и нависала над ними. Её глаза цвета полированной меди сверкали на солнечном свете. Драконница не отрывала взгляда от Седрика.

Элис снова заговорила с ней:

– О великая и прекрасная, знать твое истинное имя – это честь, которую я надеюсь однажды заслужить. Но я буду рада назвать тебе мое. Я – Элис Кинкаррон Финбок. – И она – подумать только! – присела перед этой тварью в реверансе, да так низко, что едва не шлепнулась в грязь. – Я проделала долгий путь из Удачного, чтобы увидеть тебя, услышать и поговорить с тобой. Надеюсь, мы побеседуем подольше и я смогу много узнать о тебе и почтить мудрость твоего народа. Слишком много лет минуло с тех пор, как люди имели счастье жить подле драконов. Боюсь, то небольшое, что мы знали о вас, забыто. Я бы хотела восполнить этот пробел. – Элис указала на Седрика. – Я привела его с собой, чтобы он записывал все, чем ты пожелаешь поделиться со мной. Я прошу прощения, что он не может слышать тебя. Уверена, если бы он мог, то быстро бы понял, сколь ты мудра.

Дракон снова зарычал. Девчонка-хранительница посмотрела на Седрика и сказала:

– Небозевница говорит: даже если бы ты мог разбирать ее слова, то, по ее мнению, ты все равно не сумел бы понять, что она обладает разумом и мудростью. Потому что у тебя самого их попросту нет.

Этот «перевод» был сделан явно с намерением оскорбить. Девчонка стрельнула глазами в сторону Элис. Однако та если и поняла ее враждебность, то не обратила внимания и тихо, но твердо сказала Седрику:

– Поговорим, когда я вернусь на корабль, Седрик. Если можно, оставь мне свои письменные принадлежности. Я попробую записать хоть что-нибудь из нашего разговора.

– Разумеется.

Он постарался, чтобы в ответе не прозвучали горечь и разочарование. И подумал, что давным-давно научился разговаривать учтиво даже после того, как Гест прилюдно устраивал ему словесную порку. Это было не так уж трудно. Главное – отказаться от малейших проявлений гордости. Но Седрик никогда не думал, что это умение пригодится ему в общении с Элис. Он отдал ей ящик с письменным прибором и мысленно злорадно усмехнулся, когда Элис охнула от неожиданной тяжести своей ноши.

«Пусть потаскает, – мстительно подумал Седрик. – Пусть поймет, на что я был готов ради нее. Может, хоть поблагодарит».

Он развернулся, чтобы уйти.

И тут с замиранием сердца Седрик вспомнил, что в ящике лежит еще кое-что, чем ему совершенно не хотелось делиться с Элис. Он торопливо повернул обратно:

– Тебе будет тяжело носить все это. Может, оставить только бумагу, перо и чернила?

Элис не ожидала такой заботливости, и Седрик догадался, что от нее не укрылось его намерение насолить ей, вручив весь прибор целиком. Выглядела

она до смешного растроганной. Седрик забрал у нее ящик и раскрыл его. Поднятая крышка заслоняла от Элис содержимое, но она и не заглядывала туда.

- Спасибо за понимание, Седрик, - тихо сказала она. - Я знаю, это нелегко - отправиться в столь опасное путешествие и вдруг обнаружить, что тебе недоступно лучшее в нем. Я хочу, чтобы ты знал: я не стала думать о тебе хуже. Такое могло случиться с кем угодно.

- Все хорошо, Элис. - Он постарался придать тону резкости.

Ну надо же! Ей показалось, что он расстроен из-за невозможности общаться с этим животным. И она жалеет его. Седрик улыбнулся этой мысли и смягчился. Сколько лет он жалел ее? Странно теперь оказаться в другой роли. Странно и трогательно, что ее волнует, не задеты ли его чувства.

- У меня полно дел на корабле. Надеюсь, ты вернешься к ужину?

- Думаю, даже раньше. Я не останусь тут в темноте, уверяю тебя. На сегодня будет вполне достаточно, если мы просто познакомимся и поладим с ней. Спасибо. Постараюсь не расходовать твои чернила зря.

- Расходуй, не стесняйся. До встречи.

Тимара следила за разговором раздетого мужчины и женщины из Удачного и удивлялась. Похоже, они близко знакомы - быть может, даже женаты. И напоминают ее родителей - тоже кажутся и связанными друг с другом, и отстраненными одновременно. И общаются примерно так же.

Они оба ей уже не нравились. Мужчина - потому что не проявлял почтения к Небозевнице, а женщина - потому что увидела драконицу и захотела ее себе. И похоже, она была способна завоевать драконицу, потому что знала, как ее очаровать. Разве Небозевница не видит, что эта женщина просто льстит ей, опутывая цветистыми фразами и преувеличенной любезностью? Тимаре казалось, что драконицу должны были бы злить такие наглые попытки добиться ее благорасположения. Но Небозевница, наоборот, явно наслаждалась этими непомерными похвалами. И даже открыто напрашивалась на них.

Да и женщина, в свой черед, была совершенно очарована драконицей. Тимара почти ощущала их взаимное притяжение, возникшее с первого взгляда. Это ее раздражало.

Нет. Не просто раздражало. Девушка кипела от ревности, признавая, что остается не у дел. Она, Тимара, должна опекать дракона, а не эта смешная горожанка! Эта Элис не сможет ни прокормить Небозевницу, ни обиходить ее. Как сумеет особа вроде нее, с дряблым телом и бледной кожей, идти следом за драконом вверх по реке, через густой лес? Как она сможет убить дичь, чтобы накормить подопечную, как справится с долгой и утомительной чисткой? Да никак! Почти весь день Тимара провела, отчищая шкуру Небозевницы, пока каждая чешуйка не засверкала. Она выскребла грязь из-под когтей драконицы, обобрала с ее век и носа целую армию жучков-

кровососов и даже расчистила место на берегу, чтобы Небозевница могла лежать не пачкаясь.

Но стоило этой женщине из Удачного немножко подольститься, и драконица обратила все внимание на нее, как будто Тимары вообще не существовало. Интересно, сочла бы Элис драконицу «блистательно прекрасной», если бы увидела часов пять назад? Наверяд ли. Драконица воспользовалась трудом Тимары, чтобы привлечь к себе хранителя получше. Ну что ж, скоро она обнаружит, что ошиблась.

Как и Татс.

От этой мысли у Тимары на глаза навернулись слезы. Ночью, когда Татс убежал от костра и Джерд направилась следом за ним, Тимара ничего такого и не подумала. Татсу нужно побыть одному, решила она. Но потом, когда эти двое вернулись к костру вместе, Тимаре стало ясно, что он не сидел в одиночестве. Татс полностью оправился от разговора с Грефтом. Джерд смеялась над какой-то его шуткой. Они сели с краю, рядышком друг с другом. Тимара слышала, как Джерд спрашивает Татса о его жизни и задает такие вопросы, которых Тимара не задавала никогда, опасаясь, что Татс сочтет ее слишком надоедливой. А Джерд спрашивала, улыбалась и заглядывала ему в лицо, и Татс отвечал ей. Тимара сидела у огня, не слушая болтовню Рапскаля, который делился своими соображениями о том, каким окажется путешествие, что будет на завтрак и можно ли убить галлатора из пращи. Грефт поглядывал на нее, на Татса и Рапскаля, а потом потихоньку ушел в лес. Нортель и Бокстер веселились, обмениваясь бородатыми шутками. Харрикин вдруг загрустил. Все это не имело значения – Тимара поняла, что возникшее накануне ощущение дружеского единения рассеялось быстрее дыма от костра.

В ту ночь Татс устроился спать рядом с Джерд и даже не пожелал Тимаре спокойной ночи. А она-то считала его своим другом. И в простоте своей даже вообразила, будто он вызвался стать драконьим хранителем только из-за нее. Хуже того – рядом с ней разложил свои одеяла Рапскаль. Она не могла встать и уйти от него, как ей того хотелось. И теперь каждую ночь он спал рядом с ней. Во сне он разговаривал и даже смеялся, а ей снились тяжелые сны о том, что отец смотрит на нее из тумана.

Сейчас Тимара безуспешно пыталась собраться с мыслями и сосредоточиться на разговоре удачнинской женщины и Небозевницы.

– О прекраснейшая, можешь ли ты вспомнить опыт своей непосредственной предшественницы, жизнь твоей славной матери? Знаешь ли ты, что случилось с миром, отчего драконы почти исчезли и надолго оставили людей тосковать во тьме?

Она замерла в ожидании ответа, держа наготове перо и бумагу. Точно смотреть.

Хуже того, Небозевница млела от похвал и разговаривала с женщиной загадками, уваливая от ответа.

– Моя мать? Будь она тут, ты бы не посмела ее так легко оскорбить! У драконов нет матерей, в том смысле, в котором они есть у вас,

млекососущие созданыца. Мы не трясемся над пищами младенцами и не тратим время на уход за беспомощными юнцами. Мы никогда не бываем так беспомощны и глупы, как новорожденные люди, не ведающие ничего ни о мире, ни о себе. Не насмешка ли это, что вы, живущие столь мало, так долго остаетесь несмышленими? А мы живем в дюжину раз долше и в каждый миг жизни знаем, кто мы и каковы были наши предки. Ты можешь убедиться, что у человека нет надежды понять дракона.

Тимара резко отвернулась от драконицы и от женщины из Удачного.

– Лучше я попробую раздобыть для тебя что-нибудь поесть, – заявила она, не заботясь о том, что вклинивается в их беседу.

Все равно этот разговор был отвратительным. Женщина постоянно задавала Небозевнице глупые вопросы, раболепно рассыпаясь в слащавых похвалах. А драконица продолжала темнить, не давая настоящих ответов. Может быть, так и ведут себя драконы? Или Небозевница просто пытается скрыть свое невежество?

Эти мысли тревожили девушку куда сильнее, чем то, что Татс может счесть Джерд более привлекательной, чем она, Тимара. Ни драконица, ни женщина из Удачного словно бы и не заметили ее ухода, и от этого раздражение нарастало.

Тимара направилась через илистый берег туда, где стояли лодки. Свое охотничье снаряжение она оставила в одной из них. Бросив взгляд в сторону дальней оконечности отмели, она заметила большой черный корабль. «Смоляной». Странное судно, куда более широкое и угловатое, чем те, что Тимаре приходилось видеть раньше. На его носовой части были нарисованы глаза; девушка слышала, что это старинный обычай – старше любого поселения в Дождевых чащобах. Считалось, так корабль получает возможность самостоятельно выбирать себе путь и избегать опасностей, встречающихся на реке. Тимаре нравились эти глаза. Их взгляд казался мудрым и древним, словно у доброго старика, и чудилось в нем нечто вроде понимающей, сочувственной улыбки. Тимара понадеялась, что глаза действительно помогут кораблю найти путь вверх по реке Дождевых чащоб. В этом путешествии им пригодится любая помощь.

Тимара отыскала свою острогу и решила попытать счастья. Хотя, похоже, другие хранители уже обшарили отмель, перебив всю рыбу, которой не хватило ума уплыть подальше. Даже Рапскалю повезло – он загарпунил рыбу величиной с собственное предплечье. Парень исполнил победный танец, помахивая вздернутой на острогу рыбиной, а потом повернулся к своей красной драконице. Та ходила за Рапскалем, точно игрушка на веревочке.

– Открой рот, Хеби! – крикнул мальчишка, и драконица послушно разинула пасть. Рапскаль снял рыбу с остроги и кинул ей в пасть. Драконица не двигалась. – Ну, ешь! Еда у тебя во рту, просто закрой его и жуй! – посоветовал ей хранитель.

Миг спустя драконица принялась жевать. То ли тварь, подумала Тимара, слишком тупа, чтобы есть то, что ей уже положили в рот, то ли рыба слишком мелкая, так что дракон даже не заметил ее.

Девушка покачала головой. Вряд ли более-менее крупная речная рыба будет ходить на отмели, в мутной теплой воде. Повернувшись спиной к драконам и их хранителям, Тимара направилась к дальнему концу прогалины, где сплетенные корни деревьев нависали над самой водой. Там росли жесткая осока, камыш и копейная трава. После разливов реки на сплетенных корнях повисли мертвые ветки и опавшие листья, образовав массу, уходящую глубоко в воду. На месте рыбы Тимара именно там и искала бы укрытия от солнца и хищников. Надо попробовать порыбачить.

Карабканье по изогнутым корням было похоже и не похоже на прогулки в кроне деревьев. Там, наверху, падение означало смерть, но многослойная крона давала сотни шансов ухватиться за ветвь или лиану и спастись от гибели. Здесь в переплетении корней под ногами зияли просветы. Внизу текла река, серая и жгучая: в лучшем случае получишь сыпь по всему телу, в худшем вода разъест кожу и плоть до самых костей. Была еще вероятность рухнуть в воду с головой и, хуже того, оказаться затянутой под сплетенные корни. Под ногами Тимара по-прежнему чувствовала дерево, но опасности подстерегали иные. Почему-то это мешало вспомнить, что она создана для жизни в Дождевых чащобах. Мешало двигаться уверенно.

В очередной раз поскользнувшись на корнях, Тимара остановилась и задумалась. Потом села и осторожно расшнуровала оба башмака. Сняв их, она связала шнурки, повесила башмаки на шею и пошла дальше, цепляясь когтистыми пальцами ног за кору. Вскоре она нашла хорошее место для рыбалки. Лиственный покров над головой отбрасывал на воду тень. Толстый изогнутый корень задерживал плавучий мусор, но при этом небольшой участок на поверхности воды оставался чистым. Трава и упавшие ветки задерживали муть, и вода была почти прозрачной. Тимара села так, чтобы ее тень не падала на воду, нацелила острогу и стала ждать.

Понадобилось время, чтобы понять, что творится под водой. Девушка не видела рыбу, но время от времени замечала тени и завихрения воды – признаки того, что рыба проплывает мимо. Рука заныла, устав держать орудие наготове, будто острога весила как целый древесный ствол. Тимара постаралась забыть о боли и целиком сосредоточилась на том, чтобы по поднышающему со дна илу понять, как движется рыба. Вот там, должно быть, хвост, значит здесь голова, нет, поздно, ушла под корни. Вот она, вот она... нет, снова спряталась. А, вот опять, и большая, сейчас, сейчас... есть!

Тимара не метнула острогу, а скорее ткнула ею вниз. Почувствовав, что наконец-то пронзил рыбину, она нажала сильнее, чтобы пригвоздить ее ко дну. Но заводь была глубже, чем показалось, и девушке пришлось ухватиться за корни, чтобы не упасть. А рыба, очень крупная и сильная, билась и извивалась на конце остроги, пытаясь освободиться. Тимара уже не особенно старалась не упустить ее, главное было удержаться и не упасть в воду самой.

Вдруг кто-то ухватил ее сзади.

– Пусти! – рявкнула Тимара и выбросила древко копья назад, сильно стукнув им того, кто держал ее.

Она услышала, как неизвестный резко выдохнул от удара, а потом чуть слышно выругался. Тимара не обернулась, поскольку от этого рывка рыба едва не соскользнула с остроги. Девушка вздернула вверх конец снасти, уперев древко в бедро, и с удивлением увидела, какую огромную рыбину ей удалось загарпунить. Теперь, неистово трепыхаясь, рыба все глубже надевалась на острогу, вгоняя наконечник в собственное тело. Добыча была длиной почти в половину роста девушки и уже соскальзывала по древку остроги к руке, держащей это древко.

– Не упусти! Держи острогу крепче! – крикнул сзади Татс.

– Я держу! – отозвалась Тимара.

С чего он решил, будто ей нужна помощь?

Татс все же протянул руку поверх ее плеча и схватился за другой конец остроги. Вместе они держали ее горизонтально, а рыбина продолжала биться и извиваться. Татс вытащил свободной рукой нож и изо всех сил ударил добычу тупой стороной клинка по голове. Рыба резко затихла. Тимара с облегчением вздохнула. Ей уже казалось, что она вот-вот вывихнет руку.

Все еще сжимая древко остроги, Тимара обернулась, чтобы поблагодарить Татса, и с изумлением обнаружила, что он не один. На сплетенных корнях сидел приятель женщины из Удачного и прижимал руки к животу. Лицо у него было красным, а плотно сжатые губы побелели от напряжения.

Пришурившись, он посмотрел на Тимару, и выдавил:

– Я пытался тебе помочь. Мне показалось, что ты вот-вот упадешь.

– Что вы оба здесь делаете? – спросила она.

– Я увидел, что он направляется в лес, куда ушла ты, и подумал, что он следит за тобой. Поэтому я тоже пошел – посмотреть, что он собирается делать, – ответил на ее вопрос Татс.

– Я сама могу позаботиться о себе, – напомнила девушка.

Но Татс не обиделся:

– Я знаю. Я не стал вмешиваться, когда ты стукнула его. Я только помог тебе с рыбой, потому что не хотел, чтобы она сорвалась с остроги.

Тимара хмыкнула и перевела взгляд на чужака:

– Зачем ты шел за мной?

Татс взялся за острогу с висящей посередине древка рыбиной и ухмыльнулся. Тимара проследила, чтобы он аккуратно положил добычу на сплетенные корни.

– От твоего удара у меня дыхание перехватило, – пожаловался чужак, но все же сумел вдохнуть глубже. Он слегка разогнулся, краснота постепенно сходила с лица. – Я пошел за тобой только потому, что хотел с тобой

поговорить. Я видел тебя вместе с драконом, с тем, которым интересуется Элис. Я просто намеревался задать тебе несколько вопросов.

– Каких?

На щеках Тимары выступил предательский румянец. Наверное, он считает ее какой-то полудикаркой, раз она живет в Дождевых чашобах. Девушке начало казаться, что она неправильно думала о незнакомце, но пока ей не хотелось извиняться. На самом деле она надеялась, что первое впечатление оказалось ошибочным. Раньше было заметно одно: какой он лощеный. Ей ни разу не доводилось видеть, чтобы мужчина так хорошо одевался. Сейчас, когда его лицо обрело нормальный цвет, Тимара отметила, что он очень красив. А прежде, когда он разговаривал с женщиной из Удачного, девушке казалось, что он невероятно напыщенный и совершенно ничего не знает о драконах, к тому же ведет себя очень нагло и грубо. Даже его красота казалась тогда оскорбительной – словно была частью той силы, которая давала ему право смотреть на других сверху вниз. Но ведь он пошел за ней, Тимарой, и действительно попытался помочь ей. А она за это ударила его древком остроги в живот.

Теперь он искупил многие прегрешения своей печальной улыбкой и последующими словами:

– Мне кажется, мы с самого начала взяли неверный тон в разговоре. А теперь я еще и напугал тебя к тому же. В первый раз я разговаривал с тобой непростительно грубо, но ведь и ты, признайся, была со мной не очень-то вежлива. И теперь отомстила мне, едва не проткнув меня острогой.
– Он помолчал, сделал глубокий вдох. – Может быть, начнем все заново?

Прежде чем Тимара успела ответить, он встал, поклонился ей в пояс и произнес:

– Позволь представиться. Меня зовут Седрик Мельдар. Я из Удачного и служу секретарем у торговца Финбока. Но сейчас я сопровождаю Элис, супругу торговца Финбока, в качестве ее летописца и защитника, поскольку она пожелала отправиться в путешествие, чтобы отыскать новые невероятные сведения о драконах и Старших.

На половине его речи Тимара обнаружила, что улыбается. Он говорил так официально и при этом давал понять, что вся эта официальность и звучные наименования его должности – лишь шутка. Он был одет как принц, из прически не выбивался ни единый волосок, и все же его улыбка и тон призывали Тимару не испытывать неловкости. Как если бы он и она были равными, подумала девушка.

– А кто такой летописец? – спросил вдруг Татс.

– Я заносу в дневник все, что делает Элис. Где она побывала, о чем беседовала. А когда она проводит исследования, я подробно описываю ее изыскания. Чтобы позже она смогла заглянуть в мои записи и убедиться, что все помнит правильно. Я умею рисовать и собираюсь сделать наброски драконов, подробно нарисовать их глаза, когти, зубы и прочие части тела. Но сегодня оказалось, что мои услуги не пригодятся. Похоже, я чем-то оскорбил драконицу, поэтому не могу находиться рядом с Элис, пока та

беседует с ней. Однако даже если бы и мог, я все равно не понимаю, что говорит это существо, что отвечает на вопросы Элис.

- Небозевница, - подсказала Тимара. - Драконицу зовут Небозевница.

- Она назвала тебе свое имя? - потрясенно спросил Татс.

Тимара разозлилась, что он встревает в разговор.

- Небозевница - это я ее так называю, - пояснила она, искоса глядя на Татса. - Все знают, что драконы никому не говорят свое настоящее имя. По крайней мере, сразу.

- Да, моя мне это тоже сказала. Но она не просила меня давать ей прозвище. - Он глупо заулыбался. - Она такая красивая! Зеленая, как изумруд, как свет солнца сквозь листву. А ее глаза... у меня просто слов нет. Но она вспыльчивая и иногда злая. Я случайно наступил ей на лапу, а она пригрозила убить и съесть меня!

- Подожди, пожалуйста. - На сей раз уже встрял чужак. - Подождите, пожалуйста, оба. Вы утверждаете, что разговариваете с драконами? Так же, как мы разговариваем сейчас?

Впрочем, Седрик уже не казался Тимаре чужаком. Она улыбнулась ему:

- Конечно разговариваем.

- Они двигают ртом, откуда исходят слова, и вы слышите их? Вот как вы слышите сейчас меня, а я слышу вас? Тогда почему я слышу ворчание, подвывание и шипение, а вы - слова?

- Ну... - Тимара замаялась. Она совсем не задумывалась о том, как именно слышит драконов.

- Нет, конечно нет, - снова встрял Татс. - Их рты не годятся для того, чтобы выговаривать слова, как это делаем мы. Драконы издают звуки, и я как-то понимаю, что они хотят сказать. Хотя они не говорят на человеческом языке.

- А много времени нужно, чтобы выучить их язык? Вы изучали его до того, как прибыли сюда? - спросил Седрик.

- Нет. - Татс уверенно покачал головой. - Когда только я попал сюда, я выбрал себе дракона и пошел прямо к нему, и я уже мог его понимать. Моя - зеленая самка. Она не такая большая, как некоторые другие драконы, но мне кажется, что самая красивая. К тому же она быстрая и, если не считать крыльев, хорошо сложена. Правда, немного сварливая. Говорит, что другие считают ее злокой и избегают ее. А еще говорит, это потому, что она достаточно быстрая и ей почти всегда удается первой заполнить еду. Остальные завидуют.

- Или просто считают ее жадной, - предположила Тимара.

Пора самой направлять ход разговора. В конце концов, Седрик пошел в лес не за Татсом и говорить собирался не с ним, хотя, похоже, и хватается за каждое его слово.

– Я понимала драконов с того самого мгновения, как они вылупились, – объяснила Тимара. – Я была здесь в тот день. И даже когда они не смотрели прямо на меня, я чувствовала, о чем они думают, вылезая из своих коконов. И я могла с ними общаться. – Она улыбнулась. – Один из птенцов погнался за моим папой. Мне пришлось объяснить, что человек не еда.

– Дракон хотел съесть твоего отца? – переспросил Седрик с ужасом.

– Они тогда только что вылупились из коконов. Этот дракон просто еще ничего не понимал. – Тимара мысленно вернулась в тот день, припоминая все как следует. – Они были очень голодны, когда вылезали из оболочек. И не так сильны, как следует, и недостаточно хорошо развиты. Мне кажется, так получилось из-за того, что морские змеи окуклились слишком старыми и недостаточно упитанными, да и пробыть в коконах им, наверное, надо было подольше. Поэтому наши драконы такие больные и не умеют летать.

– Пока не умеют, – с ухмылкой заметил Татс. – Ты же видела Рапскаля. Он настаивает на том, что его дракон летать научится. Рапскаль, конечно, чокнутый. Но после того как я увидел их, сам подошел посмотреть на крылья моей зеленой. У них правильная форма, но они маленькие и не очень сильные. Моя сказала мне, что драконы растут всю жизнь. У них все растет: шея, лапы, хвосты и, конечно, крылья. Я думаю, что если буду как следует кормить ее и она будет пытаться работать крыльями, то, может быть, они вырастут и она сумеет летать.

Тимара в изумлении уставилась на него. Она уже приняла драконов такими, какие они есть; ей не приходило в голову, что, возможно, они могут вырасти и станут настоящими драконами. И сейчас она подумала о крыльях Небозевницы. Когда Тимара чистила их, они казались вялыми. И Небозевница не очень-то пыталась расправить крылья даже ради чистки. Девушке показалось, что драконица вообще плохо умеет с ними управляться. Она ощутила укол зависти – неужели зеленая подопечная Татса в конце концов сумеет подняться в небо, а ее Небозевница останется прикованной к земле?

– Но ты понимаешь то, что они говорят? Каждое слово? – Седрик настойчиво пытался вернуть разговор к волнующей его теме. Когда Тимара кивнула, он спросил: – Выходит, когда ты передавала мне их слова, ты ничего не выдумывала? Ты действительно всего лишь сказала на человеческом языке то, что пытается сказать мне дракон?

Девушка вдруг почувствовала смущение из-за того, как разговаривала с ним прежде.

– Я слово в слово повторила то, что говорила Небозевница, – извиняющимся тоном ответила она, испытывая легкий укор совести из-за того, что переложила вину за свою грубость на драконицу.

– Так, значит, ты можешь перевести для меня? Если я захочу поговорить с ней и извиниться...

- Это не нужно. Я имею в виду, ты можешь говорить прямо с ней. Она понимает каждое слово.

- Да, понимает, и именно так я навлек на себя ее недовольство. Но если Элис задает твоему дракону вопрос, а дракон отвечает, ты можешь перевести мне ответ? Тихонько, в сторонку, чтобы не мешать их беседе?

- Конечно. Но это может сделать и Элис... то есть госпожа Финбок. И любой из хранителей тоже.

- Однако это замедлило бы работу Элис. Я подумал, если кто-нибудь будет пересказывать мне, что говорит дракон, я смог бы все это записать. Я пишу очень быстро. Конечно, это может сделать любой из хранителей. - Он взглянул на Татса. - Но поскольку Небозевница - твой дракон, мне показалось, что именно тебя и стоит об этом попросить.

Тимаре нравилось, что Седрик продолжает называть Небозевницу «ее драконом».

- Думаю, что смогу.

- Хорошо. А... согласишься?

- Соглашусь на что? Просто стоять там, пока они разговаривают, и передавать тебе, что говорит дракон?

- Именно. - Он поколебался, затем предложил: - Если захочешь, я могу платить тебе за потраченное время.

Это было соблазнительно, но отец воспитывал в Тимаре честность.

- Мне уже заплатили за потраченное время, и теперь оно принадлежит этому дракону. Я не могу продать время дважды, так же как не могу продать дважды одну и ту же сливу. Так что я не могу взять твои деньги. И мне придется спросить Небозевницу, позволит ли она тебе находиться поблизости от нее и не будет ли против, если я стану передавать тебе ее слова.

- Хорошо. - Похоже, его ошеломило то, что она не может взять его деньги. - Тогда спроси ее, ладно? Я буду в долгу перед тобой.

Тимара склонила голову набок:

- На самом деле я думаю, что в долгу передо мной будет Элис Финбок. В конце концов, это она купила твое время, чтобы ты делал для нее эту работу. А если я устрою так, чтобы ты мог эту работу выполнять, то... - Тимара улыбнулась про себя. - Да, полагаю, она действительно будет мне должна.

Эта мысль понравилась ей.

- Так ты спросишь драконицу, могу ли я находиться рядом с нею? И можно ли тебе переводить для меня то, что она говорит?

Тимара наклонилась и ухватила острогу за древко по обе стороны от пронзенной рыбы. Поднимая добычу, девушка даже слегка крякнула от тяжести. Кивнув на рыбину, она сказала Седрику:

- Давай пойдем и спросим. Думаю, у меня есть кое-что такое, что поднимет ей настроение и сделает стоворчивее.

Шестой день месяца Злаков, шестой год Вольного союза торговцев

От Кима - Детози

Боюсь, ты приняла простое напоминание о правилах за личный укор. Детози, мы не первый день знаем друг друга. Неужели ты не поняла, что, напоминая тебе о правилах касательно личной переписки, я всего лишь выполняю обязанности? Я не такой человек, чтобы бежать в Совет с подобной мелкой жалобой. Я просто хотел предостеречь тебя и тем самым, возможно, спасти от позора и неприятностей. Ведь о твоей переписке может прознать кто-нибудь, кто достаточно мелочен, чтобы вынести сор из избы. Вот и все. Во имя Са всемилостивого, я и не думал, что ты примешь все насколько близко к сердцу! Но по старой дружбе я не стану обращать внимание на безосновательную клевету и угрозы в твоём последнем письме.

Ким

Глава 13

Подозрения

Лефтрин проснулся до рассвета, вполне довольный жизнью. Он лежал в темноте, наслаждаясь ею и готовясь строить планы на предстоящий день. Смоляной был спокоен, как обычно. Стоял, уткнувшись носом в отмель. Иногда Лефтрину казалось, что его корабль, забравшись на эту отмель, глубоко задумался, как будто грезит об иных временах. Тишину нарушал лишь мягкий плеск воды у кормы. Когда баркас стоял на якоре или поднимался по реке, плескало куда громче, а теперь Смоляной словно дремал на солнечном берегу.

От постели сладко пахло духами Элис Финбок и ароматом самой Элис. Лефтрин уткнулся лицом в подушку и глубоко вдохнул ее запах. Потом усмехнулся собственной глупости. Он влюбился, как безусый юнец, только что открывший, что женщина чудесным образом отличается от мужчины. В юности он не страдал мечтательностью, но теперь сладкие грезы не оставляли его ни на миг. Он подумал о веснушках Элис и улыбнулся. Волосы у нее рыжие,

как грудка маленькой птички, и, выбиваясь из прически, ложатся на лоб завитками. Когда эта женщина в тревоге или страхе берет его за руку, он ощущает себя высоким и сильным. Небывалое чувство!

Им никогда не быть вместе. Лефтрин знал это. Стоило ему задуматься о будущем, и сердце сжимало отчаяние. Но нынче утром капитан был безоблачно счастлив, ему хотелось петь от восторга. Корабль, как всегда, почувствовал его настроение и заразил им всю команду. Смоляной будет рад отправиться в путь. Сам Лефтрин по-прежнему считал, что не может быть ничего глупее, чем плыть в никуда, понукая стадо упрямых драконов. Но Совет предложил баснословное вознаграждение, и к тому же капитан давно уже мечтал выбраться со своим кораблем и командой за пределы исследованных земель. А уж о том, что такая женщина, как Элис, не только появится в его жизни, но и отправится с ним в путь, ему и в самых сладких снах не являлось.

Капитан еще раз вдохнул ее аромат, обнял подушку и сел. Пора приниматься за дело. Хочется выйти пораньше, но нужно дождаться, пока доставят припасы – то, что он заказал, дабы облегчить тяготы пути для Элис. Лефтрин почесал грудь, снял с крючка рубашку и натянул ее. Штаны и так с вечера были на нем. Капитан босиком вышел из своей каюты на камбуз. Раздул угли в очаге и поставил на плиту вчерашний кофе. Вымыл кофейную кружку. За крохотным окошком нерешительно светало. Лесная тень укутывала в сумрак корабль и берег..

Он ощутил слабую дрожь и насторожился: кто-то чужой для Смоляного находится на его палубе. Лефтрин тихо встал. Из ближайшего ящика достал большую свайку из прочного дерева, которую использовали для разъединения прядей самых прочных линий. Лефтрин взвесил свайку в руке, улыбнулся и бесшумно, как кот, шагнул к двери. Открыл ее. Внутри ворвался холодный утренний воздух. В верхних ярусах леса перекликались птицы. В нижних еще только готовились ко сну летучие мыши. Капитан вышел на палубу и начал обход корабля.

Лефтрин никого не обнаружил, но, заглянув в рубку, увидел на столе маленький свиток. Капитан взял его в руки, и сердце дрогнуло. Бумага была толстой и мягкой, от нее по-чужеземному пахло специями. Он вернулся к себе в каюту и запер дверь. Свиток запечатали простым коричневым воском, без оттиска герба. Лефтрин сорвал печать, размотал свиток и прочитал в тусклом утреннем свете: «Совпадений не бывает. Это я привел тебя сюда. Окажи помощь тому, кого я отрядил. Ты скоро узнаешь, кто это. Тебе известно, что он ищет. Оно стоит целого состояния – и жизнью моей семьи. Если все пройдет хорошо, часть этого состояния станет твоей. Если же нет, оплакивать будут не только мою семью».

Подписи нет, но и так все ясно. Синад Арих. Несколько месяцев назад Лефтрин довез его до Трехога, и как только корабль подошел к причалу, калсидиец исчез. О возвращении они не договаривались. Через два дня «Смоляной» был загружен, пассажир так и не появился, и они отплыли. Иноземный купец оставил на «Смоляном» кое-что из своих вещей. Его рубашку Лефтрин выкинул за борт, а курительные травы забрал себе. Команда не спрашивала, что стало с пассажиром, и Лефтрин не поднимал шума насчет него. Бумаги у Синада были в полном порядке, и за проезд он заплатил. Так Лефтрин и собирался отвечать, если его будут спрашивать. Но никто ничего

не спрашивал, и капитан понадеялся, что это недоразумение осталось в прошлом.

Напрасно надеялся. Хотел бы он больше никогда не слышать об этом проклятом калсидийском купце. Надо было тогда, год назад, тихонько сбросить его за борт – и концы в воду. После встречи с ним Лефтрина преследовали кошмары. А потом капитан почти поверил, будто видел Синада в первый и последний раз, будто тот уже получил все, что хотел от него, и теперь оставит в покое...

Вот что значит связаться с Калсидой или калсидийцем. Как только они обнаруживают твоё слабое место, какой-нибудь секрет, сразу цепляют тебя на крючок и пользуются тобой, пока не убьют или пока ты не убьешь их. Лефтрин стиснул зубы. Всего несколько минут назад он беззаботно радовался предстоящему путешествию вверх по реке вместе с предметом своего обожания. А теперь размышляет, кто еще появится на корабле и насколько безжалостен будет этот чужак в своих угрозах. Сумеет ли он, Лефтрин, убить его по пути, а если убьет, то сможет ли утаить это от Элис?

Печально. Знай эта женщина хотя бы о половине его дел, она и не взглянула бы в его сторону. Для того чтобы наслаждаться ее обществом, ему придется скрывать от нее часть своей жизни, как бы ни воротило с души от этих тайн. Но им и так отпущено слишком мало времени, чтобы провести его вместе, и Лефтрин не собирался лишаться и этой малости. Он ведь знал, что не пара ей. Всего лишь речник из Дождевых чашоб. Корабль – единственное, что у него есть. А Элис ведь представления не имеет, какое чудо его Смоляной. Она, наверное, даже не считает корабль достоянием.

Но тогда что ее привлекло в нем, Лефтрине?.. Он всю жизнь работал и будет работать до гробовой доски. У него нет уютного дома, чтобы предложить ей стать его хозяйкой. Ходит он чуть ли не в рубище – особенно по сравнению с ее щеголем-сопровождающим. Колец не носит. До того как Элис поднялась на корабль, Лефтрин ни к чему особо не стремился, просто хотел заниматься тем, чем занимается, – возить грузы вверх и вниз по реке и чтобы хватало на жалованье команде и на хороший обед, если случится заночевать в городе. Был у него шанс – если бы он продал то диводрево. Стал бы теперь богачом, жил бы в роскошном доме где-нибудь в Джамелии или Калсиде. Но Лефтрин не жалел о принятом тогда решении, оно было единственно верным.

И все же теперь он смотрел на себя со стороны и поражался, сколь малым он довольствовался все это время. Эх, если бы он мог предвидеть, что однажды в его жизнь войдет такая женщина... Тогда, может, и подкупил бы какого-нибудь подходящего имущества, чтобы произвести впечатление. Да только разве смог бы он и тогда соперничать с ее мужем, преуспевающим торговцем Удачного?

Лефтрин снова посмотрел на записку. Может, надо было убить того калсидийского торговца и бросить за борт еще до Трехога? Он знал, что мог бы это сделать. Когда-то давно он убил человека. Лефтрина обвинили, что он жульничает в игре. А он не жульничал. И когда тот тип и его дружки заявили, что убьют его, но не дадут уйти с выигрышем, Лефтрин вырубил одного, прикончил другого и убежал от третьего. Лефтрин гордился не убийством, а тем, что остался в живых. И не сожалел о содеянном.

Но что толку теперь раздумывать, если бы да кабы.. Убей этого купца, не стоял бы теперь с этой запиской в руке и не гадал о том, кто из его спутников предатель и приложил ли Синад Арих руку к тому, что Лефтрин заполучил этот выгодный контракт.

«И не беспокоился бы о том, насколько низко я могу упасть в глазах Элис», – мысленно добавил Лефтрин, сминая записку и бросая ее за борт.

– Подъем!

– Вставайте, собирайте вещи, поднимайте своих драконов!

– Подъем, пора в дорогу!

Тимара открыла глаза, едва забрезжил рассвет. Она зевнула и вдруг пожалела, что не послала Совет куда подальше с их предложением. Вокруг слышалось ворчание других хранителей. Будили их сопровождающие, которые шли с ними от Трехога. Их работа должна была закончиться сегодня, и они явно не могли дождаться этой минуты. Чем скорее хранители встанут, разбудят драконов и отправятся в путь, тем скорее сопровождающие смогут вернуться домой.

Тимара снова зевнула. Нет уж, пора вставать, а то недолго и без завтрака остаться. Пока ей не пришлось питаться из одного котла с парнями, она и представить себе не могла, как много и как быстро они способны сожрать. Тимара села, завернувшись в одеяло, но холодный утренний воздух все равно добирался до нее.

– Проснулась? – спросил Рапскаль.

Теперь он спал рядом с ней – так близко, как она позволяла. Однажды утром Тимара, проснувшись, обнаружила, что он прижался к ее спине, обнял за талию и уткнулся в плечо головой. Тепло было приятным, а вот насмешки – наоборот. Кейз и Бокстер безжалостно их дразнили. Рапскаль улыбался – задиристо и в то же время неуверенно; похоже, он сам не знал, где кончается шутка и начинается правда. Сама она решительно не обращала внимания на колкости, решив для себя, что потребность Рапскаля в ней сродни скорее кошачьему стремлению к знакомому теплу, чем любовным поползновениям. Между ними нет притяжения. Да если бы и было, она бы ему не поддалась. Что запрещено, то запрещено. Тимара это знала. Они все это знали.

Но относились ли драконьи хранители к этому запрету так же серьезно, как она?

Грефт намекал, что нет. И собирался устанавливать собственные правила – так он сказал. А Джерд? Будет ли она придерживаться тех правил, с которыми они все выросли?

Протирая глаза, Тимара старалась не замечать, кто с кем рядом спал, и не задумываться о том, что это значит. Нужно же где-то спать. И если Джерд всегда расстилает свое одеяло рядом с Татсом, это просто значит, что она

чувствует себя в безопасности рядом с ним. И если Грефт всегда находит предлог завести разговор с Тимарой, когда другие готовятся ко сну, это может означать только то, что он считает ее умной.

Тимара оглянулась на него. Он, как обычно, встал одним из первых и уже сворачивал постель. Спал Грефт без рубашки. Тимару поразило, что так делают многие юноши. Джерд, у которой были братья, удивилась, что Тимара этого не знает. А она не могла припомнить случая, когда ее отец ходил бы полуголым. Тимара разглядывала Грефта, а тот чесал свою чешуйчатую спину. Знакомое ощущение немилосердного зуда! Так бывает, когда чешуя становится толще и тверже. Грефт согнул спину, чтобы приподнять чешуйки и почесать под ними. Если он и понимал, как сильно поместили его Дождевые чащобы, то виду не подавал. А сегодня утром как будто нарочно выставлял напоказ свое тело.

Тимаре вспомнились слова, которые он сказал в ту ночь, когда выгнал Татса. Грефт хотел устанавливать свои правила. И уже начал это делать. Тимару почти не удивило, как быстро он стал вожаком в их компании. Он просто вел себя так, как будто всегда был им. Все младшие тут же подчинились ему. Не поддались немногие, и среди них Татс. Тимара подозревала, что, если бы Грефт не подсуетился и не превратил Татса в изгоя, тот сам мог бы стать вожаком. Татс, вероятно, тоже это знал. И Джерд относилась к Грефту с подозрением – или, по крайней мере, очень сдержанно. Это потому, что мы обе девушки, думала Тимара. Потому, что он всегда смотрит на нас так, словно оценивает. Впервые она заметила это, когда Грефт смотрел на Сильве, – Тимара так и видела, как он прикидывает: «Нет, слишком молода, не годится...»

Внимание Грефта странным образом льстило Тимаре и одновременно пугало ее. Вот и сейчас он повернул голову – как будто услышал ее мысли или почувствовал взгляд. Девушка потупилась, но было уже поздно. Грефт понял, что она разглядывала его. Краем глаза Тимара заметила, что он снова потянулся, расправил плечи и улыбнулся ей.

Она заговорила с Рапскалем:

– Ты проснулся? Сегодня мы отправляемся.

– Проснулся. Но зачем выходить так рано? Драконы не хотят трогаться с места, пока не потеплеет.

– Потому что, – ответил ему Грефт, опередив Тимару, – добрые горожане Кассарика ждут не дождутся, когда мы уберемся с глаз долой. Как только мы уведем драконов, они построят по берегу причалы. Наверное, починят шлюзы, которые пытались соорудить для змеев. Или сделают новые. Тогда из Трехога сюда смогут приходить большие корабли. А значит, они смогут лучше распоряжаться тем, что найдется в развалинах старого города. Когда драконы уйдут, станет безопаснее, и они будут копать глубже и ближе к этому месту. Так что прямой ответ на твой вопрос, Рапскаль, – из-за денег. Чем скорее мы уведем отсюда драконов, тем скорее торговцы перестанут тратить на них деньги и начнут извлекать больше прибыли из погробенного города.

Рапскаль нахмурился и надул губы – значит глубоко задумался.

- Но... зачем так рано поднимать нас? Какая разница - часом раньше, часом позже?

Грефт покачал головой, бормоча что-то нелестное, и отвернулся. По лицу Рапскаля пробежала тень обиды. А Тимара испытала мгновенную резкую неприязнь к Грефту. Такую сильную, что она удивилась.

- Пойдем съедим что-нибудь до выхода, - предложила она Рапскалю. - Сегодня они кормят драконов последний день. С завтрашнего дня это придется делать нам. И я надеюсь, что они и сами смогут добывать для себя пищу. Хотя бы по чуть-чуть.

Рапскаль просветлел. Для счастья ему было нужно совсем немного. Он не ждал от людей особой ласки, он радовался, когда ему просто не грубили. Тимара старалась не думать, как же он жил, если обычное ровное отношение считает проявлением дружеских чувств. Она со вздохом стала собирать постель. Разумеется, ее вроде бы ни к чему не обязывающие слова Рапскаля воспринял за счастье. Стоит заговорить с ним - и он весь день не отцепится.

- Я вот беспокоюсь, как мы будем кормить наших драконов. Думаю, они смогут находить себе еду. Падаль и еще крупную рыбу. Или дохлую большую рыбу, это им будет легче всего. Моя Хеби любит рыбу, и ей все равно, дохлая она или живая.

- Хеби - это ее настоящее драконье имя? - спросил Татс, внезапно возникший за спиной Рапскаля.

Он уже собрал свой мешок и повесил на плечо. И побрился. Значит, встал давно. Брился он не часто, где-то раз в неделю. С тех пор как они вышли из Трехога, Тимара один раз видела его за бритьем. Татс выглядел неуверенно - он скорчился над зеркальцем и осторожно скреб щеки складной бритвой. Тимара удивилась тогда и поняла, что все еще относится к нему как к мальчику. А не как к мужчине. Она посмотрела на Рапскаля. Все они до сих пор кажутся ей мальчишками, за исключением разве что Грефта. А ведь Рапскаль почти ее ровесник. Он уже не ребенок. Пока не откроет рот, конечно.

- Нет. По-моему, у Хеби не было имени, пока я не появился. Но я ей нравлюсь, и имя ей тоже нравится, так что все хорошо. - Рапскаль вдруг замер, где стоял. Потом снисходительно улыбнулся. - Вот я салага! Слишком громко думал о ней и разбудил. Так что мне лучше быстренько поесть и бежать. Она голодная. И я напомним ей, что сегодня мы уходим вверх по реке. Она все забывает. - Он скомкал одеяло, засунул его в свой мешок, потом осмотрел место, на котором спал. Подобрал запасную рубашку, запихал ее сверху и сказал: - Пора поесть.

После чего умчался в главный лагерь. Татс и Тимара посмотрели ему вслед.

- Похоже, Рапскаль и Хеби - два сапога пара, - улыбнувшись, заметил Татс. Он наклонился, поднял забытый Рапскалем носок и более серьезно добавил: - Если бы он еще не был таким растяпой...

- Дай мне. Я ему отдам.

- Я сам отдам. Все равно иду туда же. Ты права - пойдем последний раз поедим задаром.

Тимара уложила аккуратно свернутое одеяло в мешок и быстро проверила, не забыла ли чего. Остальные тоже заторопились. Грефт был первым в очереди к котлу с овсянкой. Она видела, как он ест - быстро, а потом идет за второй порцией, пока другие еще не получили первую. Дурные манеры Грефта раздражали ее, хотя она не раз думала, что подражать ему не так уж глупо. Некоторые уже начали. Например, Кейз и Бокстер. Было неловко смотреть, как они ходят за ним по пятам с полными мисками. Вот Грефт сел, чтобы съесть свою кашу, и они устроились рядом.

У Нортеля был подбит глаз и исцарапано лицо.

- Что с ним случилось? - спросила Тимара.

- Подрался с кем-то, - ответил Татс. - Что будем делать с ничейными драконами?

Вопрос отвлек ее от Нортеля.

- Что?

- У двух драконов нет хранителей. Ты же знаешь.

С мисками в руках они встали в очередь за Нортелем и Сильве. Девочка тут же повернулась, чтобы присоединиться к разговору:

- Да, у серебряного и того грязного.

- Если его слегка отмыть, наверняка окажется, что он медный, - сказала Тимара. Она уже смотрела на этих драконов и чуть не выбрала одного из них, когда Небозевница хотела отказаться от нее. Сейчас Тимара заставила себя сказать то, что думала: - Оба плохи. Без хранителей в дороге долго не протянут. Если вообще пойдут вслед за нами. Похоже, они не очень-то соображают.

- Ты права, - ответил Тат. - Я видел, как серебряный ночью прижимался к баркасу, словно это еще один дракон. Нынче утром его там нет, так что, наверное, догадался. Он явно глуповат. Но вряд ли Совет Кассарика разрешит нам оставить тут дракона. А если мы его все же оставим, он через неделю помрет. Что-то я сомневаюсь, что они будут кормить оставшихся, когда мы уйдем.

- Это жестоко, - сказала Сильве. - Они так долго были жестоки к этим драконам! Мой бедный Меркор говорит, что не помнит времени, когда драконы терпели такое ужасное отношение людей или Старших.

Нортель молча кивнул. Раздающий шмякнул ему в миску овсянки. Парень продолжал держать миску перед ним, пока тот нехотя не добавил еще немного. Следом протянула свою миску Сильве.

- Ну что ж.. - продолжил Татс. - Если мы оставим этих двоих тащиться за нами и ничего для них не сделаем, мы просто дадим им умереть - точно так же, как если бы оставили здесь умирать от голода.

- Они недостойны жизни, - сказал Алум, стоявший в очереди следом за Татсом. - Мой Арбук, может, и не гений, но он быстрый и здоровый. Вот почему я его выбрал. Я подумал, что у него больше всех шансов дожить до конца пути.

- Повитуха считала, я тоже недостойна жизни, - тихо заметила Тимара, отходя с полной миской от котла.

Следом за Сильве она взяла с чистого полотенца кусок жесткого хлеба.

- Мы живем на суровой земле. Суровая земля требует суровых законов. - Голос Алума прозвучал уже не так уверенно.

- Я возьму себе медного, - тихо сказал Татс. Хранители сели в круг и начали есть. - До выхода я почищу его немного и повыгоняю с него паразитов.

- Я тебе помогу.

Тимара не заметила Джерд, но та, оказывается, уселась рядом с Татсом. Хлеб она положила на колено, в одной руке держала миску, в другой - ложку.

- Я возьму серебряного, - безрассудно заявила Тимара.

Но тут же спохватилась, что это может не понравиться Небозевнице. Ведь если ее хранительница захочет уделить несчастному созданию хоть малую толику внимания, драконица и взревновать может. Ну и пусть себе, мстительно подумала Тимара.

- Я тебе помогу перевязать ему хвост, - предложила Сильве.

- А я, пожалуй, наловлю ему рыбки, - сказал Рапскаль, вклиниваясь в круг между Татсом и Тимарой и совершенно не заботясь о том, что может быть некстати. Усевшись, он яростно набросился на овсянку. Потом вдруг с полным ртом объявил: - Дома на завтрак никогда не варили овсянку. Зерно слишком дорогое. На завтрак всегда был суп. Или тыквенные оладьи.

Кое-кто из хранителей закивал.

- А у нас иногда бывала овсянка с медом, - сказала Сильве. И добавила, словно чувствовала вину за подобное роскошество: - Но редко.

- А у нас обычно были фрукты, которые мы с отцом собрали накануне и не продали, - сказала Тимара, и ее накрыло тоской по дому.

Она оглянулась. Что она делает тут? Сидит на голой земле, ест овсянку и собирается отправиться вверх по реке. Сейчас все это показалось бессмысленным, мир покачнулся, стоило только осознать, как далеко она от дома и семьи.

- Тимара!

Голос раздался за спиной так неожиданно, что она чуть не выронила ложку. Обернувшись, девушка увидела Седрика. Он был безупречно причесан, и вокруг него витал аромат каких-то духов.

- Что? - тупо спросила она.

- Я не хотел мешать тебе завтракать, но нам сказали, что выход неотвратно приближается. Ты не могла бы немного попереводить мне? Элис уже там с драконом... - Он не договорил фразу, увидев выражение ее лица.

Тимара отвела глаза и попыталась унять внезапно подступившую ревность. Элис уже встала и болтает с Небозевницей? Так рано? Вчера Тимара с Седриком вернулись по темноте. Вечером холодало, и драконы становились сонными, вот и Небозевница хотела только спать. Впрочем, усталость не помешала ей заглотить принесенную рыбу. Элис была поражена и размерами этой рыбы, и скоростью, с которой драконица ее заглотила, к удовлетворению Тимары. Пока Небозевница ела, Тимара уговорила ее разрешить Седрику присутствовать при разговорах с Элис. После чего драконица отправилась спать к остальным драконам, а девушка пожелала Седрику и Элис спокойной ночи и проводила их взглядом до вытасченного на берег баркаса.

Она заметила, как Элис взяла Седрика под руку и как он нес ее вещи, и задумалась, что бы это значило. Седрик сказал, что он ее помощник, но Тимара чувствовала, что между ними есть что-то еще. Уж не любовники ли они? От этой мысли ее пробрало странной дрожью и стыдом. Это не ее дело. Все знают, что в Удачном живут по своим законам.

- Попереводить? - Грефт поднялся на ноги одним плавным быстрым движением, в котором читался вызов.

Седрик повернулся к нему. Он был озадачен вопросом. Тимара тоже.

- Она сказала, что может помочь мне понять, что говорит дракон, чтобы я мог это записать.

Грефт продолжал сверлить его взглядом.

Седрик добавил:

- У меня, кажется, имеется серьезный недостаток. Когда драконы говорят, я их не понимаю. Слышу только звериный рев. Тимара вчера сказала мне, что может помочь. Или я отвлекаю ее от других обязанностей?

Тимара поняла, что Грефт заставил Седрика думать, будто она как-то подчиняется Грефту и Седрик должен просить разрешения отпустить ее. Девушка затолкала недоеденный хлеб в карман и встала, держа в руках пустую миску:

- У меня сейчас нет других обязанностей, Седрик. Подожди, я только уберу миску и ложку.

- То есть я только что ослышался? Ты не обещала заняться тем серебряным? Кто-то должен перевязать ему хвост и попытаться установить с ним связь.

Грефт говорил как начальник, напоминая о несделанной работе. Тимара повернулась к нему, встала лицом к лицу и четко проговорила:

- Я сделаю то, что обещала, когда сочту нужным, Грефт. Тебя никто не назначал командовать ни мной, ни драконами. И я не слышала, чтобы ты вызвался заниматься лишним драконом. Это сделал Татс.

Она просто хотела осадить Грефта. И слишком поздно поняла, что снова столкнула Грефта и Татса. Татс встал и повел плечами, словно разминая их. Может, он действительно всего лишь засиделся, но Тимаре показалось, что он готовится к бою.

- Верно. Я вызвался. Сильве, если понадобится помочь с хвостом, скажи мне. Рапскаль, было бы хорошо, если бы ты нашел ему рыбу или еще какой еды. Я пойду поздороваюсь со своей зеленой, а потом посмотрю, что можно сделать для медного. Тимара, ты иди с Седриком. Сейчас мы управимся и без тебя.

Тимара заметила, что взгляд Седрика метнулся от Грефта к Татсу и обратно, и поняла, что он ищет, кто тут главный, кто тут за все отвечает. И за нее в том числе. Она разозлилась на обоих.

- Спасибо, Татс, я сделаю, что обещала. Мне не нужна помощь. И разрешение тоже не нужно.

По выражению его лица она поняла, что слова прозвучали резче, чем ей того хотелось бы. Она намеревалась только заявить, что никто не отвечает за нее, кроме нее самой. Самодовольный вид Грефта окончательно все испортил. Тимара стиснула зубы. Меньше чем за два дня ее легкая влюбленность в Грефта превратилась в резкую неприязнь. Она знала, что он исподтишка вертит ими как хочет, но, похоже, не смогла избежать его ловушек. Теперь все будут думать, что она против Татса, а на самом-то деле наоборот. По крайней мере, она не хотела с ним ссориться. Джерд смотрела в землю, но Тимара знала, что она улыбается. Татс неловко отвернулся от Тимары, и ей ничего не оставалось, как уйти с Седриком. Которому тоже стало не по себе.

- Я не хотел доставлять тебе неприятности, - извинился он.

- Ты и не доставил, - отрезала она.

Чуть погодя девушка перевела дыхание и покачала головой:

- Извини. Нехорошо получилось. Ты ни при чем. Честно. Все дело в Грефте и иногда в Татсе. Грефт хочет быть вожаком драконьих хранителей, ведет себя как будто он и есть вождь, и надеется, что все подстроится. Самое противное, что некоторые так и делают! Но ведь у нас нет главного, каждый просто делает то, что считает нужным. Однако Грефт умеет поссорить тех, кто ему не подчиняется. Таких, как Татс и я.

- Понятно. - Седрик кивнул, словно и вправду понял.

- Обычно мы с Татсом не спорим, - продолжала Тимара. - Потом является Грефт, а ему как будто в радость устроить склоку. И стравливать людей, заставлять их плясать под его дудку. Иногда кажется, что если он не может заставить нас подчиниться ему, то старается нас унижить посильнее. Сначала он мне понравился. Но сейчас он ведет себя так, как будто не выносит, что у меня есть друзья. Как будто это принижает его. Он все время пытается вбить клин между мной и Татсом. Почему некоторые люди так поступают с нами?

Тимара не ожидала от Седрика ответа, но он задумался, как будто у него спросили о чем-то важном. Наконец он ответил:

- Может быть, потому, что мы позволяем им это.

Седрику казалось, что его крепко стукнули по затылку. Причем дважды. Первым ударом был тот необыкновенный юноша. Тот, что оспаривал его право просить Тимару переводить. Седрик никогда не видел людей, подобных ему, - тем более без покрывала и капюшона. Большинство местных жителей, так сильно отмеченных Дождевыми чащобами, ходили с закрытыми лицами. Но не Грефт. Что это? Пренебрежение и вызов обычаям? Или в такой дали от поселений местным уже все равно, кто что подумает?

В лице юноши проглядывало что-то от рептилии, и это каким-то образом лишь придавало ему силы. Голубые глаза под изящными чешуйками бровей, сверкающие, как полированный лазурит. Суровые, почти скульптурные черты лица. Седрик никогда не встречал человека, который был бы так похож на зверя. Он чуял его запах, как будто Грефт, утверждая свою власть, источал мускус. Даже в голосе его было нечто нечеловеческое, подобное пению тетивы. Чешуя этого юноши отталкивала Седрика, голос привлекал. Неудивительно, что девушку так волновало его присутствие. Оно бы всякого волновало.

Даже Геста. Этот юноша и Гест сцепились бы, как рогатые олени, бьющиеся за территорию. И вот, когда Седрик об этом подумал, девушка задала свой вопрос. Осознание пронзило разум. Гесту не нравилась дружба Седрика с Элис. Гест не хотел, чтобы он разговаривал с ней и вообще думал об этой женщине. Она была подарком другу, частью прошлого. Седрик отдал ее Гесту, когда предложил тому жениться на ней, чтобы успокоить родителей, и не любил об этом вспоминать. Он отбросил прочь мысль о других приятелях, которыми пренебрег ради Геста, и даже о том, что отстранился от собственного отца. Поступив на службу к Гесту, он не стал ни пробиваться сам, ни помогать отцу.

Седрик попытался сосредоточиться на предстоящем деле. Он глянул на возмущенную девочку, шедшую рядом:

- Еще раз извини, что усложнил тебе жизнь.

Она удивленно фыркнула:

- Ты ни при чем. Причина в том, что я такая, какая есть, а когда я подписала договор, моя жизнь усложнилась. Вот и все. - Она кашлянула и явно попыталась сменить тему: - Почему Элис поднялась так рано?

- Наверное, от нетерпения. Думаю, она не хочет терять время попусту, ведь мы уже скоро отправимся в путь.

Это была неправда. Седрик сам разбудил Элис и предложил ей попробовать поговорить с драконом до того, как они тронутся в путь. Элис охотно согласилась и уже через несколько минут была полностью одета. Седрик надеялся, что еще до отбытия драконов они оба получат то, что им нужно. Надежда несколько поблекла, но это был последний шанс.

«Если же утренний разговор окажется таким же не особо успешным, как вчерашний, - думал Седрик, - то, возможно, получится убедить Элис остаться в Кассарике на несколько дней и узнать больше, изучая руины».

Если ему повезет, у них еще найдется возможность связаться с капитаном Треллом и вернуться домой на «Совершенном».

- Может быть, вскоре она поймет, что времени у нее более чем достаточно, драконы ей еще успеют прискучить. Я подозреваю, что нам предстоит странствовать куда дольше, чем нам сказали. Едва ли кто-нибудь на самом деле знает, куда мы идем, а тех, кто не идет с нами, это не волнует, главное, что мы забираем драконов с собой, - предположила Тимара.

Она права, подумал Седрик, хоть жестокие слова и звучат цинично. Он попытался вернуть разговор к прежней теме, но не придумал ничего лучше, чем спросить напрямик:

- Так вдобавок к синему дракону ты будешь заботиться о серебряном?

- Да, я обещала, - призналась Тимара.

Похоже, она уже сожалела об этом.

- Татс сказал, что дракон ранен. У него что-то с хвостом?

- Я еще не смотрела, но у него вроде бы там рана, с воспалением. Вообще, драконам не вредит едкая вода здешней реки, так же как она нипочем водяным птицам и рыбам. Пока шкура цела, все хорошо. Но вода разъедает любую царапину. Так что рану нужно промыть, хорошенько перевязать и проследить, чтобы дракон не мочил хвост, если придется идти вброд. А я думаю, что придется.

Элис и синий дракон шли вдоль берега. Рядом с драконом она казалась крошечной. Тимара ускорила шаг, и Седрик понял, что она тоже увидела их. Он нарочно пошел медленнее, оказавшись у нее за спиной. То, что он должен был ей сказать, не предназначалось для ушей Элис.

- Я всегда интересовался животными и целительством, особенно драконами. Вероятно, я могу быть полезен, если надо помочь бедной твари.

Тимара удивленно посмотрела на него:

- Ты?

Ее тон больно ужалил его самолюбие.

- А почему бы и нет?

- Я только... Ну, ты ведь даже не понимаешь их, когда они разговаривают. И ты... ну... привередливый. Чистенький, я хотела сказать. Не могу представить, чтобы ты стал возиться с грязным драконом, у которого воспаленная рана на хвосте.

Седрик изобразил улыбку:

- Мы с тобой совсем недавно познакомились, Тимара. На самом деле я совсем не такой, каким кажусь на первый взгляд. - В кои веки он сказал ей чистую правду.

- Ну, наверное. Если хочешь помочь, помогай. Сначала я буду переводить, пока Элис разговаривает с Небозевницей. Это будет недолго, потому что скоро драконам принесут еду, а я знаю, что Небозевница захочет съесть столько же, сколько другие. Но когда они поедят, я хочу посмотреть серебряного.

- Отлично. Я только захвачу свои вещи и пойду с тобой.

- Вещи?

- Я прихватил с собой в путешествие кое-какие простые лекарские средства. Бинты и корпию. Острые ножи, если понадобятся. Спирт для очистки ран.

И для сохранения образцов. Если немножко повезет, он сможет набрать драконьей чешуи.

Седрик ободряюще улыбнулся Тимаре.

С драконами ничего не выходило. Элис понимала это, и ощущение провала угнетало ее. Почему она всегда думала, что говорить с драконами будет легко? В мечтах, стоило ей оказаться в Дождевых чашобах, эти создания ощущали родство с ней и открывали ей сердце и память. Что ж, фантазии никогда не становятся жизнью...

- Ты можешь поделиться со мной каким-нибудь древним воспоминанием? - спросила она у драконицы.

Сказала она так от отчаяния. Что бы ни спрашивала у драконицы Элис, Небозевница, как ее называла хранительница, искусно увиливала от ответов.

- Сомневаюсь. Ты лишь человек, я - дракон. По всей вероятности, ты не сможешь даже отдаленно представить себе, что такое быть драконом, не говоря уже о том, чтобы понять мои воспоминания.

Небозевница вновь разбила ее надежды. И сделала это хорошо поставленным голосом, полным учтивости и доброты. В ее прекрасных глазах кружились водовороты цвета, когда она говорила, и Элис всем сердцем желала породниться душой с этим созданием. Элис знала, что попадает под чары дракона, она ощутила на себе эту безнадежность безответного поклонения драконице. И не могла ничего сделать. Чем сильнее драконица оскорбляла ее, чем чаще выказывала высокомерие, тем сильнее Элис желала завоевать ее расположение. Не помогли даже знания, почерпнутые из древних свитков. Можно много читать о зависимости и все же пасть ее жертвой.

Элис предприняла последнюю отчаянную попытку:

– Как ты думаешь, ты когда-нибудь ответишь мне хоть на один вопрос?

Драконица молча смотрела на нее. Она не двигалась, но, казалось, приблизилась к Элис, и ту затопила приторная любовь к этому существу. Если бы только ей позволили служить этому дракону, это было бы счастье! Она правильно поступила, приехав в Дождевые чащобы, и если не будет сопровождать драконицу, вся ее жизнь станет бессмысленной трагедией. Небозевница – ее судьба. Другие отношения не дадут ей полноты жизни, только эти...

Внезапно – как падает брошенная кукла – Элис выпала в летний день.

– Несут еду, – объявила драконица, и Элис ощутила, что та отпустила ее.

Это было наваждение. Драконица играла с ней. А Элис не могла противостоять ей. Умом она понимала, что должна стыдиться, но отчаянное желание снова привлечь внимание Небозевницы вытесняло стыд. Какое неприятное сходство с тем чувством, которое некогда вызвал в ней Гест! Воспоминание о невыносимом унижении наконец разрушило чары. Что-то внутри Элис окрепло, и она отвернулась от драконицы. Все ее стремления всегда шли прахом – взять хоть жизнь с Гестом в Удачном, хоть ее глупые мечтания о путешествии с драконами. Внезапно она решила, что пора домой.

Поняла ли драконица, что потеряла обожательницу? Похоже, да, потому что на полпути к куче падали Небозевница вдруг остановилась и оглянулась. Элис смотрела в сторону. Нет. Она больше не поддастся чарам. Все кончено.

– Похоже, мы опоздали.

Она вздрогнула, услышав голос Седрика. И удивилась, что он пришел в сопровождении хранительницы. Девушка смотрела на нее неодобрительно – или Элис так показалось. Лицо хранительницы было так сильно отмечено чащобами, что о ее чувствах можно было лишь догадываться.

– Небозевница голодна и решила пойти поесть, а не отвечать на вопросы.

Это объяснение никому не требовалось. Элис посмотрела на девушку, подумала, что лучше бы ее здесь не было, и все же заговорила – с трудом, как будто застрявший в горле комок заглушил все интонации:

– Седрик, я поняла, что ты был прав. Брэшен Трелл с женой были правы. И даже Гест. Я ничуть не продвинулась в разговоре с драконом. Ей нравится

препятствовать мне. – Осталось последнее, самое трудное. – Я подвергла нас обоих таким невзгодам, чтобы попасть сюда. По глупости подписала договор. И теперь не знаю, смогу ли я добыть хоть какие-нибудь настоящие сведения о драконах. Эта тварь – она... она...

– Невыносима, – спокойно, с улыбкой подсказала Тимара.

– Точно! – отозвалась Элис. И обнаружила, что улыбается в ответ. – Ну наконец-то я знаю, что не одинока.

Тимара склонила голову набок и осторожно спросила:

– То есть ты сдаешься и возвращаешься в Удачный?

Элис не могла не заметить сложную смесь чувств, отразившихся на лице Седрика. Сильнейшим из них была надежда, но проскользнуло и беспокойство.

Он заговорил, опередив ее:

– Я прекрасно понимаю, Элис, почему ты не хочешь ехать. Я мигом соберу наши вещи и выгружу их с баркаса Лефтрина. Но я пообещал Тимаре, что помогу ей с одним драконом. С тем, раненым...

– С серебряным, – тихо добавила девушка.

Элис перевела взгляд с Седрика на Тимару и обратно, пытаясь вникнуть в смысл его слов. Она никогда не замечала за ним любви к животным. Да, он немного разделял ее научный интерес к драконам, но ей ни разу не приходилось видеть, чтобы он гладил собаку или разговаривал со своей лошадью. А тут он собирается помогать этой девушке лечить дракона? Что-то за этим крылось, и Элис показалось, что она стоит на краю незнакомого и, вероятно, темного потока. Может быть, он заинтересовался девушкой? Но она слишком юна и очень странно выглядит.

– Я пойду с вами, – вырвалось у Элис. – Может, только с Небозевницей так тяжело. Ты прав, Седрик. Я не должна так легко сдаваться, особенно после того, как дала слово Совету. Ну что, идем?

Седрик смутился:

– Может, попозже? Не думаю, что стоит беспокоить его за едой.

– Почему, это хорошая возможность, – сказала хранительница. – Пока он занят, мы можем осмотреть его раны.

– Но я слышал, что нельзя беспокоить животное, когда оно ест! – возразил Седрик.

– Животное – нельзя, – согласилась Тимара. – Но это дракон. И хотя он выглядит тупым, кое-какое соображение у него есть. Если я собираюсь ухаживать за ним в пути, то чем скорее я что-нибудь о нем узнаю, тем лучше.

– Тогда идем, – согласилась Элис.

- Да, - слабо отозвался Седрик.

Шестой день месяца Урожая,
шестой год Вольного союза торговцев

От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, -
Эреку, смотрителю голубятни в Удачном

Копия договора между Советом Кассарика и капитаном живого корабля «Смоляной» Лефтрина, с приложением касательно Элис Кинкаррон Финбок, знатока драконов из Удачного, с предложением, чтобы копия этого документа хранилась в архиве Совета для Элис Кинкаррон Финбок. Детальный отчет о затраченных средствах будет позже.

Эрек, как смотритель голубятни Трехога, я рада официально сообщить тебе, что та на редкость уродливая птица, что наелась собственного помета и облевала всю себя, похоже, выздоровела. Опасность, что болезнь распространится по нашим стаям, миновала. Милость Са да пребудет с нами!

Детози

Глава 14

Трофеи

Синтара оттолкнула Верас и схватила тушу болотного оленя, на которую нацелилась зеленая. Маленькая драконица зашипела и несильно шлепнула Синтару. Та не обратила внимания. Она не хотела тратить время на драку: перед ней еда и ее нужно съесть. Им сбросили со склона столько мяса, сколько она не видела уже много месяцев. Вокруг него полукругом собрались все драконы - большие голодные твари. Синтара не собиралась останавливаться, пока не исчезнет последний кусок. Потом она ляжет отдохнуть на солнце. И пусть себе людишки волнуются и вопят, что пора отправляться в путь; она отправится тогда, когда будет готова, - и не раньше.

Вокруг шумно насыщались драконы. Они перемалывали кости, рвали мясо, ворчали, стараясь отхватить кусок побольше. Те, кто покрупнее, влезли в центр и захватили самые здоровые туши. Драконы поменьше, оттесненные в

сторону, вынуждены были довольствоваться птичьими тушками, рыбой и даже кроликами.

Синтара запрокинула голову, чтобы проглотить кусок болотного оленя, и увидела рядом с одним драконом людей. Дракон, увечный серебряный, пытался поест. Похоже, он вовсе не замечал людей, хотя те возились с его хвостом, – он был так голоден, что ничто не могло отвлечь его от еды. Синтара тоже оставила бы это без внимания, если бы не разглядела, что возле него суетятся два человека, принадлежащие ей.

Она проглотила кусок и издала низкое недовольное ворчание. Подумала, не вмешаться ли, но решила продолжить трапезу и заодно все обдумать.

Удивительно, но ей начало нравиться внимание людей. Лестно иметь слуг, пусть всего лишь двуногих. До чего же они невежественны! Не знают, как правильно ее восхвалять, не принесли ей никаких подношений. Младшая, правда, кое-как научилась за ней ухаживать. Нынче ночью Синтара крепко спала, и ей ни разу не пришлось просыпаться, чтобы выковырять из ноздрей и ушей паразитов-кровососов. И еще девчонка притащила ей рыбину – большую и свежую. А удачнинская женщина пыталась обращаться к ней с почтением. Конечно, драконы не так глупы, чтобы поддаваться на лесть, но слушать комплименты и восхваления было приятно. К тому же они показывали, что человек усвоил должное уважительное обращение.

Еще ей очень нравилось, что у нее одной двое служителей. А теперь, похоже, они обе перешли к неразумному серебряному, и это было неприятнее всего. Ведь так сладко чувствовать трепет ревности между двумя женщинами, оспаривающими друг у дружки право на ее внимание. Тимара радовалась, поднося ту рыбину. Девчонка ощущала удовольствие не только оттого, что служит дракону, но и оттого, что делает это лучше Элис. Синтара предвкушала, как подтолкнет их к более жесткому состязанию. И их нынешнее сотрудничество совсем не понравилось ей. Она чувствовала себя оскорбленной – ведь они теперь занялись серебряным драконом так же, как занимались ею. И бесполезный спутник Элис тоже был с ними.

Кало воспользовался тем, что она отвлеклась, и вонзил зубы в козью тушу, которая была ближе к ней, чем к нему. Синтара недовольно зашипела и вцепилась в другой конец туши. Впрочем, добыча была так себе, она почти протухла и разваливалась пополам еще до того, как Синтара ее дернула.

Кало проглотил украденный кусок и сказал:

– Ты должна научить свою служанку большему почтению – или ты ее потеряешь.

Значит, он тоже заметил отступничество девчонки. Как унижительно... Синтара едва не направилась к ней. Но гордость уберегла ее от этого.

– Мне не нужна нянька, – сообщила она Кало.

– Конечно не нужна. Никому из нас не нужна. И все же я никому бы не позволил забрать то, что принадлежит мне. Он весьма неплох. Ты ведь заметила, что меня выбрал вожак людей. Он сказал: это потому, что они распознали во мне вожака драконов.

- Правда? Как жаль, что остальные драконы не распознали!

Синтара рванулась вперед так быстро, что и ящерица не успела бы моргнуть, схватила тушу речного поросенка, лежавшую прямо перед ним, и утащила к себе. Кало ощетинился, попытался вздыбить шипы в гриве.

- Какая жалость! - спокойно заметила она, как будто не желая, чтобы он услышал. Она перемолола поросенка в кашу и проглотила. Потом добавила: - Одна из женщин, что ухаживают за мной, весьма сведуща в том, что касается драконов и Старших, ее очень уважают в родном городе. Она решила пойти с нами потому, что восхищается мной. И она знает: когда драконы прошлого признавали кого-то вожаком, это всегда была королева. Такая, как я.

- Такая, как ты? Королева? А что, тогда тоже были драконы без крыльев?

- Зато у меня есть зубы. - С этими словами Синтара широко раскрыла пасть.

Напротив них медленно поднял голову Меркор. После чистки его золотая чешуя сверкала на солнце. По сторонам шеи, там, где раньше, в змеином облике, у него были ложные глаза, теперь едва виднелись отметины. Меркор был мельче их обоих, но, подняв голову, он словно излучал силу.

- Никаких драк, - спокойно сказал Меркор, как будто имел право указывать им. - Не сегодня. Ведь мы вот-вот оставим это место и начнем путь обратно к нашим истокам. К тому, чем мы должны быть.

- О чем ты? - спросила она.

Втайне она была довольна окриком. Ей не хотелось драться - сейчас, когда вокруг столько еды. Меркор поймал ее взгляд. Его неподвижные глаза сверкали черным, как два обсидиановых осколка в оправе глазниц. Синтара не смогла ничего прочесть в этом взгляде.

- Я о том, что сегодня мы отправляемся в путь, возвращаемся в Кельсингру. Покопайся в памяти, и ты, быть может, поймешь.

- Кельсингра! - передразнил его Кало.

Синтара полагала, что он тоже рад вмешательству Меркора, который удержал их от сражения. Но Кало не мог смириться и обратил свое раздражение против золотого.

- Кельсингра, - повторил Меркор и склонил голову, выискивая, не осталось ли где кусочка еды.

Люди принесли больше, чем обычно. То ли это был прощальный подарок, то ли они избавлялись от излишков. Но драконы быстро все съели, и Синтара видела, что не одна она осталась голодной. Хотелось бы вспомнить, каково это - быть сытой, ведь в нынешней жизни она никогда не наедалась досыта.

- Кельсингра, - вдруг поддержала Меркора Верас.

Другие драконы подняли головы.

– Кельсингра! – протрубила Фенте и подпрыгнула.

Ее передние лапы оторвались от земли, она расправила крылья и забила ими. Бесплезно. Драконица сложила крылья, словно застыдившись.

– Кельсингра! – хором повторили оранжевые, как будто слово доставляло им радость.

Меркор поднял голову, оглядел их и задумчиво сказал:

– Время покинуть это место. Ибо слишком долго нас удерживали здесь – в загоне, как скот. Мы спали там, где они нам указали, ели то, что они нам давали, и мы решили, что обречены жить во мраке. Драконы так не живут, и я так не умру. Если я должен умереть, я умру как дракон. В дорогу!

Он повернулся и направился к речному мелководью. Некоторое время драконы смотрели ему вслед. Потом последовали за ним.

Синтара обнаружила, что тоже идет.

Хвост серебряного, похоже, пострадал от удара драконьего когтя – уж больно рваными были края у раны. Тимара гадала, намеренно ли повредили серебряного или случайно, в ежедневной битве за еду. И давно ли это случилось? Рана длиной с предплечье Тимары была у самого основания хвоста. Судя по ее краям, она уже почти зажила, но ее снова растревожили. Выглядела она скверно, пахла еще хуже. Около нее жужжали мухи, крупные и мелкие.

Элис и Седрик стояли рядом с Тимарой, как робкие детишки, и чего-то ждали от нее. Серебряный не проявлял к ним никакого интереса. Он занял место в дальнем конце дуги, образованной драконами вокруг мяса, утаскивал то, до чего мог дотянуться, и отступал на полшага, чтобы спокойно съесть. Неплохо было бы дать ему что-нибудь крупное – пускай бы ел и стоял спокойно с занятой пастью. Серебряный ухватил крупную птицу, подбросил, поймал и заглотил. Пора действовать – когда еда кончится, его нечем будет отвлечь.

Седрик принес свою сумку с бинтами и мазями. Тимара притащила ведро с чистой водой и тряпку. Она ощущала себя гонцом, который забыл слова послания, а те, кому они предназначались, стоят и ждут. Тимара отвернулась и стала думать, что бы сделала, будь она одна, как того хотела.

Нет, призналась она себе. Ей бы хотелось, чтобы с ней был Татс или хотя бы Сильве и Рапскаль. Какая она дура – вызвалась заботиться об этом несчастном серебряном. Небозевницы было более чем достаточно. Она не в состоянии заниматься еще и этим тупицей.

Тимара постаралась выбросить из головы такие мысли и яростно оттринула все сомнения – ведь здесь стояли эти двое из Удачного. Она легонько коснулась грязной шкуры дракона, подальше от раны.

- Эй, привет! - сказала девушка.

Серебряный слегка дернулся от прикосновения, но не ответил. Тимара удержалась и не оглянулась на своих спутников. Ей не нужны ни их одобрение, ни руководство. Она плотнее прижала руку к шкуре дракона. Тот не отпрянул.

- Послушай, дракон, я хочу помочь тебе. Скоро мы все пойдем вверх по реке искать место получше. Но сначала я должна осмотреть рану у тебя на хвосте. Иначе ее разъест речная вода. Ты мне позволишь?

Дракон повернул голову и посмотрел на нее. Из пасти свисала половина тушки. Определить, что это было за животное, Тимара не могла, но пахло оно ужасно, и ей казалось, что дракону лучше этого не есть. Однако дракон вскинул голову, раскрыл пасть и проглотил мясо. Тимару затошнило. Она напомнила себе, что многие звери едят падаль. Не стоит так переживать.

Существо снова посмотрело на нее. Глаза у него были голубые, как небо или барвинок, и в них медленно вращались вихри цвета. Дракон вопросительно рыкнул, но смысла в этом Тимара не уловила. Она попыталась отыскать в его взгляде искру разума, что-нибудь кроме простого осознания ее присутствия.

- Серебряный дракон, ты позволишь мне помочь тебе с этой раной? - снова спросила она.

Дракон наклонил голову и потер морду о переднюю лапу, чтобы убраться полосу внутренностей, свисавшую из пасти. Потом поковырял когтем в носу, чихнул, и с упавшим сердцем Тимара увидела, что его ноздри и уши полны паразитов. И их надо будет удалить. Но сначала хвост, сурово напомнила она себе. Дракон открыл пасть, показав длинный ряд сверкающих острых зубов. Он казался таким спокойным, даже беспечным, но если она причинит ему боль и разозлит, то может погибнуть от этих зубов.

- Я начинаю, - сказала она дракону и спутникам. Потом заставила себя повернуться к удачникам и добавила: - Готовьтесь. Он мне не ответил. Непохоже, что он умнее животного. Так что неизвестно, что он выкинет, когда я буду осматривать его хвост. Может, попытается напасть на меня. Или на нас всех.

Седрик приуныл, но Элис решительно оскалилась.

- Мы должны для него что-нибудь сделать, - заявила она.

Тимара обмакнула тряпку в воду и провела ею над раной. Вода с тряпки потекла в рану и полилась по хвосту грязным потоком. Из раны вымыло несколько личинок, насекомые взлетели жужжащим облачком и попытались тут же сесть обратно. Вода всего лишь смыла грязь с поверхности, но дракон не обернулся и не зашипел. Тимара собралась с духом и осторожно прижала тряпку к ране. Дракон дернул шкурой в этом месте. Девушка смыла слой грязи и насекомых, обнажив рану. Потом прополоскала тряпку в ведре, отжала и уже более решительно приложила обратно. Потрескавшаяся корка лопнула, и из раны потекла зловонная жидкость.

Дракон фыркнул и повернул голову, чтобы посмотреть, что с ним делают. Когда его голова метнулась к Тимаре, она подумала, что тут ей и конец придет. Но чтобы крикнуть, ей не хватило воздуха.

Однако дракон понюхал сочащуюся рану, прижал нос к воспаленной плоти и провел им вдоль раны, выдавливая гной. Запах был ужасный. Жужжали мухи. Тимара тыльной стороной кисти закрыла нос.

- Он даже пытается помочь нам, - проговорила она сквозь зубы.

Внезапно дракон потерял интерес к ране и снова занялся едой. Тимара, пользуясь возможностью, снова намочила тряпку и стала вымывать гной. Она три раза отжимала и полоскала тряпку, пока вода в ведре не сделалась едва ли не такой же, как то, что текло из раны.

- Вот. Попробуй этим.

Она обернулась и увидела, что мрачный Седрик протягивает ей тонкий нож. Тимара уставилась на лезвие. Она, вообще-то, ожидала, что ему хватит смелости мазать и перевязывать.

- Зачем? - спросила она.

- Нужно срезать наросшее дикое мясо. Затем свести края. Может быть, даже наложить швы. Иначе рана не заживет.

- Дикое мясо?

- Вот это, набухшее по краям раны. Нужно срезать его и потом перевязать рану, чтобы свежий срез соединился с другим свежим срезом. Тогда все срастется.

- Срезать плоть дракона?

- Ты должна это сделать. Посмотри, она вся высохла. Она уже мертва. Так рану не залечить.

Тимара посмотрела и судорожно сплотнула. Он был прав. Он протягивал ей сверкающий нож, завернутый в чистую ткань.

- Я не знаю, как это сделать, - призналась она.

- Похоже, никто из нас не знает. Но мы уверены, это нужно сделать.

Тимара взяла нож и постаралась покрепче его ухватить. Свободную руку она положила на хвост дракона.

- Я начинаю, - предупредила она и осторожно приставила нож к вздувшейся кромке раны.

Нож был очень острый. Он легко вошел в плоть. Тимара словно со стороны смотрела, как ее собственная рука срезает одеревеневшую кожу с края раны. Как будто срезаешь шкурку с высохшего плода. Под слоями грязи и чешуи

обнажилась темно-красная плоть. На ней выступили яркие капли крови, но дракон вгрызлся в еду и как будто ничего не чувствовал.

- Вот так, - тихо и возбужденно сказал Седрик. - Правильно. Срежь этот кусочек, и я его уберу, чтобы не мешал.

Она так и сделала, едва заметив, как Седрик ловко подхватил срезанное рукой в перчатке. Элис стояла молча, то ли сосредоточенно наблюдая, то ли стараясь не смотреть. Тимаре было некогда на нее оглядываться. Она очистила один край раны. Перевела дух, собралась и вонзила лезвие с другой стороны.

По телу дракона пробежала дрожь. Тимара застыла. Острый как бритва нож замер, вонзившись в бугристый край раны. Дракон не повернул головы.

- Бороться, - выдохнул он.

Слово едва достигло ее слуха, оно было сказано очень по-детски, без напора. Или оно только почудилось ей от страха?

- Бороться? - мягко спросила дракона Элис. - Бороться за что?

- Что такое? - изумился Седрик.

- Бороться - вместе. Бороться. Нет-нет.

Тимара стояла не двигаясь. Она ведь уже думала, что серебряный лишен разума. А он вдруг заговорил. Потрясающе!

- Не бороться? - переспросила Элис, как будто говорила с ребенком.

- С кем бороться? - влез Седрик. - Кто борется?

Ну кто его просил вмешиваться! Тимара задержала дыхание, чтобы не сорваться, и спокойно сказала:

- Она говорит не с вами. Дракон что-то бормочет - мы впервые слышим его речь. Элис пытается поговорить с ним.

Девушка уверенно повела нож через затвердевшую плоть к концу раны.

- Сосредоточься на деле, - предложил Седрик, и Тимара была благодарна ему за поддержку.

- Как тебя зовут? - спрашивала Элис. - Прекрасный серебряный, дракон цвета звезд и луны, скажи свое имя!

Ее голос был полон сладкой лести. Тимара ощутила, что в драконе что-то изменилось. Он не заговорил, но было похоже, что он слушает.

- Что ты делаешь? - раздался за спиной Тимары голос Татса.

Она вздрогнула, но не позволила дрогнуть руке.

- Что обещала, то и делаю. Забочусь о серебряном.

- С ножом?

- Я обрезаю дикое мясо перед перевязкой.

Приятно знать, как это называется. Татс присел рядом с ней и внимательно изучил ее работу.

- Там еще много гноя. - Тимара разозлилась, но тут Татс предложил: - Давай еще раз промоем. Я принесу воды.

- Будь так добр, - ответила она.

Татс ушел. Тимара аккуратно срезала лишнее, и снова Седрик ухватил и убрал из-под ножа полоску сухого мяса с чешуйками. Возвращая ему нож, Тимара заметила, как трясутся у нее руки.

- Кажется, мы больше ничего не сможем сделать, пока не промоем рану еще раз, - сказала она.

Седрик уже закрывал свой ящик, быстро и аккуратно, как будто это было важнее, чем рана дракона. Тимара почуяла сильный запах уксуса и услышала, как звякнули склянки.

- Похоже что так, - согласился он.

Тимара старалась не прислушиваться к тому, что говорит Элис, но снова уловила слова:

- Но ты собираешься куда-то. В прекрасное место. Куда ты идешь, малыш? Куда?

Дракон что-то сказал. Нет, он не произнес ни слова, и Тимара внезапно осознала, что и раньше слышала вовсе не слова. Это ее разум производил подмену. Дракон ничего не сказал, но он вспомнил что-то яркое. Перед Тимарой мелькнуло видение - горячий солнечный свет греет чешуйчатую спину, запах пыли и цветущего лимона плывет в воздухе, вдали бьют барабаны, гудит волынка.

Так же внезапно видение пропало, оставив ее с ощущением утраты. Там было место, доброе место тепла, пищи и дружбы, - место, имя которого утрачено во времени.

- Кельсингра.

Это сказал не серебряный. Имя дошло до нее от двух других драконов. Но оно было как рама для картины. Оно уловило и вместило в себя все образы, которые пытался передать серебряный. Кельсингра. Вот как называлось то, к чему он стремился. Дракон задрожал, а когда дрожь утихла, Тимара ощутила, что его состояние изменилось. Он обрел уверенность. И почти утешился.

- Кельсингра, - тихо повторила Элис, успокаивая его. - Я знаю Кельсингру. Ее фонтаны и просторные площади. Я знаю ее каменные ступени и широкие

двери зданий. Луга с густой травой по берегам реки и источник серебряной воды. Золотоглазые Старшие в летящих одеждах приходят встречать драконов, когда те приземляются в реку.

Ее слова помогли серебряному дракону собрать знания воедино. Тимара, не задумываясь, положила руку ему на спину. На один краткий миг она ощутила его – как будто ее задела в толпе чья-то рука. Они не произносили слов, но разделили стремление.

– Но не здесь! – горестно произнес он, и Элис отозвалась:

– Нет, милый, конечно не здесь. Кельсингра. Там ты на своем месте. Туда мы поведем тебя.

– Кельсингра! Кельсингра!

Громкое согласие прочих драконов застало Тимару врасплох. Она стояла склонившись над хвостом серебряного. Потом выпрямилась и увидела, что драконы закончили трапезу. Один вдруг вскинулся на задние лапы, взвыл: «Кельсингра!» – и плюхнулся обратно.

Она посмотрела на Седрика и поняла, что он опять слышал только половину разговора. Тимара торопливо пересказала:

– Драконы хотят идти в Кельсингру. Это то место, о котором Элис говорила серебряному. Так зовется город Старших, они все повторяют его название.

Она ощутила беспокойство и увидела, как другой дракон вскинул голову, развернулся и двинулся к берегу.

– Драконы закончили есть. Нам надо перевязать ему хвост и собрать вещи. Я уверена, что баркас скоро подаст сигнал к отправлению. Они сказали утром, что хотят, чтобы мы ушли пораньше.

И как будто ее слова стали последней командой, драконы один за другим направились к реке. Девушка впервые видела, как эти существа целенаправленно куда-то идут. Тимара не убирала руки со спины серебряного, словно так можно было остановить его. К ним спешил Татс с ведром чистой воды.

– Они просто идут пить или что? – спросила она у него, как будто он знал ответ.

Тимаре приходилось видеть, как драконы купались в речной воде и даже пили ее, – для человека это означало бы смерть.

Но Татс смотрел вслед драконам с тем же самым удивлением.

– Может быть, – сказал он.

Больше он ничего сказать не успел – серебряный дракон высоко задрал голову. Он смотрел вслед остальным, и Тимара ощутила его дрожь волнения, которая передалась и ей.

- Кельсингра! - внезапно взревел он.

Голос его прозвучал так громко и такое чувство было вложено в этот крик, что девушка пошатнулась.

Даже Седрик отпрянул, отступив назад и зажав уши руками. И вовремя, потому что серебряный вывернулся у Тимары из-под ладони и припустил за своими собратьями. Дракон потопал, не обращая внимания на людей. Мотнувшись в сторону, он едва разминулся с Татсом и мимоходом задел Элис. Женщина тяжело упала на землю. Тимара ждала, что она завопит от боли, но Элис перевела дыхание и закричала:

- Хвост! Мы его не перевязали. Седрик, разверни его! Не дай ему войти в реку!

- Ты с ума сошла? Я не полезу останавливать дракона, который куда-то рвется!

Друг Элис стоял, прижимая к груди сумку с медицинскими принадлежностями.

Тимара подскочила к Элис:

- Что с вами?

Рядом с упавшей навзничь женщиной уже стоял на коленях Татс. Седрик торопливо опустился на колени и раскрыл сумку - Тимара ждала, что он достанет бинт, но он, похоже, проверял, все ли цело внутри. На его лице отражалось беспокойство.

- Седрик, пожалуйста, пойдй за ним. Останови его. Ему разъест рану речной водой! - велела ему Элис.

Он со щелчком захлопнул сумку и посмотрел вслед уходящим драконам:

- Элис, я не думаю, что кто-нибудь сумеет остановить эту тварь. Или какую другую. Посмотри, они похожи на взлетевших птиц.

Внезапный уход драконов ошеломил не только их. Тимара слышала, как тревожно и удивленно перекликаются другие хранители. Повсюду люди бежали следом за своими подопечными, зовя их и перекликаясь друг с другом. С баркаса кто-то кричал человеку на берегу и показывал на драконов.

Элис со стоном села, потирая плечо.

- Вы ранены? - снова спросила Тимара.

- Синяк, не больше. Что ему взбрело в голову? А им всем?

- Не знаю.

- Они не останавливаются! - восхищенно проговорил Татс. - Смотрите!

Тимара думала, что, подойдя к реке, драконы остановятся. Ведь их жизнь так долго была ограничена лесом по краю прогалины и рекой. Но теперь

драконы ступили на мелководье и пошли вверх по течению. Никто из них не медлил. Даже серебряный и грязный медный вошли в мутную серую воду следом за остальными.

- Помоги мне! - обратилась к Седрику Элис. - Мы должны идти за ними.

- Ты думаешь, они просто взяли и ушли? Прямо вот так? Без раздумий, без подготовки?

- Ну, у них не так уж много багажа, - сказала Элис и засмеялась своей шутке. Она села, резко выдохнула, схватилась за плечо и воскликнула: - Седрик, хватит глазеть на меня! Да, они уходят. Ты разве не понимаешь? Они закричали: «Кельсингра!» - и вдруг пошли. Они оставят нас позади, если мы не поторопимся.

- Вот горе-то будет! - криво усмехнулся Седрик, однако подал Элис руку и помог ей подняться.

- Как ты думаешь, они знают дорогу? - спросил Татс. - Ну то есть название-то я и раньше слышал, но с этим городом прямо как со всякими сказочными странами. Чего только не рассказывают об этой Кельсингре, но толком никто ничего не знает.

- Я знаю, - со спокойной уверенностью сообщила Элис. - И довольно много, хотя не стала бы утверждать, что знаю, где она находится. Вероятно, выше по течению, на одном из притоков реки Дождевых чащоб. Но драконы будут знать больше. У них есть память предков, и они воззовут к ней. Подозреваю, что они станут для нас лучшими проводниками.

- Вот уж не думаю, что они вспомнят что-нибудь полезное, - сказал тихо Татс. - Моя зеленая малышка представления не имеет даже о том, что уж точно должна знать.

- Например? - спросила Элис.

Татс явно почувствовал себя неуютно, оказавшись в центре ее внимания.

- Ну, всякие странности. Я разговаривал с ней, пока чистил, но она мало что могла сказать, так что я болтал обо всем подряд. Я спросил ее, помнит ли она, как была змеей, и она ответила, что нет. Тогда я сказал ей, что давно не видел моря, а она спросила, что это такое. Это очень странно. Она знает, что превратилась в дракона из змеи, но из всего, что связано с водой, помнит только реку. - Татс умолк, как будто боялся в чем-то признаться, потом добавил - Не думаю, что она помнит что-то еще, кроме своей жизни здесь.

- Это повод для беспокойства, - согласилась Элис.

Она смотрела на драконов и хмурилась. Тимара беспокойно переминалась с ноги с ногу:

- Нам нужно идти за ними.

По грязи с баркаса к ним бежал капитан Лефтрин.

- Элис! - крикнул он. - Седрик! Давайте на борт. Надо сниматься с якоря и плыть за драконами, и побыстрее. Корабль готов к отплытию.

- Сейчас, - пообещала Элис.

Но Седрик устало покачал головой:

- Зачем спешить? Они идут вверх по реке. Сдается мне, что потерять на берегу следы такого множества драконов невозможно.

- Это если бы у реки Дождевых чашоб не было притоков и рукавов, - сказала Тимара. - Но у нее их тьма-тьмушая. Некоторые мелкие и появляются время от времени, другие - настоящие реки. Невозможно предсказать, куда уйдут драконы.

Капитан Лефтрин добежал до них и пошел рядом. Он так спешил к ним, что весь забрызгался грязью. Раньше Тимара видела его только мельком, но он успел ей понравиться. Сразу было видно трудягу: лицо и руки обветрены, одежда знавала лучшие дни. Разговаривая с ней, он не отводил взгляда и даже при первой встрече с драконьими хранителями не содрогнулся от отвращения, как другие. Было слишком рано говорить, что Тимара доверяет ему, но Лефтрин не был похож на человека, который стал бы нарочно обманывать кого-либо, а это уже немало.

Капитан вытащил из кармана яркий оранжевый платок и утер потное лицо.

- Девочка права. Это-то и есть самое сложное в нашем путешествии. Легко сказать - подняться от Кассарика выше по течению. Но там-то не одно русло, а добрая дюжина. А на картах отмечены только три или четыре из них, да и картам тем верить нельзя. Если в прошлом году канал или протока были проходимыми для бескилевого судна, это еще не значит, что они будут проходимы в этом.

- Но я видел карты реки Дождевых чашоб, - возразил Седрик. - Их можно купить на калсидийских рынках. Они очень дорогие, и предлагают их не каждому покупателю, но они есть.

- Правда? - Лефтрин ухмыльнулся. - В тех же самых лавках тебе продадут карты острова сокровищ Игрота-пирата. Или карты лучших гаваней островов Пряностей. - Он покачал головой. - Это все подделки, увы. Известно ведь, что на такие вещи всегда найдется покупатель, а коли так, то найдется и торговец, готовый сделать своими руками то, что ему не удалось достать. Но не горюй. Я видал и опытных моряков, которые попадались на удочку мошенников.

Седрик поднял на него взгляд:

- Так как мы узнаем, куда они направляются?

Капитан Лефтрин усмехнулся еще шире:

- По мне, так нам остается только поставить на драконов.

У Седрика вспотели ладони. До сих пор все шло так хорошо.. У него в сумке лежали две полоски драконьей шкуры с мясом и чешуей. Одну он опустил в пузырек с уксусом и хорошенько закупорил. Вторую положил в деревянную коробочку с грубой солью и тоже плотно запечатал. Какой-нибудь из этих способов да сработает. Всё необходимое Седрик подготовил несколько недель назад, до начала путешествия. Убедившись, что Гест настроен серьезно и действительно собирается послать его с Элис в Дождевые чащобы, Седрик решил, что это путешествие – шанс изменить жизнь. Ту жизнь, которой он начал тяготиться. Все знали, что калсидийский герцог в отчаянии и готов заплатить любые деньги тому, кто доставит ему снадобье от недугов и для продления жизни. Седрик решил, что он его добудет.

И у него получилось.

Теперь же его разрывали ликование и смятение. У него уже было то, что он искал. Вернувшись в Удачный, он сможет связаться с Бегасты Коредом. Как тот загорелся стать посредником, когда Седрик пришел к нему со своей идеей! Бегасты готов помочь ему добраться до Калсиды и устроить так, чтобы герцог лично принял его. Эти полоски шкуры принесут Седрику не только богатство. Они полностью изменят его жизнь.

Впервые у него будут деньги – свои, заработанные собственными руками. Не от отца, не семейное состояние и даже не раздутое жалованье, которое ему платил Гест. Его личные деньги, и он будет волен тратить их как пожелает. И воплотить в жизнь мечты, что он лелеял уже четыре года. С такими деньгами они с Гестом смогут уехать из Удачного. Можно будет отправиться на юг, в Джамелию, а лучше – еще дальше, в те страны, о которых не известно ничего, кроме названия. Там двое мужчин смогут жить как захотят, и никто не будет приставать к ним с расспросами, никто не станет осуждать их. Эти кусочки драконьей шкуры позволят им вдвоем уехать подальше от старинных семейств и всего прочего. В будущее без тайн.

И тогда... Следующая мысль так кружила голову, что Седрик едва осмеливался подступить к ней. На такие деньги можно купить жизнь, где они с Гестом будут на равных. Седрик слишком долго целиком и полностью зависел от Геста. Это финансовое неравенство все сильнее вторгалось в их взаимоотношения. Гест уже не просто главенствовал, в последнее время он стал подавлять, причем жестоко. Будь у Седрика собственное состояние, вероятно, Гест относился бы к нему уважительнее.

И вот цель достигнута. Остается только в целостности и сохранности доставить сокровище в Удачный и связаться с Бегасты. И чем скорее, тем лучше, ведь плыть до Калсиды далеко и долго. Уксус и соль отлично сохраняют всякие овощи и мясо, но держать в них драконью плоть еще не пробовали. Да и то, что девчонка срезала с дракона, не в лучшем состоянии. Седрик планировал попозже почистить обе полоски от червей и немного подровнять. Он отдерет чешую и сложит ее отдельно. Но важнее всего сейчас – поскорее вернуться в Удачный. Длительное путешествие по реке следом за стадом полубезумных драконов в его планы не входит.

– Элис! – окликнул он, и вышло резче, чем он хотел.

Она повернулась к нему от капитана Лефтрина, озадаченно подняв брови. На них смотрели, но Седрик заговорил так, как будто они были тут одни:

– Ты не можешь пуститься в эту дикую авантюру. Разве ты не убедилась в том, что ничего не добьешься от этих драконов? Они едва замечают тебя, а от того, что они сказали тебе, нет никакой пользы. Элис, пора признать, что здесь большего не добьешься. Нам не следует плыть дальше. Если мы сейчас поднимемся на борт, нам придется плыть недели или, может, месяцы. Но это недопустимо. Пора признать: мы сделали все, что могли. – Он постарался смягчить тон. – Ты сделала то, ради чего приехала. Не твоя вина, что эти драконы не такие, каких ты надеялась найти. Мне жаль, Элис. Но нам пора домой.

Она смотрела на него. И не только она. Лефтрин взирал на Седрика так, как будто тот лишился разума. Тимара с Татсом переглянулись, и мальчишка сказал:

– Нам с Тимарой надо идти за драконами.

Это был довольно неуклюжий предлог, чтобы не присутствовать при ссоре. Но девушка явно была за него благодарна, потому что решительно кивнула в ответ. И хранители рысцей припустили прочь.

Элис молчала, явно дожидаясь, когда они достаточно отдалятся, чтобы не слышать ее. Седрик почти зримо представлял, как она облекает возражения в вежливые слова. Они поспорят, да, но вежливо и спокойно, как цивилизованные люди.

Лефтрина таким учтивостям явно никогда не учили. Кровь бросилась ему в лицо. Он набрал в грудь воздуха и выпалил:

– Что ты такое ей говоришь? Она не может вернуться. Она единственная, кто знает о Кельсингре. И она обещала. Она подписала договор! И не может взять свое слово назад.

– Это не твоя забота, – невозмутимо сказал Седрик.

Он говорил все же резче, чем намеревался. Его оскорбило, что Лефтрин осмелился перечить ему и принял сторону Элис. И без того непросто уговорить ее вернуться в Удачный, а если она поймет, что Лефтрин ее поддерживает, будет еще сложнее.

– Моя, – спокойно ответил капитан. – Элис присутствовала, когда я заключал сделку с Советом. Думаешь, я согласился бы отправиться в это плавание, если бы она не сказала, что слышала о Кельсингре, если бы не подтвердила, что это место и впрямь существует? Я подписал договор только потому, что она вызвалась быть нашим проводником.

Седрик посмотрел на Элис, но ее, похоже, устраивало, что за нее говорит Лефтрин. И все же Седрик снова обратился к ней:

– Может, ты и слышала о таком городе, но это не означает, что ты знаешь дорогу. Ну же, Элис, приди в себя. Ты ученый, а не искатель приключений. Даже синий дракон ничего тебе не рассказал, ты сама это говорила.

Серебряный и дракон Татса вообще ни о чем не знают. Признай же: будет больше пользы, если ты проведешь неделю в Трехоге, посмотришь подземный город. Там полно всякой всячины, которую стоит изучить и перевести. Так почему бы тебе не вернуться и не потратить время на нее? Так ты не только пополнишь знания о Старших и драконах, но и сделаешь себе имя среди драконьих знатоков.

Даже если придется задержаться на несколько дней в Трехоге, чтобы она успокоилась, это все равно будет лучше, чем отправляться в дурацкое путешествие неизвестно куда. Седрик понимал, что, как только они взойдут на баркас и отчалиют, назад будет уже не вернуться. Только на том же баркасе. А капитан, упрямая скотина, не повернет назад, пока не сделает все, что в его силах, и не убедится в тщетности поисков.

– Элис, это небезопасно! – в отчаянии воззвал к ней Седрик. – Как я могу сопровождать тебя, как я могу вообще позволить тебе плыть? Вы все должны понять, что не знаете, куда направляетесь, сколько на это потребуется времени, и даже не знаете, существует еще этот город или уже нет. Дурная затея! – Решимость Седрика окрепла, и он подвел итог своей речи: – Мы никуда не плывем. Вот и все.

Ни разу ему не приходилось так жестко говорить с Элис. Некоторое время она молча разглядывала его. Ее губы шевельнулись, и Седрик испугался, что она заплачет. Ему не хотелось доводить ее до слез, он просто старался вразумить ее. Элис повернулась к Лефтрину. Речник стоял скрестив руки на груди. Лицо его окаменело, даже щетина стояла торчком. Выглядел он как возмущенный бульдог.

Когда Элис снова посмотрела на Седрика, лицо ее горело, голос был тих, но не дрожал.

– Поступай как знаешь, Седрик, – упрямо заявила она. – Верно, это глупая затея. Я не стану спорить с тобой, потому что возразить тут нечего. Ты прав, это безумие. Но я поплыву.

Седрик стоял как оглушенный. Элис развернулась и вытянула руку вперед, словно слепо нащупывая путь, и тут же Лефтрин оказался рядом и подставил ей локоть. Она положила ладонь на грязный рукав его куртки, и капитан повел ее прочь, а Седрик стоял и смотрел им вслед. Он крепко прижимал к себе сумку с кусками плоти дракона и взвешивал возможности. В ярости он хотел было сделать так, как предложила ему Элис, – оставить ее и самому вернуться домой. Пусть самостоятельно расхлебывает последствия своей глупости.

Но он не мог так поступить. Без нее он не мог вернуться даже в Трехог, не говоря уже об Удачном. Не мог вернуться к Гесту – пусть и с драгоценными кусочками драконьей плоти и чешуей в сумке. Чтобы превратить их в деньги, понадобится много времени и благоразумия. А вернуться к Гесту без его жены.. Нет уж, хуже не придумаешь. Как он такое объяснит? Ему станут мыть кости все кому не лень.

Вдруг Седрик увидел, что Лефтрин и Элис уже почти дошли до баркаса. Концы отдали, и багорщик стоял наготове, чтобы оттолкнуть судно подальше в реку. Седрик оглядел прогалину. Драконы ушли. Хранители сталкивали на

воду свои лодки. Очень скоро это место опустеет. Седрик окликнул Элис, но она даже не повернула головы. Шум реки и непрерывный ветер заглушили его голос. Седрик выругался и поспешил к баркасу.

– Элис, подожди! – крикнул он, видя, что она ступила на сходни, спущенные с кормы.

И перешел на бег.

Седьмой день месяца Урожая,
шестой год Вольного союза торговцев

От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, –
Эреку, смотрителю голубятни в Удачном

В запечатанном футляре письмо от Советов торговцев Трехога и Кассарика с отчетом о расходах на переселение драконов. Доля Совета торговцев Удачного указана отдельно.

Эрек, твое послание касательно цены и возможности приобрести сто мер гороха для поправки здоровья трехогской стаи мне до сих пор не пришло. Пожалуйста, отправь еще раз.

Детози

Глава 15

Течения

Драконы не остановились на берегу реки. Одни решительно устремились на мелководье. Другие попытались идти по берегу, заваленному плавником и прочим речным мусором, но густой подлесок и этот мусор загнали их в реку. Однако все они упрямо и решительно шли вверх по течению.

Хранители – и среди них Тимара – торопливо садились в свои лодки и отплывали следом. Тимара надеялась попасть в пару с Татсом – он был силен и опытен в обращении с лодками, а кроме того, делал бы не только свою часть работы, но и немного больше. На берегу у одной из лодок ждала Джерд.

Выбежав на берег, Тимара радостно помахала Татсу:

- Я уже собрала твой заплечный мешок, копуша. Вперед! Твоя зеленая рванула в воду первой.

- Извини, Тимара, - пробормотал Татс и покраснел.

- За что? - спросила она.

Но он уже не слышал. Он торопился столкнуть в воду лодку Джерд. Почти все прочие лодки уже были загружены и спущены на воду, и в каждой сидело по два или три хранителя. В единственной оставшейся лодке устроился Рапскаль, одинокий и грустный. Он увидел Тимару, и лицо его просветлело.

- А, значит, ты будешь моей напарницей, - сказал он.

И как это ни разозлило Тимару, она кивнула ему. Извинение Татса еще звучало у нее ушах. Он знал, что обидит ее, он даже извинился, но все равно не переменял намерения. Крыса помоечная!

- Сейчас, вещи захвачу, - сказала она Рапскалю и припустила бегом в опустевший лагерь.

Тимара схватила свой мешок и вернулась. Рапскаль сидел в лодке, уже спущенной на воду, с веслом наготове. Девушка прыгнула с берега в лодку, и та закачалась, но ног Тимара не замочила. Схватив свое тяжелое отполированное весло, она направила лодку на глубину. Под ногами лежали запасные весла. Тимара задумалась - уже не в первый раз, - сколько выдержат эти весла в реке и на сколько хватит самой лодки. Последнее время река была спокойна, вода в ней оставалась серой. Как и все выросшие в Дождевых чащобах, Тимара знала, что опаснее всего молочно-белая река. Если упасть в такую воду, она обожжет тебе всю кожу, да и глаза будет не спасти. Темно-серая же вода, вроде сегодняшней, грозила не более чем зудом, но и ее следовало опасаться.

Тимара первый раз плыла в одной лодке с Рапскалем. К ее удивлению, он знал свое дело и быстро подстроился под нее, так что они стали грести в одном ритме. Рапскаль ловко обводил лодку вокруг коряг и отмелей, а Тимара продвигала ее вперед. Они держались у края реки, в тени деревьев, там, где течение самое медленное, и вскоре нагнали остальных. Грефт плыл в большой лодке с Бокстером и Кейзом и орудовал своим веслом в основном как рулем. Тимара с Рапскалем легко их обогнали. Девушка ощутила некоторое удовлетворение. Рапскаль заговорщицки подмигнул ей, и это здорово подняло ей настроение.

Лодки других хранителей плыли впереди неровным строем. Сильве сидела в лодке с Лектером, Варкен - с Харрикином. Алум и Нортель, похоже, грести в согласии друг с другом. Татс и Джерд шли первыми, как будто вели всех прочих, хотя это вряд ли было нужно. Драконы оставили заметный след и на речных отмелях, и на топком берегу. Они втоптали подлесок в илистый берег, а на мелководье в глубоких отпечатках их ног стояла серая вода.

- До чего быстро идут! - с воодушевлением заметил Рапскаль.

- Сейчас да. Сомневаюсь, что они продержатся долго, - ответила Тимара, работая веслом.

Драконы двигались по-прежнему стремительно и упорно. Тимара удивлялась такой скорости. Она думала, что легкие лодочки легко удержатся с ними вровень, но каждый раз, когда она смотрела вперед, драконы оказывались все дальше. Даже серебряный и медный вприпрыжку бежали рядом с остальными. Она заметила, что серебряный держит хвост над водой, и надеялась, что не опустит. Ее угнетало, что они не успели перевязать рану. А еще больше ее угнетало, что Небовевница ушла, ничего не сказав ей. Тимара явно мало значила для синей королевы.

- Ты сегодня виделся со своим драконом? - спросила она у Рапскаля.

Тимара вошла в ритм гребли. Она знала, что сначала будут болеть мышцы. Потом она втянется, и некоторое время все будет идти гладко. Девушка боялась того мига, когда мышцы снова заболят, потому что остановка будет только вечером, на ночевку. За те несколько дней, что хранители плыли по реке, они окрепли и освоили азы плавания, но Тимара предчувствовала, что, пока не привыкнет, ей будет плохо. Она сильнее налегла на весло.

- Ага, конечно. - Рапскаль подлаживался к гребле. - Как поел, сразу пошел к Хеби. Убрался за ней, и мы малость поучились летать. Потом я смотрел, как Хеби ест. Разозлился ужасно. Большие драконы забирают себе лучшую еду. Ей досталось меньше, чем им. Когда остановимся на ночь, я пойду поймаю ей рыбу или еще кого-нибудь. Кстати, меня вот что тревожит. Если драконы будут идти так быстро, нам придется все время грести, и когда же мы будем охотиться для них или ловить рыбу?

- Ну, говорили, что на баркасе будут припасы для нас, и еще есть сушеное мясо для драконов. Мы же не знаем, долго ли они будут так идти. Может, через несколько часов остановятся, и у нас будет время поохотиться. - Тимара тряхнула головой. - Мы еще много чего не знаем. Наверное, узнаем по дороге.

- Я видел охотников на этом баркасе. Они вроде бы должны помогать нам добывать еду для драконов.

- Я их не видела. Хорошо, что они добрались туда до того, как драконы решили идти. Но если охотники позади нас, как они будут охотиться?

- Хороший вопрос. Что там впереди?

Тимара прищурилась против солнца, отражавшегося в реке:

- Похоже на здоровенную корягу, торчит из воды, и плавник сверху позастревал.

Рапскаль ухмыльнулся:

- Придется выйти на быстрину, чтобы ее обойти.

- Нет. Давай ближе к берегу. Если что, обойдем волоком. Не хочу на быстрину.

- Боишься? - Рапскаль, похоже, радовался случаю рискнуть.

Тимара оглянулась через плечо, он широко улыбнулся в ответ. Когда он улыбался, вся его чужаковатость словно уходила и он становился просто симпатичным парнем из Дождевых чашоб. Тимара отрицательно покачала головой.

- Да, боюсь, - твердо ответила она. - Мы не пойдем в быстрое течение. Пока я не научусь лучше управлять этой лодкой.

И Рапскаль вдруг показался ей не такой уж плохой заменой Татсу.

Лефтрин ждал, пока Элис поднимется на борт. Он знал, что следует сосредоточиться на погрузке и поскорее спустить Смоляного на воду. Никто ведь не ожидал, что драконы так рванут с места. По плану баркас должен был идти первым, за ним - хранители на лодках, погоняющие и подбадривающие драконов. А теперь драконы исчезли из виду, и вскоре последняя лодка скроется за поворотом. А он тут сидит на берегу, и сушеное мясо, галеты, соленая свинина и прочее еще грузятся. Если какая-нибудь из лодок хранителей опрокинется, Лефтрин никак не сможет им помочь. А от этих юнцов только и жди какой беды.

Ну, теперь остается лишь волноваться за них, пока все припасы не будут загружены. Потом он спустит баркас на воду и поплывет вверх по течению. Лефтрин попробовал избавиться от мыслей об Элис. Не время думать о том, как хорошо было бы сидеть с ней на камбузе и беседовать за чашкой чая. Он гордился, что Элис дала отпор Седрику, когда тот попытался отговорить ее от плавания. Всю дорогу до баркаса она шла с выражением суровой решимости на застывшем лице. Лефтрин взобрался по сходням следом за ней, гадая, найдет ли он время сказать ей, какое сильное впечатление она на него произвела.

Но, поднявшись на палубу, капитан увидел не только сваленный в кучу груз, но и трех чужаков, слонявшихся вокруг него. Элис застыла на месте, прислонившись спиной к фальшборту. Лефтрин, повинувшись внутреннему побуждению, встал между ней и чужаками. Он окинул взглядом их поклажу. Копья, луки, еще один тяжелый лук для дальней стрельбы. Тщательно уложенная сеть. Несколько колчанов со стрелами. Охотничье снаряжение. Так это их тут ждали, это они и есть охотники, нанятые Советом! Один повернулся к нему, усмехнулся, и только сейчас Лефтрин узнал Карсона - тот отпустил бороду. Карсон протянул Лефтрину мозолистую лапищу:

- Бьюсь об заклад, ты не ждал меня тут увидеть! А может, ты меня увидеть и надеялся? Такое наше счастье, что несчастье всегда нас найдет. Поэтому нечего удивляться, что мы оба подписались на это дело.

Он произносил обычные слова, что говорят старые друзья при встрече, но у Лефтрина внезапно похолодело внутри. Ему очень бы хотелось, чтобы за приветствием не скрывался второй смысл, чтобы сказанное приятелем оказалась просто совпадением. Он надеялся, что в записке шла речь не о Карсоне. Только не он!

Лефтрин выдавил ответную усмешку и спросил:

- С какой это стати мне надеяться увидеть на моей чистой палубе пьянчугу вроде тебя?

- Потому что трезвый или пьяный, а я лучший охотник, которого видала эта проклятая река. Так что, если хотите, чтобы эти драконы не сожрали друг друга или вас, вам без меня никуда. Это Дэвви, он подает надежды, но иногда его нужно лупить. Он мой племянник, но пусть это тебя не останавливает, если потребуется надрать ему уши. А это Джесс, мы встретились только сегодня утром, но он вроде как думает, что может за мной угнаться. Ну да я ему скоро разъясню, что почем.

Первый был юношей со свежим, как у жителя Удачного, лицом, но с плечами хорошего лучника. Он был очень похож на дядю - с такими же непокорными каштановыми волосами и темными глазами. Парень пожал Лефтрину руку и с улыбкой посмотрел ему в глаза. Лефтрин был готов побиться об заклад, что, если Карсон и впутался в темные делишки, Дэвви ничего не знает.

- Ты видел Скелли? Вон та, с черной косой до задницы. Выглядит она как девица, но она мой матрос и моя племянница. То есть не девица.

Дэвви, похоже, эти слова вполне устрашили, но Карсон лишь покачал головой и улыбнулся:

- Положись на мое слово, Лефтрин, на этот счет Дэвви тебе хлопот не доставит.

Парень потупился и залился краской.

Охотник постарше, Джесс, нахмурился, выслушав уничижительный отзыв Карсона о племяннике, и лишь вежливо кивнул Лефтрину. Капитану он сразу не понравился и доверия не вызвал. Лефтрин не подал Джессу руку, и тот сделал вид, будто не заметил неучтивости.

- Эй, - встрял Карсон, - не хочешь представить меня и объяснить, что этот нежный цветок делает на твоём вонючем корыте?

Лефтрин забыл, что за его спиной стоит Элис. Он обернулся, улыбнулся ей и возразил Карсону:

- Вонючее корыто? Вонь появилась, когда ты взшел на борт, Карсон. Элис Финбок, боюсь, я должен представить вам своего старого друга. Это Карсон Лупскип. Охотник, хвастун и пьяница, в любом порядке. Карсон, это Элис. Она знаток драконов и Старших, прибыла из Удачного и любезно согласилась давать нам советы и делиться знаниями по дороге.

Он думал, что развеселит ее. Но Элис лишь кивнула и хрипло сказала:

- Прошу меня извинить. Мне нужно еще кое-что сделать до отплытия.

И не успел Лефтрин ничего сказать, как она заторопилась в свою каюту и закрыла за собой дверь. Там наверняка было темно и жарко, но она все

равно ушла. И хотя Лефтрин плохо понимал женщин, он подозревал, что она ищет уединения, чтобы поплакать. Ох, ну и дурак же он! Мог бы и сообразить, что столкновение с Седриком ее расстроило. Сам-то Лефтрин был только рад, что Седрик решил остаться. Без него Элис быстрее справится с сомнениями. Капитан больше всего на свете хотел пойти к ней и утешить, если она позволит. Но не мог, пока на палубе толклась эта троица со своим снаряжением. Лефтрин обернулся к Карсону. Старый друг смотрел на него с пониманием.

– Она небось не только в драконах разбирается? – поддразнил его Карсон.

– Не знаю! – огрызнулся Лефтрин. Потом, смутившись, сказал помягче: – Добро пожаловать на борт, Карсон. Может, вечером у нас будет время обсудить бородастые новости. А сейчас, пожалуйста, вы все трое найдите себе место на корабле и приберите свое добро, чтобы не мешалось под ногами. Сварг! Остальной груз еще не на борту? Нам надо поспешить, чтобы угнаться за драконами.

– Такой скорости они долго не выдержат, – сказал Карсон. – После полудня...

Охотник вдруг замолк на полуслове, глядя за спину Лефтрину. Капитан обернулся и увидел, что на борт неуклюже карабкается Седрик. Одной рукой он прижимал к груди свою сумку.

– И кто же это такой? – тихо спросил Карсон, улыбаясь.

– А, этот... – Лефтрин постарался придать тону безразличие. – Ходит по пятам за Элис. Вроде как присматривает за ней.

– Экая неприятность, – тихо пробормотал Карсон.

– Заткнись! – с чувством ответил Лефтрин.

Дэвви метнулся к сходням и попытался взять у Седрика сумку, чтобы помочь. Тот огрызнулся, крепче прижал ее к себе и неуклюже перевалился через борт. Выпрямившись, он поправил одежду и направился к капитану:

– Где Элис?

– Ушла в свою каюту. Мы скоро отчаливаем. Тебе лучше поскорее собрать вещи, если хочешь взять их с собой на берег. – Лефтрин старался говорить спокойно.

Седрик стоял и разглядывал его. Он не заскрипел зубами, лишь стиснул их на мгновение.

– Я не схожу на берег, – сказал он, развернулся и бросил через плечо: – Я не оставляю Элис одну на этом баркасе.

«И тем более не одну, – мысленно добавил Лефтрин и едва удержался, чтобы не усмехнуться. – Этот скользкий тип хотел сказать, что не хочет оставлять Элис наедине со мной, но духу не хватило высказаться прямо».

– Одна она и не останется, знаешь ли. А мы ей ничего плохого не сделаем.

Седрик снова посмотрел на него.

- Я несу за нее ответственность, - сказал он.

Потом открыл дверь своей каютки и хлопнул ею так же громко, как Элис. Лефтрин постарался ничем не выдать своего раздражения.

- Не слишком ли он громко лает для сторожевого пса? - заметил Карсон. Лефтрин бросил на него сердитый взгляд, и тот добавил: - Ой не думаю, что он стережет по велению сердца. Похоже, у него другое на уме.

- Убирай свое добро с моей палубы. У меня нет времени на болтовню. Надо спускать корабль на воду.

- Это точно, - признал Карсон. - Дел много.

В каюте было тесно и темно. Элис сидела на полу и смотрела в потолок. Не было сил даже зажечь свечу, не говоря уж о том, чтобы забраться в гамак. Комнатушка, которую она прежде находила уютной и милой, теперь казалась детским шалашом на дереве. А сама она ощущала себя ребенком, который прячется от неминуемого наказания.

Почему она бросила вызов Седрику? Откуда эта вспышка безрассудной отваги? Зачем вообще так переживать - ведь все равно взять назад свое обещание невозможно? Она отправится и без него. Да, без него. Вверх по реке, на корабле, полном матросов и прочих грубиянов, неизвестно куда. А когда она вернется - что тогда? Тогда Лефтрин обнаружит, что Гест не намерен выплачивать ее долги, и даже если она приобретет какие-то знания, в Удачном и Трехоге ее будет ждать позор. У нее больше нет дома, ей некуда возвращаться. Что сделает Гест с ее кабинетом и бумагами, когда поймет, что она сбежала? Уничтожит. Кому, как не Элис, знать, каким мстительным может быть ее муж. Он продаст ценные древние свитки - вероятно, в Калсиду. И сожжет ее переводы. Нет, вдруг с горечью подумала она. Он выставит их на аукцион вместе со свитками. Как бы Гест ни был зол, он никогда не упустит возможности получить прибыль.

Элис стиснула зубы, на глаза навернулись жгучие слезы. Интересно, догадается ли он, насколько ценны ее заметки? Или они стигнут в библиотеке досужего коллекционера, не подозревающего, какое сокровище он приобрел? Или, еще хуже, кто-нибудь выдаст ее работу за свою. Использует ради собственной выгоды знания о драконах и Старших, добытые ею с таким трудом.

Думать об этом было больно. Нет, нельзя допустить, чтобы так обошлись с плодами ее усилий. Нельзя сломать себе жизнь таким дурацким, детским способом. Она должна вернуться домой. Вот и все.

Понимание это ранило ее словно острый нож в сердце, и Элис горько заплакала. Она плакала так, как не плакала много лет, всхлипывая и содрогаясь, и ей казалось, что вместе с нею содрогается весь мир. Наконец шторм остался позади. Элис чувствовала себя совершенно избитой, как будто

ее поколотили или она упала с высоты. Взмокшие волосы прилипли ко лбу, из носа текло, голова кружилась. Она встала. Все тело болело. Слепо пошарив вокруг, Элис нашла свою рубашку и вытерла лицо, нимало не заботясь о том, что пачкает ее. Какая теперь разница? Что вообще сейчас имеет значение? Элис снова вытерла лицо сухой частью рубашки и бросила ее на пол. Слезы ушли, не принеся облегчения, – как обычно. Она вздохнула. Время сдаваться и отступить.

В дверь решительно постучали. Руки Элис непроизвольно поднялись к лицу. Она вытерла щеки и пригладила волосы. Ее не должны видеть такой. Она откашлялась и постаралась, чтобы голос ее звучал всего лишь заспанно:

– Кто там?

– Седрик. Элис, могу я поговорить с тобой?

– Нет. Не сейчас, – ответила она не задумываясь.

Печаль вдруг снова обернулась яростью. Вернулось головокружение. Элис оперлась о стол. За дверью была тишина.

Затем опять раздался напряженный голос Седрика:

– Элис, боюсь, я вынужден настаивать. Я вхожу.

– Не надо! – воскликнула она.

Но он уже распахнул дверь, и комнату залил послеполуденный свет. Элис отпрянула и отвернулась:

– Что тебе нужно? Я пакую вещи. Скоро буду готова.

Конечно, она лгала.

Седрик был безжалостен. Он широко открыл дверь. Элис наклонилась поднять с пола рубашку – так, чтобы оказаться спиной к нему, – потеряла равновесие и чуть не упала. В два шага Седрик оказался рядом и подхватил ее. Она с благодарностью ухватилась обеими руками за его предплечье и призналась:

– У меня кружится голова.

– Это баркас плывет по реке.

И тут Элис поняла, что баркас действительно движется. В дверном проеме она увидела, как плывут назад гигантские деревья. Головокружение объяснялось тем, что у нее под ногами плавно покачивалась палуба. И оно прошло.

– Мы отчалили, – удивленно сказала она.

В это невозможно было поверить. Элис возразила Седрику и выиграла. Баркас нес ее вверх по реке.

- Да. Отчалили, - отрывисто ответил он.

- Мне жаль.

Элис удивилась произнесенным словам. Она не была виновата ни в чем и все же извинялась. Когда для нее стало естественным просить прощения, если она хотела что-то получить?

- Мне тоже, - ответил Седрик.

Он глубоко вздохнул, и Элис вдруг ощутила, как близко к нему стоит. Это почти объятие. Она чувствовала исходящий от него запах - пряный аромат мыла. Удивительно! Этот запах вмиг напомнил о Гесте, и она отступила на шаг. Странно: Гест и Седрик пользуются одинаковым мылом. Эта мысль заставила ее задумчиво нахмурить брови.

Ее размышления прервал тихий, полный сожаления голос:

- Элис, это безумие. Мы только что отправились в плавание неизвестно куда, в места, которые даже на карты не нанесены. Это затянется на недели, если не на месяцы! Как ты могла? Как ты могла так просто отказаться от своей жизни?

На нее снизошло спокойствие, а потом и радость, от которой вновь закружилась голова. А мягко покачивающийся баркас закружился вокруг нее. Седрик прав. Она оставила все позади.

- Отказаться от своей жизни, Седрик? Я с радостью сбежала бы от того, что ты считаешь моей жизнью. Часами сидеть за столом, царапать пером, жить тем, что случилось столетия назад. Обедать в одиночестве. Ложиться в постель в одиночестве.

Горечь этих слов явно потрясла Седрика.

- Ты вовсе не должна обедать одна, - хрипло проговорил он.

- Я и в постель не должна ложиться одна. Выходя замуж, женщина ожидает, что за обедом и в постели с ней будет ее муж. Когда Гест сделал предложение, я решила, что мне больше на надо бояться одиночества. Я думала, он будет со мной.

- Так Гест и так бывает с тобой, когда может. - Седрик возразил неуверенно, возможно, потому, что знал, что это ложь. - Он торговец, Элис. Ты ведь понимаешь, его занятие предполагает поездки. Если он не будет ездить по делам, то не сможет заработать и обеспечить тебе ту жизнь, которую ты ведешь...

Элис не дала захлопнуться этой словесной ловушке - слишком часто она туда попадала в первые годы замужества. Затягивающаяся петля неизбежно служила доказательством, что, жалуясь на одиночество, она думает только о себе - ночь за ночью, неделя за неделей.

- Ты не понимаешь, Седрик. Дело не в том, что он столько времени проводит в разъездах. Меня это больше не волнует. Я не тоскую по нему. Знаешь,

Седрик, что хуже всего? Что я рада, когда его нет. Не потому, что мне нравится быть одной, я к этому привыкла. У меня это хорошо получается – быть одной. Когда его нет, я не думаю о нем. Я не гадаю, с кем он и как с ней обращается.

Элис внезапно умолкла. Она обещала Гесту, что больше никогда не обвинит его во лжи, никогда не выскажет ему таких подозрений. Седрик был при этом и слышал ее обещание. Элис плотно сомкнула губы.

Ее слова смутили Седрика. Элис ощутила, что он слегка подвинулся, как будто хотел отстраниться от нее, но не знал, как поделикатнее высвободиться из ее рук. А она внезапно поняла, что ее подозрения небезосновательны. Сейчас у Геста кто-то есть, и Седрик об этом знает. Знает – и чувствует себя виноватым в том, что покрывает Геста. Элис решила избавиться его от этой вины.

– Не переживай, Седрик. Я пообещала, что никогда больше об этом не заговорю, и сдержу слово. Меня больше не волнует, что женщины в Удачном узнают, как редко он бывает в моей постели. Если он им нравится – пусть берут. Я устала от его жестоких слов, жестокого сердца, жестоких рук.

Она почувствовала, что Седрик напрягся.

– Жестоких рук? – спросил он со страхом. – Элис, но он же не... Гест тебя бил?

– Нет, – тихо призналась она. – Нет, он никогда меня не бил. Но мужчина может жестоко обходиться с женщиной и без битья.

Элис вспомнила, как Гест схватил ее за руку, когда хотел уйти с одного вечера, а она недостаточно быстро ответила на его учтивое предположение, что пора ехать домой. Вспомнила, как он иногда забирал у нее разные вещи – не просто брал себе, а вырывал из рук, как у непослушного ребенка. Она не хотела вспоминать о том, как его руки хватали ее за плечи и оставляли синяки, как будто она могла убежать, – хотя она никогда не сопротивлялась его попыткам зачать ребенка.

Седрик откашлялся и отодвинулся от нее.

– Я давно знаю Геста. Он вовсе не плохой, Элис. Он просто... – Седрик запнулся, подыскивая слово.

– Он просто Гест, – закончила она за него. – Он жестокий человек. С жестокими руками, жестоким сердцем. Он не бил меня. У него не было необходимости. Когда ему перечат, ему хватает жестоких слов. Он может унижить меня взглядом. Он может избивать меня словами и улыбаться, как будто не понимает, что делает. Но он понимает. Теперь я готова это признать. Он точно знает, как сильно и как часто ранит меня. – Элис отвернулась от потрясенного взгляда Седрика и стала смотреть на проплывающий мимо берег. – Прости меня, – наконец сказала она. – Прости за то, что спорила с тобой и что мы плывем вверх по реке. Я знаю, это глупо и опасно. Я боюсь. Боюсь идти и боюсь того, что ждет меня дома. Но я не чувствую за собой вины. Я не отказываюсь от своей прежней жизни, Седрик. Я ишу возможность получить хоть немного жизни для себя. Мне

правда жаль, что я потащила тебя с собой. Знаю: ты бы так не поступил. И я не хочу, чтобы Гест сваливал на тебя эту ответственность. Но признаюсь, я рада тому, что ты вернулся на баркас, что ты здесь. Раз я собираюсь творить безрассудства, лучшего спутника, чем ты, не найти.

Он пробормотал что-то в ответ. Элис сказала то, что ему неловко было слышать, то, что ему, видимо, никогда не говорили о его хозяине и благодетеле. Она попыталась пожалеть об этом и не смогла, а лишь понадеялась, что сказанное не испортит отношений Седрика с Гестом. Ей даже захотелось, чтобы Седрик обнял ее, пусть даже на один миг, по-дружески. Когда ее в последний раз обнимали с чувством? Вспомнились прощальные торопливые объятия матери. А мужчина ее когда-нибудь обнимал?

Никогда.

Седрик взял ее руки в свои и осторожно пожал, прежде чем отпустить. Высвободившись, он неловко попытался сгладить размолвку:

- Ну, наверное, это должно меня утешить. Но не утешает. - Слова были резкими, но улыбнулся он грустно. Впрочем, улыбка быстро угасла, словно у него не было сил ее удержать. Седрик покачал головой и сказал: - Пойду приведу в порядок свою каморку. Похоже, мне придется прожить в ней дольше, чем я думал.

Он ушел, как только позволили правила приличия. Скрылся в своей конуре, стремясь не подавать виду, что сбегает от Элис.

Закрыв дверь в крохотную комнатку, предварительно отворив вентиляционные щели в верхней части стены. Назвать эти дыры окнами язык не поворачивался. Расположенные слишком высоко, они были настолько узкими, что через них не удавалось ничего разглядеть. Но они пропускали свежий воздух, хоть и приправленный запахом реки, и немного света. На потолке крохотной каюты играли блики, отбрасываемые рябью на воде. Седрик сел на свой сундук и уперся взглядом в запертую дверь. Сумка с драгоценным грузом лежала на полу. Эти обрезки стоят целого состояния, а он плывет с ними вверх по реке, прочь от денег и от того, что заставило его мечтать об этих деньгах. Остается надеяться, что соль и уксус сохранят эту разлохмаченную плоть - его последний шанс на жизнь без лжи. Седрик опустил лицо и закрыл его руками.

Гест... Ах, Гест... Что мы сделали с ней? В каком жестоком деле я участвую!

У Геста жестокие руки.

Седрик не хотел думать об этом - но не мог остановиться. Он не желал воображать, как руки Геста касаются Элис. Он знал, что Гест должен быть с ней, что он должен своему отцу ребенка от нее. Седрик зарекся представлять, как это происходит, и гадать, нежен ли с ней Гест, страстен ли... Он не хотел знать, не хотел, чтобы это его волновало. Это не имело никакого отношения к ним с Гестом.

Но Седрику никогда не приходило в голову, что Гест будет груб с Элис. А он, конечно, был. Это же Гест. Человек с сильными руками. Длинные пальцы и короткие ухоженные ногти. Несложно, пусть и больно, представить, как эти руки держат ее за плечи и как ногти впиваются в ее кожу. От них потом остаются полукруглые следы. Седрик знал это. Его руки сами собой поднялись к лицу, к плечам. С тех пор как Гест оставлял на нем такие следы, прошли уже недели. Седрику их не хватало.

Он думал в одиночестве, не скучает ли Гест по нему. Вряд ли. Гест безжалостно отталкивал Седрика в последние дни перед отъездом. И одновременно был уверен, что секретарь уладит все мелочи с теми с его новыми сопровождающими. Гест сейчас не один и почти наверняка не думает о нем. Реддинг. Проклятый Реддинг, так явно заинтересованный в том, что он, Седрик, утратил. Реддинг, с его пухлым ртом и вечными насмешками, с его маленькими руками, то и дело приглаживающими курчавые волосы. С ним Реддинг.

В горле застрял противный комок. Слезы бы помогли, но Седрик совершенно не мог плакать. Гест. Гест..

- Гест, - вслух произнес он, и это было утешение, режущее подобно ножу.

Гест единственный знал, каков Седрик на самом деле, он единственный понимал его. И он бросил его, отослал с дурацким поручением - сопровождать нелюбимую жену. Жену, которую он лапал своими жестокими руками. Эти же самые властные руки схватили Седрика за плечи и заключили в то первое отчаянное объятие.

Седрик тогда был юнцом, едва начавшим бриться и бесконечно несчастным. Он вечно ссорился с отцом и уже не мог быть откровенным с матерью и сестрами. Он вообще ни с кем не мог быть откровенным. И теперь он с горечью понимал, как успешно Гест теперь погрузил его в ту бездну одиночества, из которой сам же некогда и спас. Что он хотел доказать Седрику? Что может вернуть его в прошлое, снова сделать его тем, кем он был много лет назад?

Впервые они повстречались на собрании торговцев, в день зимней свадьбы. Женихом семнадцатилетней невесты был сосед Мельдаров, парень немного старше Седрика. Этот сосед учил его калсидийскому языку - Седрик занялся им по настоянию отца. Наставник вел себя с учеником мягко, терпеливо и дружелюбно, его уроки были куда приятнее, чем уроки счета, истории и основ навигации у другого учителя. Того, другого, наняли в складчину несколько семей торговцев для своих сыновей. Он был настоящим чудовищем, и его ученики развлекались, грубо подшучивая друг над другом. А как они хохотали, когда учитель тонко высмеивал ответы Седрика. Седрик ненавидел эти уроки, его пугали насмешки и издевательства. Удивительно, что он вообще там чему-то научился. Приттус был совсем другим. Седрик дорожил общением с ним.

И теперь он мрачно смотрел, как Приттус произносит брачные клятвы. У него больше не будет времени заниматься с Седриком, он начнет помогать своему отцу в торговле пряностями и заживет своим хозяйством. Единственный островок дружеского общения тонул в море одиночества.

Приттус стоял прямо в своем простом официальном одеянии торговца, свет играл в его блестящих черных волосах. Клятвы были произнесены, он повернулся к девушке и посмотрел ей в лицо с улыбкой, которая была так хорошо знакома Седрику. Лицо девушки порозовело от радости. Приттус протянул ей руки, и она вложила в них свои. Седрику пришлось отвернуться, его душила зависть – у него такого никогда не будет! Новобрачные развернулись к гостям, и те захлопали в ладоши, поздравляя их.

Седрик не хлопал. Когда хлопки затихли, он залпом выпил вино и поставил свой бокал на край одного из накрытых столов. Зал был полон людей, все они улыбались, разговаривали и горели желанием поздравить молодоженов. У дверей несколько юношей переговаривались вполголоса, обмениваясь шутками. Седрик уловил чьи-то слова об ожидающей Приттуса ночи, после чего парни непристойно захихикали. Седрик извинился, протискиваясь мимо них, и вышел из душного Зала Торговцев на свежий воздух. Плащ он не взял, ему хотелось освежиться. Настроение к тому располагало.

Надвигалась буря, из тех, которые обрушивают ледяной дождь вперемешку с мокрыми снежными хлопьями. Ветер утих, потом поднялся снова. Низкие тучи превратили конец дня в вечер. Седрик не обращал на это внимания, шагая мимо карет и тепло одетых кучеров.

В саду никого не было. С деревьев пооблетали листья, и ничто не сдерживало порывов холодного ветра. Мощные дорожки покрыла опавшая листва. Седрик инстинктивно направился под защиту рожицы хвойных деревьев. Там ветра почти не чувствовалось. Седрик поднял глаза к холодному зимнему небу, пытаясь найти в нем хоть одну звезду. И не смог. Он опустил голову и стер со щек капли дождя.

– О, слезы на свадьбе? Ну что ты за сентиментальный дурак!

Потрясенный Седрик обернулся. Он не думал, что в такую погоду кто-то еще выйдет на улицу. Изумление усилилось, когда юноша понял, что перед ним Гест и что он, должно быть, шел за ним следом. Гест стоял в той компании у дверей. Седрик знал его имя и репутацию, но не более того. Богатый молодой торговец, всеобщий любимец, он вращался в кругах на несколько ступеней выше, чем Седрик. Непонятно, зачем Гест пошел за ним. Длинный темно-синий плащ торговца казался в сумерках почти черным. Воротник был высоко поднят и обрамлял лицо.

– Это дождь. Я вышел проветриться, выпил много вина.

Гест молча слушал, насмешливо склонив голову набок. Он поднял брови, словно упрекая во лжи.

– Я не плакал.

– Правда?

Гест подошел к Седрику. Дождь перешел в снег, крупные хлопья оседали на его темные волосы.

– Я видел, как ты смотрел на счастливую пару, и подумал: вот отвергнутый влюбленный, который смотрит, как разбиваются его мечты.

Гест приближался. Седрик настороженно следил за ним.

- Я ее едва знаю, - ответил он. - А Приттус был моим наставником. Я пришел поздравить его.

- Как и все мы, - легко согласился Гест. - Наш дорогой друг Приттус начинает сегодня новую жизнь. Он принял на себя обязанности мужа. И любящие друзья, хоть и желают ему счастья, с сожалением признают, что будут видеть его куда реже.

В небе сверкнула молния. Здесь, под елями, зимний день стал еще темнее. Цвета были уже почти неразличимы, лицо Геста казалось игрой теней и выступов. Он улыбался. И с этой изящной улыбкой спросил Седрика:

- И чему же Приттус тебя учил?

- Калсидийскому. Мой отец говорит, что каждый торговец должен знать калсидийский и говорить на нем без акцента. Приттус владеет им, как родным: у него учителем был калсидиец.

Гест подошел вплотную к Седрику.

- Калсидийский? - Он улыбнулся еще шире, показав зубы. - Да. Я согласен с твоим отцом. Каждый торговец должен знать калсидийский. Говорят, что они всегда будут нашими врагами. Я бы сказал, что это веская причина изучать их. Не только язык, но и обычаи. Враги или нет, они будут торговать с нами. И обманывать тех, кто для них уязвим. Но тебе понадобится не только знать язык. Можно говорить на чужом языке, но, если не знать обычаев, всегда будешь выглядеть чужаком. А это никуда не годится. Согласен?

- Наверное. Да.

Седрик решил, что Гест пьян. Они стояли так близко, что юноша чувствовал запах спиртного в его дыхании.

Взгляд Геста блуждал по лицу Седрика.

- Итак, дай-ка я послушаю, есть ли у тебя акцент, - сказал Гест, облизнув губы. - Скажи что-нибудь по-калсидийски.

- Что?

- Это не по-калсидийски, - усмехнулся он. - Еще раз.

- Что ты хочешь, чтобы я сказал?

Седрик чувствовал себя в ловушке. Этот человек издевается над ним или пытается завязать знакомство? В разговоре он балансировал между насмешкой и дружелюбием.

- А, вот это подойдет. Да. Скажи: «Чего ты желаешь, господин мой?»

Седрик мысленно перевел фразу, а потом произнес слова без запинки. Но Гест покачал головой и недовольно скривил губы:

- О нет. Не так. Нужно шире открывать рот. Они очень болтливы.

- Что?

- Скажи это снова, только открывай рот пошире. Не сжимай губы.

Он издевается, теперь Седрик был в этом уверен.

- Я замерз. Пойду в зал, - отрывисто сказал он.

Но когда проходил мимо Геста, тот вдруг схватил его за плечо и резко развернул, так что невысокий Седрик чуть не столкнулся с ним.

- Скажи еще раз, - велел Гест. - На любом языке, на каком хочешь. Скажи: «Чего ты желаешь, господин мой?»

Его пальцы впились Седрику в плечо. Седрик попытался вывернуться.

- Пусти! Что тебе нужно? - воскликнул он.

Но Гест в ответ схватил его за другое плечо и резко дернул, чуть не повалив. Теперь они стояли вплотную, Гест прижимал его к себе, глядя прямо в глаза.

- Что мне нужно? Хм... Это, конечно, не «Что ты желаешь?», но сойдет. Ты должен бы спросить, чего ты хочешь для себя, Седрик. Интересно, ты когда-нибудь задавал себе этот вопрос, я уж не говорю - отвечал на него? Потому что мне ответ очевиден. Хочешь ты вот этого...

Одной рукой Гест ухватил Седрика за парадную рубашку под горлом, другой вцепился в волосы на макушке. Потом наклонился и прижался губами к губам Седрика, словно хотел пожрать его. Седрик был слишком потрясен, чтобы сопротивляться, даже когда Гест крепко прижал его к себе. Он ощутил внезапный жар, желание, которое не мог ни скрыть, ни отрицать. У губ Геста был вкус вина, а его щека, хоть и чисто выбритая, царапнула щеку Седрика, когда тот попытался отстраниться. Седрик задыхался, разрываясь между жадной поцелуй и осознанием того, как плохо иметь такие желания. Он уперся руками в грудь Геста и оттолкнул его, но не сумел вложить в это движение достаточно силы. Гест легко удержал его, и его смех отозвался у Седрика в груди. Наконец Гест прервал поцелуй, но не отпустил Седрика.

- Не бойся. Борись сколько угодно, если считаешь, что должен сопротивляться. Я не дам тебе победить. С тобой будет то, о чем ты давно мечтал. Кто-то должен же был обуздать тебя..

- Пусти меня! Ты сумасшедший или просто напился? - Голос Седрика дрожал.

Ветер усилился, но он едва замечал это. Гест без усилия прижал его руки к телу. Он был выше и сильнее, и он приподнял Седрика - не так, чтобы ноги оторвались от земли, но так, чтобы показать, что он это может. Потом он крепче прижал Седрика к себе и проговорил сквозь зубы:

- Седрик, я не пьян и не сошел с ума. Просто я честнее тебя. Мне не нужно спрашивать: «Чего ты желаешь, господин мой?» Чего желаешь ты, было написано у тебя на лице, когда ты смотрел на счастливую пару. Ты не по невесте страдал, а по Приттусу. А кто бы не страдал? Такой милый парень. Но теперь он не достанется ни тебе, ни мне. Так что придется довольствоваться тем, что есть.

- Неправда, - предпринял он жалкую попытку солгать. - Я не знаю..

Гест снова начал целовать его, жестко, терзая губы, пока Седрик не сдался и не подчинился ему. Непроизвольно он тихо всхлипнул, и Гест засмеялся ему в рот. Потом внезапно разжал объятия и отступил на шаг. Седрик чуть не упал. Он отшатнулся от Геста. Ночная рожица шла вокруг него в хороводе. Седрик прижал ладонь к саднящим губам и почувствовал соленый вкус крови.

- Не понимаю.. - пролепетал он.

- Правда? - Гест снова улыбнулся. - А я думаю, что понимаешь. Все будет куда проще, когда ты признаешься, что понимаешь.

Он подошел вплотную, и Седрик не отступил. Гест снова потянулся к Седрику, и тот не убежал. У Геста были сильные, крепкие руки.

Седрик тогда закрыл глаза - сейчас, вспоминая, он снова сидел с закрытыми глазами. Вся та безумная ночь под холодным штормовым небом была свежа в памяти. Она не давала ему покоя, она проявляла его сущность. Гест оказался прав. Когда он признался, чего хочет, стало легче.

Гест был безжалостен. Он дразнил, причинял боль, гладил и утешал. Он был груб и нежен одновременно, жестко требовал и тут же мягко настаивал. Над ними неслась буря, ветер гнул деревья, но холода не чувствовалось. Они упали на толстую подстилку из игл под низко опущенными вечнозелеными ветвями - от слоя сухой хвои хорошо пахло. Они укрылись плащом Геста. Время, семью, весь остальной мир - все унесло бурей.

Незадолго до рассвета Гест оставил Седрика у подъезда к дому. Седрик явился домой в грязной и порванной одежде, всклокоченный, с кровоточащими губами. Он проспал допоздна - сколько позволил отец. Потом, стоя перед отцом в кабинете, Седрик поведал длинную басню насчет выпивки, падения в воду по темноте и долгого пути домой. У него болели все мышцы, губы опухли. Три мучительных дня Седрик сидел в отцовском доме тише мыши. Почти все время он прятался у себя в комнате, или стораю от стыда, или пялясь в темноту и воскрешая в памяти каждый миг встречи. В нем боролись сожаление и желание.

Утром на четвертый день пришло приглашение от Геста - на верховую прогулку. В большом конверте серо-голубого цвета, надписанном размашистым почерком Геста, лежала записка на тонкой серой бумаге. Отец удивился. Он был польщен тем, что у сына завелись связи в высшем обществе. Мать тут же озаботилась состоянием выходного костюма Седрика. Отец одолжил ему лошадь - единственное приличное средство передвижения, которым располагала их

семья. Напутствуя, отец предупредил, чтобы Седрик не уходил с вечеринки первым, а задержался, если Гест будет к нему благорасположен.

Гест и правда оказался благорасположен. Седрик был единственным гостем на этой «верховой прогулке», и уехали они недалеко, до маленькой заброшенной фермы, принадлежащей Финбокам. Все комнаты ветхого домика были пыльными и неубранными, кроме одной спальни, хорошо обставленной, со стойкой, полной спиртного.

Седрик быстро понял, что в «верховых прогулках» Геста лошади далеко не главное. Вскоре Гест стал для него целым миром. В его присутствии свет, краски, звуки делались ярче, сильнее. Гест погрузил его в мир искушений и удовольствий, избавил от страхов и скованности и научил новым потребностям – они заменили те смутные желания, в которых Седрик боялся кому-либо признаться. Вспоминая то время, Седрик улыбнулся. Они тогда обедали вместе, потом проводили вечера с друзьями Геста. Друзья Геста – вот где была настоящая школа! Богатые торговцы, кто моложе, кто старше, кто одинок, кто женат, – все они вели жизнь, полную радостей, какие только можно было купить за деньги. Седрика поразило, как они потворствуют своим прихотям, потрясла постоянная погоня за всяческими удовольствиями. Когда он сказал об этом Гесту, тот рассмеялся и ответил: «Мы же торговцы, Седрик, по рождению и по наследству. Мы находим то, чего люди желают больше всего, и получаем за это деньги. Нам становится известно о самом желанном – и мы хотим его для себя. И обретаем его за те деньги, что заработали. В этом-то и состоит наша цель: приумножить деньги и использовать их себе во благо. Что в этом плохого? Иначе зачем так тяжело трудиться? Мы работаем, чтобы насладиться плодами своего труда». Седрик не знал, что возразить.

Под влиянием Геста он стал меняться: старший друг говорил ему, как причесываться, одежду какого цвета и покроя носить, где покупать обувь. Когда Седрик с его скромным бюджетом не смог угнаться за вкусами Геста, тот дарил ему одежду, а потом, когда отец Седрика начал задавать вопросы, придумал должность, которая требовала, чтобы юноша жил с ним в одном доме. Гест изменил не только его жизнь – нет, он преобразил его самого. Седрик не только научился ценить хорошее вино и изысканные яства, но и привык к ним. Он уже не терпел плохо сидящую одежду. И что теперь станет с ним? Если, вернувшись, он узнает, что Гест нашел ему замену, – что тогда? Седрик закрыл глаза и попытался представить себе жизнь без Геста. Жизнь без денег Геста и его развлечений – да, это он мог представить. Но жизнь без его прикосновений?

Баркас неравномерно покачивался в течениях реки. Седрик вернулся в реальность. Команда носилась туда-сюда. Наверное, ставили парус – если ветер благоприятный. Как движется баркас, оставалось для Седрика загадкой. Ему казалось, что такое большое судно невозможно вести вверх по реке только на веслах – однако они плыли.

И Седрику приходится плыть.

Нет, только не сдаваться. Упрямство Элис – достойный образец для подражания. Она не намерена раскаиваться в том, что ухватила за возможность. Он может вести себя так же. Пусть себе Гест гадает, где они и почему не вернулись. Малая толика сомнений и неудобств пойдет ему на

пользу. Седрик не сомневался, что жизнь Геста станет чуть менее приятной без жены и секретаря, хлопчущего о всех тех досадных мелочах, которых сам Гест стремился избегать.

Что до его собственных планов, то их следует выполнить. Если уж ему придется находиться в компании драконьих хранителей и их подопечных, то наверняка появится шанс собрать побольше материала на продажу. Седрик присел на пол. В основании его сундука был потайной ящик. Гест когда-то заказал этот сундук, чтобы хранить в тайнике особо ценные вещи и деньги. Знал бы он, для чего будет использовать тайник его секретаря!

Седрик открыл тайник и стал разглядывать два стеклянных флакона, которые наполнил сегодня. В сумраке было плохо видно. В ящике ожидали своего часа другие флаконы и керамические сосуды – одни пустые, другие с жидкостями и солью. Седрик тщательно продумывал все мелочи с того самого мига, как понял, что наказание, которое планирует для него Гест, он может обратить к собственной пользе.

Был там и аккуратно составленный список образцов, которые он надеялся добыть, и их примерная стоимость. Кровь. Зубы. Когти. Чешуйки. Внутренности. Селезенка. Сердце. С каким волнением он смотрел, как та девушка обрезает края раны. Надо будет последить... Если какое-нибудь из животных поранится или умрет, он должен под любым предлогом сразу оказаться рядом. Так изгнание может положить начало его успехам.

Седрик аккуратно сложил свои образцы и закрыл сундук.

«Никаких сожалений», – мысленно повторил он.

Не сожалеть и не медлить.

Синтара вместе с другими драконами спустилась к воде. Их вел Меркор. Удивительно, но все драконы приняли его лидерство, даже Кало, всего несколько часов назад кичившийся своими размерами. Возбуждение, которым они заразили друг друга, побудило их к действию. Вперед, вперед немедленно!

Все утро они шли по отмелям у берега. Течение тут было слабее, сопротивление воды меньше. Синтара предпочла бы шагать по суше, но густая растительность Дождевых чащоб подступала прямо к воде, а иногда спускалась и в воду – всюду были переплетенные корни, упавшие стволы. Драконам хватало силы проломиться через такие препятствия, но к полудню им пришлось выйти на глубину, чтобы обогнуть огромную корягу, перегородившую реку.

Ствол был необъятным – Синтара даже не могла увидеть, что скрывается за ним. Едкая речная вода уже пожирала павшего гиганта, но все равно, чтобы его обойти, надо было забраться на такую глубину, где лапы отрывались от дна. Какая неожиданность! Сначала Синтара забарахталась, пытаясь найти опору, и подняла тучу брызг. Фенте, небольшая зеленая драконица, пронзительно затрубила. Ее подхватило течение, и она дико замолотила по воде, пока не миновала поваленное дерево, а потом торопливым галопом поскакала к отмели. Там Фенте поплелась дальше и еще долго не могла

восстановить дыхание. Синтара порадовалась, что она выше и сильнее, чем Фенте. Ей не пришлось плыть. Драконы умеют плавать, но делают это только по необходимости.

Едва Синтара подумала о плавании, как в памяти что-то смутно шевельнулось. Первое воспоминание было о страшном случае – край высокого обрыва обрушился, и она упала в глубокий холодный фьорд. Ей пришлось плыть, потому что взобраться на отвесные скалы вокруг фьорда было невозможно. К тому времени, когда нашлось место, где можно было вылезти из воды, она так замерзла, что едва смогла расправить крылья и отряхнуть их, чтобы взлететь.

Обнаружились и другие воспоминания о пребывании под водой, и с некоторым усилием Синтара связала их с Кельсингрой. Она поразмышляла над ними, складывая осколки в цельную картину. Там был город на берегу, прекрасный город, сияющий на солнце, а перед ним текла глубокая и широкая река. Течение, толкавшее в грудь, помогло вспомнить. Да. Кто-то летел над городом, описывая круги – один, другой, третий. Не для красоты, хотя полет понизу или переворот в воздухе могли вызвать крики восторга у Старших, населявших город. Нет, это было уведомление всем, драконам и Старшим, о том, что летящий дракон собирается сесть. Чтобы рыбацкие лодки успели освободить место. Потому что лучший способ приземлиться в Кельсингре – это пройти низко над водой, потом плотно прижать крылья, вытянуть шею и нырнуть под воду. Река смягчала посадку. Оказавшись в воде, драконы не плыли, а выходили вброд на берег, их чешуйчатые шкуры сверкали на солнце. Вышедших из воды ожидало развлечение. Там всегда их встречали Старшие, чьей обязанностью было...

Синтара споткнулась о крупный камень на дне, и тонкая ниточка воспоминаний оборвалась. Она в отчаянии попыталась поймать эту ниточку вновь. Было так приятно думать о чем-то хорошем, а теперь воспоминание ускользнуло. Вокруг нее, фыркая и отдуваясь, брели против течения драконы. Ближе к берегу река была мельче и течение помедленнее, но приходилось тяжело месить глубокий ил. Синтара решила, что лучше медленно ковлять по грязи, чем идти на глубине. Она обогнала нескольких драконов, потом ускорила шаг, пока впереди не остались только Меркор и Ранкулос.

Золотой дракон упорно шагал вперед. Он не был так велик, как Кало или Сестикан, но в реке казался длиннее. Может быть, потому, что он вытянул вперед шею и поднял над водой хвост.

– Меркор! – окликнула его Синтара.

Она знала, что дракон слышит ее, но он не повернул головы и не замедлил шага. Алый Ранкулос всего на шаг или два отставал от него.

– Меркор! – снова позвала она и в отчаянии оттого, что он не отвечает, потребовала: – Скажи, что ты помнишь о том, как Старшие приветствовали нас, когда мы достигали Кельсингры? Я знаю, что мы делали три круга над городом, чтобы предупредить их о прибытии...

– Они трубили в рога на башнях, когда видели нас. Серебряные трубы и медные рога. Они предупреждали рыбацкие лодки, чтобы те освободили место на реке. – Это сказал не Меркор, а Ранкулос. В серебристых глазах

красного дракона вращались водовороты радости. – Это я только что вспомнил, когда ты сказала о трех кругах над городом.

– И я помню!

Это Верас вспенила воду, пытаясь догнать их. Золотые искры на ее зеленом теле, раньше почти всегда скрытые под слоем грязи и пыли, теперь сверкали.

– А я не помню, – тихо призналась Синтара. – Но я помню, как опускалась на реку и погружалась под воду, в глубину, куда не достигает солнце. Там песчаное дно. И помню, как выходила на берег. Там всегда нас ожидали несколько Старших. – Она умолкла, надеясь, что еще кто-нибудь что-нибудь скажет. Но все молчали, а Меркор настойчиво двигался вперед. – Я помню, что потом было что-то приятное. Какое-то особое приветствие...

Синтара намеренно умолкла на полуслове. Однако никто не подхватил разговор. Только река шумела, да слышались плеск воды и тяжелое дыхание драконов, идущих против течения. Впереди темнело еще одно бревно, хоть и не такое большое, как первое. Вернулось уныние. Она уже чувствовала усталость.

Вдруг Меркор поднял голову. Ноздри его раздувались, он остановился на полушаге. Огляделся вокруг, изучая реку справа и густой лес слева. Потом вдруг выдохнул. Укороченный воротник из ядовитых выростов на шее, голубовато-белый на фоне золотого тела, встопорщился.

– В чем дело? – спросила Верас.

Она тоже остановилась и оглядывалась.

– Речная свинья, – сказал Сестикан. – Чую ее навоз.

И словно по зову, речные свиньи вдруг вынырнули из воды. У них были серые, как вода в реке, шкуры и длинная шерсть. Бревно укрывало их от течения.

Синтара не успела принять решение. За нее это сделали другие драконы, чей возраст не поддавался исчислению. Она бросилась вперед и раскрыла пасть, целя в самую крупную речную свинью, до которой могла достать. Животное метнулось, не дожидаясь, пока в него вонзятся зубы, и попыталось нырнуть. Синтара все же успела ухватить его, но укусила не так глубоко, как намеревалась. Случись все, как было задумано, ее зубы вонзились бы свинье в позвонки и обездвигили ее. Но Синтара захватила лишь слой жира, толстую шкуру и шерсть. Пьянящее сопротивление плоти, горячая кровь во рту подействовали ошеломляюще. Речная свинья отчаянно боролась за жизнь.

Другие драконы были заняты тем же, чем Синтара. Некоторые еще ловили свиней, трубили, бросаясь за визжащей добычей. Быстрые и верткие на глубине, эти животные были не столь проворны на отмели и на заросшем берегу. Кто-то из драконов чуть не врезался в Синтару, гонясь за добычей, а три речные свиньи едва не сбили ее с ног, пытаясь перебраться на глубину.

Всего этого Синтара не замечала. Ей еще никогда не приходилось сжимать челюстями живую добычу. Ее наследственная память хранила охоту за скотом или за дичью – там драконица сначала сшибала животных на землю, а потом, полуоглушенных, убивала. А эта тварь у нее в пасти отчаянно билась, она была живой, она была в своей родной стихии. Голова Синтары на длинной шее моталась в разные стороны. Вес добычи клонил ее голову к воде. Инстинктивно она закрыла ноздри и глаза, уперлась в мягкое дно передними лапами и попыталась поднять свинью над водой. И у нее получилось. Свинья извивалась, дико визжала, била острыми раздвоенными копытами, даже пыталась достать до Синтары своими мелкими клыками, но не могла. Драконица перевела дух.

Но она едва удерживала добычу.

Ей нужно стать сильнее. Шея должна быть толще, с развитыми мышцами, как у настоящего хищника, плечи – тяжелее.

«А у меня мышцы вялые, как у коровы в стойле», – с отвращением подумала Синтара.

Добыча такого размера должна доставаться ей легко. Если сейчас приоткрыть пасть, чтобы схватить свинью поудобнее, та вырвется. А если держать так, как есть, то добыча измотает ее борьбой. Надо бы оглушить ее. Свинья все же заставила Синтару опустить голову, и драконица не успела перекрыть ноздри и выдохнула в воду.

И тут же откуда-то взялись силы вытащить свинью из воды. Отчасти случайно, отчасти намеренно она сумела ударить ее о бревно, перегородившее реку. Добыча обвисла. Потом опять задержалась и заверещала, и Синтара снова изо всех сил стукнула ее. Потом бросила тушу на бревно и в долю секунды перехватила ее пастью. Свинья дернулась в последний раз.

Она убила! Впервые она убила животное!

Передней лапой Синтара прижала тушу к бревну и вцепилась в мясо. Никогда ей не доводилось пробовать ничего вкуснее. Кровь была теплой, мясо – свежим. Синтара вырвала из туши внутренности. Куски мяса падали в реку, Синтара ловила их в воде.

Она не обращала внимания на то, что творится вокруг, пока не съела все. Многие тоже были с добычей. Верас загнала свою свинью на берег и убила ее там. Два мелких дракона рвали друг у друга визжащую тушу, пока не разодрали пополам. Кало доедал одну свинью, прижав когтистой лапой другую. Синтара стала отглядываться в поисках оставшихся речных свиней.

– Стадо разбежалось, – тихо сказал Меркор.

Золотой дракон чистил когти. Он облизал их и выковырял из-под одного кусочек мяса. Значит, тоже успешно поохотился. Как и она. Память снова рвалась наружу. Она убила! Она, Синтара, убила первую жертву. И съела ее. Это так важно! Охота вдруг все изменила. Синтара посмотрела на реку и других драконов. Зачем она бездумно идет за другими, как корова в стаде? Драконы так не делают. У драконов нет погонщиков, прислужников или даже

хранителей, они не полагаются на людей, приносящих им еду. Драконы охотятся в одиночку и убивают самостоятельно!

Синтара расправила плечи и подняла крылья. Ее обуяло стремление улететь отсюда, еще раз поохотиться, убить и сожрать добычу, а потом найти солнечный склон или каменистое лежбище и отдохнуть. И дело было не в мясе, хотя мясо оказалось очень хорошим, а в желании убивать, в торжестве охотницы. Синтара не могла ждать, ее снедало желание снова убить и сожрать свою добычу.

Но расправленные крылья были просто смешны, они лишь хлопали ее по спине. В них не было силы. Разозлившись, она вспомнила, как тяжело было бороться с этой тупой речной свиньей. Она убила не так, как следовало, в ее драконьей памяти никто так не убивал речную свинью. Синтара – слабак, недостойный жизни. Ее содержали в загоне, как корову. Пора покончить с такой жизнью.

– Вот потому-то, – сказал Меркор так спокойно, как будто бы слышал ее мысли и следил за ними, – вот потому-то мы и должны были уйти. Отправиться все вместе вверх по реке и найти Кельсингру. Чтобы в пути стать драконами. Или умереть, пытаясь стать ими. Он поднял голову и протрубил: – Время отправляться!

И, не оглядываясь на других, двинулся на глубину, чтобы обогнуть бревно.

Синтара пошла следом.

Седьмой день месяца Урожая,

шестой год Вольного союза торговцев

От Детози, смотрительницы голубятни в Трехоге, –

Эреку, смотрителю голубятни в Удачном

В футляре, дважды запечатанном воском, – письмо от Джесса купцам Бегасту Кореду и Синаду Ариху в гостиницу «Попутный ветер» в Удачном. Заплачено за своевременную доставку лично в руки, а если послание будет передано быстрее чем через четыре дня, положено дополнительное вознаграждение.

Эрек, для этого задания я выбрала Кингсли! Если какая птица и может заработать нам эти деньги, то только он!

Детози

Р. S. Как насчет голубя-другого из потомства Кингсли? Я бы взамен дала тебе нескольких отпрысков Веснушки. Она не такая быстрая, как Кингсли, но много летала в бурю.

Глава 16

Друзья

На ночь все хранители улеглись рядком на палубе «Смоляного». Тимара выбрала место возле борта. Положив голову на руки, она смотрела в сторону берега. Если не считать слабого света от затухающего костра на берегу и из одного освещенного окошка на баркасе, кругом царил непроницаемый мрак, к которому очень трудно было привыкнуть. Это повторялось во время каждой ночевки. Кассарик остался далеко позади. Там теплые огоньки в окнах висячих домов рассеивали тьму, царящую под кронами деревьев; там со всех сторон доносились звуки, проникая сквозь тонкие стены домов. Здесь ничего этого не было. Тимара пыталась заснуть, но не могла. Как много всего случилось за последние несколько дней!

Девушка отмахнулась от комара, зудящего над ухом, и спросила в темноту:

– Зачем мы делаем это? Это безумие. Мы не знаем, куда нам идти и что нас ждет. И конца-краю не видно. Почему мы согласились на это?

– Ради денег, – прошептала в ответ Джерд, потом протяжно вздохнула и завернулась в одеяло. – И чтобы сделать что-то такое, чего я еще не делала.

– Может, потому, что для нас не нашлось другого дела? – предположил Рапскаль откуда-то слева. – И потому, что сейчас моя жизнь лучше, чем когда-либо прежде.

Судя по голосу, он был невероятно доволен прошедшим днем.

– Чтобы оставить позади все, что было, и начать жизнь заново, – с пафосом заявил Грефт.

Тимара скрипнула зубами.

– Я спать хочу! – пожаловался Татс. – Может, заткнетесь уже?

Сегодня он улегся рядом с Рапскалем. Похоже, на что-то разозлился.

Кто-то – вероятно, Харрикин – хихикнул. Снова наступила тишина. За бортом корабля журчала вода. На берегу кто-то из драконов громко заворчал во сне и опять умолк. Тимара натянула одеяло на голову, пытаясь спастись от комаров, и уставилась в маленькую рукотворную темноту.

Все было не так, как ожидала Тимара. Никаких тебе великих приключений. Дни быстро заполнились рутинными делами. Хранители рано просыпались,

завтракали все вместе – обычно на завтрак были сушеная рыба или овсянка, а к ним галеты. Потом наполняли фляги водой из колодцев, выкопанных в песке накануне вечером. Охотники покидали лагерь еще до рассвета, уходили вверх по реке. Им надо было найти дичь раньше, чем драконы ее распугают. Потом пробуждались и отправлялись в путь драконы, за ними следовали хранители на лодках, а за этой маленькой флотилией шел баркас.

Напарники в лодках то и дело менялись, но никто и не подумал сесть в лодку к Рапскалю. При этом Тимаре некоторые дали понять, что не прочь составить ей пару: об этом говорил Варкен, да и Харрикин тоже. Сильве два раза предложила, чтобы на следующий день они правили лодкой вместе. Однако каждое утро Рапскаль, сидя в лодке, причаленной к берегу, ждал Тимару. Она собиралась было подсесть к кому-нибудь другому, но понимала, что, если это сделает, кто-то будет вынужден делить лодку с Рапскалем. И всякий раз снова садилась к нему. Отчасти потому, что вместе они очень ловко управлялись с лодкой. А отчасти из-за добродушия и оптимизма напарника. Рапскаль поднимал ей настроение, когда она чувствовала себя особенно одинокой. Разговоры с ним были странными, и темы их менялись самым непредсказуемым образом. Однако этот парень вовсе не был безмозглым, как считали некоторые. Просто у него был непривычный подход к жизни, не с той стороны, что у других.

К тому же на него было приятно смотреть.

Тело Тимары начало приспосабливаться к тому, что приходится весь день напролет орудовать веслом, но по ночам мышцы все еще болели. Вместо пузырей на ладонях образовывались твердые мозоли. Отблески солнца на воде уже не так раздражали глаза. С каждым днем волосы все сильнее напоминали соломку, и возникало тревожное ощущение, что чешуя на коже растет быстрее, чем раньше, когда Тимара жила на дереве. Но этого следовало ожидать. С возрастом у всех обитателей Дождевых чащоб растет больше чешуи. С этим Тимара могла смириться, однако монотонная, день за днем, работа на веслах подтачивала ее дух.

Прошедший день не принес перемен. Он тянулся медленно, бесконечный лес по берегам реки выглядел как сплошная зеленая стена. Рано утром пришлось поволноваться из-за громких криков ушедших вперед драконов. Подплыв ближе, хранители решили было, что с драконами что-то случилось, – те неистово прыгали и плескались, а некоторые с головой ныряли в воду.

Далеко не с первой попытки, едва не перевернув лодку, они выяснили, что их подопечные просто наткнулись на плотный косяк рыбы и не упустили случая подкрепиться как следует. Вскоре после этого драконы набрели на длинную низкую отмель, устеленную водорослями, и завалились спать. Когда хранители обнаружили их там, до темноты оставалось довольно много времени. Еще можно было бы проделать немалый путь, но драконы не желали просыпаться, и отряду не оставалось ничего иного, кроме как вытащить лодки на берег и устроить стоянку.

Небозевница, похоже, наелась рыбы. Ее живот ощутимо раздулся, и спала она так, как спят все сытые хищники. И не желала, чтобы ее тревожили ради чистки и купания. Она не просто отказывалась просыпаться – она ворчала во сне, обнажая зубы, которые из-за крови на морде выглядели еще острее и длиннее.

Фенте, отличавшаяся от других драконов общительностью, рассказала хранителям, что произошло. Она была в хорошем настроении и повторяла историю снова и снова, пока Татс чистил ее. Драконица изрядно затрудняла ему работу, хвастаясь и показывая, как она рванулась вперед, схватила крупную рыбину и одним движением перекусила ей хребет.

– И я ее съела, проглотила целиком! Теперь все увидят, что я дракон, с которым нужно считаться, что я не корова в стойле, которая только и делает, что жиреет! Я умею убивать. Я убила речную свинью, я поймала и съела сотню рыб! Теперь вы все видите: я дракон и мне не нужна помощь какого-то там человека!

Тимара и еще несколько хранителей собрались, чтобы послушать ее рассказ и посмотреть, как Татс пытается чистить вертлявую зеленую драконицу. На морде Фенте красовались потеки от рыбьих потрохов, к подбородку и шее прилипли скользкие кишки. Татс энергично скреб ей чешуйчатую физиономию, снисходительно улыбаясь в ответ на ее хвастовство и заверения в том, что драконам не нужна людская помощь. Он явно был во власти ее обаяния. Тимара немало слышала о способности драконов очаровывать кого угодно и не сомневалась, что даже прагматик Татс поддался влиянию этого существа.

Девушка подозревала, что и сама находится под чарами Небозевницы. Это изрядно ранило ее чувства, тем более что драконица даже не проснулась, чтобы рассказать ей о своих охотничьих успехах. Тимара чувствовала, как мало она значит для нее, и слегка завидовала Татсу. В то же время в глубине души шевелилось беспокойство. Оно усиливалось по мере того, как догадка, которую она гнала от себя, становилась все отчетливее. Как бы широко ни улыбался Татс, смывая кровь и кишки с морды Фенте, его подопечная не была ни милым, ни даже сколько-нибудь послушным существом. Она была драконом, и пусть ее хвастовство звучало по-детски, она быстро училась тому, что значит быть драконом. Ее заявления, что она не нуждается в людях, не стоило считать пустой болтовней. Драконы начали терпимо относиться к хранителям и их вниманию – но рано или поздно все наверняка изменится.

Почему-то Тимара ожидала, что все драконы будут иметь какие-то общие черты. Мечтая о своей новой работе, она представляла их благородными и разумными существами с широкой душой. Ну, может быть, золотой подопечный Сильве и был похож на такого идеального дракона из грез, но все остальные так же отличались друг от друга, как и сами хранители. Зеленая драконица Татса при желании могла доставить множество неприятностей. Сине-лиловый питомец Нортеля держался робко, пока кто-нибудь не подходил к нему слишком близко, – и тогда он щелкал на незваного пришельца зубами. Добродушный Лектер и крупный синий самец, с которым он подружился, выглядели очень похожими, вплоть до выростов на шеях у обоих. У оранжевых драконов, о которых заботились двоюродные братья Кейз и Бокстер, наблюдалось такое же, как у их хранителей, сходство в образе мыслей.

С того самого дня, когда Тимара наблюдала за появлением драконов на свет, она привыкла считать их существами, не способными выжить без помощи и заботы людей. И это мешало ей понять, что они могут быть убийцами. Девушка, конечно, всегда знала, что любой из них достаточно силен, чтобы легко прикончить человека. Некоторые были настолько быстры и умны, что

если бы пожелали стать людоедами, то оказались бы для людей опасными, коварными врагами. Она видела, что драконы презирают людей и кичатся собственным превосходством, но до сегодняшнего дня эти черты казались ей пусть и неприятными, однако безобидными.

Тимара перевела взгляд с оживленной и даже добродушной Фенте на спящую Небозевницу, а потом на Кало. Самый крупный и агрессивный из драконов соорудил себе из жестких водорослей некое подобие гнезда. Он взрыл когтями сырую землю и стреп водоросли в кучу, чтобы устроиться на ней. Там он и спал, положив массивную голову на передние лапы и сложив крылья на спине. Как и все их драконы, Кало не мог летать, но в остальном казался развитым вполне нормально. Когда Тимара сосредоточила на нем взор и мысли, ей показалось, что он источает раздражение и даже ярость, словно внутри его огромного иссиня-черного тела скрывается кипящий котел. Грефт, хранитель Кало, сидел на земле неподалеку от дракона. Шкура Кало была чистой, чешуя блестела. Тимара задумалась, дело ли это рук хранителя, или же Кало сам может следить за собой. Грефт прикрыл глаза. Тимаре подумалось, что он похож на человека, который греется у огня. На миг у нее возникло ощущение, что Грефт наслаждается жаром агрессии и ярости, источаемым Кало. И тут парень открыл глаза, и Тимара поспешно отвела взгляд от их синего свечения, пытаясь сделать вид, будто смотрит мимо него. Вдруг Грефт догадается, что она наблюдала за ним. От этой мысли Тимаре стало неуютно.

Однако он улыбнулся и махнул рукой, приглашая Тимару подойти ближе. Она притворилась, что не заметила. В ответ на это он улыбнулся еще шире и протянул руку, чтобы погладить своего спящего дракона. Его рука медленно, осторожно двигалась по драконьему плечу, словно Грефт пытался показать, насколько силен его подопечный. Это зрелище взволновало Тимару, и она быстро отвернулась, притворившись, будто отвлеклась на слова Рапскаля. Грефт, должно быть, ухмыльнулся.

На самом же деле внимание Тимары привлекло замечание Сильве:

– Я рада, что они сумели поохотиться сами. По крайней мере, они наелись. Может быть, нам стоит пойти добыть дичь или рыбу для себя? Потому что мне кажется, что они уже устроились ночевать.

Она была права. В лодках оставался кое-какой провиант, но свежее мясо, несомненно, лучше. Охотники приносили неплохую добычу, и драконы каждый день ели свежее мясо, пусть даже не наедаясь до отвала. А вот хранителям везло гораздо меньше. Те часы, что они проводили по вечерам на берегу, приходилось в основном тратить на уход за драконами или рыбалку. Но сегодня у них есть в запасе вторая половина дня и ранний вечер. Тимара видела, как эта мысль доходит до остальных. Большинство из них решили попытать удачи на реке. В зарослях речной травы возле этой отмели должно водиться немало рыбы. Хотя вряд ли, подумала Тимара, рыбины будут достаточно крупными, чтобы можно было досыта накормить ими дракона. К тому же ей надоели вода и илистые берега. Хотелось побыть наедине с лесом, среди деревьев.

Тимара взяла лук, колчан со стрелами, нож и моток веревки и направилась в сумрак, царящий под кронами огромных деревьев. Она двигалась отнюдь не наугад и не задержалась на земле. Некоторое время она шла параллельно

реке, высматривая следы дичи и быстро изучая те, которые попадали ей в поле зрения. Отпечатки лап каких-то мелких лесных зверьков в нескольких местах были перекрыты более глубокими следами раздвоенных копыт, большей частью маленьких. Тимара поняла, что здесь прошел олень-танцор. Эти небольшие легконогие олени быстро и бесшумно передвигались по лесу, объедая молодые побеги и прочую зелень, которая встречалась на сухих участках почвы под деревьями. Иногда оленьки вскакивали на низкие ветви деревьев и буквально паслись на них. Такой добычи дракону не хватило бы даже на один зуб, к тому же танцоры настолько чутки, что, даже если Тимаре повезет наткнуться на пасущееся стадо, она вряд ли успеет убить больше одного оленя – остальные убегут.

Но попадались и другие отпечатки – глубже, крупнее, расположенные дальше друг от друга. В это время года болотные лоси бродят поодиночке. Если ей повезет убить одного, то четверть туши она сумеет дотащить до лагеря. Может быть, остальное ей поможет донести Татс в обмен на долю добычи. Сегодня он плыл в лодке не с Джерд, а с Варкеном. Вдруг это означает, что вечером у него будет время не только на то, чтобы сидеть и слушать болтовню Джерд. Тимара тряхнула головой, чтобы прогнать эти мысли. Он сам выбрал, с кем ему водить компанию. И чего ради из-за этого волноваться?

Девушка надеялась добыть лося, хотя понимала, что ей вряд ли повезет подстрелить даже оленя-танцора. Скорее всего, ее добычей окажется какая-нибудь всеядная зверюга из тех, что обитают по берегам реки. Их мясо съедобно, хотя и невкусно, но Небозевница едва ли станет воротить от него нос.

При первой же возможности Тимара покинула землю и продолжила путь по нижним ветвям деревьев. Здесь когтистые ступни помогали ей двигаться быстро и тихо. Она шла не прямо над следом дичи, а чуть в стороне от него, надеясь первой заметить животное и при этом не вспугнуть его.

Свет тускнел по мере того, как она удалялась от прогалины у реки. Звуки леса тоже изменились, многослойная листва своим шелестом заглушила журчание реки. Пересвистывались друг с другом птицы, с шорохом перепрыгивали с ветки на ветку белки, обезьяны и другие мелкие существа. На Тимару снизошел покой. Ее отец был прав – она создана именно для лесной жизни. Девушка улыбалась знакомым звукам леса и забиралась все дальше в чащу. Она решила не уходить от лагеря слишком далеко, иначе ей не донести добычу. Если же не повезет, придется избрать в качестве мишени мелких зверьков, кишящих вокруг, и понадеяться, что удастся набить ими заплечный мешок. Мясо есть мясо. Не важно, подадут его мелкими порциями или одной большой.

Она уже почти дошла до точки, дальше которой идти не имело смысла, когда учуяла, а потом и услышала лося. Это был старый самец, и сейчас он шумно чесал загривок о нависающую ветку. Как и большинство его сородичей, лось не ожидал нападения сверху: он был очень крупным и большинство существ, которые могли представлять для него опасность, передвигались, как и он сам, только по земле. Тимара, почти жалея животное, бесшумно перескакивала с дерева на дерево, пока не оказалась прямо над лосем. Так же тихо она сдвинулась чуть в сторону, чтобы было удобнее стрелять. Потом наложила стрелу на тетиву, натянула лук, задержала дыхание – и выстрелила. Девушка целилась в уязвимое место позади покатых плеч лося,

надеясь, что стрела пронзит грудную клетку и легкие – а может быть, и сердце жертвы. Стрела ударила в цель со звуком, похожим на одиночный стук по большому барабану.

Лось дернулся, как будто его ужалил слепень. Потом, ощутив боль, помчался по звериной тропке к реке. Тимара мрачно улыбнулась, – по крайней мере, он бежал в нужном направлении. И, не спускаясь на землю, последовала за ним. Не стоит приближаться к раненому лосю, пока не поймешь, что он уже мертв или близок к смерти.

Бег лося становился все более неуклюжим, один раз его передние ноги даже подломились, и животное упало. Тимара подумала было, что все кончено, но зверь, шатаясь, встал и побежал дальше. Он фыркал от боли, изо рта и носа у него текла кровь. Упав во второй раз, он уже не поднялся. Достав нож, Тимара приблизилась к добыче, а потом спустилась на землю. Карие глаза лося злобно смотрели на нее.

– Сейчас все кончится, – сказала она ему.

Ей понадобилась вся сила, чтобы вонзить нож в углубление позади сочленения челюстей. Лезвие пронзило толстую шкуру и мышцы, и, когда Тимара выдернула его, из раны пульсирующим потоком хлынула кровь. Лось закрыл глаза, с каждым толчком кровавая струя становилась все слабее, потом превратилась в тонкую ниточку, и девушка поняла, что лось мертв. На миг она испытала к нему жалость, но сразу же отбросила ее. Смерть питает жизнь. Теперь животное стало просто мясом, и все оно принадлежало ей.

Небозевница будет довольна. Но только если принести мясо в лагерь, потому что привести драконицу к добыче невозможно: густой лес и подлесок непроходимы для драконов. Единственный способ доставить мясо подопечной – это отнести его на собственных плечах. Тимара окинула взглядом мертвого лося. Наверное, ей будет под силу дотащить до лагеря переднюю ногу вместе с плечом. Там она найдет Татса, они придут сюда, разделают тушу и уволокут куски. Татс возьмет долю для своей зеленой, а часть мяса можно будет поджарить на костре и поделиться ужином с остальными хранителями. При этой мысли Тимара ощутила гордость. Едва ли кому-нибудь еще выпала сегодня такая удача на охоте.

Шкура болотного лося была толще, чем ожидала Тимара. Нож вдруг показался ей слишком маленьким для такой работы и быстро тупился. Дважды ей приходилось прерываться, чтобы наточить его. День был на исходе. Скоро на лес опустятся сумерки. Если она не успеет вернуться и забрать все мясо до темноты, ночью его будет не разыскать, а к утру падальщики обглодают тушу до костей. Муравьи и мухи уже собрались на пиршество.

Когда Тимара наконец прорезала толстую шкуру и мясо до кости, ей пришлось собрать все силы, чтобы вогнать лезвие в плечевой сустав животного и отделить переднюю ногу от туловища. Наконец кость вышла из сустава – так резко, что Тимара с размаху шлепнулась на землю, а лосиная нога отвалилась. Девушка обтерла нож о штанину, вложила его в ножны, потом вытерла руки и убрала взмокшие от пота волосы с чешуйчатого лба. Чешуйки стали крупнее и росли теперь гуще. Вероятно, через несколько месяцев на лбу вообще перестанет проступать пот. Тимара задумалась, как она будет

выглядеть, но через миг выкинула эту мысль из головы. С изменениями во внешности ничего не поделаешь, так что лучше вообще о них не вспоминать.

Она отпихнула лосиную ногу и встала, постанывая от боли в спине. Об обратной дороге к берегу через подлесок даже думать не хотелось. Тимара мрачно глянула на свою добычу.

- Одна нога готова, три осталось, - мрачно произнесла она.

- И голова. Не забывай про голову.

Голос Грефта раздался лишь за долю секунды до того, как он соскочил с дерева, ловко, словно ящерица, приземлившись рядом с Тимарой. Он посмотрел на убитого лося и восхищенно присвистнул. Когда он взглянул на девушку, в его глазах светилось уважение.

- Ты не хвасталась, когда называла себя охотником. Поздравляю, Тимара! Если бы я сам не видел, ни за что не поверил бы, что такая девушка, как ты, способна справиться с лосем.

- Спасибо, - неуверенно отозвалась она. Он хвалит ее или намекает, что это какой-то трюк? С некоторым раздражением Тимара добавила: - Лук не знает, кто натягивает тетиву. Любой, у кого хватит сил ее натянуть и выпустить стрелу в цель, способен убить любого зверя.

- Правда. Несомненная правда, поскольку свидетельство лежит прямо перед нами. Могу лишь сказать, что раньше я так не думал.

Грефт облизнул безгубые края рта и улыбнулся, глаза его мерцали голубым светом. Взгляд был одобряющим, но блуждал туда-сюда, отчего Тимаре стало не по себе. В его голосе слышались и дружелюбие, и задумчивость.

- Тимара, ты имеешь полное право гордиться своей добычей.

Он указал на свой бок. Из охотничьей сумки, висевшей у него на плече, высывались хвостовые перья.

- Хотел бы я, чтобы мне повезло так же, как тебе. Но уже вечерет, а я добыл только двух птиц, и ничего больше.

- У нас осталась еще пара часов, - отозвалась Тимара. - И мне лучше поторопиться, а не то потеряю мясо. Увидимся в лагере, Грефт.

Она опустилась на колени, обвязала веревкой лосиную ногу у самого копыта, а потом сделала большую петлю, чтобы подвесить ношу на плечо. Просунув руку в петлю, девушка встала.

- Увидимся в лагере, - повторила она.

Но не успела Тимара сделать и двух шагов, как Грефт спросил:

- Ты бросаешь все остальное мясо здесь?

Девушка не хотела оборачиваться, но и не желала, чтобы он догадался, что она его побаивается. Грефт был выше ее и намного мускулистее. Он никогда ей не угрожал, но его пристальное внимание тревожило ее. Наедине с ним она ощущала себя неуютно. Хуже всего было то, что под этим страхом скрывалось какое-то темное чувство, тянувшее ее к нему. Он был красив на свой лад – на манер отмеченных чашобами. Завораживали мерцающие глаза и чешуя, поблескивающая даже в тусклом свете. Но его ответный взгляд всегда говорил о запретных вещах. Присутствие Грефта тревожило и было опасным для Тимары. Лучше убраться от него подальше.

Она постаралась ни глазами, ни голосом не выдать этих мыслей и небрежно бросила:

– Мы с Татсом вернемся за ним.

Грефт слегка выпрямился и быстро окинул взглядом окружающий их лес:

– Татс охотится вместе с тобой? Где он?

– Татс, скорее всего, сидит возле реки.

Тимара подумала, что не надо было отвечать на этот вопрос, потому что почувствовала себя еще беззащитнее.

– Когда я скажу ему, что добыла мясо, он придет и поможет мне с ним.

Грефт улыбнулся, успокоившись, но эта улыбка еще сильнее встревожила Тимару.

– Зачем его беспокоить? Я могу помочь тебе донести добычу. Я совсем не прочь тебе помочь.

– Мне нужно поговорить с драконом Тимары.

Элис вскинула голову, досадуя на неожиданное вторжение. Было так трудно разговорить Небозевницу. Только-только все начало налаживаться... Небозевница согласилась поведать историю о том, как в Кельсингре строился фонтан с тремя драконами почти в натуральную величину. Чтобы поощрить драконицу к дальнейшему рассказу, Элис приходилось стоять рядом с ее головой, покоящейся на передних лапах, и осторожно очищать шкуру вокруг глаз. Во время ловли рыбы в мутной реке вода плескала драконам в глаза и уши, а когда брызги высыхали, около глаз оставалась мельчайшая пыль. Чтобы снять ее, требовалась кропотливая, аккуратная работа, для которой куда больше подходили человеческие пальцы, чем драконьи когти.

– Зачем?

Парень несколько мгновений смотрел на нее.

«Рапскаль», – припомнила Элис его имя.

Раньше она дважды говорила с ним и каждый раз испытывала некоторую неловкость. Его глаза были очень светлого голубого цвета, и когда он моргал, как сейчас, казалось, что этот цвет и исходящий из его глаз свет являют собой одно и то же. Он был очень красив, как бывают красивые жители Дождевых чашоб, и когда-нибудь станет видным мужчиной. Но сейчас его лицо казалось незавершенным – на половине пути между юностью и зрелостью. Челюсть пока не обрела четких очертаний, а из-за своей буйной шевелюры юноша и вовсе казался моложе своих лет.

На этот раз к мальчишке, который так ничего и не ответил, обратился Седрик:

– Зачем тебе нужно поговорить с Небозевницей? Она как раз рассказывала Элис очень важные подробности о Кельсингре.

– Надо найти Тимару. А то она так и кормежку пропустит.

– Ее здесь нет, – с ноткой нетерпения ответил Седрик, глядя на перо, которое держал в руке.

Он сидел на ящике, принесенном со «Смоляного», на коленях у него лежал планшет. Лист плотной бумаги на планшете был почти полностью исписан убористым почерком. Даже когда Элис перестала переводить каждое сказанное драконицей слово, работа была плодотворной; сегодня все складывалось гораздо удачнее, чем раньше. Седрик снова обмакнул перо в чернила и закончил недописанное предложение, потом выжидающе посмотрел на Элис.

Преодолевая грызущее ее изнутри нетерпение, Элис обратилась к юноше:

– Я не знаю, где Тимара. Ты смотрел повсюду в лагере?

Он склонил голову и взглянул на Элис так, словно она сморозила какую-то глупость:

– Еще до того, как пришел сюда. Небозевница, скажи, пожалуйста, где сейчас Тимара?

Драконица ответила кратко:

– Охотится. Мы заняты.

Она осторожно дернула головой, чтобы напомнить Элис: следует продолжать очищать шкуру. Женщина вернулась к работе.

– Где охотится? – не отставал Рапскаль.

– В лесу. Уходи.

– Лес большой.

Похоже, Рапскаль не понимал, что не следует злить такую большую драконицу. Элис почувствовала, как изгибается тело Небозевницы, и поняла, что та уже загребает когтями влажную землю.

Элис поспешила отвлечь ее:

- Здесь, возле самого уголка глаза, выпала чешуйка. Не моргай, пока я ее не уберу.

Как ни странно, Небозевница послушалась. Элис держала чешуйку на кончике пальца и разглядывала, дивясь. Та походила одновременно на рыбью чешуйку и на перо. На ней виднелись линии, скорее всего указывавшие, сколько лет она росла, а края чешуйки разветвлялись на тоненькие отростки. Она была глубокого синего цвета, много синее, чем самый прекрасный сапфир. Элис наклонилась, глядя на то место, с которого отслоилась чешуйка, и с удивлением увидела, как перистые края одних сплетаются с краями других чешуек, смыкая покров.

- Это невероятно! - в восторге выдохнула Элис. - Седрик, ты можешь зарисовать это для меня?

- Конечно! - с готовностью ответил тот.

Элис вздрогнула, только теперь заметив, что он отложил планшет и встал у нее за плечом.

- Но чтобы сделать это правильно, мне нужна твердая поверхность, яркая лампа и цветные чернила. У меня на «Смоляном» все это есть. Давай я отнесу эту чешуйку в безопасное место.

Он уже протянул руку, как вдруг Небозевница приподняла голову. Ее язык, длинный и раздвоенный, как у ящерицы, вполне соответствовал размерам ее тела, и когда он выстрелил вперед, Элис показалось, будто толстый влажный кнут вспорол воздух между нею и Седриком. Это случилось молниеносно - и вот уже чешуйка, снятая с пальца Элис точным аккуратным движением, исчезла.

- Нет! - в ужасе вскрикнул Седрик.

- Мое принадлежит мне, - твердо ответила драконица.

- О Небозевница! - горестно воскликнула Элис. - Мы только хотели зарисовать ее. Часть знаний, которые я ищу, - это знания об устройстве ваших тел. Ты ведь вчера позволила Седрику зарисовать твой коготь. - Она вздохнула. - Я просто хотела сделать точный, в натуральную величину рисунок чешуйки.

- Чешуйки? - спросил Рапскаль. Элис с удивлением обнаружила, что он все еще здесь. - Может быть, у меня есть... вот!

Он наклонился и провел рукой по грубой ткани своих штанов. А когда выпрямился, на его ладони лежал сверкающий рубин. Эта чешуйка была значительно крупнее, чем синяя, росшая у Небозевницы около глаза, - размером с розовый лепесток. Правда, роз такого сияющего алого цвета не бывает. Элис затаила дыхание. Взяв в руки столь небрежно предложенное сокровище, она удивилась его тяжести. Чешуйка оказалась очень увесистой, хотя и полегче мелкой монеты. Годовые кольца и перистые края были куда заметнее, чем на чешуйке Небозевницы.

- Она выпала у Хеби, когда я ездил на ней сегодня во время летательных упражнений. Мне показалось, что я зацепил ее коленом, но Хеби сказала, что ей совсем не больно.

- Ездил на ней? Ты сидел на спине у дракона? - Элис была потрясена.

- Это отвратительно! - взъярилась Небозевница.

Она вскинула голову, и на миг Элис испугалась, что драконица ударит когонибудь из них. Седрик невольно отпрянул, но Рапскаль остался невозмутим:

- Хеби не против. Она скоро научится летать и не хочет бросать меня. Мы упражняемся каждый вечер, и я высматриваю препятствия - камни и бревна, чтобы она могла сосредоточиться только на беге и махании крыльями.

- Вы оба глупцы. Драконы не разбегаются перед тем, как взлететь, и мы никому не позволяем ездить на себе. Унизительно даже помыслить, что она это сделала. Она позорит всех нас. Ты негодяй, а она полоумная ящерица!

- Что она говорит? - спросил Седрик.

Рапскаль сжал кулаки и шагнул к драконице.

- Возьми свои слова обратно и не смей так говорить о Хеби! Она красивая и умная, и она научится летать. Потому что ей хватает смелости, чтобы попробовать, и ума, чтобы понять, что я помогаю ей. Потому что люблю ее!

- Что происходит? - вопрошал Седрик дрожащим голосом.

- Небозевница! Прошу тебя, укроти свой гнев, прекрасная королева! Это всего лишь глупый мальчишка, недостойный твоей ярости!

Элис сама была удивлена тому, как спокойно прозвучал ее голос, когда она решительно встала между разъяренной драконицей и ее целью. В кулаке она сжимала драгоценную чешуйку и, пока говорила, незаметно сунула ее в сумку. Элис не сводила глаз с драконицы. Глаза Небозевницы пылали медью и алым, словно кипящий котел с расплавленной рудой. Ее огромная голова моталась над ними туда-сюда - словно у змеи, решающей, жалить или нет. Как Небозевница огромна! Одним движением челюстей она может перекусить мальчишку пополам.

- Рапскаль, уходи сейчас же! - бросила ему через плечо Элис. - Тимары здесь нет. Спасибо за чешуйку. Я верну ее Хеби сразу же, как только Седрик закончит зарисовку.

- Но... - начал было Седрик.

Элис продолжала говорить, обращаясь к юноше со всей убедительностью старшей сестры:

- Рапскаль, уходи же! Если я увижу Тимару, я передам ей, что ты ее искал. А сейчас не беспокой прекрасную, великодушную, могущественную и заставляющую нас трепетать Небозевницу.

Возможно, твердость ее тона наконец заставила мальчика осознать, какой опасности он подвергается.

- Я ухожу, - сказал он мрачно, повернулся и зашагал прочь.

Но, отойдя на безопасное расстояние, он остановился и снова обернулся к Небозевнице:

- Эй, Небозевница! Хеби научится летать задолго до того, как ты вообще сможешь оторвать от земли свою огромную синюю могущественную задницу! Она станет настоящим драконом намного раньше тебя, королева-выпендрейница!

А потом он повернулся и удрал - как раз в тот момент, когда Небозевница выдохнула ему вслед горячее, но лишенное яда облачко взвеси.

Грефт приблизился к ней. Он пристально смотрел на нее, и Тимара осознала, что отвечает ему таким же пристальным взглядом. В глазах Грефта горели голубые огоньки Дождевых чашоб, так же как у нее. Что-то изменилось в его улыбке и взгляде, когда он произнес:

- Я хотел бы помочь тебе, Тимара.

- О, я просто попрошу Татса. Но спасибо тебе за предложение.

Девушка поспешно отвернулась от него. Неловко отказывать, но принять его предложение неловко вдвойне. Она не хотела оставаться здесь наедине с ним.

Грефт словно не расслышал ее слов.

- Для тебя или для твоего дракона нет разницы, кто тебе поможет, - сказал он ей в спину тоном, полным уверенности. - Я ведь уже здесь. И я сильнее, чем Татс. Вместе мы доставим это мясо драконам куда быстрее, чем если ты пойдешь в лагерь, будешь искать его, вернешься сюда, а потом начнешь разделять тушу. Ведь вполне разумно, если один охотник помогает другому. Почему ты предпочитаешь его мне?

Тимаре не следовало отвечать. Она не хотела отвечать, но слова все равно сорвались с языка:

- Мы с Татсом давно дружим. Иногда он помогал моему отцу.

- Понятно. Ты испытываешь к нему теплые чувства, потому что у вас общее прошлое.

Теперь Грефт говорил как учитель. Тимаре не нравилась его улыбка - какая-то слишком жестокая. И ей не нравилось, что он позволяет себе разговаривать с ней таким тоном и задерживать ее, когда она хочет уйти.

- Вы с ним были связаны раньше. И ты думаешь, что эти связи между вами еще не оборваны. Но, судя по тому, что я видел, он так не думает. Жизнь,

в которую тыходишь сейчас, – не твое прошлое, она ничуть не похожа на твое прошлое. Ты идешь в будущее, Тимара. Но иногда мне кажется, что ты не постигаешь собственной свободы. – Он приблизился к ней еще на несколько шагов. – Ты можешь освободиться от всего, что раньше принимала как данность. Можешь отбросить правила, которые связывали тебя и не позволяли думать о себе. Правила, которые не давали тебе делать то, что ты хочешь, мешали делать то, что лучше для тебя. Татса выбрал тебе в друзья твой отец, Тимара. Я уверен, что по-своему этот парень очень мил, но он не один из нас и никогда не будет таким. Твой отец поступил по-доброму – подобрал его и дал ему работу, когда мать-преступница бросила мальчишку. Видимо, поэтому сам Татс не стал вором. Но все это в прошлом, Тимара. Я уверен, что твой отец хороший человек. Но ты вовсе не обязана ради него быть доброй к Татсу. Неужели ваша семья недостаточно сделала для него? Если он до сих пор не в состоянии позаботиться о себе сам, то ты зря тратишь на него время и силы. Ты оставила прежнюю жизнь позади, Тимара. С благословения своего отца.

Говоря, Грефт подходил все ближе. Тимара отступила на шаг.

Он остановился, окидывая ее взглядом. Посмотрел ей в лицо, на плотно сжатые губы, в прищуренные глаза и слегка повернул голову, словно упрощая ее. Потом улыбнулся и медленно покачал головой:

– Пока, возможно, и нет, Тимара, но со временем... Ты поймешь, что мы с тобой похожи куда больше, чем все остальные. Я дам тебе время на то, чтобы осознать это. Времени у нас достаточно.

Затем он опустился на колени возле убитого лося и достал нож. Не спросив у Тимары разрешения, он начал отделять мясистую заднюю ногу. За работой он продолжал говорить, голос его был глубок и иногда становился отрывистым от усилий.

Тимара начала злиться, но Грефт не смотрел на нее, а знал себе разглагольствовал:

– Ты ушла в самостоятельную жизнь, решившись создать для себя нечто новое, как и мы все! Ты не привязана к дому и имуществу, как твое семейство. Ты сама прокладываешь для себя путь в мире. Ты создаешь собственное будущее. Каждому из нас в конце концов понадобится спутник, готовый разделить нашу ношу. И ты не можешь вечно тратить время на глупцов и неудачников. Не можешь позволить себе тащить в будущее мертвый груз. Я знаю, сейчас ты злишься на меня за эти слова. Но я ничего не буду тебе доказывать. Это сделают Дождевые чащобы. А мне нужно только подождать.

Тимара наконец заставила себя заговорить, и ее слова прозвучали более настойчиво, чем она хотела:

– Это моя добыча и мое мясо. Отойди от него.

Нож в руке Грефта даже не замедлил движение.

– Тимара, ты что, не слышала, что я тебе сказал? Нам нужно двигаться в будущее, а не цепляться за прошлое, которое больше к нам не относится.

Спроси себя честно: почему ты так хочешь отыскать Татса и попросить его помочь тебе?

- Он мне нравится. В прошлом он мне помогал. Он мой друг. Если бы он добыл такую дичь, то поделился бы со мной.

Грефт продолжал резать тушу. Тимара видела, что нож уже затупился о толстую шкуру лося. Грефт бросил взгляд на Тимару, на лице его не было злости, только интерес.

- Разве? А может быть, он поделился бы с Джерд? Открой глаза. У тебя есть выбор. Ты можешь выбрать меня. Я могу помочь тебе куда лучше, чем Татс, потому что, в конце концов, мы с тобой куда больше похожи, чем вы с ним. Я могу быть твоим другом. Я могу быть тебе больше чем другом.

Он старался взглянуть Тимаре в глаза. На последних словах голос его сделался тише и мягче.

Тимара с ненавистью ощутила, как что-то внутри у нее сжалось, а по спине пробежала дрожь. Красивый мужчина, старше ее, и он, считай, признался, что желает ее. Мужчина, не мальчишка. Сильный мужчина, один из тех, кто претендовал на главенство в отряде.

- Татс мой друг, - сказала она и повернулась, не желая видеть, слушает ли ее Грефт. - А это моя добыча. Держись от нее подальше.

Тимара отказывалась думать о том, что сказал ей Грефт. Джерд? Он знает о Татсе и Джерд что-то еще, чего не знает она? Прочь эту мысль. Сжимая оружие одной рукой, Тимара набросила на плечо веревочную петлю и пошла прочь. Грефт не сказал ей вслед больше ни слова. Быстро идти она не могла, приходилось продираться сквозь низкорослые кусты и свисающие почти до земли ветви. Это было нелегко.

Вскоре веревка начала натирать плечо. Мясо, которое тащила Тимара, казалось, цеплялось за каждый пенек и за каждое сплетение корней, встречавшиеся на пути. Всякий раз приходилось с силой дергать за веревку, чтобы высвободить груз. К тому времени, когда листва деревьев стала светлее, предвещая близость реки, Тимара была мокра от пота, вся исцарапана и искутана насекомыми. Выйдя на болотину, заросшую высокой жесткой речной травой, Тимара направилась туда, где оставила спящую Небозевницу. Сначала надо накормить драконицу, а потом уже найти Татса, чтобы он помог принести остальное мясо. Тимара улыбнулась про себя, представив, как будет удивлена Небозевница, получив второй сытный обед за день.

Но драконица, оказывается, была не одна. И уже не спала, хотя по-прежнему лежала, удобно растянувшись на ложе из водорослей. Рядом с ней на деревянном ящике сидела женщина из Удачного, одетая в широкие штаны и немаркую хлопковую рубашку. А неподалеку, на таком же ящике с надписью «Соленая рыба», примостился Седрик. На коленях он держал деревянную дощечку с креплениями для бумаги и чернил и быстро водил пером по листу. На этот раз на Седрике был прекрасно сшитый сюртук цвета крыльев бабочки-синянки. Воротник белой рубашки он расстегнул, а рукава закатал поверх рукавов сюртука, чтобы не мешали работе. Его тонкие запястья и изящные

кисти рук остались открытыми. Гладкий лоб прорезала одна-единственная морщинка. Губы Седрика были слегка поджаты, брови сосредоточенно сдвинуты. Элис, похоже, диктовала ему следующую фразу.

Тимара услышала:

- ...Сломав или разорвав позвоночник, чтобы быстро убить.

Учуяв мясо, Небозевница повернула голову и вскочила. Седрик и Элис обернулись. Драконица даже не поздоровалась с Тимарой, просто в три торопливых шага оказалась рядом, схватила мясо и начала его пожирать. Рот Элис округлился от изумления, а потом женщина весело засмеялась, будто при виде ребенка, лакомящегося конфетами.

- Она снова голодна! - воскликнула Элис, обращаясь к Тимаре и словно ожидая, что та разделит ее радость.

- Она всегда голодна, - отозвалась Тимара, пытаясь скрыть горечь.

Но все-таки девушка ощущала отголоски одобрения, исходящие от поедающей мясо драконицы. А Седрик и вовсе смотрел с восторгом, его глаза блестели, а на губах появилась приветственная улыбка.

- Я рад, что ты наконец здесь. Я повсюду искал тебя. Если ты будешь переводить, работа пойдет куда быстрее.

Было жаль разочаровывать его.

- Не могу. Я принесла не все мясо. Мне надо найти Татса и уговорить его помочь с тушей, пока до нее не добрались падальщики.

Она попыталась не думать о двуногом падальщике, который уже резал ее добычу на части. Он не посмеет, сказала она себе. Их отряд слишком мал, чтобы кто-то рискнул открыто воровать у другого. Никто не потерпит такого.

Так уж и не потерпит?

Седрик сказал что-то еще. Он с надеждой смотрел на Тимару, ожидая ответа. Но грызущая душу тревога заставила девушку отмахнуться от него и его дел.

- Я должна найти Татса и вернуться за оставшейся частью добычи, - поспешно повторила она, даже не переспросив, чего он хочет.

Повернувшись, Тимара быстрым шагом пошла к берегу, где отдыхали другие драконы.

Элис крикнула ей вслед:

- Тебя искал Рапскаль!

Тимара кивнула, не сбавляя шага.

Рядом с Фенте Татса не было. Маленькая зеленая драконица еще спала, и когда Тимара попыталась разбудить ее, чтобы спросить, не знает ли она, где Татс, та кланула на нее зубами. Тимара отскочила и быстро ушла прочь. А что, если, учуяв кровь, драконица набросилась бы на нее? Небозевница ведь говорила, что эта зеленая самка может быть жестокой, если ее спровоцировать. Надо спросить у Татса. Если, конечно, удастся его найти.

Тимара обнаружила Татса и Сильве рядом с маленьким серебряным драконом. Смешанное чувство вины и раздражения охватило девушку. Ведь она дала слово позаботиться о серебряном, а Сильве вызвалась помочь. Конечно, Тимара пообещала это лишь потому, что Татс и Джерд решили вместе присматривать за медным. Но она почти ничего не делала – только каждый вечер осматривала его глаза и ноздри, проверяя, нет ли раздражения от укусов паразитов. Она даже не подумала отделить для него кусок принесенного мяса. Сильве хлопотала возле хвоста серебряного. Поблизости неохотно разгорался маленький костер из пучков травы. На нем стоял горшок с какой-то вонючей жижей.

– Как он? – спросила Тимара, подойдя ближе.

– Наши опасения подтвердились, – отозвалась Сильве. – Похоже, макнул сегодня хвост в реку, и не один раз, судя по виду. Рана воспалилась.

Она размотала тряпицу, которой пыталась забинтовать рану, и Тимара вздрогнула. Не причинили ли ее предыдущие попытки лечения больше вреда, чем пользы? Должно быть, это больно, когда на обнаженную плоть попадает едкая речная вода. Тимара нахмурилась: она не могла припомнить, чтобы серебряный дракон хоть раз закричал во время рыбалки. Хорошо и то, что сейчас он крепко спит. Судя по остаткам кишок, застрявшим у него под когтями, ему явно перепала какая-то добыча.

– Как бы сделать так, чтобы повязка не намокала... – безнадежно произнесла она.

Татс улыбнулся ей:

– Кажется, есть способ. Я попросил у капитана Лефтрина немного смолы или дегтя, и он дал мне небольшой горшок, вон тот, который разогревается на костре. И еще дал полотна. – Тут его улыбка стала шире. – Похоже, капитану Лефтрину нравится женщина из Удачного. Когда я спрашивал про деготь, мне показалось, что он меня прогонит. Но та особа, Элис, начала причитать про бедного маленького дракончика, и капитан мигом придумал, что делать.

– Понятно, – ответила Тимара.

Сильве одобрительно кивнула:

– Капитан сказал, что нужно как следует забинтовать, а потом намазать дегтем всю ткань и чешую с обеих сторон. Мы надеемся, что тогда ткань накрепко прилипнет к чешуе и получится непромокаемая повязка.

Услышав про такой новый способ перевязки, Тимара на миг позабыла обо всем остальном и изумленно уставилась на Татса:

- Думаешь, это сработает?

Тот пожал плечами и ухмыльнулся:

- Во всяком случае, от попытки мы ничего не потеряем. Думаю, деготь уже разогрелся. Не хочу, чтобы дракон обжегся. Я вообще надеюсь, что он не проснется, пока мы с ним возимся.

- А ты-то чего этим занялся?

- Я его попросила, - ответила Сильве. Сквозь покрывающую кожу чешую на щеках ее пробился румянец. - Мне пришлось, - пояснила она, словно защищаясь. - Я не могла найти тебя и не знала, что делать. - Девочка перевела взгляд на драконий хвост. - Поэтому отыскала Татса.

Тимара отчетливо, как если бы это было высказано вслух, поняла: девочке нравится татуированный юноша. Она едва не рассмеялась, хотя эта догадка встревожила ее. Сильве не больше двенадцати лет, пусть даже она выглядит старше из-за чешуи на голове и медного цвета глаз. Неужели она не знает, насколько безнадежно для таких, как она, влюбляться в кого бы то ни было? Она никогда не получит Татса, у нее вообще не будет никого, так же как у Тимары. О чем она думает?

Но это вопрос, не требующий ответа. Сильве вообще ни о чем не думает. Ее просто тянет к симпатичному юноше, который добр к ней и словно бы не замечает, что она отличается от обычных людей. Тимара не могла ее винить. Разве она временами не чувствовала то же самое? Разве сейчас не посетило ее подобное ощущение?

Должно быть, она как-то странно взглянула на Татса, потому что тот покраснел и сказал:

- Я хотел помочь. Для медного я почти ничего не могу сделать, так что решил попробовать хотя бы здесь.

- А что с медным?

Улыбка сошла с лица Татса.

- То же, что было с момента его появления из кокона. Он слабоумный. И его тело не работает как надо. Я вычистил паразитов, живших у него вокруг глаз и носа и... ну, в других местах, а он даже не дернулся. Думаю, он устал, пытаясь угнаться за остальными. Я даже не понял, голоден он или нет. Он вымотался до смерти.

Эти слова прозвучали точно печальное пророчество.

- Я убила лося, - обронила Тимара. Хранители уставились на нее в немом изумлении, и она поспешно добавила: - Мне нужна помощь, чтобы принести мясо. Там хватит каждому из наших драконов, и кое-что останется отряду.

Но надо идти быстро, если мы хотим вернуться в лагерь до темноты. Придется несколько раз сходить туда и обратно, чтобы притащить все.

Татс посмотрел на горшок с дегтем, потом на Сильве.

– Надо сперва закончить с этим, – решил он. – Тогда, быть может, Сильве и кто-нибудь из остальных помогут нам таскать мясо. И мы управимся за одну ходку.

– Чем больше людей, тем меньше мяса достанется каждому дракону, – без обиняков напомнила Тимара.

Татс, похоже, был удивлен ее ходом мыслей. А ее изумило, что он думает иначе. На несколько долгих секунд повисло молчание. Затем Сильве тихо произнесла:

– Я могу управиться здесь одна. А вы идите за мясом.

– Нет, давайте займемся хвостом вместе и вместе же пойдем, – возразила Тимара.

Сильве так и не подняла взгляд, и ее детский голосок звучал чуть надтреснуто:

– Спасибо. Меркор кое-что добыл сегодня и не жаловался на голод, но, мне кажется, он не наелся. Я пыталась ловить рыбу, но мальчишки заняли все лучшие места. Когда капитан Лефтрин сказал, что завтра утром каждому дракону дадут мяса, я понадеялась, что для Меркора этого будет достаточно.

– Значит, так: давайте перевяжем серебряного и пойдем заберем мясо для остальных, – напомнила Тимара.

Деготь разогрелся и стал жидким. Сильве и Тимара с силой прижимали повязку к драконьему хвосту, а Татс палочкой намазывал на ткань деготь. Он старался действовать очень осторожно, и Тимаре показалась, что прошла целая вечность, прежде чем вся повязка была пропитана дегтем и надежно приклеена по краям к толстому драконьему хвосту. Серебряный, хвала Са, даже глаз не приоткрыл. Это на миг заставило Тимару встревожиться. Два самых слабых дракона, похоже, с каждым днем устают все больше. Надолго ли их хватит? И что будет, когда их силы иссякнут? Она не знала ответа. И заставила себя думать о насущных делах.

Татс почти не отставал от Тимары, когда она вела их через лес, пробираясь больше по деревьям, чем по земле. Сильве следовала за юношей на небольшом расстоянии. Найти путь назад было просто: Тимара шла по следу, который оставила, таща мясо к лагерю. Они уже были примерно на полпути, когда внизу раздались голоса. С нехорошим предчувствием Тимара спустилась пониже. Худшие подозрения оправдались. Там, внизу, она увидела Грефта, который ташил заднюю часть туши лося. Позади него шли Бокстер и Кейз. Бокстер нес переднюю ногу, а Кейз – заднюю, пусть и не полную четверть. Они о чем-то разговаривали, их голоса были полны торжества. Тимара спрыгнула с дерева на тропу прямо перед ними. Грефт резко остановился.

- И что ты делаешь с моей добычей? - спросила девушка без обиняков.

До ее ушей донеслось, что Татс быстро спускается с дерева. Это слышал и Грефт. Он поднял взгляд, выражение его лица было обманчиво кротким.

- Я несу ее драконам. Разве не так ты собиралась поступить? - Он сумел высказать это тоном, полным легкой укоризны.

- Я собиралась отнести ее своему дракону. Не вашим.

Грефт ответил не сразу. Он ждал, пока Татс спустится на землю и встанет позади Тимары. Затем сверху посыпались веточки, раздался короткий крик, а потом удар - это Сильве наполовину прыгнула, наполовину упала с дерева. Заметив ее, Грефт снова посмотрел вверх, ожидая, не последует ли еще кто-нибудь. Позади него остановились Бокстер и Кейз. Вид у Бокстера был сконфуженный, у Кейза - решительный.

Грефт мельком оглядел Татса, Тимару и Сильве. Будто мысленно прикидывал, что представляет собой каждый из них и как на этом лучше сыграть. словно изучал расклад в игре. Когда он заговорил, речь производила впечатление спокойной и рассудительной:

- Ты взяла для своего дракона четверть добычи и оставила все остальное в лесу. Сказала мне, что пойдешь за Татсом. Но я видел, что там куда больше мяса, чем вы с Татсом сможете унести за один раз. И даже помощь Сильве ничего не изменит. Так что я сходил в лагерь, позвал Бокстера и Кейза, и мы взялись за работу. Я не понимаю, почему ты так расстроена, Тимара. Разве не за это ратовал недавно Татс? И ты сама сказала мне, что поделишься мясом с теми, кто поможет тебе донести его. Мне это кажется честным.

Тимара не отступала:

- Я сказала совсем не это. Я сказала, что позову Татса и что мы с ним отнесем мою добычу нашим драконам. Я собиралась оставить немного мяса на ужин другим хранителям. Но я не собиралась делиться своей добычей ни с тобой, ни с твоими друзьями.

У Грефта сделался изумленный и едва ли не огорченный вид.

- Но ведь мы все друзья, Тимара! У нас слишком маленький отряд, мы должны держаться вместе. Ты сама сказала мне тем вечером у костра, что у тебя никогда не было таких друзей, как сейчас! Я думал, ты говоришь правду.

Татс, стоящий позади Тимары, молчал. Девушка не хотела оглядываться на него - еще подумает, что она ищет у него поддержки. И смотреть в лицо Сильве ей сейчас не хотелось. Видят ли они, как Грефт искажает все, о чем говорит? Ведь желание позаботиться в первую очередь о друзьях - это не то же самое, что себялюбие.

«Говори прямо, и все будет в порядке», - решила она и набрала в грудь воздуха.

- Я убила этого лося в одиночку, Грефт. И мне решать, с кем делиться мясом. Я выбрала Татса. И Сильве, потому что она помогает мне. Я не выбирала ни тебя, ни Бокстера, ни Кейза. И вы не имеете права на это мясо.

Грефт указал взглядом вверх. Небо было скрыто за густым пологом листвы, но все и так знали, что скоро станет темно.

- Ты скорее предпочтешь, чтобы мясо стнило или было съедено падальщиками, чем поделиться с нами? Там осталось еще больше половины лося, Тимара, больше, чем вы трое сможете унести за один раз, полагаю. И у вас не будет времени еще на одну ходку. Будь разумной, подумай не только о себе. Ты ничего не потеряешь, если мы возьмем немного мяса. Дракону Бокстера сегодня не удалось добыть ничего, а дракон Кейза поел рыбы, но совсем немного. Они голодны.

Тимара понимала, что должна тщательно подбирать слова, но была вне себя из-за того, как Грефт пытался представить всю ситуацию.

- Тогда им следовало пойти на охоту и добыть мяса для своих драконов, как это сделала я! Мне тоже надо кормить дракона, и ты это знаешь. А точнее, двух драконов.

- И оба они спали с раздутыми животами, когда я видел их в последний раз, - невозмутимо ответил Грефт.

- А мой - нет! - неожиданно выкрикнула Сильве. - Меркор поел, но совсем немного, просто он слишком отважен и благороден, чтобы жаловаться. А маленький медный дракон Татса, кажется, вообще ничего не получил. Ему нужно мясо, а не этот спор. Неужели нельзя просто отнести мясо в лагерь и там его разделить?

- Это кажется мне самым разумным, - согласился вдруг Грефт. Он оглянулся на Кейза и Бокстера. - Вы согласны?

Бокстер кивнул. Кейз, сверкая медными глазами в надвигающемся сумраке, ссутулил плечи.

Грефт снова повернулся к Тимаре:

- Значит, все улажено. Увидимся, когда вы вернетесь к реке.

- Не улажено! - прорычала Тимара.

Но Татс положил ладонь ей на плечо. Она чувствовала тепло и твердость его руки, но не поняла, пытается ли юноша ее поддержать или хочет уберечь от того, что считает глупостью.

Татс обратился к Грефту, глядя на него поверх плеча Тимары:

- Уладим все, когда вернемся к реке. Надвигается ночь, и нельзя сейчас тратить время на споры. Но мы еще не закончили, Грефт. Я согласен, что мясом нужно делиться, но не так, как это делаешь ты.

Грефт дернул уголком безгубого рта. Это могла быть улыбка или ухмылка.

– Конечно, Татс. Конечно. До встречи на берегу.

Он неожиданно рванул свою ношу вперед, и Тимара невольно отступила в кусты, чтобы дать ему пройти. Бокстер и Кейз шли следом за Грефтом и даже не скрывали улыбок.

Кейз негромко бросил, когда проходил мимо:

– Тот, кто потрудился ради мяса, имеет на него право.

– Никто вас не просил трудиться! – рявкнула она ему вслед.

Кейз не замедлил шага.

– Это все равно что платить вору за то, что он потрудился, грабя твой дом! – Тимаре пришлось выкрикнуть эти слова, чтобы он услышал.

– Нет! Это все равно что отдать работникам долю урожая! – крикнул он.

Тимара собиралась ответить, что работникам не отдают весь урожай, но тут вмешался Татс. Оказывается, он так и не отпустил ее плечо, а теперь крепче сжал его:

– Не сейчас, Тимара. Надо сосредоточиться на делах поважнее. Мы должны принести оставшееся мясо к реке до темноты. И пока нас не съели комары.

– Паразиты! – крикнула девушка вслед троице и отвернулась. – Мясо лежит там. Или то, что осталось от него.

И она сердито устремилась через лес.

Татс был прав. Вокруг уже начали собираться жужжащие насекомые. В Дождевых чащобах от них невозможно отделаться в любое время суток, но по вечерам они летают целыми тучами. Ну, по крайней мере, вору проложили через лес удобную тропу. Тимаре хотелось кричать и ругаться от досады, но она берегла силы.

Когда они дошли до туши, девушка услышала, как удирают прочь несколько мелких пожирателей падали. Самые мелкие – жуки и муравьи – уже кишели вокруг лакомой туши, и появление людей их не спугнуло. Они ползали по останкам лося, собираясь в черную копошащуюся массу там, где была содрана шкура.

Татс додумался принести с собой топорик. От каждого удара по сторонам разлетались брызги крови и кусочки мяса, но зато им удалось быстро разделить лося на удобные для переноски куски. Тимара орудовала ножом, тихо ругаясь. Грефт и его приспешники забрали самые хорошие части лося. Татс отрубил от туши голову вместе с шеей, потом они с Тимарой отделили грудную клетку от тазовой части. Из брюха лося вываливались дурнопахнущие внутренности. Они будут цепляться за все по дороге, но с этим ничего не поделаешь. Можно было бы бросить их здесь, но Тимара знала, что для драконов это лакомство.

Татс захватил и веревку. Тимара испытывала едва ли не раздражение, видя, как хорошо он приготовился к вылазке. Но не удивлялась. Они мало разговаривали и быстро работали. Тимара пыталась сосредоточиться на деле, чтобы не дать вырваться бурлящему в ее душе гневу. Татс, как обычно, был молчалив и деловит, ограничиваясь скупыми замечаниями. Сильве почти не участвовала в разделке туши, помогая, только когда ее просили, но не произнося ни слова. Это начало беспокоить Тимару. Может быть, от крови и вони девочке стало нехорошо?

- Сильве, с тобой все в порядке? Я знаю, что некоторым людям такие вещи противны, их тошнит. Так что, если тебе нужно отойти, просто скажи.

Сильве замотала головой так, что жидкие пряди ее волос закружились вокруг розовой чешуйчатой макушки. У нее был странный вид - словно ей не хотелось здесь находиться, но она не могла заставить себя уйти.

- Мне кажется... - сказал Татс, прилаживая веревочную петлю к каждому куску мяса и тяжело дыша от напряжения, - что слова Грефта... задела Сильве. Она сомневается... Придержи здесь, пока я завяжу этот узел... поделишься ли ты с нею мясом.

Девочка резко отвернулась, ее страдание было столь неприкрытым, что Тимару будто ошпарило кипятком.

- Сильве! Ну что ты! Я пригласила тебя пойти с нами и помочь, и, конечно, ты заслужила долю в этой добыче. Я обещала позаботиться о серебряном, а вместо этого им занялась ты. Даже если бы ты не пошла с нами, но сказала, что твоему дракону нужно мясо, я бы с тобой поделилась, пойми!

Сильве вытерла щеки окровавленными руками и только потом обернулась к Тимаре. Девушка вздрогнула. Она знала, что, когда лицо так плотно покрыто чешуей, плакать больно. Сильве всхлипнула.

- Ты сказала, что они воры, - хрипло выговорила она. - А чем я отличаюсь от них?

- Ты отличаешься тем, что не берешь без разрешения! Ты отличаешься тем, что помогаешь мне с серебряным драконом просто потому, что ты такая, какая есть! Ты отличаешься тем, что предлагаешь что-то, прежде чем что-то попросить. А эти трое не заботятся ни о ком, кроме себя и своих драконов.

Сильве задрала нижний край туники, чтобы вытереть грязное лицо.

- А чем они отличаются в этом от нас? Мы тоже заботимся только о том, чтобы накормить наших драконов.

- Но это была сделка! - Тимара едва ли не кричала. - Каждый из нас подписывал соглашение. Каждому из нас было сказано, что он отвечает за дракона. А нам вот приходится беспокоиться о двух. А эти тупые бездельники приходят и забирают добытое с таким трудом мясо! Это им так просто с рук не сойдет!

Тимара просунула руки в ляжки веревочной упряжи, сделанной Татсом. Ей выпало нести переднюю часть туловища с грудной клеткой. Татс оставил себе более тяжелую заднюю часть. Без единого слова они пришли к согласию, что маленькая Сильве понесет голову и шею. Эта ноша была легче, чем то, что тащили они, но пробираться с грузом через подлесок и болотину будет трудно всем.

- Думаю, им это сойдет, - заметил Татс, впрягаясь в свой груз.

Сильве шла последней, - по крайней мере, ей не придется прокладывать дорогу.

- Сойдет что?

- Им это вполне сойдет с рук. Ну, то, о чем мы говорили. Грефт, Кейз и Бокстер забрали добытое тобой мясо, и им за это ничего не будет.

- Будет! Я всем расскажу!

- К тому времени, как мы вернемся, они перескажут эту историю по-своему. И любому, кто не сумел сегодня добыть ничего для своего дракона, будет казаться вполне разумным, что ты должна была поделиться со всеми, - сказал Татс и тихо добавил что-то еще.

- Что? - переспросила Тимара, останавливаясь и оглядываясь.

- Я сказал, - решительно произнес Татс, и уши его слегка зарделись, - что в некотором смысле это и было бы разумно.

- Что? Что ты говоришь? Что я должна выполнять всю работу, охотиться, добывать дичь, а потом отдавать ее всем остальным?

- Идем дальше, скоро ночь. Да, именно это я и говорю. Потому что ты хороший охотник, возможно лучший из нас. Если бы ты могла без помех охотиться, а остальные занимались бы разделкой и переноской мяса, ты могла бы добыть гораздо больше дичи. И у всех драконов был бы шанс получить хороший кусок мяса.

- Но Небозевница получила бы меньше, намного меньше. Сегодня ей досталась бы почти половина лося. А если сделать по-твоему, она получит одну пятнадцатую. И умрет с голоду!

- Она получила бы одну пятнадцатую от общей добычи. Я считаю тебя лучшим охотником из нас, но не единственным. Подумай об этом, Тимара. У нас есть ты, у нас есть трое профессиональных охотников, а кое-кто хорошо умеет ловить рыбу и стрелять мелкую дичь. Почти наверняка каждый дракон ежевечерне получал бы неплохой ужин.

Тащить мясо через лес было нелегко. Тимара вся вспотела. К тому же становилось все темнее и комары и слепни вылетели на охоту. Девушка сердито вытерла лоб, потом хлопнула себя по шее, пришибив не меньше полудюжины самых настойчивых кровососов.

- Не могу поверить, что ты встал на сторону Грефта, - с горечью заметила она.

- Я не на его стороне, а на своей собственной. Попросту говоря, сделку, которую ты предлагала мне, можно просто распространить на всех остальных.

Тимара продолжала волочь груз, протискиваясь под нависающими ветками и скрипя зубами всякий раз, когда оступалась и по щиколотку погружалась в вязкую грязь. Она не забывала о том, что Сильве слышит каждое слово. Тимара не могла просто сказать Татсу, что их сделка - это совсем другое, потому что он ее друг и союзник и она готова делиться с ним. Сегодня она собиралась поделиться и с Сильве, потому что девочка сделала все, что могла, заботясь о раненом серебряном драконе. В некотором смысле Тимара считала ее теперь своей напарницей, потому что они обе согласились вместе ухаживать за несчастным созданием. А в следующее мгновение она с дрожью осознала, что у Сильве мало шансов добыть пропитание даже для одного дракона, не говоря уж о том, чтобы помогать кому-то еще. А Рапскаль? Если он попросит мяса для своей коротышки Хеби, неужели Тимара откажет? Парень каждый день вместе с ней гребет в лодке и всегда делает не меньше половины работы. Выходит, она обязана ему?..

Татс заговорил в самый неподходящий момент:

- Может быть, теперь я буду прокладывать путь?

- Нет, - коротко ответила Тимара.

Нет, она не желает, чтобы кто-нибудь что-нибудь делал для нее. Потому что неизвестно, что она будет должна им за это.

Татсу следовало бы на этом умолкнуть. Но несколько мгновений спустя он негромко спросил:

- Так что ты будешь делать, когда мы вернемся в лагерь?

Тимара и сама размышляла над этим вопросом. И его слова не помогли ей принять решение.

- А если я ничего не сделаю? Разве это не будет трусостью?

Некоторое время он молчал. Тимара хлопала комаров, садящихся ей на шею, и отмахивалась от тех их собратьев, которые назойливо жужжали над ухом.

- Я думаю, это будет разумное решение, - тихо ответил Татс.

К удивлению Тимары, его поддержала Сильве:

- Если ты что-нибудь скажешь, Грефт обернет это дело так, будто ты заботаешься только о себе. Настроит всех против тебя. Как в тот вечер, когда он сказал, что Татс нам чужой.

Девчонка пыхтела и отдувалась. Тимара вдруг поняла, что Сильве вовсе не ребенок. Да, она моложе, но размышляет над всем, что слышит, и делает выводы.

– Ой! Дурацкая ветка! – вскрикнула Сильве, потом продолжила: – Грефт – он такой. Он может казаться добрым, но в нем сидит зло. Он говорит так, словно хочет всем добра. Все меняется, говорит он. А потом наступают те самые другие времена, о которых он говорил. И тут его зло вылезает наружу. Я его боюсь. Он один раз говорил со мной, долго, и мне иногда кажется, что стоит держаться от него подальше, а то мало ли что... А иногда я думаю, что если не смогу с ним подружиться, то это будет еще опаснее.

Слышалось тяжелое дыхание троих людей, шорох их ноши, задевающей кусты и ветки, глухие удары о корни – и все это на фоне обычных для вечернего леса звуков. Насекомые зудели вокруг Тимары, досажая почти так же сильно, как мысли, гудящие в голове. Девушка гадала, что же Грефт сказал Сильве во время их разговора. Она боялась, что знает это, и ощущала, как гнев поднимается в ее груди с новой силой.

Татс первым нарушил молчание:

– Я боюсь его по тем же причинам. И еще по одной. У него есть свои планы. Он не просто парень, который выполняет тяжелую работу за деньги или ради приключений. Он что-то замышляет.

Тимара кивнула:

– Он говорит, что хочет найти место, где сможет устанавливать свои правила.

Некоторое время они брели молча, размышляя над этим.

Наконец Татс тихо сказал:

– Правила не просто так выдуманы.

– У нас нет никаких правил и законов, – возразила Сильве.

– Да что ты, конечно есть! – воскликнула Тимара.

– Нет, нету. Они были дома, где остались наши родители. И где был Совет Дождевых чашоб и торговцы и у каждого было право говорить, что делать или не делать. Но мы ушли от этого. Мы подписали каждый свой договор, но кто за них действительно в ответе? Не капитан Лефтрин. Он в ответе за корабль, а не за нас или драконов. Так кто нам скажет, каковы законы? Кто заставит их выполнять?

– Законы такие, какими были всегда, – упрямо ответила Тимара.

Однако у нее возникло неприятное чувство, будто девочка Сильве лучше понимает происходящее, чем она сама. Когда Грефт говорил о переменах, что он имел в виду под неприятием правил, которым они следовали всю жизнь? Но ведь не мог же он что-то такое сделать! Или мог?

Впереди между деревьями показался свет – угасающий вечерний свет Дождевых чашоб. Тимара ощутила, как откуда-то в ее ногах взялись силы, чтобы ускорить шаг.

– Эй! Эй! Вы где были? Я уже начал беспокоиться! Пришли охотники, притащили целую кучу речных свиней! Ты сама увидишь, Тимара! Одну отдали, чтобы приготовить и разделить на всех нас, а драконам досталось по половине свињи. Ой! А что это вы тащите? Вы кого-то подстрелили?

Это был Рапскаль, который прыгал так, будто был еще совсем мальчишкой, не достигшим и семилетнего возраста. Подбежав к Тимаре, он замер на месте, глядя на ее ношу:

– Это что была за зверюга?

– Лось, – коротко ответила девушка.

– Лось, такой большой! Тебе повезло, видать. Грефт тоже лося завалил. Он сказал, что принес мясо, чтобы разделить на всех, но оно все грязное и ободранное, а потом охотники притащили свињу и начали раскладывать большой костер, так что Грефт скормил лося одному из драконов. Ты только походи посмотри на Хеби! Она съела сегодня столько, что выглядит как желудок, обтянутый драконом! А когда она сытая, то храпит во сне! Не услышишь – не поверишь! – Рапскаль весело рассмеялся и хлопнул Тимару по плечу. – Здорово, что вы вернулись, потому что я голодный. Но мне не хотелось идти есть, пока не найду вас и не прослежу, что вам тоже досталась ваша доля.

Они вышли из леса на илистый берег, заросший высокой травой. Правда, трава была высокой, когда Тимара уходила на охоту. Сейчас драконы и их хранители утоптали ее почти всю. От опушки был ясно виден баркас, освещенный несколькими фонарями. В лагере горел костер, на фоне пламени выделялся огромный вертел с нанизанными на него кусками свинины. Татс оценивательно потянул носом, и, словно в ответ, его желудок заурчал. Все рассмеялись. Тимара почувствовала, как уходит ее ярость. А может, просто отпустить прочь это чувство? Но не будет ли это означать, что Грефт одержал над ней победу?

– Пойдемте есть! – поторопил их Рапскаль.

– Сейчас, – пообещала ему Тимара. – Сначала нужно отнести мясо тому дракону, который остался голодным. И проверить, как там медный дракончик. Татс сказал, что он почти ничего не ел.

– Ну, тогда я пойду к костру. Я не хотел идти, пока не найду вас всех. Кстати, один из охотников, Карсон его зовут, играет на арфе, а на баркасе у кого-то есть свирель, и они недавно играли вместе. Так что после ужина у нас сегодня музыка. Можно даже потанцевать, если будет не очень топко. – Он неожиданно остановился, и губы его неспешно растянулись в улыбке. – Разве это не самое лучшее время в жизни?

– Беги наслаждайся, – поторопил его Татс.

Рапскаль перевел взгляд на Тимару.

– Ужасно хочется есть, – признался он, но все же спросил: – Ты ведь скоро придешь?

– Конечно приду. Иди ешь.

Рапскаль умчался. Тимара видела, как его силуэт присоединился к силуэтам других хранителей, собравшихся у костра. Кто-то что-то сказал, и все расхохотались. В костер полетел кусок плавника, и ослепительный фонтан искр взметнулся в темнеющее небо.

– Все могло бы быть так замечательно.. – тихо промолвила Сильве. – Вечер с разговорами, едой и музыкой.

Тимара вздохнула и сдалась:

– Я не буду его портить, Сильве. Я никому ничего не скажу сегодня про Грефта и про лосятину. Не хочу выглядеть себялюбивой склочницей. Сегодня первый вечер, когда у нас будет много еды и музыка. Мой спор с Грефтом может подождать до другого раза.

– Я совсем не это имела в виду, – поспешно заверила девочка.

Но поскольку она так и не уточнила, что же имела в виду, заговорил Татс:

– Давайте отнесем это мясо драконам и пойдем к костру, к остальным.

Небозевница крепко спала, набив брюхо. Фенте, почуяв мясо, принесенное Татсом, встрепенулась было, но снова уснула, положив голову на добычу. Меркор бодрствовал. Они обнаружили его стоящим в одиночестве и глядящим в сторону костра, вокруг которого собрались хранители. Золотой дракон, похоже, был доволен, что Сильве принесла ему мясо. Он даже поблагодарил за это, что удивило Тимару, и, ко всеобщему удовольствию, немедленно слопал голову и шею лося. Его мощные челюсти и острые зубы не оставили от черепа ни кусочка. Дракон просто сомкнул пасть, и голова лося с чавкающим звуком треснула. Они оставили его жевать и пошли на поиски медного дракона.

Тот нашелся неподалеку от серебряного. Серебряный спал, обернув перевязанный хвост вокруг раздутого брюха. Медный растянулся поблизости. Но что-то в его позе Тимаре не понравилось.

Татс перевел ее смутные подозрения в слова:

– Похоже, будто он не прилег поспать, а просто упал.

Этот единственный из всех драконов выглядел тощим и голодным. Голова лежала на передней лапе. Дракон хрипло дышал, глаза его были полуприкрыты.

– Эй, медный, – негромко позвал Татс.

Дракон, похоже, не услышал. Юноша положил руку на голову дракону и осторожно почесал между ушами.

- Раньше ему это вроде бы нравилось, - объяснил Татс.

Дракон слабо фыркнул, но не пошевелился.

Тимара притащила кусок лосиной туши и уронила его прямо перед носом медного.

- Ты голоден? - спросила она маленького дракона и обнаружила, что целенаправленно внушает ему эту мысль. - Вот мясо. Все для тебя. Лось. Чуешь? Чуешь кровь?

Дракон сделал чуть более глубокий вдох и пошире открыл глаза. Потом робко лизнул мясо и поднял голову.

- Давай. Это мясо тебе, - поощрил его Татс.

Тимаре показалось, что она уловила ответный отклик. Татс опустился на колени возле куска туши и достал свой поясной нож. Несколько раз полоснул мясо, потом вложил нож в ножны и запустил руки в грудную клетку лося. Достав внутренности, он мазнул окровавленной рукой по морде дракона:

- Вот. Чуешь? Это мясо для тебя. Ешь его.

Язык дракона задвигался, облизывая морду. Затем по телу медного пробежала дрожь. Татс отдернул руку как раз вовремя - дракон резко рванулся к добыче, набрав полную пасть торчащих внутренностей. Во время еды он отрывисто пофыркивал и, казалось, набирался сил с каждым проглоченным куском. К тому времени, как хранители покинули его, он уже придерживал передней лапой останки и отрывал целые куски мяса и кости. Похоже было, что он глотает их целиком.

- Ну, по крайней мере, стал есть, - заметила Тимара, когда они возвращались к костру.

От запаха жарящегося мяса у нее потекли слюнки. Девушка вдруг почувствовала себя ужасно голодной и очень усталой.

- Ты думала, что он не выживет? - укорил ее Татс.

- Я не знала. Я вообще ничего не знаю о драконах.

- Мой Меркор будет жить, - напрямую заявила Сильве. - Он прошел слишком многое, чтобы просто взять и умереть в пути.

- Надеюсь, ты права, - примирительно ответила Тимара.

- Я знаю, что права, - настаивала Сильве. - Он сам мне это сказал.

- Хотела бы я, чтобы мой дракон так говорил со мной, - с завистью сказала Тимара.

Прежде чем Сильве успела ответить, из темноты появился Рапскаль. Его лицо блестело от жира, в руках он держал толстый ломоть мяса.

- Я принес это тебе, Тимара! Ты только попробуй! Оно такое вкусное!

- Мы уже идем, - заверил его Татс.

- Капитан Лефтрин сказал, что сегодня ночью мы все будем спать на палубе его корабля! - сообщил Рапскаль. - Сухая постель, горячая пища - что еще нужно для хорошей ночевки?

Из круга собравшихся у костра внезапно донеслась музыка - яркая, словно огненные искры.

Второй день месяца Молитв,

шестой год Вольного союза торговцев

От Эрека, смотрителя голубятни в Удачном, -

Детози, смотрительнице голубятни в Трехоге

Детози, прошу прощения за все трудности, которые ты недавно перенесла. Я выслал тебе сто мер желтого гороха. Береги его от сырости, потому что, отсырев, он быстро портится. Птицам скармливай только сухим. На том же корабле отправляю двух хорошо обученных молодых птиц, самку и самца, оба из потомства Кингсли.

Эрек

Глава 17

Рисковое дело

После трех дней пути вверх по реке Лефтрин признал, что все идет не так плохо, как он ожидал. Начало действительно вышло не самым гладким, но вскоре все наладилось. Драконы впервые самостоятельно поохотились, и это определенно произвело изменения в характере тварей. Они все еще зависели от той пищи, которую добывали для них охотники и хранители, однако теперь знали, что умеют убивать, и ежедневно пытались охотиться. С переменным успехом, конечно, но каждая удачная охота драконов облегчала ношу, возложенную на их спутников-людей. Юные хранители щедро хвалили подопечных за добычу, и те раздувались от гордости так, что казалось, вот-вот лопнут.

Лефтрин облокотился на фальшборт Смоляного, прислушиваясь к кораблю и к баюкавшей его реке. В загрубевших руках капитан держал тяжелую кружку с утренним кофе. По негромким звукам, доносившимся до его чуткого слуха из каюты, капитан понял, что Элис уже проснулась и одевается. Он не позволил своим мыслям задерживаться на подробностях этого действия. Нет смысла мучить себя. Оставалось надеяться, что скоро она выйдет на палубу. И капитан, и Элис просыпались рано, и Лефтрин радовался этим утренним минутам едва ли не больше, чем дружеским вечерним разговорам в компании. Вечера были прекрасны – с застольем, весельем и музыкой, но ему приходилось делить общество Элис с охотниками и вездесущим Седриком. Когда Дэвви играл на свирели, а Карсон – на арфе, она смотрела только на них. Джесс, к изрядной досаде Карсона, показал себя таким же хорошим охотником, как старый друг Лефтрина. И капитану казалось, что он тоже поглядывает на Элис. Этот парень был замечательным рассказчиком, и за его суровостью крылась способность делать себя главным героем каждой истории; все, даже мрачный Седрик, смеялись над его рассказами. Песни и разговоры придавали вечерам неповторимую прелесть, но при этом отнимали у Лефтрина внимание Элис.

По утрам же она принадлежала только ему, потому что команда уже приучилась не обращаться в эти часы к капитану ни с чем, кроме самых безотлагательных вопросов. Лефтрин вздохнул и заметил, что улыбается. Честно говоря, он наслаждался даже ожиданием ее появления.

В последнюю ночь место, где разбили лагерь, было не таким сырым, как прежде, и капитан без колебаний предложил хранителям поспать на берегу вместе с драконами. Несколько лет назад при сильном разливе река нанесла на берег песка и гальки, образовав небольшой пляж. Там росла высокая трава и молодые деревца – необычайно солнечный лесок, к радости хранителей и их драконов. Пройдут годы, деревья раздадутся вширь и ввысь, и это место перестанет отличаться от прочих чащоб. Или же, подумал Лефтрин, следующий разлив может полностью смыть эту рощицу. Драконы крепко спали среди молодых деревьев. Тут и там, завернувшись в свои синие одеяла, лежали хранители. От углей ночного костра, разожженного из плавника, тянулась в синее небо тонкая струйка голубоватого дыма. Никаких признаков пробуждения.

И драконы, и хранители сильно изменились за то короткое время, что Лефтрин знал их. Люди перестали быть разрозненной группкой изгоев и превращались в дружное сообщество. Все они были непоседы, а парни вдобавок проявляли дерзость и нахальство. Они плескались друг в друга водой, дразнились, смеялись и кричали, как обычные мальчишки на пороге взросления. За эти три дня благодаря ежедневной гребле ребята успели нарастить мышцы. Девушки вели себя не так шумно, но и в них происходили перемены, пусть и не проявлявшиеся столь явно. Ребята соперничали за их внимание, и иногда это соперничество принимало грубые формы. А девушки, похоже, наслаждались вниманием парней ничуть не меньше, чем драконы. Они прихорашивались и красовались, каждая на свой лад.

Сильве была еще почти ребенком. Она явно задалась целью завоевать внимание Татса. Девчонка таскалась за ним, словно игрушка на веревочке. А вчера вплела в волосы цветы, как будто их алые лепестки могли скрыть ее покрытый розовой чешуей череп. Лефтрин воздавал молодому человеку должное

- тот был добр к девочке, но держал ее на расстоянии вытянутой руки, как и следовало с такой юной особой.

Джерд, напротив, едва ли не ежечасно меняла свои симпатии. Грефт ухаживал за ней как-то урывками. Лефтрин видел, как он старается подвести свою лодку поближе к ее и привлечь внимание девушки разговором. Но во время дневных переходов Джерд, похоже, занимали только два дела: как успеть за драконами, топавшими по берегу впереди, и как поймать побольше рыбы - столько, сколько может вместить маленькая лодочка. Она преданно ухаживала за Верас, каждый вечер натирая ее чешую так, что золотистые крапинки на шкуре маленькой зеленой драконицы начинали блестеть, словно россыпь самородков на темно-зеленом сукне. По вечерам, когда хранители собирались у костра на берегу, Джерд сидела с другими девушками, глядя, как молодые люди соревнуются - кто займет место рядом с нею. Лефтрин улыбался, наблюдая за ними, но с беспокойством гадал, к чему это может привести.

Он никогда раньше не сталкивался с людьми, так сильно отмеченными Дождевыми чащобами. Большинство из них должны были быть отданы лесу еще при рождении, ибо торговцы Дождевых чащоб давно знали: тот, чей облик уже при появлении на свет настолько далек от человеческого, либо разобьет сердца родителей своей ранней смертью, либо даст жизнь новому поколению, еще менее жизнеспособному и далекому от людей. Жизнь в Дождевых чащобах нелегка. Считалось, что немедленно избавиться от такого младенца и попытаться зачать нового - лучше, чем расходовать ласку и пищу на ребенка, который даже не сможет продолжить род. Недавнее нашествие татуированных привнесло в чащобы свежую кровь, однако до этого на протяжении десятков лет число рождений здесь лишь немногим превышало число смертей.

Элис все никак не выходила. На берегу проснулся Лектер. Завернувшись в одеяло, он подошел к кострищу и стал подбрасывать на угли остатки вчерашнего топлива. Крошечный язычок пламени показался над обломками плавника, и парнишка сел на корточки, протягивая руки к огню. К нему присоединился Варкен, протиравший глаза и почесывавший чешуйчатую шею. За последние дни его кожа приобрела медный блеск, под стать красной шкуре его дракона. Он дружески поздоровался с Лектером. Тот что-то ответил, Варкен рассмеялся - искренним мальчишеским смехом, отчетливо слышным даже на корабле.

Глядя на двух юнцов, которых должны были умертвить еще в младенчестве, Лефтрин почти усомнился в мудрости старых обычаев. Ребята выглядели достаточно крепкими, хоть и малость странными. Он желал им всем добра - как парням, так и девушкам, - однако надеялся не увидеть, как между ними расцветают романтические отношения. Позволить таким людям плодиться было бы нарушением всех традиций Дождевых чащоб. Но до сих пор капитан не замечал никаких признаков того, что девушки намеревались допустить подобное отступление от законов. Он хотел верить, что так будет и впредь, хотя с беспокойством думал, есть ли у него какая-то власть, чтобы заставить их исполнять закон Дождевых чащоб, запрещающий им любовные связи.

- Что ж, Смоляной, никто не сказал мне, что это входит в условия сделки. Я знаю, всеобщий долг - соблюдать правила, которые позволяют нам остаться в живых. Но дед когда-то говорил мне, что общая работа - это ничья

работа. Так что, может быть, никто не попрекнет меня, если я не стану взваливать это бремя на себя.

Корабль ничего не ответил, да Лефтрин и не ожидал ответа. Солнце было теплым, а течение тихим. Смоляной, похоже, так же наслаждался короткой передышкой, как и его капитан. Лефтрин оглянулся на каюту Элис. Терпение. Терпение... Она настоящая женщина, благородных кровей, а такой каждое утро нужно время, чтобы подготовиться к встрече дня. И результат того стоил.

Он услышал позади себя шаги и обернулся, чтобы пожелать ей доброго утра. Слова приветствия увяли на губах. По палубе к нему, лощеный как всегда, шел Седрик. Лефтрин смотрел на него, разрываясь между завистью и отвращением. Волосы Седрика были безупречно причесаны, рубашка сияла белизной, на штанах ни пылинки, башмаки начищены. Он был свежесвыбрит, и слабый пряный аромат наполнял утренний воздух. Это был самый опасный соперник из всех воображимых. Он не только неизменно блистал ухоженностью, его манеры были так же безупречны. По сравнению с ним Лефтрин чувствовал себя грязнулей и невеждой. Отсюда и отвращение, с которым он относился к Седрику. Когда они оба находились рядом с Элис, она могла сравнивать их, и Лефтрин всегда должен был проигрывать в ее глазах. Уже одного этого было достаточно, чтобы возненавидеть Седрика. Но имелось и еще кое-что.

Неизменной вежливостью по отношению к капитану и команде Седрик не мог прикрыть презрение, которое он питал к ним. Лефтрин, как и всякая корабельная крыса, и раньше сталкивался с таким. Всегда найдется тот, кто при виде моряка неизменно припишет ему все пороки, которыми молва награждает корабельный люд. В конце концов, разве не все матросы пьяницы, невежды и бездельники? Оказавшись на борту Смоляного, пассажиры нередко меняли это мнение. Они видели, что Лефтрин и его матросы, пусть необразованные и порой грубые, знают толк в своем деле, видели моряцкое братство, и нередко к концу путешествия их изначальная неприязнь уступала место зависти.

Но Седрик был явно не из таких. Этот человек цеплялся за свое превосходство и плохое мнение о Лефтрине, как за единственный обломок, оставшийся на поверхности моря после кораблекрушения. Однако чопорность и холодный взгляд, обращенный на Лефтрину, проистекали не из дурного мнения о моряках вообще. Лефтрин сжал зубы. Этот фронт, похоже, намерен был поговорить с ним как мужчина с женщиной. Капитан отпил еще глоток кофе и устался на берег. Хранители просыпались один за другим. Скоро пускаться в путь. Сегодня не будет беседы с Элис наедине – только разговор с Седриком. Прямо скажем, не лучшая замена.

Щеголь наконец-то дошел до борта:

– Доброе утро, капитан.

По тону было понятно: Седрик сомневается в том, что утро действительно доброе.

– Здравствуй, Седрик. Хорошо спалось?

– Честно говоря, нет.

Лефтрин подавил вздох. Следовало ожидать, что этот человек ухватится за первую попавшуюся любезность как за повод для жалоб.

- Вот как? - отозвался капитан и снова глотнул кофе.

Напиток был еще слишком горячим, но капитан вдруг решил допить его как можно скорее, а потом снова пойти наполнить кружку. Хороший предлог отделаться от неприятного собеседника.

- Да, именно так, - ответил Седрик почти насмешливо, с аристократическим прононсом.

Лефтрин выпил еще кофе и решил перейти в наступление. Он знал, что пожалеет об этом. Но просто стоять и слушать болтовню Седрика было бы гораздо хуже.

- Хорошая мужская работа - вот что тебе нужно. Лучшего снотворного не сыскать.

- А тебе, наверное, следовало бы иметь чистую совесть. Но похоже, ее отсутствие не мешает тебе крепко спать.

- У меня совесть чиста, - солгал Лефтрин.

Седрик выглядел как кот, который вот-вот зашипит. Но вместо этого он просто пожал плечами:

- Значит, тебя не тревожит преступление против брачных клятв, данных женщиной?

Лефтрин не мог оставить эти слова без ответа. Он повернулся к Седрику, чувствуя, как наливаются тяжестью плечи и затылок. Седрик не отступил, но капитан заметил, что он перенес вес тела на другую ногу, чтобы быть готовым быстро убежать.

Лефтрин заставил себя говорить как можно спокойнее:

- Ты клеветешь на Элис. Она не сделала ничего, что нарушило бы ее брачные клятвы. И я не пытался склонить ее к дурному. Так что, полагаю, ты должен взять свои слова обратно. Подобные речи могут причинить немало вреда.

Седрик прищурился, но тон его оставался сдержанным:

- Мои слова основаны на том, что я видел. Я глубоко привязан к Элис, поскольку мы дружны с детства. И я не бросаю слов на ветер. Быть может, вы оба ни в чем не виноваты, но со стороны все выглядит совсем иначе. Встречи ранним утром, беседы наедине до поздней ночи - так ли должна вести себя замужняя женщина? К несчастью, я наделен острым слухом и чутко сплю. Я знаю, что после того, как мы с Элис желаем друг другу спокойной ночи и расходимся по своим каютам, она выходит снова, чтобы встретиться с тобой. Я слышал, как вы с ней разговариваете.

– А она давала клятву ни с кем не говорить после полуночи? – усмехнулся Лефтрин. – Если да, то признаю, Элис нарушила ее и я помогал ей в этом.

Седрик пристально смотрел на него. Лефтрин глотнул еще кофе, глядя на соперника поверх края кружки. Седрик с видимым усилием пытался взять себя в руки. Когда он наконец заговорил, слова его были безупречно вежливыми, но чувствовалось, что дается ему это нелегко.

– Элис – супруга известного и состоятельного торговца Удачного, и для нее достойно выглядеть не менее важно, чем достойно вести себя. Если я знаю, что она поднимается с постели, чтобы до поздней ночи находиться в твоём обществе, то и все остальные на корабле уж точно об этом знают. И слух о подобном поведении, достигнув Удачного, может запятнать ее репутацию.

Седрик завершил свою речь и перевел взгляд на берег. Почти все хранители уже проснулись. Некоторые толпились у костра, ища тепла после ночной прохлады и разогревая еду. Другие подошли к мелкому колодцу, вырытому в песке вчера вечером, и набирали профильтрованную через слой земли воду для мытья и готовки. Драконы, как заметил Лефтрин, еще спали. Эти существа любили солнце и тепло и предпочитали дрыхнуть до тех пор, пока их не разбудят хранители, – дай драконам волю, они спали бы и до полудня.

«Как у них все просто в жизни, – позавидовал им капитан. – Мне бы так.. Жаль, не судьба».

Лефтрин заставил себя чуть разжать хватку, а то еще немного – и ручка кружки переломилась бы в его пальцах.

– Скажу тебе начистоту, Седрик: между мной и Элис не было ничего. Она приходит на палубу, где я несу ночную вахту. Мы разговариваем. Она вместе со мной обходит корабль. Мы проверяем швартовочные канаты и якорь. Я показываю ей созвездия и объясняю, как моряки выверяют курс по звездам. Говорю ей, как называются ночные птицы, голоса которых она слышит. Если что-то из этого оскорбляет твою нравственность, это твои проблемы, а не мои и не Элис. Я ничем не запятнал ее честь.

Он говорил истинную правду, но внутри у него, точно змея, ворочалось холодное чувство вины. Он думал о тех мгновениях, когда их руки соприкасались, – так было, например, когда он показывал ей, как вывязывать беседочный узел. Он клал ладони на ее теплые плечи и поворачивал ее лицом к югу, чтобы указать, какие звезды образуют Плуг Са. А поздней ночью – или ранним утром, смотря как считать, – Элис желала ему доброй ночи и уходила в свою каюту, а капитан стоял у борта поблизости от ее двери, глядя на реку и размышляя о несбыточном. В эти минуты он позволял себе мечтать о том, что произошло бы, найдись у него смелость предложить, а у нее – желание принять. Под его руками подрагивал от напора речного течения борт корабля – или это откликнулся корабль. Лефтрину казалось, что он сам подобен реке, а Элис – кораблю, доверившемуся течению. Достаточно ли он силен, чтобы нести ее?

Седрик заговорил снова, и его смягчившийся тон застал Лефтрина врасплох:

– Послушай, капитан, я не слепой. Если на борту этого корабля кто-то и не догадывается о твоём увлечении ею, то этот человек лишен чувств и сердца.

Знает команда, знают твои друзья-охотники. Будучи хорошо знаком с Элис, я понимаю, что она ступила на тонкий лед. Ты много путешествовал, побывал там и сям, видел разных женщин. Но думаю, ты не встречал никого столь житейски неопытного, как Элис. Она перешла из дома отца в дом мужа. Он был ее первым и единственным мужчиной. В некотором роде они с Гестом хорошая пара. Он богат, он обеспечивает ей все потребности, у нее есть время и средства для ее бесценных исследований. Ей никогда не доводилось водить знакомство с людьми вроде тебя. Она выросла в Удачном, и ты, верно, кажешься ей чем-то вроде героя сказок. Если твое восхищение ею заставит ее переступить ограничения, накладываемые обществом, то расплачиваться за это будет она, а не ты. Для нее это будет означать позор и жизнь изгоя. Возможно, развод, после которого она, непоправимо опозоренная, вынуждена будет вернуться в отцовский дом. А ее отец небогат. Если ты не отступишься от своих ухаживаний, пусть даже она не ответит на них, люди могут узнать об этом. Ты можешь разрушить ее жизнь, заставить ее снова вернуться к весьма скромному образу существования, где не будет места ее драгоценным изысканиям. Не хочу быть грубым, капитан, но разве это достойно? Неужели ты не оставишь свои поползновения, зная, что этим приведешь ее к гибели? Тебе-то что, ты просто отойдешь в сторонку. Прости, но все знают, как в таких случаях ведут себя моряки. А для Элис это будет означать конец всего.

Седрик произнес свою речь и отвернулся от Лефтрина, словно давая ему время на раздумья. Два дракона уже проснулись и теперь ковыляли к воде. Седрик с интересом уставился на них, словно забыв о капитане.

Ярость в груди Лефтрина мешалась со страхом. Сперва кровь бросилась ему в лицо, потом резко отхлынула. Его сердце было таким же сильным, как и все его тело, но слова Седрика причинили ему боль. А если Седрик прав? Есть ли способ предотвратить катастрофу?

Лефтрин взял себя в руки и произнес:

- Вряд ли кого-нибудь из тех, кто у нас на борту, когда-нибудь занесет в Удачный, а уж распускать слухи они и подавно не станут. Единственный, у кого будет такая возможность, - это ты. А ты зовешь себя ее другом, так что не будешь распространять о ней грязную ложь. Я не имею ни малейшего намерения бесчестить эту женщину. И по-моему, ты совершенно напрасно подозреваешь, что она может изменить мужу.

Последнее было правдой, но как же Лефтрину хотелось, чтобы Элис хотя бы на миг склонилась к иному!

- Я друг Элис. В противном случае я сдержал бы свое слово и оставил ее на этом корабле, а сам вернулся бы в Удачный. Но я знал, что тогда ей точно придет конец. Единственная причина, по которой я остаюсь здесь, - сохранение ее репутации. Неужели ты мог подумать, что я отправился в это злосчастное путешествие, дабы развеяться? Нет. Я здесь исключительно ради Элис. Я хочу защитить ее. Ее муж - мой близкий друг и наниматель. Так что, прошу, хотя бы на миг задумайся о том, в какое неловкое положение ты меняставишь. Должен ли я пощадить гордость Элис и удержаться от упреков в ее адрес? Или мне следует ради защиты репутации своего нанимателя бросить тебе вызов?

- Бросить вызов мне? - изумился Лефтрин.

Седрик быстро добавил:

- Конечно, я не намереваюсь это делать и не думаю, что это нужно. Уверен, ты сам придешь к единственно правильному решению, обдумав все, что я тебе сказал.

Он замолчал, как будто ожидая, что Лефтрин заполнит эту паузу. И капитан попытался:

- Ты хочешь, чтобы я перестал с ней разговаривать? - Несмотря на все усилия, он так и не сумел скрыть гнев и горечь в голосе.

Седрик вскинул голову и широко открыл глаза, удивленный тем, что Лефтрин не понимает очевидного.

- Разве это возможно в такой-то тесноте? Просто прикажи одному из охотников взять у хранителей лодку и доставить меня и Элис обратно в Трехог.

- Мы в трех днях пути от Кассарика, - напомнил Лефтрин. - И ни одна из этих маленьких лодок не вместит и половины вашего багажа, не говоря уж о тебе и Элис.

- Я прекрасно сознаю и то и другое, - отрывисто заявил Седрик.

Лефтрин взглянул на него и заметил, что уголок губ у собеседника дергается, словно тот пытается сдержать кривую улыбку.

- Путешествие по течению реки будет куда более быстрым, особенно на маленькой лодке. Я слышал, как охотники говорили об этом вчера. Полагаю, до Кассарика нам с Элис придется не более одного раза останавливаться на ночевку. Оттуда мы сможем попасть в Трехог, а затем домой. Что касается нашего имущества, то пока что нам придется оставить его у тебя на борту. Мы отправимся налегке, а наш багаж ты отошлешь в Удачный, когда наконец вернешься в Трехог. Уверен, в этом тебе можно доверять.

Лефтрин молча смотрел на него.

- Ты ведь сам понимаешь, что тебе придется так поступить, - гнул свое Седрик. И добавил, словно проворачивая нож в ране: - Ради Элис.

Долгий горестный крик раздался на берегу, нарушив утреннее спокойствие.

- Вчера вечером ему было лучше! - твердила Сильве.

Слезы, текущие по ее щекам, были красноватыми. Тимара вздрогнула, увидев их: она хорошо знала, какую боль причиняют такие слезы. Если бы не страх перед этой болью, она, наверное, и сама бы разревелась. Тимара опустилась на колени рядом с маленьким медным драконом. Накануне вечером он поел - впервые по-настоящему хорошо с тех пор, как пару дней назад они накормили

его лосятиной. Но если остальные драконы за время пути прибавили в весе и нарастили мышцы, этот медный оставался тощим. Его живот все еще был круглым после вчерашнего ужина, но Тимара вполне могла пересчитать все его ребра. Чешуйки у него на плечах и вдоль хребта выглядели так, словно готовы были отслоиться от шкуры.

Татс перестал ощупывать драконью морду и успокаивающе положил руку на плечи Сильве.

– Он жив, – сказал он и тут же добавил, отобрав у девочки только что дарованную надежду: – Но вряд ли протянет до вечера. Ты не виновата! – поспешно сказал Татс, когда Сильве всхлипнула. – Наверное, мы просто слишком поздно появились в его жизни. Сильве, он с самого начала был, считай, обречен. Смотри, какие у него короткие лапы в сравнении с телом! А вчера ночью я заметил, что он ест камни и грязь. Думаю, у него глисты – вон, брюхо раздутое, а сам он тощий. Такое как раз от паразитов бывает.

Сильве подавилась рыданиями, стряхнула с плеч руку Татса и пошла прочь. Подошли другие хранители, стали кружком возле лежащего дракона. Тимара закусил губу, чтобы не заговорить. Черствая часть ее существа желала узнать у Татса, где была Джерд: в конце концов, та сама вызвалась помочь им с этим драконом. Сильве обещала помогать с серебряным, но по своему добросердечию возилась с обоими бедолагами. И если медный умрет, это причинит ей огромное горе.

– Что с ним стряслось? – спросил, подбегая, Лектер.

– Глисты, – с видом знатока отозвался Рапскаль. – Едят его изнутри, так что, сколько ни корми, толку не будет.

Тимара не ждала от него таких разумных речей и слегка удивилась. Рапскаль заметил, что она смотрит на него и подошел к ней поближе.

– Что будем делать? – спросил он, словно Тимара могла это знать.

– Не знаю, – тихо ответила она. – А что мы можем?

– Думаю, нужно сделать лучшее, что можно, а потом идти дальше, – сказал Грефт.

Говорил он негромко, но его слова услышали все. Тимара бросила на него косой взгляд. Она все еще не простила ему того лося. Тогда она не стала поднимать шум при всех, однако с тех пор избегала разговоров с ним, Кейзом и Бокстером. Тимара наблюдала за ними, видя, как Грефт пытается установить свое главенство и поставить остальных хранителей в подчиненное положение, но ничего не говорила. А сейчас она расправила плечи и вскинула голову, приготовившись к стычке.

Сильве неожиданно обернулась и посмотрела на всех собравшихся. Она уже не плакала, но слезы оставили на щеках красные дорожки.

– Лучшее? – сильным голосом спросила она. – Что это значит? Что тут, по-твоему, лучшее?

Плотное, словно одеяло, молчание окутало собравшихся. Сильве стояла, чуть подавшись вперед и сжав пальцы в кулачки. Все ждали, что скажет Грефт. Впервые со дня знакомства с ним Тимара видела его в замешательстве. Молодой человек обвел взглядом присутствующих. Было странно видеть, как он облизывает розовым человеческим языком чешуйчатые края своего безгубого рта.

«Что он высматривает? – гадала Тимара. – Принятие своего главенства? Желание следовать за ним и жить по его новым правилам?»

– Этот дракон умрет, – тихо сказал Грефт; Тимара заметила, как исказилось лицо Сильве – та едва удержалась, чтобы не закричать. – А когда он умрет, его тело не должно пропасть понапрасну.

– Конечно нет, – отозвался Рапскаль, нарушив молчание, которое остальные хранили так упорно, словно сговорились. Его ломающийся мальчишеский голос резанул ухо после речи Грефта, такой взрослой и рассудительной, и от этого слова Рапскаля прозвучали глупо, хотя он высказал вслух то, что думали все. – Драконы съедят его, чтобы получить его воспоминания. И чтобы насытиться. Все это знают. – Рапскаль отглядел хранителей, улыбаясь и кивая, но улыбка вскоре сошла с его лица, – казалось, их молчание и неподвижность удивили его.

Тимара снова сосредоточила внимание на Грефте: его лицо приняло терпеливо-усталое выражение, как будто Рапскаль сморозил явную чушь. Но когда Грефт заговорил, слова его звучали неуверенно, словно он надеялся, что кто-то выскажет все это вместо него.

– Его тело можно использовать и лучшим образом, – сказал он и надолго замолчал.

Тимара затаила дыхание. К чему он клонит? Грефт обвел всех взглядом, собираясь с духом, чтобы продолжить:

– Ходили слухи о предложении...

– Плоть драконов принадлежит драконам.

Это произнес не человек. Несмотря на свои немалые размеры, золотой дракон мог передвигаться практически бесшумно. Сейчас он возвышался над собравшимися людьми, подняв голову так высоко, что смотрел на Грефта сверху вниз. Хранители расступились, пропуская его, – словно водоросли, раздвигаемые течением реки. Меркор величественно прошествовал мимо них. Тимара отметила, как он прекрасен. С начала путешествия он набрал вес и силу и уже начал выглядеть так, как и должен выглядеть дракон. Из-за увеличившихся мышц лапы его стали более пропорциональными. Похоже, даже хвост удлинился. Лишь недоразвитые крылья нарушали великолепие. Они по-прежнему оставались несоразмерно маленькими и казались слишком слабыми, чтобы выдержать хоть часть его веса.

Изогнув длинную шею, он обнюхал тело медного дракона. Потом повернул голову и уставился на Грефта.

- Она еще не мертва, - холодно сказал Меркор. - Рановато торговать драконьей плотью.

- Она? - ошеломленно переспросил Татс.

- Торговать плотью? - В голосе Рапскаля звучал ужас.

Но Меркор не ответил ни на их вопросы, ни на шепотки, пробежавшие среди остальных хранителей. Он снова опустил голову, чтобы еще раз обнюхать медную драконицу, и с силой толкнул ее носом. Та оставалась недвижимой. Золотой дракон повернул голову, внимательно глядя на людей. Его чешуя сияла на солнце. Тимара силилась понять, что выражают его блестящие черные глаза, и не могла.

- Сильве, останься со мной. Остальные пусть уходят. Это вас не касается. Это вообще не касается людей.

Тимара почти видела, как девочку потянуло к дракону. Его голос был чарующим: глубоким, как тьма, и густым, как сливки. Сильве подошла и прижалась к дракону, словно впитывая утешение и силу.

- А можно, Татс и Тимара тоже останутся? - застенчиво спросила она, немного успокоившись. - Они помогали мне заботиться о Медной.

- И я! - заявил Рапскаль, верный своей привычке говорить без раздумий. - Я тоже должен остаться. Я их друг.

- Не сейчас, - непреклонно ответил дракон. - Им нечего здесь делать. Ты остаешься, чтобы быть со мной. Я присмотрю за этой драконицей.

В его слова была вложена незримая сила. Тимара почувствовала, что ее не просто отпускают, но выталкивают, - так взрослые непреклонно выставляют ребенка из комнаты больного. Она обнаружила, что уже повернулась и идет прочь - хотя сама и не думала это делать.

- Нужно проверить, как там Небозевница, - объяснила она Татсу, словно извиняясь за свой уход.

- Я тоже это почувствовал, - прошептал юноша.

- Синтара, - произнес позади них Меркор.

От неожиданного озарения по спине Тимары пробежала дрожь. Голос дракона отдавался во всем ее теле.

- Драконица, которой ты служишь, носит имя Синтара. Я знаю ее истинное имя и знаю, что она должна была сказать его тебе. Знай же его.

Тимара остановилась на полушаге. Татс задержался рядом с ней, изумленно глядя ей в лицо. Девушке казалось, что у нее заложило уши и запорошило глаза. Вокруг бушевала буря, слишком свирепая, чтобы ее чувства могли выдержать, - вот они и отключились. Синтара была недовольна тем, что сделал Меркор, и давала ему это понять.

Золотой дракон невесело рассмеялся:

- Нельзя идти сразу в две стороны, Синтара. Остальные это поняли сразу. Никто из нас не стал скрывать свои истинные имена, кроме тех несчастных, которые сами не могут вспомнить их.

Рапскаль немедленно встрял в разговор, как всегда без всякого смущения:

- А у Хеби есть драконье имя?

К удивлению Тимары, большой золотой дракон серьезно ответил на вопрос мальчишки:

- Хеби теперь зовут Хеби. Она приняла это имя как свое, когда ты дал ей его. Может быть, когда-нибудь она дорастет до этого имени или даже обнаружит, что оно ей мало.

Тимара отчаянно желала задать ему вопрос про раненого серебряного дракона, но так и не осмелилась. Она даже позавидовала бесшабашности Рапскаля, не ведавшего страха и стеснения.

Меркор коснулся носом медной драконицы. Слегка подтолкнул, потом ткнулся сильнее. Медная не пошевелилась. Меркор поднял голову и окинул лежащую драконицу взглядом сверкающих черных глаз.

- Мы должны оставаться здесь до тех пор, пока она не встанет или не умрет, - заявил он. Потом мрачно оглянулся по сторонам и задержал взгляд на Грефте. - Оставьте ее здесь одну. Я скоро вернусь. Идем, Сильве, - позвал он девочку и зашагал к воде.

Его тяжелые когтистые лапы оставляли в песке глубокие следы. Скоро вода просочится и заполнит их.

Утро настало уже давно. Элис видела это по квадратам солнечного света, которые падали на пол ее маленькой каюты через крошечные оконца высоко в стене. Она снова попыталась собраться с духом и выйти наружу, но вместо этого опять присела за маленький стол. Она скоро выйдет. Ей хотелось есть и пить, а еще нужно было опорожнить ночной горшок. Элис облокотилась о стол и опустила голову на руки, глядя в темноту, заключенную между сложенных ладоней.

- Что делать? - спросила она себя.

Ответа не было. Снаружи матросы готовились к отплытию - скоро они отвяжут канаты, удерживающие корабль на месте, и оттолкнут его от илистой отмели. Драконы, конечно же, уже проснулись, и их хранители готовятся отплыть следом за баркасом на своих лодчонках. Впереди новый день путешествия. Широкая река, высокие деревья, синяя полоса неба над головой, порой напоминающая еще одну реку. Каждый день был для Элис приключением. Новые цветы с незнакомым ароматом, странные животные, выходящие на берег реки или всплывающие из ее глубин, влажно сверкая на солнце... Она и представить себе не могла, что в Дождевых чашобах столько живности. Когда прежде Элис

слышала рассказы о реке и ее водах, временами становящихся белыми и едкими, то воображала, будто такую реку окружает бесплодная пустыня. Но вопреки этим представлениям она обнаружила здесь невообразимое разнообразие растений и животных. Рыбы и прочие водные жители приспособились к изменчивой едкой воде, и это потрясло Элис. Одних только видов птиц насчитывались сотни. И Лефтрин, похоже, без труда отличал одну от другой как по оперению, так и по голосу...

И снова блуждающие мысли Элис вернулись к нему, источнику всех ее страданий.

Нет. Это было нечестно. Она не может винить его. Она сама виновата в том, что так увлеклась им. О да, она знала, что он очарован ею: он был искренен до глубины души и ничего от нее не скрывал. Его страсть и интерес к ней читались в каждом взгляде, в каждом обращенном к ней слове. Случайное соприкосновение рук было подобно удару молнии. Чувства, физические ощущения, которые, как считала Элис, давным-давно исчезли из ее жизни, внезапно пробудились и настигли, точно раскат грома.

Прошлой ночью, когда капитан показывал ей, как вывязывать беседочный узел, Элис притворилась, что не в состоянии освоить эту простую науку. И бедняга Лефтрин, со всей его честностью, попался на эту старинную уловку школьниц. Он стоял позади нее, заключив ее в кольцо своих рук, и направлял каждое движение ее пальцев. Элис чувствовала, как от его близости ее охватывает жар и как в полном смысле слова подгибаются колени. Голова кружилась, хотелось упасть на палубу и увлечь его за собой. Элис замерла, молясь всем богам, о каких когда-либо слышала, чтобы он узнал о ее горячем желании и исполнил его. Это были те самые чувства, которые должны были переполнять ее рядом с тем, за кого она вышла замуж, – но с ним она никогда не испытывала ничего подобного!

– Теперь понимаешь? – хриловато спросил капитан.

Его пальцы, лежащие поверх ее рук, туго затянули узел.

– Понимаю, – ответила Элис. – Теперь я все понимаю...

Она говорила совсем не про узлы. Она так хотела сделать крошечный шаг назад и прижаться к нему всем телом. А потом повернуться в кольцо его рук и взглянуть в его лицо, отмеченное печатью Дождевых чашоб. Страх сковал ее, она не могла пошевелиться, не могла произнести ни слова. Несколько мгновений – кратких и долгих, словно вечность, – он стоял так, держа ее в кольце тепла и безопасности. Вокруг них звучала чуть слышная музыка, складывающаяся из журчания воды, свиста птиц, жужжания насекомых. Элис чувствовала запах Лефтрина – Седрик назвал бы это «потной вонью», но для нее в той терпкости заключался невыразимо притягательный запах мужественности. В объятиях капитана Элис чувствовала себя частью его мира. Палуба под ногами, борт корабля, ночное небо наверху и мужчина рядом – все это соединяло Элис с чем-то огромным и чудесным, неукротимым и в то же время родным.

Потом Лефтрин опустил руки и отступил на шаг. Ночь была теплой и душной, в воздухе звенели и жужжали насекомые, с берега доносился крик ночной мухоловки. Но все это теперь казалось Элис очень далеким и чужим. Прошлой

ночью, как и сейчас, она ощутила себя робкой горожанкой Удачного, ученой серой мышкой, каковой, несомненно, и была. Она продала себя Гесту, получив благодаря своей способности родить дитя безопасность и высокое положение в обществе. Она заключила сделку и поставила свою подпись. Торговец должен держать свое слово. Она дала слово. И чего же оно стоило?

Даже если она возьмет это слово назад, даже если вероломно нарушит его, то все равно останется робкой ученой серой мышью из Удачного, а не той, какой хотела бы быть. Она едва могла думать о том, кем хотела бы стать, и не потому, что это было недостижимо, а потому, что казалось глупой детской мечтой. Спрятав лицо в ладони, Элис закрывала глаза и думала об Альтии, жене капитана «Совершенного». Она видела, как эта женщина бежит босиком по палубе, одетая, точно мужчина, в широкие штаны. Элис вспоминала, как Альтия стояла возле носового изваяния корабля, как ветер развеивал ее волосы, как она с улыбкой говорила что-то молодому матросу. А затем на бак по короткому трапу поднялся капитан Трелл. Он и его жена, даже не глядя друг на друга, двигались так, словно между ними были протянуты незримые нити или словно они двое были половинками Са, вновь ставшего единым целым. И Элис казалось, что ее сердце разорвется от зависти.

Она гадала, каково это – быть с мужчиной, который обнимает тебя при каждой встрече, даже если вы всего несколько часов назад делили с ним ложе. Элис попыталась вообразить себя такой же свободной, как Альтия, попыталась представить, как бежит босиком по палубе «Смоляного». Сможет ли она когда-нибудь опереться на борт так, чтобы каждому стало ясно: она хозяйка на этом корабле и полностью ему доверяется?

Мысли Элис вернулись к Лефтрину, она и попыталась оценить его со всей беспристрастностью. Он неотесан и невоспитан. Любит шутить за столом, а однажды слова кого-то из матросов так рассмешили его, что капитан фыркнул в чай – только брызги во все стороны полетели. Он не каждый день бреется и не так уж часто моется. На локтях его рубашки и на коленях штанов ткань протерлась. Короткие ногти на его толстых пальцах обломаны и окружены заусенцами. Гест высок, строен и изящен; Лефтрин выше Элис разве что на дюйм, широкоплеч и коренаст. Ее подруги из Удачного отвернулись бы, если бы такой человек заговорил с ними на улице.

Затем Элис вспомнились серые глаза – серые, как река, которую капитан так любил, – и сердце ее растаяло. Она подумала о жесткой щетине на его небритых щеках, о том, насколько его искренняя улыбка привлекательнее любезного оскала Геста и как эта улыбка подходит к обветренным губам Лефтрина. Элис хотелось целовать эти губы и чувствовать, как ее обнимают сильные мозолистые руки. Она тосковала по ночевкам на капитанской койке, тосковала о запахе его тела и его табака, впитавшемся во всю обстановку каюты. Она желала его, как никого и ничего не желала прежде. И при мысли о нем ей становилось тепло, даже если на глазах выступали слезы.

Элис села прямо и смахнула с глаз бесполезную влагу.

– Получи то, что можешь получить, пусть и ненадолго, – строго сказала она себе.

И только тут она поняла, что корабль еще не отчалил от берега. Тщательно вытерев глаза, Элис поправила волосы и пошла к двери. Она не нарушит свое слово, данное Гесту. Они заключили договор быть верными друг другу. Следует блюсти эту договоренность.

После сумрака, царившего в каюте, от яркого солнца снаружи у Элис перед глазами все поплыло. Выйдя на палубу, она с удивлением увидела, что Седрик стоит у фальшборта рядом с Лефтрином. Оба смотрели в сторону берега.

- Пойду взгляну, что происходит, - заявил Лефтрин и направился на нос корабля.

Элис быстрым шагом подошла к Седрику.

- Что случилось? - спросила она.

- Не знаю. Хранители чего-то всполошились. Капитан пошел узнать, что там такое. Как ты себя чувствуешь, Элис?

- Спасибо, хорошо.

С берега донеслись встревоженные восклицания. Элис заметила, что подростки куда-то бегут. Драконы, просыпаясь, поднимали головы и смотрели в ту же сторону.

- Наверное, лучше будет и мне пойти поглядеть, в чем дело, - решила Элис и направилась следом за Лефтрином.

Капитан, не замечая, что она идет за ним, уже перелез через фальшборт на носу и по веревочной лестнице спустился на берег.

- Думаю, тебе не следует ходить туда, - настойчиво произнес Седрик.

Элис неохотно остановилась и повернулась к нему. Несколько мгновений она вглядывалась в его лицо.

- Что-то случилось? - спросила она наконец.

Он ответил ей пристальным взглядом:

- Не знаю точно. Надеюсь, что нет.

Седрик отвел глаза и несколько ударов сердца оба стояли в неловком молчании. Хранители на берегу собрались кружком возле маленького коричневого дракона. Элис знала, что в последние дни он был нездоров, и почувствовала неожиданный укол страха.

- Не бойся за мои чувства, Седрик. Если этот дракон умер, значит умер. Я знаю, что другие драконы съедят его, и, веришь или нет, я думаю, что мне нужно это видеть. Некоторые обычаи драконов могут показаться людям отвратительными, но это не значит, что я должна отказываться от их изучения.

Она повернулась, чтобы уйти, но голос Седрика снова остановил ее:

- Я беспокоился вовсе не об этом. Полагаю, Элис, что мне придется сказать все прямо и наедине. Пожалуйста, вернемся туда, где мы можем поговорить.

Она вовсе этого не желала.

- О чем поговорить?

- О тебе, - тихо ответил Седрик. - О тебе и капитане Лефтрине.

На несколько мгновений Элис застыла. С берега донесся гул голосов. Она взглянула туда и увидела, что Лефтрин направляется к группе хранителей. Затем она, придав лицу спокойное выражение, повернулась в другую сторону и пошла к Седрику:

- Я не понимаю. - Она как могла изображала недоумение, пыталась сохранить ровное дыхание и не позволить себе покраснеть.

Но его это не обмануло.

- Элис, ты все понимаешь. Мы знаем друг друга слишком хорошо и слишком долго, чтобы ты могла скрыть такое от меня. Ты увлеклась этим человеком, хотя я представить себе не могу почему. Я сравниваю его с Гестом, с тем, что у тебя уже есть, и...

- Заткнись!

Резкость собственного тона, как и грубость произнесенного слова, потрясли Элис. Она припомнить не могла, чтобы когда-либо с кем-нибудь так говорила. Не важно. Это заставило Седрика умолкнуть. Он смотрел на нее, слегка приоткрыв рот. Слова, срывавшиеся с губ Элис, были похожи на камни, несомые бурным потоком:

- То, что у меня уже есть, Седрик, - это ничто. Это обман, изобретенный Гестом, - обман, на который я согласилась, потому что не могла представить, что у меня будет что-то лучшее. Наш брак - сплошное притворство. Но я сознаю, что согласилась на это притворство. Я заключила сделку, будь она проклята. Мы, как настоящие торговцы, скрепили ее рукопожатием и подписями, и я честно соблюдаю ее условия. Куда честнее, чем Гест, могу добавить. Я и впредь намерена держать свое слово. Но не смей, никогда не смей сравнивать Лефтрина с Гестом! Никогда!

Сила, которую она вкладывала в эти слова, словно обжигала ее горло изнутри. Элис хотела сказать что-то еще, но потрясенное выражение лица Седрика заставило ее растерять все заготовленные слова и даже мысли. Бессмысленность оспаривать свою судьбу перед кем бы то ни было неожиданно лишила ее сил.

- Извини, что говорила с тобой так грубо, Седрик. Ты этого не заслуживаешь.

Она повернулась и пошла прочь.

- Элис, нам все-таки нужно поговорить. Вернись.

Голос его дрожал, и оттого слова звучали не как приказ, а как мольба. Элис остановилась, не оборачиваясь к нему:

- Нам не о чем говорить. Седрик. Все сказано. Я связана узами брака с человеком, к которому не испытываю даже приязни, не говоря уж о любви. Я знаю, что это взаимно. Мне нравится капитан Лефтрин. Я наслаждаюсь вниманием человека, который считает меня прекрасной и желанной. Но и только. Я не поддамся этим чувствам и не сделаю того, на что они толкают меня. Что еще ты желаешь знать?

- Я сказал Лефтрину, что мы должны покинуть корабль. Сегодня. Я попросил его найти охотника, который согласится взять одну из лодок и доставить нас обратно в Трехог. Мы будем плыть по течению, так что это не займет много времени. Может быть, придется один раз остановиться на ночлег, но не думаю, что понадобится даже вторая остановка.

Эти слова заставили Элис обернуться. Сердце колотилось в груди, словно желая выпрыгнуть. Ее захлестнуло отчаяние.

- Что? Зачем нам это нужно?

- Чтобы избавить тебя от соблазна, прежде чем ты поддашься ему. Чтобы избавить от соблазна капитана, прежде чем он поддастся своим желаниям. Прости меня, Элис, но ты плохо знаешь мужчин. Ты так небрежно призналась в том, что он тебе нравится, и при этом заверяешь, что не позволишь своим чувствам взять верх. Но капитан Лефтрин видит твои чувства. Ты уверена, что, если он на тебя надавит, ты сможешь сказать ему «нет»?

- Он не станет этого делать, - тихо произнесла Элис.

Как бы она ни желала этого, он не станет на нее давить. Она это знала.

- Элис, нельзя рисковать. Оставаясь здесь, ты навлекаешь опасность не только на себя, но и на Лефтрину тоже. Пока что ваши отношения невинны. Но люди видят вас и будут болтать. Нельзя же думать лишь о себе. Только представь, как такие слухи опозорят твоего отца и расстроят твою мать! А каково будет Гесту узнать, что он стал рогоносцем? Он этого так не оставит! Человек, добившийся его положения, коварен и могуществен, было бы глупо считать его дураком. Я не знаю, к чему это приведет... Может быть, он вызовет Лефтрину на поединок. И, кроме того, если ты не прервешь эту опрометчивую интрижку, что хорошего это тебе принесет? Элис, пойми: выход, который предлагаю я, - единственный, хоть тоже связан с опасностями! Мы должны отплыть сегодня, прежде чем еще дальше уйдем от Трехога!

Элис сама удивилась спокойствию своего тона:

- А Лефтрин уже согласился на это?

Седрик поджал губы, потом вздохнул:

- Согласится он или нет, мы должны уйти. Мне кажется, он уже собирался согласиться, когда услышал какие-то крики со стороны лагеря и пошел туда узнать, в чем дело.

Элис знала, что Седрик лжет. Лефтрин не собирался соглашаться. Течение, несущее баркас, сближало их, а не разделяло. Но она ухватила за возможность сменить тему разговора:

- Так что это был за шум?

- Не знаю. Все хранители, похоже, собрались...

- Я тоже пойду погляжу, - оборвала его Элис и направилась к носу баркаса.

Она была уже на полпути туда, когда Седрик наконец оправился от изумления:

- Элис!

Она оставила его зов без ответа.

- Элис!

Он вложил в этот крик всю властность, какую смог в себе найти. Он видел, как дрогнули ее плечи, - Элис услышала его. Седрик смотрел, как она обеими руками взялась за борт и перекинула через него ногу. Юбки мешали ей, Элис терпеливо одернула их, перебралась через борт и спустилась по веревочной лестнице на илистый берег. На несколько мгновений она пропала из поля зрения Седрика, а потом он увидел, как она бежит по вытоптанной траве к сгрудившимся поодаль хранителям. В ту же сторону медленно двигался дракон. На миг у Седрика перехватило дыхание. Вдруг та тварь сможет что-то рассказать?

Он смотрел, как они беседуют, слышал их голоса, но не мог разобрать слов. Тревога все сильнее грызла Седрика. Неожиданно он отвернулся от берега и бросился в свою тесную каюту. Войдя в маленькое сумрачное помещение, плотно закрыл за собой дверь, набросил примитивный крючок - единственный способ запереть дверь изнутри - и опустился на колени. Потайной ящичек в нижней части гардероба неожиданно показался ему до смешного заметным. Седрик отпер и выдвинул его, прислушиваясь к шагам на палубе снаружи. Можно ли найти более укромное место, чтобы спрятать добычу? Как лучше: держать все сокровища вместе или разложить их среди вещей по разным сундукам? Седрик покусал губу, размышляя над этим.

Прошлой ночью к сокровищам прибавились еще два. Он поднес поближе к свету стеклянную фляжку. В ней была драконья кровь, на свету жидкость выглядела дымчато-красной и непрерывно клубилась крохотными водоворотами. Ночью Седрик решил, что это вращение ему померещилось, - но нет. Кровь по-прежнему была красной, жидкой и находилась в непрерывном движении, как будто обладала собственной жизнью.

Все эти дни он наблюдал за маленьким бурым драконом и собирался с духом. Каждое утро охотники уходили еще до рассвета, направляясь вверх по реке в надежде добыть дичь прежде, чем драконы распугают ее. Когда солнце поднималось повыше и становилось тепло, драконы просыпались. Обычно первым в путь отправлялся золотой, вскоре за ним следовали и остальные. Хранители плыли за ними в своих лодочках, а за этой флотилией шел баркас.

Вчера и позавчера маленькому бурому дракону явно нездоровилось. Он не успевал за остальными драконами, тащился где-то посередине между ними и плывущими следом лодками хранителей. Вчера даже хранители обогнали его. Бурый едва мог держаться чуть впереди баркаса. Седрик обратил внимание на эту тварь, когда увидел, что Элис и Лефтрин стоят на носу корабля, смотрят на дракона и обсуждают, как плохо он выглядит. Седрик присоединился к ним, оперся на фальшборт и стал наблюдать, как жалкий коротышка еле ковыляет против слабого течения. В следующий миг Седрик отметил про себя, что вода в реке далеко не такая белая, как во время путешествия на «Совершенном». Сейчас она выглядела почти как обычная речная вода.

Капитан что-то сказал Элис, но Седрик расслышал только ее ответ:

- Ему сложнее. Взгляните, какие у него короткие лапы. Остальные драконы идут вброд, а он почти плывет.

Лефтрин кивнул, соглашаясь:

- На самом деле бедолага вряд ли выживет. Он был обречен с того самого дня, как появился из кокона. Но мне все же не хотелось бы видеть, как он умрет.

- Пусть лучше он умрет, попытаюсь хоть как-то изменить свою жизнь, чем валяясь в грязи около Кассарика.

Элис сказала это с такой горячностью, что Седрик повернулся, чтобы взглянуть на нее. Именно тогда он с тревогой осознал, как глубоки ее чувства к Лефтрину. Было нетрудно понять, что слова Элис относятся к ее собственной жизни.

«Она пытается убедить себя следовать своим желаниям», - ошеломленно подумал он.

Тут же в голове возник вопрос: когда она наберется смелости отдаться Лефтрину? В том, что это случится, можно было не сомневаться. От мысли о том, что скажет Гест, когда узнает, по спине Седрика пробежал холодок. Может быть, Гест и не любит Элис, но относится к ней столь же ревниво, как ко всякому своему имуществу. Если Лефтрин отберет ее, Гест разгневется. И будет винить Седрика не меньше, чем саму Элис.

Беспокойство, которое Седрик испытывал, видя, что с каждым днем они уплывают все дальше в глушь, неожиданно стало невыносимым. Пора выбираться отсюда вместе с Элис и возвращаться в Удачный.

Затем Седрик подумал о своей жалкой коллекции драконьих останков и нахмурился. Он каждый день проверял их. И сомневался в том, что они

годятся для изготовления лекарств или микстур. Плоть, которую Тимара срезала с раны серебряного дракона, изначально была полустгнившей. Несмотря на все усилия Седрика сохранить ее, кусочки дурно пахли и выглядели как обычное гниющее мясо. В последний раз, осмотрев их, он едва не выбросил эту гниль, но решил сохранить, пока не появится возможность заменить их чем-нибудь получше. Чем-то особенным из списка частей драконьей плоти, которые будет легко продать.

Почему-то эта мысль снова пришла ему на ум, когда он наблюдал за больным бурым дракончиком, ковыляющим впереди корабля. И неожиданно понял, что сегодня ночью у него появится уникальный шанс исполнить задуманное.

Было не так уж сложно ускользнуть с корабля под покровом ночи. Каждый вечер Лефтрин выводил «Смоляной» на илистую прибрежную отмель как можно ближе к тому месту, где драконы останавливались на отдых. Иногда хранители спали на борту корабля, иногда устраивались на берегу рядом с драконьим лежбищем. Седрику повезло. Твари устроились на ночь на травянистом берегу, а подростки решили собрать плавник для костра и остаться ночевать на суше. На вахте стоял сам Лефтрин. Элис оказалась невольной сообщницей Седрика: разговор с нею настолько увлек капитана, что Седрик без труда выбрался на берег незамеченным.

Угасающий костер хранителей и почти полная луна давали достаточно света. Седрик старался переступить через лужи и полоски травы, смирившись с тем, что вернется на борт в мокрой и грязной одежде. Вечером он внимательно проследил, где устроились на ночь драконы, так что примерно знал, как найти усталого бурого неудачника. Было уже поздно, все хранители и драконы крепко спали, когда Седрик осторожно прокрался мимо них. Большой дракон спал один поодаль от прочих. Он не пошевелился, когда Седрик подошел к нему. На мгновение Седрику показалось, что дракон уже мертв. Ни единого движения, ни признака дыхания. Он собрался с духом и осторожно положил руку на склизкое плечо твари. По-прежнему ни малейшего движения. Он легонько толкнул дракона, потом посильнее. Тот фыркнул, но не шелохнулся. Седрик достал нож.

Первой его целью было добыть несколько чешуек. Плечо идеально подходило для этого: Седрик не зря наблюдал за драконами, пока Элис пыталась разговаривать с ними. Он знал, что обычно самая крупная чешуя растет на плечах, бедрах и у основания хвоста. В слабом свете луны он поддел чешуйку краем ножа, с силой прижал ее к лезвию большим пальцем и дернул. Чешуйка держалась крепко – это было все равно что пытаться вынуть тарелку из самого низа стопки. Но в конце концов она поддалась и выпала, блестя кровью по краям. Дракон дернулся, но продолжал спать. Видимо, ему не хватило сил даже на то, чтобы отозваться на боль.

Седрик выдернул у твари еще три чешуйки, каждую размером примерно с ладонь, завернул их в носовой платок и засунул в нагрудный карман рубашки. Он уже собирался возвращаться на баркас, потому что знал, что каждая чешуйка будет продана за хорошие деньги. Но засомневался. Если этих денег не хватит, чтобы купить свободу, едва ли Гест останется рядом с ним надолго. Нет. Он уже пошел на риск. И теперь должен получить за этот риск столько, чтобы жить по-королевски. Иначе не стоило и руки марать. Он будет глупцом, если остановится сейчас, когда богатство само идет к нему.

Седрик тщательно подобрал инструменты для этого дела. Он извлек маленький нож – нож мясника, каким колют свиней и выпускают свежую кровь для изготовления кровяной колбасы. Седрик был удивлен, узнав, что такой нож существует, но купил его сразу, как увидел. Нож был коротким и острым, с желобком, который продолжался сквозным отверстием в рукояти и служил для стока крови.

Седрик наметил новую точку на теле дракона – на шее чуть ниже челюсти. Потом отмахнулся от комаров, которые кружились вокруг него, нацеливаясь на его собственные уши и шею. «Просто очень большой комар», – сказал он спящему дракону. Приподнял одну из крупных чешуй на шее, крепко взялся за рукоять ножа и вонзил его в плоть твари.

Нож был отточен до предельной остроты, и все же воткнуть его оказалось нелегко. Дракон взвизгнул во сне – забавный звук для такого огромного существа. Его когтистые лапы проскребли по грязной земле, Седрик ощутил приступ паники и едва не удрал. Но сумел трясущимися руками извлечь из маленькой сумки стеклянный флакон и вытащить из него пробку, тоже из стекла. Он ждал. Через миг из отверстия в рукояти закапала кровь – одна мерцающая капля за другой. Седрик подставил под падающие капли горлышко флакона и аккуратно собрал их все.

Его руки сильно тряслись. Он никогда не делал ничего подобного и подумал, что эти его действия куда более ужасны, чем ему казалось. Капля крови упала мимо флажки и потекла по его пальцам. Седрик поморщился и поднес горлышко флажки под самое отверстие в рукояти. Тут кровь полилась тонкой струйкой – а затем настоящей струей. «Са милостивый!» – в ужасе и восторге воскликнул Седрик. Флакон в его руке делался все тяжелее, а потом вдруг переполнился. Он отдернул сосуд. Пришлось отлить немного крови, прежде чем вставить пробку, и Седрик пожалел, что не захватил второго флакона. Он вытер окровавленные руки и штаны и аккуратно уложил добычу в сумку. Резким движением извлек нож из тела дракона и тоже убрал в сумку.

Но кровь продолжала течь.

Ее запах, странно густой и напоминающий о змеях, наполнил ноздри Седрика. Кровососы, жужжавшие вокруг него, уселись пировать на этой нежданной добыче. Они облепили рану, жадно припав к ней. Струйка крови прочертила алую полосу на плече дракона. Кровь капала со шкуры на утоптанную землю, под шеей дракона начала образовываться маленькая лужица. В лунном свете она казалась черной, но пока Седрик смотрел на расползающуюся поверхность лужи, начала краснеть. Кровь мерцала алым и багровым, и эти два цвета вращались, точно краска, которую размешивают в воде; их разделяла тонкая серебристая полоска. Седрик почувствовал, как его тянет к этой луже, и присел на корточки, зачарованный кружением цветов.

Взгляд его поднялся по тонкой струйке текущей крови, которая питала эту лужицу. Седрик протянул руку и подставил под струйку два пальца. Поток разделился и шелковой нитью оплел их. Он отдернул руку, не отводя глаз от струйки, а потом поднес окровавленные пальцы ко рту и лизнул их.

Он очнулся от вкуса драконьей крови на языке, потрясенный тем, что поддался порыву, о котором даже не подозревал. Вкус крови растекался изо рта по телу, наполняя все чувства. Седрик ощущал этот запах не только в носу, но и в горле и на нёбе. Этот запах звенел у него в ушах, язык жгло и кололо. Седрик попытался стряхнуть с пальцев оставшуюся на них кровь, потом вытер руку о рубашку. Теперь он весь испачкался в крови и грязи. А дракон продолжал истекать кровью.

Седрик наклонился и набрал горсть крови, перемешанной с грязью. Она была одновременно теплой и холодной на ощупь и кружилась – точно жидкая змея сворачивала и разворачивала кольца на его ладони. Он прижал эту горсть к ране. А когда отнял руку, тонкая струйка крови вновь потекла по шкуре дракона. Еще пригоршня грязи и еще; последнюю он плотно прижал к драконьей шее, дыша ртом от страха и усилий. Он чуял и осязал только дракона, он чувствовал дракона у себя во рту и в глотке. Он сам стал драконом. Его шея и спина были покрыты чешуей, его когти вонзались в грязь, его крылья не могли развернуться – а что это за дракон, который не может летать? Седрик, шатаясь, поднялся на ноги и неверной походкой побрел прочь от дракона. Кровь, бежавшая из раны, наконец-то остановилась.

Некоторое время Седрик стоял, свесив руки почти до колен, вдыхая ночной воздух и пытаясь прийти в себя. Когда в голове немного прояснилось, он выпрямился и вместо головокружения ощутил ужас оттого, как плохо он справился с задачей. Где его скрытность и намерение не оставлять следов? Он был весь в грязи и крови, а дракон лежал в кровавой луже. Ничего себе тонкая работа!

Он закидал лужу землей, выдрал с корнем несколько кустов болотной травы и уложил поверх, а потом набросал еще земли. Ему показалось, что это заняло несколько часов. В лунном свете не было видно, остались ли следы красной жидкости на земле или на шкуре дракона. Тварь не просыпалась. По крайней мере, она не вспомнит о его приходе.

Седрик вернулся к баркасу и попытался пробраться на борт. В течение мучительного часа ему пришлось прятаться в тени у носа корабля. Наверху Элис и Лефтрин негромко беседовали об узлах и о чем-то еще. Когда они наконец ушли, Седрик вскарабкался по веревочной лестнице и бросился в свою каюту. Там он быстро переоделся во все чистое и спрятал драгоценную кровь и чешую в ящик. Только с третьей попытки он смог тайно стереть с палубы корабля свои кроваво-грязные следы. Лефтрин и Элис едва не застали его, когда он выбрасывал в реку испачканную одежду и сапоги. Если бы эти двое не были настолько поглощены друг другом, то обязательно заметили бы его.

Но они не заметили. И сосуд с кровью, который Седрик держал сейчас в руке, был наградой за все, что ему пришлось пережить. Он смотрел на фляжку, на медленное вращение и перемещение слоев красной жидкости внутри. словно змеи, обвившиеся друг вокруг друга, подумалось ему, и перед его внутренним взором внезапно возникли призраки двух морских змеев, сплетающихся в тускло-синей глубине моря. Седрик потрянул головой, чтобы отделаться от этой картины, и отогнал внезапное желание откупорить сосуд и понюхать его содержимое.

В сундучке у него лежал воск для печатей. Нужно растопить его и запечатать им горлышко. Нужно. Но он сделает это попозже.

Созерцание сокровищ, как ни странно, успокоило Седрика. Он положил флакон обратно в потайной ящик и достал оттуда плоский пенал из кедрового дерева. Сдвинув крышку, заглянул внутрь. На тонком слое соли лежали драконьи чешуйки. Они слегка переливались в тусклом свете, проникавшем в каюту. Седрик закрыл крышку, вернул пенал в потайной ящик, потом запер его.

Вероятно, они обнаружили, что бурый дракон мертв. Седрик внезапно понял, что его не заподозрят. Он хорошо замел следы. Кровь стер, а рана от ножа была такой крошечной, что ее никто не найдет. И на самом деле он не убивал эту тварь. Все видели, что она все равно была на грани смерти. Если кровопускание ускорило смерть – что ж, это не означает, что Седрик стал его убийцей. В конце концов, это всего лишь животное, какую бы чушь ни болтала Элис. Дракон – животное, как корова или цыпленок, которых человек может использовать, как сочтет нужным.

Нет, на самом деле все совсем наоборот.

Эта мысль была такой неожиданной и чуждой, что ее вторжение потрясло Седрика. Наоборот? Человек предназначен для того, чтобы драконы использовали его, как сочтут нужным? Что за нелепица! Откуда вообще возникла эта глупая мысль?

Седрик расправил сюртук, отпер дверь и ступил на палубу «Смоляного».

Пятый день месяца Молить,

шестой год Вольного союза торговцев

От Эрека, смотрителя голубятни в Удачном, –

Детози, смотрительнице голубятни в Трехоге

Послание от торговца Кинкаррона Советам Трехога и Кассарика, в котором торговец Кинкаррон выражает недоумение и беспокойство относительно договора, заключенного помянутыми Советами с его дочерью, Элис Кинкаррон Финбок, а также требует подтверждения данного договора. Ответ нужен срочно.

Детози, торговец Кинкаррон пообещал хорошо заплатить, если его письмо и ответ на него будут доставлены как можно скорее. Если сможешь убедить кого-нибудь в Совете дать ответ не позднее чем через три дня и отправишь с самым быстрым голубем, я, пожалуй, сочту, что мы в расчете за тот горох.

Эрек

* * *

notes

Примечания

1

Бухта троса – трос, сложенный кругами или восьмерками.

2

Фальшборт – пояс обшивки выше палубы судна, выполненный как продолжение борта. Служит ограждением палубы.

3

Бак – надстройка в носовой части палубы судна.